

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ

Одесская национальная академия пищевых технологий

А. И. ПАВЛОВ

**ИДЕНТИФИКАЦИЯ
И КЛАССИФИКАЦИЯ
СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ:
теория, методология, практика**

Монография

Одесса
«Астропринт»
2015

УДК 911.373/.374

ББК 65.042

П121

В монографии определен понятийно-категориальный аппарат исследования, сформировано системное представление о сельских территориях, раскрыты теоретические и методологические основы их классификации, охарактеризованы тенденции, стратегические направления и политика интегрированного развития этих природных и социально-пространственных образований.

Издание рассчитано на научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, всех тех, кого беспокоит будущее украинского села и страны в целом.

Рецензенты:

В. В. Григорук, доктор экономических наук, профессор, академик НАН Республики Казахстан и НААН Украины, заместитель директора Казахского научно-исследовательского института экономики АПК и развития сельских территорий;

И. Г. Ушацев, доктор экономических наук, профессор, академик РАН и НААН Украины, вице-президент Россельхозакадемии, директор Всероссийского НИИ экономики сельского хозяйства;

М. А. Хвесик, доктор экономических наук, профессор, академик НААН Украины, директор Государственного учреждения «Институт экономики природопользования и устойчивого развития НАН Украины»;

А. П. Штак, доктор экономических наук, профессор, директор Республиканского научного унитарного предприятия «Институт системных исследований в АПК НАН Беларуси»

Рекомендовано к печати ученым советом Одесской национальной академии пищевых технологий (*протокол № 6 от 30 декабря 2013 г.*)

ISBN 978–966–190–962–4

© Павлов А. И., 2015

Содержание

<i>Предисловие</i>	5
--------------------------	---

Раздел 1

ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Современные научные подходы к определению сущности сельских территорий	10
1.2. Использование понятия «сельские территории» в нормотворческой практике	22
1.3. Размежевание понятия «сельские территории» с родственными и сходными понятиями	41
1.4. Сельские территории как научная категория	56

Раздел 2

СИСТЕМНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ

2.1. Теоретические основания идентификации сельских территорий	72
2.2. Сельские территории как агроэкосистема	87
2.3. Сельские территории как экономическое пространство	102
2.4. Сельские территории как социальная среда	115
2.5. Сельские территории как ментальное пространство	136

Раздел 3

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КЛАССИФИКАЦИИ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

3.1. Идентификационная роль классификации сельских территорий	154
3.2. Уровни сельских территорий	160
3.3. Разновидности сельских территорий	185
3.4. Типы сельских территорий	203

Раздел 4

**ТЕНДЕНЦИИ, СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ
И ПОЛИТИКА ИНТЕГРИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ
СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ**

4.1. Концептуальные основы развития сельских территорий	221
4.2. Тенденции развития сельских территорий	238
4.3. Стратегические направления развития сельских территорий	260
4.4. Политика интегрированного развития сельских территорий	286
<i>Послесловие</i>	307
<i>Список использованных источников</i>	315

Предисловие

Идентификация и классификация сельских территорий представляют собой процесс выявления свойств, сущностных характеристик, уровней, разновидностей и типов этих природных и социально-пространственных образований, отличающих их от других объектов.

Несмотря на большое внимание, которое в последние годы уделяется исследованию сельских территорий со стороны представителей различных научных направлений, их идентификация и классификация пока что остаются малоисследованными.

На наш взгляд, это объясняется несколькими обстоятельствами:

- некорректностью использования термина «сельские территории», учитывая его имплицитность;
- разными подходами к определению понятия «сельские территории» в странах ЕС и в Украине;
- отсутствием дефиниции «сельские территории» в отечественном законодательстве;
- непризнанием сельских территорий как отдельного объекта статистического обследования;
- неопределенностью критериев идентификации сельских территорий.

Естественно, все это накладывает определенный отпечаток на характер и уровень научного поиска в указанном направлении, ограничивая возможности исследователей на пути достижения поставленных целей.

И все же, главным сдерживающим фактором на пути повышения научности исследования сельских территорий является то, что эта категория была введена в научный оборот только с начала 2000-х годов. А первый фундаментальный труд по данной тематике, посвященный анализу социальных ресурсов сельских территорий, появился в 2003 году благодаря Л. Шепотько и возглавляемой ею группе исследователей из Института экономики НАН Украины.

До этого основное внимание уделялось изучению аграрного сектора экономики, агропромышленной интеграции, в рамках которых исследовались социальные аспекты развития села, его многофункциональность.

Выделение сельских территорий в самостоятельный объект изучения аграрной экономической науки произошло не сразу. Достаточно сослаться на формулировку темы Всеукраинского конгресса ученых экономистов-аграрников 2005 года, которая имела следующее название: «Социально-экономические проблемы развития украинского села и сельских территорий». Иначе говоря, с точки зрения организаторов конгресса село и сельские территории — это две отдельные субстанции. Поэтому неслучайно принятая в 2007 году государственная целевая программа касалась развития села, а не сельских территорий, которые в этом документе отождествлялись с социальной сферой села.

Мало что изменил в этом плане и выход нашей первой монографии «Сельские территории Украины: историческая трансформация парадигмы управления» (2006), в которой сельские территории рассматривались как гетерогенная, многоуровневая и полифункциональная система, а политика развития сельских территорий идентифицировалась как политика сельского развития. Термин «сельское развитие» был использован нами для описания процесса общественного развития, происходящего в границах сельских территорий. Такая трактовка сельского развития не получила полного понимания со стороны экономистов, но была поддержана географами, что можно объяснить их профессиональной предрасположенностью к пространственным исследованиям.

Отдельные научные сотрудники Национального научного центра «Институт аграрной экономики» УААН на этот счет выдвигали аргументы, сводящиеся к тому, что сельское развитие связано со всякого рода деятельностью, которая не выходила за пространственные пределы сельского населенного пункта.

Вскоре, как реакция на это, вышла наша монография «Сельское развитие в Украине: теория, практика, политика, управление» (2008). Нужно, сказать, что еще за два-три года до ее публикации мы обрели единомышленников, в числе которых были академики В. Юрчишин, А. Онищенко и П. Саблук, члены-корреспонденты НАН Украины Е. Бородина и УААН И. Прокопа, опубликовавшие в эти годы ряд фундаментальных работ, положивших начало территориальному подходу к исследованию села.

Складывающиеся обстоятельства побудили нас обратиться к теме, связанной с исследованием комплексного развития сельских территорий, в результате чего в 2009 году вышла монография «Сельские территории Украины: функционально-управленческая модель».

Постепенно исследование сельских территорий оформилось в самостоятельную ветвь аграрной экономической науки, свидетельством чему стала защита нескольких докторских и достаточно большого количества кандидатских диссертаций. Их авторы представляли как академические научно-исследовательские учреждения, так и высшие учебных заведения, находящиеся в различных регионах Украины. Признанными научными центрами, занимающимися исследованием данной проблематики, являются: Национальный научный центр «Институт аграрной экономики» НААН Украины, Государственные учреждения «Институт экономики и прогнозирования НАН Украины» и «Институт экономики природопользования и устойчивого развития НАН Украины», а также Институт региональных исследований НАН Украины. Наиболее многочисленная группа исследователей сельских территорий сложилась в столице Украины. Кроме уже упомянутых ученых, существенный вклад в научную разработку концептуальных основ устойчивого развития сельских территорий внесли — Н. Малик, М. Хвесик, управленческих аспектов — М. Кропивко, А. Лисовой, занятости населения — В. Диесперов, Д. Крысанов, В. Рябоконь, социально-экономических преобразований — И. Кириленко, Ю. Лупенко, ресурсного потенциала — В. Ермоленко, М. Орлатый, социальной сферы — В. Терещенко, К. Якуба и др. Плодотворно работают над сельско-территориальной проблематикой Н. Барановский (г. Нежин), В. Борщевский, Ю. Губени, О. Костырко, П. Музыка, Х. Пригула (г. Львов), Р. Косодий, Л. Михайлова, Е. Мишенин, Е. Славкова (г. Сумы), Т. Зинчук, Н. Куцмус (г. Житомир), И. Гончаренко, А. Ключник (г. Николаев) и др.

Характерной особенностью последних лет является расширение тематики исследований, активное участие в изучении различных аспектов развития сельских территорий не только экономистов, а и географов, юристов, социологов, что свидетельствует о междисциплинарном характере исследуемой проблемы.

В то же время значительно отстает от современных требований уровень разработки институциональных основ развития сельских территорий. Недостаточно опубликовано работ, посвященных анализу экологической составляющей сельских территорий.

В целом сложилась ситуация, характерная для периода подъема нового научного направления, когда рост количества публикаций не всегда сопровождается достаточным уровнем их научности.

Таким образом, сложившаяся ситуация обусловила выбор темы настоящего исследования, предопределив и его структуру.

Как любая научная работа, монография начинается с раздела о понятийно-категориальном аппарате исследования. Однако — это только начальный этап процесса идентификации сельских территорий, требующий первоочередного анализа современных научных подходов, которые являлись отправными пунктами определения сущности этих природных и социально-пространственных образований. Полнота представлений о содержательной стороне сельских территорий определяется адекватностью их отражения в законодательных и нормативно-правовых актах, нормотворческой практике в целом. Классификации сельских территорий предшествует процедура размежевания данного понятия с родственными и сходными понятиями. Не менее важен и учет вклада в научную разработку данной проблемы представителей разных научных направлений.

Системное представление о сельских территориях формируется через их позиционирование в контексте структурных компонентов как агроэкосистемы, экономического пространства, социальной среды, ментального пространства.

Остов исследования составляет классификация сельских территорий через выделение их уровней, разновидностей и типов. Завершающая часть работы связана с определением тенденций, стратегических направлений и содержания политики интегрированного развития сельских территорий. Этот раздел монографии, хотя и содержит элементы теории, все же больше имеет прикладное значение, поскольку определяет пути и способы возрождения сельских территорий.

Объектом исследования выступают сельские территории Украины. Вместе с тем, в работе фрагментарно освещаются процессы, происходящие на сельских территориях Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан. При сравнительном анализе тенденций развития сельских территорий указанных стран были использованы результаты исследований наших зарубежных коллег. Особое значение уделено работам ученых указанных стран, имеющим теоретический характер.

Далеко не праздный вопрос — это адресат монографического исследования. Если в первых трех книгах, изданных ранее, основная ставка делалась на органы государственной власти и местного самоуправления, призванные по своему статусному положению прояв-

лять первостепенную заботу о возрождении и развитии сельских территорий, то теперь эти иллюзии исчезли.

Сегодня украинский народ достиг той фазы своего существования, когда остается только надеяться на чудо. Однако нельзя допустить, чтобы спасение утопающих (сельских территорий и проживающих на них) осталось делом самих утопающих.

Выбор языка книги был сделан сознательно и заблаговременно. Об этом косвенно свидетельствует и персональный состав рецензентов. То есть монография изначально была ориентирована на украинских, белорусских, казахских, российских читателей.

Одна из причин, по которой было отдано предпочтение русскому языку, заключается в необходимости преодоления сложившегося стереотипа меньшей значимости результатов исследований ученых из постсоветских республик по сравнению с публикациями их российских коллег. Исходя из этого, нами предпринята попытка «наведения мостов» посредством ознакомления российской научной общественности с работами их украинских коллег.

Выражаю благодарность рецензентам — академикам Владимиру Григоруку — этническому украинцу, бросившему якорь на благодатной казахстанской земле, Ивану Ушачеву — в прошлом ректору Одесского сельскохозяйственного института, Михаилу Хвесу — самому спортивному академику, профессору Александру Шпаку — уроженцу Днепропетровщины.

Выход книги приурочен к 60-летию кафедры экономики промышленности Одесской национальной академии пищевых технологий, где ее автор заведует кафедрой, а ранее еще и исполнял обязанности директора Учебно-научного института прикладной экономики и менеджмента имени Г. Э. Вейнштейна.

ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. СОВРЕМЕННЫЕ НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СУЩНОСТИ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Сельские территории являются реальным материальным объектом, развивающимся в пространстве и времени и отражающимся в человеческом сознании в процессе познавательной деятельности. С точки зрения гносеологии полнота знаний о данном, как и о любом другом объекте окружающей действительности, не ограничивается эмпирическим уровнем познания, достигая своего совершенства на теоретическом уровне. Теоретический уровень познания позволяет выделить существенные признаки, свойства и отношения объекта познания.

Исходной формой абстрактного мышления, как формы теоретического уровня познания, является понятие, в котором отображаются существенные свойства, связи и отношения объекта познания. В процессе мышления различаются: предмет понятия (независимый от мышления объект); объем понятия (совокупность предметов и явлений, охваченных данным понятием); содержание понятия (совокупность объединенных в нем признаков одного или нескольких предметов). Содержание и объем понятий являются формой отражения предмета понятия.

Знаковой формой понятия является слово, которое имеет внутреннюю (значение слова — заключенные в нем смысл и содержание) и внешнюю (звучание — материальная оболочка) стороны. Значение слова и заключенное в нем понятие взаимосвязаны, но они не идентичны. Если понятие в слове всегда одно, то значений у слова может быть несколько. Многозначность слова определяется через контекст.

Для установления связи между словами и заключенными в них понятиями важное познавательное значение имеет выяснение происхождения слов, их источников и изменение их значения во времени.

В словосочетании «сельские территории» ключевым является слово «территории», а уточняющим — «сельские». Учитывая это, це-

лесообразно в первую очередь выяснить происхождение и значения слова «территории».

Территория (лат. *territorium*, от *terra* — земля, область) — часть земного пространства, ограниченная какими-либо пределами, границами. Речь идет о природных, государственных, административных или условных границах, которые, по определению Э. Алаева [6, с. 67], характеризуются протяженностью, как специфическим видом «пространственного» ресурса, площадью, географическим положением, природными условиями, хозяйственной освоенностью. Хотя приведенное определение, как и любое иное, не исчерпывает всех характеристик территории, часть из которых выходит за рамки пространственных (физические, антропные, временные), в нем акцентируется внимание на территории, отличающейся от пространства субстанциональностью и определенными координатами, в границах которой осуществляется конкретная человеческая деятельность. Вид этой деятельности во многом определяет отличительные признаки той или иной территории.

Уточняющая составляющая рассматриваемого словосочетания — «сельские» определяет соответствующую территориальную подсистему пространственной организации общества. Такая привязка термина «сельские» к территориям свидетельствует о его пространственно-прикладном характере и подчиненной роли в указанном словосочетании. В то же самое время этот термин указывает на отличительные характеристики данных территорий. Для конкретизации этих характеристик необходимо выяснить происхождение и значения слова «сельские».

Слово «сельские» происходит от старославянского «село» — земля, поле, дворы, строения, населенное место. В латинском языке аналогом термина «село» является слово *rūs, rústicus* — сельский, крестьянский, провинциальный, грубый. Таким образом, слово «сельские» соотносится с селом и всем, что производно от него.

Слово «село», по В. Ключевскому [99, с. 202], первоначально означало собственно пашню, а уже потом поселение землепашцев. Иначе говоря, исторически термин «сельские» ассоциируется с видом хозяйственной деятельности, а не с сельскими поселениями, возникшими, как известно, раньше, чем города. Именно по этой причине отраслевой признак закрепился в общественном сознании как идентифицирующий данный пространственный сегмент территории. А с формированием городской поселенческой сети в дихото-

мии «село — город» опять-таки индикатором руральности (от англ. rural — «сельский») выступило занятие земледельческим (сельскохозяйственным) трудом. Тем самым уточняющая часть словосочетания «сельские территории», после его введения в научный оборот в 1990-е годы, приобрела статус доминирующей, придав ему сугубо отраслевой оттенок, оставив без внимания его другие значения.

Вместе с тем, судя по происхождению и значению словосочетания «сельские территории», их сущность не ограничивается каким-либо одним отличительным признаком. Для ее выяснения необходимо использовать комплекс научно-исследовательских подходов.

Научные подходы, представляющие собой принципы, способы, методы получения новых знаний и решения исследовательских задач, составляют инструментарий методологии познания. Определяя исследовательские средства, последовательность познавательных операций, методология с помощью научных подходов интегрирует в единое целое представление об объекте исследования. В свою очередь, объект исследования, принимая во внимание его структуру и функции, играет активную роль в выборе специальных научно-исследовательских подходов, отражающих его сущностные характеристики. Наконец, применение тех или иных подходов связано с предметным полем каждой конкретной научной отрасли и направлением, руководствующимися в своей исследовательской деятельности собственным познавательным инструментарием.

Принимая во внимание сложный состав термина «сельские территории» следует признать, что определение их сущности требует использования как общенаучных, так и специальных научно-исследовательских подходов.

К общенаучным подходам, используемым при исследовании сельских территорий, следует отнести системный, синергетический, исторический, терминологический, структурно-функциональный, информационный, аксиологический и антропологический.

Системный подход основывается на представлении о сельских территориях как системе. Система — это упорядоченное множество взаимосвязанных элементов, составляющих целостное единство, которому присущи такие свойства как целостность, упорядоченность, иерархичность, целесообразность, самоупорядоченность, развитие, взаимодействие с окружающей средой. Основу системного подхода составляет общая теория систем, в разработку которой существенный вклад внесли А. Богданов [22] и Л. фон Берталанфи [334, с. 40]. Пер-

вый из них вошел в историю науки как основоположник тектологии (наука об организации), определив систему как организованное целое. Формально основателем общей теории систем считается Л. фон Бергаланфи, который после А. Богданова применил методологию холизма, в соответствии с которой организованное целое не поддается научному описанию как простая совокупность его элементов. Более того, сами эти элементы находят свое объяснение только через систему как целое, в которую они входят. Итак, система как целостность приобретает новые свойства и качественные характеристики, которые не присущи каждому из ее элементов в отдельности.

Согласно системному представлению об объекте сельские территории одновременно являются системой и не являются таковой. Так, с точки зрения релятивизма (от лат. *relativus* — относительный), характеризующего объект в отношениях с другими объектами, сельские территории не являются собственно системой, а входят в состав единой территориальной организации общества как ее подсистема. С позиции атрибутивности при характеристике сельских территорий на первый план выходят отношения их составных частей между собой. Такое позиционирование сельских территорий зависит от выбора содержательного поля данного объекта, устанавливаемого путем определения его концепта, структуры и субстрата. Концепт (от лат. *conceptus* — понятие) — это определенное свойство или определенные отношения, то есть определенность, с которой собственно и начинается конструирование системного представления об объекте исследования. Структура (от лат. *structura* — строение, порядок), с одной стороны, — это совокупные свойства элементов системы; и системообразующие отношения, формирующиеся вследствие взаимодействия этих элементов — с другой. Субстрат (от лат. *substratum* — основа) системы — это вещь, или иначе говоря элементы, через которую реализуется структура. Поэтому неслучайно в философской литературе системное представление об объекте трактуется как процедура преобразования всякого объекта на субстрат для определенной структуры, отвечающей наперед фиксированному концепту [334, с. 57].

Другим исследовательским подходом, который приобрел за последние годы значение общенаучной познавательной парадигмы является синергетический подход. Его основатель, Х. Хакен, определил синергетику как науку, которая выделяет системные компоненты, отличающиеся сложным взаимодействием между собой. Развитие та-

ких сложных систем, к которым относятся сельские территории, как поликомпонентное природное и социально-пространственное образование, отличается нелинейностью и неуравновешенностью вследствие наличия внутренних противоречий и влияния внешней среды. В таких условиях объект постепенно утрачивает равновесие и устойчивость, ослабляется самоорганизация системы, нарушаются устоявшиеся связи между ее элементами, усиливается непредсказуемость, хаотичность развития. Поскольку внутренние механизмы саморегулирования системы, сработавшие в условиях упорядоченного развития, уже не в состоянии адекватно реагировать на происходящие изменения, система переходит в состояние флуктуации (балансирования на грани распада внутренних связей). Критической фазой развития системы в фазе ее флуктуации является бифуркационный взрыв, после чего направление развития объекта начинает приобретать вероятностный характер. Философы [57, с. 111] оценивают состояние бифуркации как точку развития системы, свидетельствующую об альтернативности развития объекта. Актуальность синергетического подхода трудно переоценить для систем, находящихся в состоянии общественной трансформации. Именно это состояние перманентного реформирования свойственно современному украинскому обществу в целом и его сельской территориальной подсистеме в частности.

Исторический подход предполагает исследование исторических условий, определение этапов становления и развития объекта. Это существенно повышает достоверность научных знаний. Учет данного замечания важен не только по отношению к объекту изучения, а для анализа научных концепций, приемов, методов, которые используются в процессе познания объекта. Применительно к сельским территориям актуальным является как анализ их исторической эволюции, так и изменение во времени научных представлений о них.

Терминологический подход предполагает изучение происхождения терминов и обозначаемых ими понятий, разработку или уточнение содержания и объема понятий, установление связей между ними, их места в понятийном аппарате теории, на основе которых осуществляется исследование. Определение объема и содержания понятия осуществляется через родовый признак и ближайшее видовое отличие. Как правило, вначале определяется родовое понятие, затем указывается признак понятия, который отличает его от всех ему подобных. В свете изложенного процедура определения сущности сельских

территорий предполагает уточнение их понятийно-категориального аппарата в контексте родственных понятий.

Основоположную роль в идентификации сложных систем играет структурно-функциональный подход. Его сущность состоит в выявлении структурных элементов исследуемого объекта и определения их роли (функций). Именно элементы и связи между ними составляют структуру объекта. При этом каждый элемент выполняет свойственную только ему функцию. Если структура характеризует объект в статике, то функции — в динамике. Между структурой и функциями существует определенная зависимость: определение функций предполагает предварительное выделение с последующим описанием составных частей объекта — элементов, подсистем, их свойств и взаимосвязей. Чем сложнее структурное строение, тем большее число функций он выполняет. Учитывая сложный состав термина «сельские территории», можно предположить, что эти природные и социально-пространственные образования имеют сложную структуру и соответственно выполняют несколько функций. Прежде всего, речь идет об их определяющей роли в жизнеобеспечении (производство продовольствия), жизнедеятельности (обеспечение условий и достаточного качества жизни сельского населения), природоустройстве (освоение, защита окружающей природной среды).

В свете информационного подхода сельские территории предстают как сложная многоуровневая информационная система, которую образуют три взаимосвязанные подсистемы: «природа», «человек», «производство». Центральное место в ней занимает информационная подсистема «человек», посредством которой осуществляется взаимодействие с другими информационными подсистемами. Это обусловлено не только биосоциальной природой человека, а и его преобразующей ролью в общественных изменениях как существа разумного.

Аксиологический подход основывается на ценностных качествах и свойствах предметов, явлений, процессов, их способности формировать соответствующие нормы, идеалы и удовлетворять общественные потребности. Общественная польза, ценность и значимость территорий не ограничивается их экономическим эффектом и далеко не всегда поддается стоимостной оценке. Их роль в сохранении села и крестьянства как носителей духовности, национальной идентичности, государственности, преобразовании культурного ландшафта, охране природно-заповедного фонда, предотвращении негативных явлений техногенного характера еще не получили надлежащего об-

ществленного признания. Вместе с тем, с утверждением в общественном сознании ноосферной парадигмы В. Вернадского [198, с. 68], все более возрастает значение виталистических ценностей, а следовательно, возникает объективная потребность в формировании соответствующего мировоззрения, преодолевающего экономический детерминизм и технократизм при оценке смысла жизни.

Антропологический подход акцентирует внимание на человеке как на производителе материальных и духовных благ, существе разумном. При этом человек выступает как цель и средство общественного развития. Одновременно человек остается частью биосферы, являясь существом не противоположным природе, а продуктом ее биосферной эволюции. Данное замечание имеет первостепенное значение для человека сельского. Как точно подметил В. Вернадский [33, с. 348–349], открыв для себя земледелие, человек изменил течение всех геохимических реакций. Однако, приведя в состояние непрерывных потрясений лик планеты, человек при этом не достиг необходимой обеспеченности своей жизни. Достигнув черты истощаемости природных ресурсов, человек не добился баланса в распределении богатств, дающего основной массе человечества условия жизни, отвечающие нравственным и религиозным идеалам.

Достичь этой цели в разрезе сельских территорий возможно благодаря внедрению в общественное сознание сельскоцентризма — мировоззренческого принципа, который предполагает подчинение задач устойчивого развития этих территорий интересам сельского населения.

Прежде чем перейти к характеристике специальных научных подходов, раскрывающих сущность сельских территорий, отдельно рассмотрим дихотомную парадигму «город — село», доминирующую в исследовательской практике вплоть до введения в научный оборот понятия «сельские территории».

Название данной дихотомии свидетельствует о ее территориальном (поселенческом) контексте. Хотя в действительности более значимым представляется не столько само противопоставление города селу, сколько объяснение самой природы противоположности между городом и деревней. В классической политической экономии эта противоположность выводилась из исторического разделения труда и необходимости развития рыночного обмена промышленной и сельскохозяйственной продукции. Таким образом, была положена традиция идентификации дихотомии «город — село» с дихотомией

«промышленность — сельское хозяйство», что значительно сужало природу и проблематику сельско-городских отношений. Перевод основателями марксистско-ленинского учения проблемы, связанной с противоположностью между городом и деревней в политическую плоскость, трансформировался в классовую трактовку указанной противоположности как экономической эксплуатации деревни городом. В условиях социализма эта проблема, наряду с различиями между рабочим классом и крестьянством, людьми умственного и физического труда, стала классифицироваться как существенные социальные различия. Со временем проблема преодоления существенных различий между городом и селом стала рассматриваться под углом зрения приближения уровня социально-экономического развития села к городскому уровню, а проблема отставания сельского хозяйства от промышленности — в контексте сближения государственной и колхозно-кооперативной форм собственности, а их обоюдное разрешение как шаг на пути становления социальной однородности общества. Достижение этой цели обосновывалось, с одной стороны, необходимостью оказания шефской помощи городом селу и направлению бюджетных средств на экономическое укрепление колхозов и совхозов, призванных решать на селе весь комплекс проблем экономического, политического, социального и культурного характера — с другой. По сути предполагалось решить задачу преодоления существенных различий между городом и селом за счет «подтягивания» села до уровня города посредством ускоренного развития сельского хозяйства и агропромышленной интеграции. Иначе говоря, была сделана ставка на решение проблем территориального развития за счет модернизации аграрной отрасли. Такой подход был присущ и европейским странам, он осуществлялся в рамках концепции сближения [132], которая связывала сельское развитие исключительно с сокращением различий между наиболее отсталыми сельскими районами и остальными территориями.

Раскрытие сущности сельских территорий с позиции дихотомии «город — село» привело не только к смешению территориально-поселенческой и отраслевой проблематики, но и способствовало доминированию отраслевого подхода в сельско-территориальной исследовательской практике.

К специальным научным подходам относятся такие, которые непосредственно связаны с названием и природой объекта исследования — сельскими территориями. С их помощью углубляются и дета-

лизируются знания о сущностных характеристиках объекта. Полнота и достоверность научных представлений об объекте достигается за счет комплексного использования общенаучных и специальных исследовательских подходов. Соблюдение принципа совмещения и согласованности научных подходов в первую очередь актуально для специальных исследовательских подходов, за счет чего достигается их количественная оптимизация и содержательная универсализация.

Принимая во внимание высказанное замечание, которое имеет важное методологическое значение, представляется целесообразным свести всю совокупность научных подходов к двум — отраслевому (секторному) и территориальному, адекватным названию объекта исследования. При этом первый из них не ограничивается сельскохозяйственной отраслью, а второй не сводится к сугубо пространственному аспекту. В отечественной и европейской исследовательской практике первоначально доминировал отраслевой подход, основанный на модернистской парадигме, акцентирующей основное внимание на трансформации сельского хозяйства и агропромышленного комплекса. Он господствовал в Европе до первой половины 1980-х годов. Среди аргументов, оправдывающих приоритетность отраслевого подхода, приводятся следующие: на долю сельского хозяйства приходится 80 % территории ЕС; отрасль выполняет не только производственную функцию; необходимость структурной адаптации отрасли к новым вызовам времени [132]. В постсоветских республиках общественные ожидания от сельского хозяйства связывались с обеспечением населения продовольствием, а перерабатывающей промышленности сырьем.

Длительное время в научных исследованиях уозость сельскохозяйственных экономических взаимосвязей на сельских территориях компенсировалась доводами в пользу эффекта мультипликации, оказываемого сельским хозяйством на темпы развития пищевой промышленности, сельскохозяйственного машиностроения, сервиса [327, с. 34; 24, с. 75]. Фактором, сопутствующим этому процессу, выступало создание вертикально интегрированных агроформирований, в том числе холдингового типа.

Постепенно на смену установке, рассматривающей сельское хозяйство как базовую отрасль сельских территорий, в основе которой находился агроцентризм, в начале 1990-х годов пришла концепция полифункционального развития села [326]. Тем самым были выдвинуты аргументы, подтверждающие тенденцию дифференциации

экономической деятельности на селе, воплотившиеся во введении в научный оборот понятия «сельский сектор» [291, с. 11, 12, 14]. Данная научная категория «расширяла» аграрный сектор за счет отнесения к сельской экономике наряду с сельским хозяйством и перерабатывающей промышленностью также неаграрных видов хозяйственной деятельности.

Примечательно, что идея полифункционального развития села была учтена при разработке Концепции Национальной программы возрождения села на 1995–2005 годы [240]. Ее основные положения сводились к формированию многоотраслевой производственной сферы; трансформации основной функции села — производства сельскохозяйственного сырья — в функцию обеспечения общества продовольствием, что предусматривало постепенное перемещение в сельскую местность преобладающей части перерабатывающей, пищевой промышленности; необходимости полного использования природно-ресурсного, производственного, социального потенциала сельского сектора для увеличения занятости сельского населения; коренного изменения жизненной среды жителей села. Несмотря на то, что программа содержала целый ряд положений, выходящих за рамки сугубо отраслевого подхода к сельско-территориальному развитию, тем не менее, по своей сути, они представляли собой факторы территориальной организации сельской экономики.

С утверждением социоэкономической парадигмы стимулирование развития сельскохозяйственного производства стало увязываться и согласовываться с другими элементами сельского уклада жизни: производственной и социальной инфраструктурой, сферой бытового обслуживания, несельскохозяйственными отраслями производства и народными промыслами, агроконсалтингом, системой телекоммуникаций и пр. [25, с. 15].

И все же доминирование отраслевого подхода исключало саму постановку вопроса о территориальном подходе как способе идентификации сельского пространственного сегмента. Даже в современной научной литературе, в условиях активного использования термина «сельские территории», практикуется прием их определения как территорий, находящихся за пределами городов, к которым относятся как сельские населенные пункты, так и преимущество зоны сельскохозяйственного производства и сельской застройки [328, с. 25]. Способ определения сельских территорий по принципу «от противного» использован в Генеральной схеме планирования территории

Украины [223], в которой территории дифференцированы по видам и режимам их преимущественного использования на такие, которые характеризуются агропромышленным производством и сельской застройкой (зона сельского хозяйства) в противовес территориям с интенсивной промышленной, городской, жилищной и хозяйственной застройкой (зона урбанизации). Подобная дифференциация территорий является некорректной и неполной, поскольку в ее основу положены разные критерии: отраслевой — в первом случае и процессный — во втором. Указанная традиция идентификации сельских территорий типична и для законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь.

Сдерживающим фактором, негативно отразившимся на активном использовании в научном обиходе термина «сельские территории», является инерция мышления. Сформировавшиеся в советские годы идеологические штампы и запреты на инакомыслие накладывали табу на «увлечение» запретными темами, к разряду каковых относились территориальная и региональная проблематика. Сегментирование, локализация единого пространства даже на умозрительном уровне расценивались как проявление центробежной тенденции и, в известном смысле, как угроза государственной целостности. В новых исторических условиях формирования постсоциалистических суверенных государств возрос общественный спрос на пространственно-территориальные исследования, который остается еще до конца не выполненным.

Несмотря на ограниченность отраслевого (секторного) подхода к определению сущности сельских территорий, проявившегося в попытке ее определения исключительно через аграрную деятельность, его не следует противопоставлять территориальному подходу.

В свете территориального подхода сельские территории предстают в самом широком их понимании: как соответствующая территориальная подсистема общества с ее экономической, социальной, экологической составляющими. Это понятие, по мнению белорусского исследователя Н. Шингеля [347], целиком разделяемого нами, обозначает не просто пространство, а комплексное природно-антропогенное образование, в которое входят естественные природные компоненты этого пространства, а также социально-экономическая инфраструктура, включая различного типа населенные пункты, территории за пределами поселений, то есть все объекты социального, экономического и экологического назначения. Такая трактовка сельских территорий совпа-

дает с их оценкой как собственно территориально-пространственных, территориально-административных, природно-сферных, социальных, производственно-хозяйственных, природоохранных образований, содержащейся в материалах Седьмого собрания Всеукраинского конгресса ученых экономистов-аграрников (2005) [301, с. 8–9].

Подобное понимание сельских территорий освобождает от необходимости использовать наряду с территориальным подходом, идентифицирующим объект исследования таких его разновидностей как пространственный [295, с. 10], организационно-производственный, поселенческо-сетевой [67, с. 53, 54], экономический, природно-географический, аграрный, административно-управленческий [75, с. 195] и др.

Пространство, занимаемое сельскими территориями, является неоднородным. Это определяется их интегральным потенциалом (природные, трудовые, производственные, финансовые, научные, интеллектуальные, информационные ресурсы, сама территория как поле взаимодействия общественных и природных компонентов, включая ее местоположение), а также территориальной структурой хозяйства и расселения населения [140, с. 33, 35].

В отличие от структуры сельских территорий, которая является примерно одинаковой для всех территорий, их интегральный потенциал определяет специфику и уровень развития каждой из них. В первую очередь это относится к такой составной части интегрального потенциала территорий, как природные ресурсы, которые играют решающую роль в определении функций этих природных и социально-пространственных образований. Так, такой универсальный ресурс, как земля, благодаря ее плодородию является средством производства в сельском и лесном хозяйстве. Земельные ресурсы используются также как пространственный базис для размещения хозяйственных и социально-культурных объектов, инфраструктуры, расселения населения. Эффективность освоения и использования территории во многом зависит от трудовых ресурсов, их профессиональной подготовки, культурно-образовательного уровня, навыков и умений.

Своеобразным маркером территориальности выступает местоположение сельских территорий.

Место, занимаемое той или иной территорией в географическом пространстве, указывает на ее размещение относительно мегаполисов, транспортных магистралей, сырьевых источников. В зависи-

мости от местоположения сельские территории приобретают статус центральных, полупериферийных или периферийных [190, с. 16].

Социо-эколого-экономический каркас территорий формирует территориальная структура хозяйства и расселения населения, без которых ресурсный потенциал не получает должного применения.

Использование территориального подхода в определении сущности сельских территорий дает возможность преодолеть упрощенное узкоотраслевое восприятие их как исключительно ресурсной базы функционирования и развития сельского хозяйства, позволяет сформировать системное представление об этих природных и социально-пространственных образованиях.

Комплексное использование отраслевого и территориального подходов оправдано тем, что хотя сельское хозяйство и сельские территории имеют разные источники общественного воспроизводства и функционируют по своему алгоритму, они соотносятся между собой как часть и целое.

Для понимания сущности сельских территорий важно выяснить то, как они определяются в нормотворческой практике.

1.2. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «СЕЛЬСКИЕ ТЕРРИТОРИИ» В НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Закрепление в нормативно-правовых актах понятия «сельские территории» дает представление о том, как органы законодательной и исполнительной власти определяют приоритеты их развития. То есть речь идет об институциональных (от англ. *institude* — порядок, правила) основах развития сельских территорий.

С этой целью целесообразно осуществить сравнительный анализ законов и подзаконных актов Украины и других постсоветских республик на предмет их адекватности социально-экономическому состоянию сельских территорий, их сущностным характеристикам. В анализ включены прежде всего отечественные нормативно-правовые акты, а также акты Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации, между которыми существует сходство по важности значения сельского хозяйства и сельских территорий в их стратегиях развития [165, с. 394–395].

В отечественной нормотворческой практике первое упоминание термина «сельские территории» датируются 29 апреля 1998

года и связано оно с подписанием Указа Президента Украины «Об Основных направлениях развития агропромышленного комплекса Украины» [249]. В этом подзаконном акте содержится Раздел XI «Осуществление социальных преобразований на селе», в котором речь идет о направленности государственной социальной политики на формирование полноценной жизненной среды, обеспечение экономических и социальных интересов сельского населения, комплексное развитие сельских территорий, повышение престижности труда в сельском хозяйстве. Использование в данном документе термина «сельские территории» носило скорее декларативный характер, чем несло какую-либо смысловую нагрузку. Более того, этим Указом был подтвержден курс государства на разрушение сложившейся в советские годы системы финансирования социальной сферы села за счет средств хозяйств. В частности, в нем поставлена задача способствования первоочередной передаче объектов социальной инфраструктуры птицефабрик, специализированных предприятий по производству животноводческой продукции, других предприятий агропромышленного комплекса в коммунальную собственность, создания в селах хозрасчетных подразделений по содержанию объектов непроизводственной сферы и оказанию жилищно-коммунальных услуг населению.

В этой связи следует обратиться к Закону УССР «О приоритетности социального развития села и агропромышленного комплекса в народном хозяйстве» [255], принятому в 1990 году. В нем впервые была обоснована общественная потребность в возрождении крестьянства как хозяина земли, носителя морали, национальной культуры и поддержке труднедостающих и приходящих в упадок сельских населенных пунктов. В связи с этим государство взяло на себя обязательство защиты сельской поселенческой сети независимо от категории, величины и места расположения сельских населенных пунктов. Поэтому все преобразования сельских поселений, связанные с их объединением, разъединением, переименованием, изменением статуса, могли осуществляться только по воле жителей этих поселений.

Этот подход получил свое развитие в Концепции Национальной программы возрождения села на 1995–2005 годы [240], содержащей в качестве одного из своих приоритетов — формирование полноценной жизненной сферы в сельской местности за счет реализации соответствующих отраслевых и региональных программ, направленных на сбалансированное социально-экономическое развитие села и

города, первоочередное разрешение социальных, демографических проблем села, повышение занятости его населения. К новациям данного нормативно-правового акта также следует отнести оперирование его разработчиками такими категориями как «хозяйственная территория», «сельские районы», «сельские регионы», используемыми в их привязке к сельской поселенческой сети, жизненной среде и производственной сфере сельской местности — соответственно. При этом указанные термины подаются в данном документе без их содержательного наполнения. Однако очевидным является, что использование двух последних терминов не совсем корректно, поскольку речь должна идти в первом случае об административных районах, а сельских регионов не существует вообще.

Первое упоминание о таком типе сельских территорий, как депрессивные, встречается в Указе Президента Украины 2000 года «Об основных началах развития социальной сферы села» [248]. В нем преодоление депрессивности этих территорий связывается с регулированием трудовой миграции сельского населения путем его переселения на эти территории из трудоизбыточных регионов. Предполагалось, что таким образом можно остановить упадок села, достичь его социального возрождения и повышения эффективности аграрного производства, полноценного воспроизводства украинской нации.

В Концепции Общегосударственной программы социального развития села на период до 2011 года [265] содержится положение о необходимости введения государственных социальных нормативов с учетом характера расселения и региональной специфики проживания людей в сельской местности, что является важной предпосылкой не только дифференциации уровня развития сельских территорий, но и их классификации.

Нормотворческая практика классификации территорий получила развитие в Генеральной схеме планирования территории Украины [223]. Так, по видам и режимам их преимущественного использования отдельно выделены территории, характеризующиеся агропромышленным производством и сельской застройкой (зона сельского хозяйства). Несовершенство такого деления заключается в подмене поселенческо-межотраслевого признака сугубо отраслевым. Здесь было бы уместнее использовать термин «сельские территории», а не «зона сельского хозяйства». Кроме этого, в Генеральной схеме отдельно определены задачи перспективного развития населенных пунктов для сел, расположенных вблизи центров системы расселения; для

сел, имеющих значительный природный и историко-культурный потенциал, а также для таких, которые связаны преимущественно с сельскохозяйственным производством.

Терминологической направленностью отличается Закон Украины «О регулировании градостроительной деятельности» [256], в котором дано определение территории как части земной поверхности с воздушным пространством и размещенными под ней недрами в указанных пределах (границах), которая имеет определенное географическое положение, природные и созданные в результате деятельности людей условия и ресурсы. Из этого следует, что сельский территориальный сегмент пространства отличается специфическими природными ресурсами и условиями, видом хозяйственной деятельности и производными от них типом поселений и образом жизни населения. В Законе также содержится следующее определение пригородной зоны как территории, которая обеспечивает пространственное и социально-экономическое развитие города.

Отдельного внимания заслуживают нормативно-правовые акты, формирующие институциональную среду функционирования сельских территорий. В первую очередь это касается Закона Украины «Об основных началах государственной аграрной политики на период до 2015 года» [246], принятого в октябре 2005 года. В нем декларируется направленность аграрной политики на обеспечение устойчивого развития аграрного сектора национальной экономики, что в полной мере соответствует общественному предназначению этой политики. Возражение вызывает позиционирование в качестве одной из целей и составляющих государственной аграрной политики комплекса правовых, организационных и экономических мероприятий, направленных на обеспечение комплексного и устойчивого развития сельских территорий. К одному из многочисленных приоритетов аграрной политики отнесена разработка и реализация государственных и региональных программ комплексного развития сельских территорий, а один из путей реализации указанной политики заключается в реализации программ стимулирования развития депрессивных территорий. Вместе с тем программа комплексного развития сельских территорий не содержит мероприятий экологического содержания, что свидетельствует о декоративности первой статьи Закона, в которой говорится об устойчивом развитии сельских территорий. А акцентирование внимания на консолидирующей роли аграрной политики в осуществлении общегосударственной и региональной политики в

аграрном секторе только подтверждает намерение законодателя приравнять аграрный сектор экономики к сельской территориальной подсистеме общества. Из этого можно заключить, что проблемы развития сельских территорий предполагается решать средствами отраслевой аграрной политики, между тем как сельские территории являются природными и социально-пространственными образованиями, требующими использования методов территориальной политики.

В контексте положений ранее анализируемого Закона уместно обратить внимание на Положение о Министерстве аграрной политики и продовольствия Украины, которое определяет это ведомство как главное в системе центральных органов исполнительной власти по вопросам формирования и обеспечения реализации: государственной аграрной политики, политики в сфере сельского хозяйства и по вопросам продовольственной безопасности государства; государственной политики в отраслях рыбного хозяйства [212].

Целевое назначение указанного отраслевого Министерства несколько расходится с функциями структурных подразделений агропромышленного развития местных государственных администраций. Согласно Приказу Министерства аграрной политики и продовольствия Украины [234] на эти подразделения в числе других возложена задача участия в формировании и реализации социальной политики на селе, устойчивого развития регионального агропромышленного рынка и сельских территорий региона, а также участия в пределах своей компетенции в комплексном развитии сельских территорий, осуществлении мероприятий по улучшению демографической ситуации в регионе, координации деятельности соответствующих служб по вопросам реализации социальной политики на селе, содействию реализации государственной политики в сфере занятости сельского населения. Таким образом, в данном регламентирующем документе хотя и используется термин «сельские территории», однако забота об их развитии перекладывается на отраслевые структурные подразделения областных и районных государственных администраций.

В соответствии с законодательством Украины выполнение функции осуществления политики развития сельских территорий возлагается также на Министерство регионального развития, строительства и жилищно-коммунального хозяйства Украины, хотя в соответствующем Положении о данном министерстве термин «сельские территории» даже не упоминается [235]. В целом в нормативно-правовых актах, регулирующих региональную политику, в том числе и в Кон-

цепции государственной региональной политики [239], отсутствует упоминание о существовании внутрирегиональных диспропорций, обусловленных отсталостью села, не говоря уже о проблемах развития сельских территорий.

Уже в Концепции Комплексной программы поддержки развития украинского села на 2006–2010 годы [266] намечается отход от отраслевого принципа осуществления государственной политики развития села. В частности, в ней отмечалось, что упадок села связан с игнорированием проблем развития сельских территорий в процессе аграрных трансформаций. Исходя из этого одна из целей программы заключалась в создании благоприятных условий для комплексного развития сельских территорий, а к основным направлениям ее выполнения были отнесены: многофункциональное развитие сельских территорий; разработка и выполнение региональных программ, обеспечивающих это развитие; предотвращение упадка депрессивных сельских территорий.

Анализ нормативно-правовых актов Украины свидетельствует о том, что сельские территории требуют не только поддержки государства, а и новых подходов, актуальность которых приобрела реальное очертание после принятия в 2004 году Закона Украины «О государственных целевых программах» [224]. Применительно к сельским территориям речь идет о государственной целевой программе как комплексе взаимосвязанных заданий и мероприятий, направленных на разрешение важнейших проблем их развития. Эта программа, получившая название «Государственная целевая программа развития украинского села на период до 2015 года» [230], была утверждена Кабинетом Министров Украины 19 сентября 2007 года. В программе прослеживается дифференциация села, касающаяся, с одной стороны, аграрного сектора экономики и развития социальной сферы села, а также сельских территорий — с другой. В ней, наряду с устоявшейся установкой на комплексное развитие сельских территорий, содержатся и новые положения: о проведении паспортизации сельских населенных пунктов и разработке на ее основе региональных программ развития сельских территорий; о создании при Кабинете Министров Украины координационного совета по вопросам развития сельских территорий. Что касается первого положения, то оно заслуживает критического отношения, поскольку сужает содержание программы развития сельской территориальной подсистемы общества до уровня сельской поселенческой сети. По поводу второго

положения программы заметим, что после создания в декабре 2008 года Межведомственного совета как временного консультативно-совещательного органа, основной задачей которого было обеспечение координации деятельности министерств, других центральных и местных органов исполнительной власти, научных учреждений по выполнению указанной Государственной программы [270, с. 315, 316], в апреле 2009 года в соответствии с Указом Президента Украины был создан Консультативный совет по вопросам развития сельского хозяйства и сельских территорий. На данный совет возлагалась функция разработки и реализации соответствующей государственной политики [238, с. 39].

Содержание Государственной целевой программы развития украинского села на период до 2015 года свидетельствует о ее несоответствии общественным ожиданиям относительно возрождения и расширенного воспроизводства сельских территорий. Показательным в этом отношении является раздел программы «Общие положения», который начинается не с оценки ситуации, сложившейся в украинском селе, а с описания состояния аграрного сектора экономики. При определении целей программы первоочередное внимание уделено обеспечению конкурентоспособности сельского хозяйства и гарантированию продовольственной безопасности страны. К основным задачам программы, наряду с другими, отнесены и мероприятия по созданию организационно-правовых и социально-экономических условий для комплексного развития сельских территорий. Представление о том, что имели в виду разработчики программы под комплексностью, свидетельствует ее второй раздел — «Развитие социальной сферы села и сельских территорий», содержащий основные направления совершенствования сельской социальной инфраструктуры [230]. Таким образом, комплексное развитие сельских территорий отождествлялось в Программе с развитием социальной сферы села и его жизненного пространства, что не соответствует структуре объекта программирования и тем самым сужает содержание его развития.

Важно и то, что программа в условиях, разразившихся после ее принятия экономического кризиса и политического противостояния, так и осталось декларацией. Поскольку она была утверждена правительством, возглавляемым В. Януковичем, то после того, как Кабинет Министров Украины возглавила Ю. Тимошенко, в феврале 2010 года была одобрена Концепция Государственной целевой программы устойчивого развития сельских территорий на пери-

од до 2020 года, проект которой был опубликован Министерством аграрной политики Украины еще в конце августа 2009 года. Это был первый нормативно-правовой акт, в котором сельские территории предстали как самостоятельный объект правового регулирования и политико-управленческого воздействия. Однако вопреки статусу данного документа в нем, как и в предыдущих нормативно-правовых актах, не было уделено внимание определению сущности понятийно-категориального аппарата. Не отражает статус Концепции как ведущего замысла и научного способа решения общественных проблем, и ее содержание в целом. Так, комплексное развитие сельских территорий подчинялось задаче обеспечения продовольственной безопасности страны, а не воспроизводству этих природных и социально-пространственных образований и крестьянства как активного субъекта общественных преобразований на селе. Развитие же сельских территорий и решение экономических, социальных и экологических проблем на селе рассматривается как стратегическая цель государственной аграрной политики. Одновременно совершенствование системы управления развитием сельских территорий связывается с необходимостью создания национального агентства устойчивого развития сельских территорий и его региональных отделений с предоставлением им статуса государственного учреждения [264]. Немало противоречий и ошибочных положений содержит и проект Государственной целевой программы устойчивого развития сельских территорий на период до 2020 года [60]. Впрочем, не только этому проекту не суждено было воплотиться в реальную программу, утратила статус действующей и ее концепция, которая была упразднена правительством Н. Азарова [221].

Уже в июне 2010 года Министром аграрной политики Украины Н. Присяжнюком была презентована Комплексная Государственная программа реформ и развития сельского хозяйства Украины и Отраслевая программа социально-экономического развития сельских территориальных общин (модельный проект «Новая сельская община») [227]. Цель Отраслевой программы — разработка образцовых моделей социально-экономического развития сельских территориальных общин на началах распространения конкурентоспособного и экологобезопасного сельскохозяйственного производства, повышения уровня жизни сельского населения, создания комфортных условий проживания на селе и обеспечения на этой основе устойчивого развития сельских территорий. Модельный проект «Новая сельская об-

щина» направлен на разработку и реализацию демонстрационных программ социально-экономического развития сельских территориальных общин в пяти регионах Украины, характеризующихся присущими им особенностями социального устройства и ведения хозяйства: на Полесье (Житомирская область), в Карпатском регионе (Ивано-Франковская область), на Надднепрянщине (Черкасская область) и Донбассе (Донецкая область), в Крыму (АРК). Фактически в перечисленных документах ставка делается на ожидаемую доходность от деятельности сельскохозяйственных предприятий и самодостаточность сельских территориальных общин в возрождении и поступательном устойчивом развитии сельских территорий базового уровня.

Министерство аграрной политики Украины утвердило критерии оценки состояния социально-экономического развития сельских территориальных общин для участия в Отраслевой программе: административно-территориальное устройство; социально-демографическая характеристика; площадь сельскохозяйственных угодий; развитие экономики; обеспеченность объектами социальной инфраструктуры; благоустройство сел; наличие субъектов социального обслуживания территориальных громад; экологическая безопасность и загрязненность; наличие органов самоорганизации населения и объединений граждан; участие хозяйствующих субъектов в развитии сельской территориальной общины [233].

На основании сравнительного анализа указанных критериев можно сделать вывод о том, что разработанные в экспериментальном порядке проекты предстают идеальными моделями развития на началах отраслевого подхода сельских территориальных общин как генератора функционирования соответствующих территорий базового уровня. Предполагается, что в будущем их опыт будет распространен на остальные территории.

Учитывая градацию предложенных критериев, ставка делается на активность общин с позитивной динамикой развития. При этом базовыми являются критерии, связанные с природно-ресурсной, аграрно-отраслевой и социально-демографической характеристиками, удельный вес которых составляет почти 55 % от их совокупной балльной оценки [233]. Без ответа в модельном проекте остался вопрос о путях возрождения депрессивных сельских территорий.

Нормотворческая практика последних лет свидетельствует об отходе от популяризации государственных целевых программ развития сельских территорий в пользу продвижения отраслевых аграрных

программ. Это подтверждается тем, что модельный проект «Новая сельская община» был представлен общественности одновременно с проектом Концепции Комплексной государственной программы реформ и развития сельского хозяйства Украины [104]. Основопологающим документом для их разработки послужила Программа экономических реформ на 2010—2014 годы «Богатое общество, конкурентоспособная экономика, эффективное государство». Фактически перераспределение бюджетных финансовых потоков, запланированных для выполнения государственных целевых программ, означало, что государство сделало такой выбор скорее по ситуации, чем осознанно.

Такой вывод подтверждается одобрением Кабинетом Министров Украины в октябре 2013 года Стратегии развития аграрного сектора экономики на период до 2020 года [263]. В основу этой стратегии положен отраслевой принцип, согласно которому аграрный сектор с его базовой составляющей — сельским хозяйством формирует начала сохранения суверенности государства, а также социально-экономические основы развития сельских территорий. При этом на первый план выдвигается цель гарантирования продовольственной безопасности государства за счет стабильного обеспечения населения качественной, безопасной, доступной отечественной сельскохозяйственной продукцией и промышленности сельскохозяйственным сырьем. Против этого трудно возразить, поскольку речь идет о задаче стратегической, долговременной и не новой. Следует обратить внимание скорее на те положения, которые отсутствуют в стратегии, а это — ее аспекты, связанные с диверсификацией экономической деятельности на селе, полифункциональностью сельских территорий, путями эффективного использования их интегрального потенциала, необходимостью формирования на селе полноценной жизненной среды, без чего трудно представить функционирование аграрного сектора экономики и др.

Определенный научный интерес представляют результаты нормотворческой деятельности представителей органов публичной власти, содержащиеся в законопроектах, других документах, в которых фигурирует терминология, имеющая отношение к сельским территориям.

С этой точки зрения, элементы новизны содержит законопроект «О сельском хозяйстве» (2012) [257]. В частности, в нем содержится определение понятия «система аграрных паспортов», которое тракту-

ются как прогнозные документы развития сельского хозяйства, состоящие из аграрных паспортов административных районов, сведенных на их основе аграрных паспортов региона, отраслей и сельского хозяйства страны в целом. Авторы данного законопроекта предлагают разрабатывать эти паспорта на пятилетний период с их наполнением информацией о фактическом уровне освоения сельскохозяйственного потенциала сельских территорий и стратегии развития сельского хозяйства. В этом определении содержится положение о сельскохозяйственном потенциале как составляющей сельских территорий, которое имеет важное методологическое значение для понимания сущности сельских территорий.

В законопроекте Украины «Об упорядочении сельской поселенческой сети, углублении принципов местного самоуправления в сельской местности и содействии деурбанизации народонаселения» [269] дано определение хозяйственной территории сельского поселения как части территории сельского совета, которая включает в себя территорию самого населенного пункта, распаеванные сельскохозяйственные и другие угодья, а также площади, занимаемые лесами, водоемами, дорогами, другими коммуникациями и объектами, обслуживаемыми жителями села. Пределы хозяйственной территории села ограничиваются хозяйственной территорией между поселениями, входящими в состав территориальной общины, с учетом исторических факторов, распаеванных сельскохозяйственных угодий и ближайших к населенным пунктам других земель, а также внешними границами территории соответствующего совета. К территориям временного проживания, отдыха и туризма в сельской местности в законопроекте отнесены участки компактного размещения садовых, дачных, коттеджных домов, усадеб, зарегистрированных исполнительными органами местного самоуправления как территории временного проживания в составе населенных пунктов, на хозяйственной территории которого они размещены. Некорректность использования термина «хозяйственная территория села» (сельского поселения) состоит в том, что его содержательное наполнение выходит далеко за рамки красных линий, отделяющих территорию застройки от территорий иного назначения, прежде всего хозяйственного, что позволяет по большому счету идентифицировать их как сельские территории. В отношении понятия «территории временного проживания, отдыха и туризма в сельской местности» отметим, что уже само их позиционирование как сельского территориального

сегмента свидетельствует о тенденции их трансформации не в территории временного проживания, а в пригородную зону как разновидность сельских территорий. К разновидностям сельских территорий следует также отнести горные и рекреационные территории, позиционируемые в данном законопроекте вместе с деградирующими как типы сельских поселений.

Отдельных слов заслуживает законопроект «О планировании территориальной инфраструктуры сельской местности» [252]. С одной стороны, правомерно акцентировать внимание на тавтологичности названия законопроекта, поскольку территория — это место размещения физических тел (объектов), а это означает, что все имеет территориальное измерение, в том числе и инфраструктура. С другой стороны, территория сельской местности не ограничивается инфраструктурой. Наконец, использование термина «инфраструктура» в дискурсе сельской местности освобождает от необходимости ее определения как территориальной. Хотя само отнесение социальной, производственной, инженерно-транспортной инфраструктуры к структурным элементам сельской местности (сельских территорий) в их системно-факторной обусловленности (географической, исторической, экономической, этнической, социальной, культурной) является признаком формирования комплексного представления о сельских территориях. Используя европейскую практику идентификации сельских территорий по критерию плотности населения, разработчики законопроекта вводят в оборот понятие «четко выраженная сельская местность», удельный вес сельского населения которой превышает 50 %. Очевидно, что сельские территории неоднородны, но эта неоднородность не проявляется только в степени плотности их населения, а следовательно, данный признак не является достаточным для подобной классификации этих природных и социально-пространственных образований.

До сих пор одним из двух нормативно-правовых источников (наряду с законопроектом «О сельском хозяйстве»), в которых содержится определение понятия «сельские территории», является проект Распоряжения Кабинета Министров Украины «О Концепции развития сельских территорий». Характерно, что оба определения сельских территорий в указанных законопроектах не отличаются друг от друга. Этот термин трактуется в них как исторически сформированная в законодательно определенных границах системная совокупность, объединяющая в себе административно-территориальную (сельские по-

селения, села, сельские советы) и территориально-функциональную (производство продукции, ее переработка, сохранение и реализация), этническая принадлежность, которая характеризуется определенным укладом и отличается по определенным признакам (родственные, бытовые, материальные, духовные, идеологические, устойчивости жизни, особенности психики) такого уклада от городских, а также пригородных (ориентированных на город, объединенных укладом с городом) территорий [241]. Оценивая данное определение, к его позитиву следует отнести отход от односторонней отраслевой привязки к сельскому хозяйству и учет социально-ментальных признаков, по которым сельские территории отличаются от городов. В то же время административно-территориальная составляющая сельских территорий искусственно ограничивается их базовым уровнем (сельские советы), а территориально-функциональная — агропромышленным производством и торговлей. В определении также отсутствует экологическая составляющая. Спорным является отнесение пригородной зоны к городской сфере, тогда как по определению она относится к «смешанному» типу территорий.

К конструктивной части рассматриваемого проекта следует отнести обоснование целесообразности разработки локальных стратегий развития для каждого села, города в границах сельской территории и согласованность отраслевых программ с общей стратегией развития этих природных и социально-пространственных образований.

Таким образом, отечественная нормотворческая практика использования термина «сельские территории» не отличается разнообразием подходов и достаточной научной обоснованностью в определении данной научной категории. На этом фоне более продуктивной выглядит нормотворческая практика других постсоветских республик, в стратегии развития которых, как и Украины, сельские территории играют ключевую роль. Несмотря на то, что в этих странах реализуется разные типы политики по отношению к развитию сельских территорий — европейский (Российская Федерация) и американский (Республика Беларусь и Республика Казахстан), законодательная и исполнительная ветви власти этих государств являются последовательными в формировании соответствующей институциональной среды как важнейшей предпосылки трансформационных изменений.

Приверженность Российской Федерации европейскому типу политики развития сельских территорий, сущность которой заключа-

ется в государственной поддержке существующей поселенческой сети как социальной среды обитания сельского населения, обусловлена большими размерами территории этой страны, разнообразием природных, экономических, демографических, социально-культурных условий ее регионов, особенностями колонизации разных территорий, а также необходимостью сохранения исторически сложившейся системы сельского расселения как способа государственного контроля над сельской территориальной подсистемой общества [204, с. 127].

Учитывая значительный разрыв в уровне и качестве жизни сельского и городского населения, разработчики нормативно-правовых актов, социальных программ основную ставку делают на программно-целевой метод, что проявляется в активном использовании в нормотворческой практике термина «сельские территории» с его соответствующим содержательным наполнением.

В первом десятилетии 2000-х годов в нормотворческой практике, связанной с сельско-территориальной проблематикой, основное внимание законодателей концентрировалось на отдельных отраслях и сферах общественной жизнедеятельности. Поэтому в законодательных актах, федеральных целевых программах, национальных проектах используются такие термины как «сельское хозяйство», «агропромышленный комплекс», «социальная сфера», «село», «сельская местность». Термин «сельские территории» фигурирует в контексте их устойчивого развития [185; 272].

В Федеральном законе «О развитии сельского хозяйства» (2006) [180] устойчивое развитие сельских территорий понимается как их стабильное социально-экономическое развитие, увеличение объема производства сельского хозяйства, достижение полной занятости сельского населения, повышение уровня его жизни, рациональное использование земель. При этом достижение устойчивости сельских территорий не предусматривает прямого предоставления бюджетных средств. Хотя данное определение не вызывает принципиальных возражений, поскольку содержит экономическую, социальную и экологическую составляющие устойчивого развития, тем не менее отметим, что в нем основные акценты смещены в сторону производственно-хозяйственной деятельности. Поэтому, в свете указанного отраслевого подхода, вполне логичной выглядит трансформация с 2008 года национального проекта «Развитие агропромышленного комплекса» в Государственную программу развития

сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы. Программой [168] предусмотрено два уровня приоритетов. Один из них ориентирует на устойчивое развитие сельских территорий, ассоциируемых с социальной сферой.

Контекстный дискурс устойчивого развития сельских территорий содержится и в других документах: как основная цель государственной аграрной политики и как одно из приоритетных направлений развития аграрного и рыбохозяйственного комплексов (Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года) [171]; как составляющая продовольственной безопасности (Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации) [159].

Начиная с 2010 года устойчивое развитие сельских территорий рассматривается как целевой объект нормотворческой деятельности. Так, в Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года [172] указывается, что создание условий для устойчивого развития сельских территорий является одной из важнейших стратегических целей государственной политики, достижение которой позволит обеспечить продовольственную безопасность, повысить конкурентоспособность российской экономики и благосостояние граждан. В Концепции сельские территории определяются как территории сельских поселений и соответствующие межселенные территории. В свою очередь под сельским поселением понимается один или несколько объединенных общей территорией сельских населенных пунктов (поселков, сел, станиц, деревень, хуторов, кишлаков, аулов и других сельских населенных пунктов), в которых местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления. При этом речь идет о населенных пунктах, отнесенных к данной категории административно-территориальным делением, установленным в субъектах Российской Федерации. Межселенные территории определяются как территории, находящиеся вне границ поселений. Такой утилитарный, территориально-поселенческий подход к определению сельских территорий подчинен основной задаче — раскрытию сущности устойчивости развития этих природных и социально-пространственных образований. Расширительная трактовка понятия «сельские территории» реализуется посредством характеристики их важнейших общенациональных функций: про-

изводственной, демографической, трудоворесурсной, жилищной, пространственно-коммуникационной, социального контроля над территорией.

Уточняющая характеристика сельских территорий содержится в Федеральной целевой программе «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года» (2013) [163]. В ней сельские территории (сельская местность) определяются как сельские поселения или сельские поселения и межселенные территории, объединенные общей территорией в границах муниципального района, а также сельские населенные пункты и рабочие поселки, входящие в состав городских округов (за исключением городских органов, на территории которых находятся административные центры субъектов Российской Федерации) и городских поселений, на территории которых преобладает деятельность, связанная с производством и переработкой сельскохозяйственной продукции. Данное определение вызывает ряд возражений. Во-первых, некорректно рассматривать понятия «сельские территории» и «сельская местность» как идентичные. Во-вторых, критерий отнесения территорий к сельским, связанный с переработкой сельскохозяйственной продукции, предполагает отнесение к ним и городов, в которых преимущественно размещаются предприятия пищевой промышленности. В-третьих, целесообразно ли относить к сельским территории с неблагоприятными для ведения сельского хозяйства условиями, о которых говорится в пояснительной записке к соответствующему проекту Постановления Правительства Российской Федерации [160].

В отличие от Российской Федерации, в Республике Беларусь и в Республике Казахстан при разработке политики развития сельских территорий предпочтение отдается ее американскому типу, ориентированному на оказание государственной поддержки тем из них, которые отличаются экономической активностью и прибыльностью.

В нормативно-правовых актах Республики Беларусь, регулирующих социальные отношения на селе, наибольшее распространение получили такие термины, как «село», «социальная сфера села», «сельский населенный пункт», «сельская местность». Однако законодательное определение получил лишь последний из указанных терминов. В широком смысле под сельской местностью понимаются территории сельских советов, поселков городского типа, городов районного подчинения, являющихся административно-

территориальными единицами, а также иных населенных пунктов, не являющихся административно-территориальными единицами, входящих вместе с другими территориями в пространственные пределы сельских советов [177]. В узком смысле сельская местность — это территория, входящая в пространственные пределы сельских советов за исключением территорий поселков городского типа и городов районного подчинения [176; 178]. Будущее белорусского села в Государственной программе возрождения и развития села на 2005–2010 годы связывается с агрогородками и благоустроенными населенными пунктами, в которых предполагается создать производственную и социальную инфраструктуру, обеспечивающую социальные стандарты проживающему в них населению и жителям прилегающих территорий. В этом же документе термин «сельские территории» лишь упоминается в контексте устойчивого развития этих природных и социально-пространственных образований без их нормативно-правового определения. Без какого-либо содержательного наполнения используется и термин «сельские регионы» [166].

В Государственной программе устойчивого развития села на 2011–2015 годы [169], как и в ранее понятых документах, первостепенное значение придается развитию агрогородков и зон их влияния, а одна из целей программы сформулирована как сближение уровня социальных стандартов в городах и на селе. Достижение этой целевой установки связывается с повышением экономической эффективности АПК, развитием предпринимательской инициативы на селе, о чем свидетельствует отраслевая направленность финансирования программы. Что касается термина «сельские территории», то он используется здесь всего один раз и без раскрытия его содержания.

Для нормативно-правовых актов, регулирующих развитие сельских территорий Республики Беларусь, типичны: среднесрочный характер их действия; поселенческая и отраслевая направленность; эпизодичность использования термина «сельские территории». Большинство из них введено в действие указами Президента Республики Беларусь.

Государственная политика развития села в Казахстане направлена на селективную поддержку сельских территорий, перспективных с точки зрения их значения для обеспечения жизнедеятельности человека и функционирования рынка, развития АПК. Такой подход,

который характерен для всех нормативно-правовых актов, учитывает исторически сложившуюся пространственную рассредоточенность сельских территорий республики и неравномерность распределения на них населения.

С 2003 года сельские территории были выделены в самостоятельный объект правового регулирования и государственной политики. Так, 2003–2005 годы были объявлены Президентом Республики Казахстан Н. Назарбаевым [183] периодом подъема села, а возрождение и развитие сельского хозяйства и сельских территорий составило главное содержание социально-экономической политики Правительства на указанный период. Тогда же была утверждена Государственная программа развития сельских территорий Республики Казахстан на 2004–2010 годы [167], главная цель которой — создание нормальных условий жизнеобеспечения села (аула) на основе оптимизации сельского расселения. В программе, как аналог термина «сельские территории», используется термин «сельские населенные пункты».

Законодательное определение понятия «сельские территории» содержится в Законе Республики Казахстан «О государственном регулировании развития агропромышленного комплекса и сельских территорий» [170], принятом в 2005 году. В нем сельские территории предстают как совокупность сельских населенных пунктов и прилегающих к ним земель. При этом приоритетность развития предоставляется тем из них, которые имеют потенциал экономического роста. Таким образом, в этом определении сохранилась приверженность устоявшейся традиции ассоциации сельских территорий с соответствующими населенными пунктами, что было вызвано необходимостью оптимизации сельского расселения.

Важность указанной задачи получила свое правовое закрепление в Стратегии территориального развития Республики Казахстан до 2015 года (2006) [184]. Этим документом гарантировался рост потенциала сельских территорий в экономически развитых регионах через интегрирование программ городского и сельского развития в конкурентные стратегии регионов. Катализаторами этого процесса выступают опорные города национального и регионального уровней, включающие тяготеющие к ним малые города и сельские территории. Наряду с перспективными территориями в Стратегии определены и неблагополучные территории, к которым отнесены депрессивные сельские населенные пункты.

В целях эффективного использования социально-экономического потенциала регионов была утверждена Прогнозная схема территориально-пространственного развития страны до 2020 года (2011) [161]. Прогнозная схема содержит классификацию регионов по социально-экономическому потенциалу, а также основные направления территориально-пространственного развития, в том числе и в разрезе сельских территорий.

Параллельно с Прогнозной схемой была разработана программа «Развитие регионов на 2012–2020 годы» [162], в которую в 2013 году были включены разделы, связанные с развитием сельских территорий. В них были отражены результаты инвентаризации производственной, социальной и инженерной инфраструктуры сельских населенных пунктов, а также комплексные планы развития тех из них, которые были отнесены к опорным.

Анализ нормативно-правовых актов республики Казахстан на предмет содержания в них сельско-территориальной проблематики в целом и дефиниции «сельские территории», в частности, дает основание для вывода, совпадающего с заключением В. Григорука [49] о том, что сельские территории рассматриваются в этих документах как среда обитания сельского населения, размещения сельских населенных пунктов, их инженерного и социального обустройства. Аграрный компонент в них присутствует эпизодически, без привязки к сельскому развитию. В целом можно сказать, что в нормотворческой практике этой страны преобладает территориальный подход в определении сущностных характеристик сельских территорий.

Сопоставление опыта правового регулирования сельских территорий как самостоятельного объекта законодателями указанных постсоветских республик позволяют типологизировать нормотворческую практику Украины как европейскую. Это подтверждается исследованиями, согласно которым в начале 2000-х годов лишь в 39 районах из 490 удельный вес сельского населения колебался в пределах 15–50 % и только в Перевальском районе Луганской области он — меньше 15 % [292, с. 50].

Общим недостатком, характерным для нормотворческой практики в определении понятия «сельские территории», является его недостаточная разработанность, вследствие чего сформировалось несистемное представление об этих природных и социально-пространственных образованиях. В конечном итоге это негативно сказывается на идентификации и классификации сельских территорий.

Сложности, связанные с познанием сущности сельских территорий, находятся в прямой зависимости от исследовательских возможностей разграничения данного понятия с родственными и сходными по отношению к нему понятиями.

1.3. РАЗМЕЖЕВАНИЕ ПОНЯТИЯ «СЕЛЬСКИЕ ТЕРРИТОРИИ» С РОДСТВЕННЫМИ И СХОДНЫМИ ПОНЯТИЯМИ

Необходимость определения содержания понятий, родственных и сходных с понятием «сельские территории», обусловлена двумя обстоятельствами. Первое из них связано с тем, что данное понятие введено в научный оборот недавно, вследствие чего его сущностные характеристики не получили достаточного развития и устоявшихся форм. Поэтому в исследовательской практике зачастую как его родственные применяются такие понятия, как «сельская местность», «село», «аграрные территории», «сельскохозяйственные территории», «хозяйственные территории» и др. Второе обстоятельство продиктовано целесообразностью использования в познавательных целях не родственных, но сходных понятий («сельский сектор», «аграрный сектор», «сельское хозяйство», «агропромышленный комплекс» и др.), отражающих ту или иную сторону объекта исследования.

В связи с этим следует детально остановиться на анализе содержания этих понятий с целью их размежевания с понятием «сельские территории». Такая процедура является непременным условием полной и точной идентификации и классификации указанного понятия.

Для достижения поставленной задачи в первую очередь необходимо установить взаимосвязь между такими понятиями как «сельские территории» и «пространство», поскольку сельские территории, как любые другие объекты материального мира, локализованы в пространстве. Более того, сельские территории идентифицируются через такие пространственные параметры как площадь, протяженность, компактность, конфигурация. Таким образом, составляющие сельских территорий, все их структурные элементы существуют не иначе, как в рамках определенного пространства. Пространство выступает как некое вмещилище, в котором размещены сельские территории. В этом смысле сельские территории предстают как сегмент пространства в его физическом, биотическом и антропном измерениях. Иначе говоря, это руральная часть физического пространства, в гра-

ницах которой существуют и развиваются представители растительного, животного мира и человек как существо биосоциальное. Занимая определенный сегмент пространства, сельские территории тем самым опредмечивают его, наделяя природными и общественными характеристиками. К первым из них относятся природные ресурсы и природные условия. Общественные характеристики определяются способностью территории выступать пространственным базисом для размещения населения, производственно-хозяйственных, социальных и иных объектов. Отсюда идентификация сельских территорий как природных и социально-пространственных образований, а также как физической территории, географического пространства, антропогенного ландшафта или природного ландшафта, измененного человеческой деятельностью посредством хозяйственного освоения пространства.

Такое пространственно опосредованное толкование сельских территорий с акцентом на протяженность, географическое положение, их природные и антропогенные свойства лишней раз подчеркивает неразрывную связь территории и пространства. Однако неправомерно отождествлять эти понятия. Если пространство выступает как порядок размещения вещей, то территория представляет собой место размещения вещей [203, с. 34].

В контексте структурно-организационного подхода территория предстает как географическое пространство, заполненное объектами, каждый из которых занимает определенное место. Описанием таких объектов занимается географическая наука, для которой, по А. Геттнеру [332], фактами являются отношения пространства. Представления географической науки о геопространстве как о совокупности отношений между географическими объектами, размещенными на геотерритории [6], эволюционировали по мере развития научных концепций.

Хотя связи между географическими явлениями изучались еще в античности и в средние века, первые попытки создания целостной концепции о пространстве появилось в середине XIX века (А. Гумбольдт, К. Риттер). Свое развитие и оформление в хронологическую (пространственную) концепцию идеи этих ученых получили в 1920-е годы в работах А. Геттнера [107], дополнившего учение своих предшественников о пространстве как о земной поверхности, заполненной взаимодействующими друг с другом географическими явлениями, положением о ландшафтной, причинно-следственной природе этого взаимодействия. Введение в научный оборот понятия

«ландшафт» означало возможность использования пространственного принципа, с одной стороны, для создания единого образно-географического поля и фрагментации географического пространства — с другой.

Значительному обогащению научного представления о географическом пространстве послужила концепция пространственной организации общества Р. Морилла (1970), согласно которой рационализация пространства жизнедеятельности труднодостижима без учета взаимосвязи между природной средой, расселением и хозяйственным освоением, их интеграции. Если в хорологической концепции на первый план выходила географическая среда как организующее начало, то в концепции Р. Морилла — человек как активный компонент природного ландшафта.

По мере интенсификации хозяйственного освоения ландшафта, чрезмерного вмешательства человека в действие природных сил возникла потребность регулирования человеческой деятельности на основе социокультурных ценностей. Такое «окультуривание» природной среды способствовало трансформации категории «географическое пространство» в категорию «геокультурное пространство» или «культурный ландшафт» («антропогенный ландшафт»). Это понятие вобрало в себя материальные и духовные начала, что в свою очередь придало его содержанию некий символический смысл. Так сформировалось научное направление, которое фиксирует отличия между отдельными сегментами пространства в их одновременности, опираясь не на физикалистские представления и картографические модели, а на анализ образно-географических интерпретаций пространства, его метафорические образы. В свете этой концепции географических образов, разработанной Д. Замятиним [76, с. 5], пространство представит, с одной стороны, как конкретная пространственная реальность в ее разных измерениях и как своеобразный обобщенный метаобраз — с другой.

Таким образом, понятие «географическое пространство» наполнилось не только материальным и культурным смыслом, но постепенно приобрело символическое значение, выступая как пространство образов (модель определенного географического пространства).

Такое «окультуренное» географическое пространство приобретает черты социального пространства (место жизнедеятельности человека), заполненного межличностным взаимодействием, субъекты которого являются носителями различных взглядов, ценностей, смыслов.

Предложенная интерпретация пространства (физического, географического, геокультурного, символического, социального) имеет важное значение для идентификации сельских территорий как специфического пространственного сегмента.

В этом смысле правомерно утверждение о том, что сельские территории занимают определенное место в пространстве. В географии место рассматривается как точка, часть пространства. Их множество образует ареал на земной поверхности. Место — это адрес объекта в географическом пространстве, а геопространство — сумма (интеграл) мест географических объектов [313, с. 175, 176]. С этой точки зрения, понятие «сельские территории» органично связано с категорией «место».

В отличие от пространства, которое является показателем размера, масштаба сельской территории, место как элемент пространственной системы определяет их размещение в пространстве относительно других материальных объектов. Связь места с территорией находит свое проявление в том, что оно является конкретной точкой территории.

Научный анализ категории «место» в социальной теории прошел эволюционный путь от географического детерминизма до оценки социального, психологического, этнологического и социокультурного значения места. В этом свете место воспринимается не просто как часть физического пространства, а ассоциируется с определенными социальными группами, соответствующим статусом, ментальностью, моделями поведения.

Другими словами, место — часть пространства, наполненного территориальным и социальным смыслом для человека, часть земной поверхности, которая для него не просто географические координаты, а определенный ментальный образ, культурный подтекст, совокупность социальных отношений [200, с. 115]. Такое понимание места позволило социологам определить территориальную идентичность как восприятие индивидом себя как представителя определенной «воображаемой общности» (по Б. Андерсону), основывающейся на единстве территории проживания, истории и традиций, социокультурного опыта, ценностных ориентаций и образа жизни [105, с. 108]. В данном определении речь идет о территориальной самоидентификации как способе самовосприятия тех или иных районов как вернакулярных (от англ. vernacular — местный, народный, родной). Именно по тому, как каждый конкретный человек представ-

ляет себе окружающую среду обитания, составляются ментальные карты территории.

Формирование вернакулярных районов в СССР и на постсоветском пространстве осложнялось подавленностью в общественном создании чувства места. Кроме этого, как отмечал еще в XIX столетии С. Соловьев [298, с. 38], это было обусловлено отсутствием контрастов в природе Русской равнины, однородностью местностей, склонностью населения к миграциям.

В конце XX века Л. Смирнягин [297, с. 186] выдвинул концепцию об аспатиальности («внепространственности») русской культуры, т. е. об обособленности чувства пространства, ослабленности реакции на него в главных его проявлениях — на расстояние, на границу и на место. Более точно на этот счет выразился Н. Бердяев [21, с. 65], отметив, что российский народ легко осваивал огромные пространства, однако испытывал трудности в организации этого пространства в выдающуюся в мире державу, а также в поддержании и охране порядка в ней. Немецкий философ В. Шубарт [349, с. 89] указывал на существенные различия восприятия пространства россиянами и представителями западной культуры, которые коренились в первичном доверии россиян к своему переживанию ландшафта и в первичном страхе к подобным переживаниям у европейцев.

На основании изложенного можно сделать вывод, что не только физическая среда накладывает отпечаток на развитие локального человеческого сообщества, его мировосприятие, но и человек принимает активное участие в формировании среды своего обитания. Поэтому место, в сравнении с пространством, является более конкретным понятием. По месту локализации каждой сельской территории можно судить о степени ее отличия от других территорий, размещенных в пространстве. По способу взаимодействия сельских территорий с местом они отличаются не только между собой, но и идентифицируются как природные и социально-пространственные образования.

Термином, производным от слова «место» является «местность», определяемая как пространство земной поверхности, которое имеет определенные особенности, общие по происхождению [31, с. 460, 532]. В сочетании со словом «сельская» данный понятийный конструкт используется в нормотворческой практике и научной литературе как тождественный понятию «сельские территории». В этом смысле трудно переоценить значение задачи исследования содержа-

ния понятия «сельская местность» как способа идентификации сельских территорий.

Приступая к анализу сельской местности, заметим, что это понятие является пространственным, а не отраслевым независимо от вида землепользования, экономического районирования, степени социально-экономического развития.

Законодательными актами Украины [258] сельская местность определяется как территория, находящаяся за пределами городов и представленная преимущественно зонами сельскохозяйственного производства и сельской застройки. Некорректным, на наш взгляд, является сам способ определения одного понятия через другое (сельская местность как территория), а также противопоставление сельских территорий городам исключительно через их связь с сельскохозяйственной отраслью и типом застройки. В связи с этим такой подход нельзя признать продуктивным, а само определение сельской местности полным.

В нормативно-правовых актах Российской Федерации [185; 163; 179] под сельской местностью понимаются сельские поселения или сельские поселения и межселенные территории, объединенные общей территорией в границах муниципального района, а также сельские населенные пункты, входящие в состав городских поселений или городских округов, на территории которых преобладает деятельность, связанная с производством и переработкой сельскохозяйственной продукции. Данное определение носит двойственный характер: в одном случае сельская местность — сельское поселение, в другом — сельские поселения и межселенные территории. К позитиву следует отнести включение в сельскую местность межселенных территорий и сельских населенных пунктов, находящихся в городской черте, что свидетельствует о расширении классификационных признаков сельской местности. Отнесение же к сельской местности населенных пунктов, входящих в состав городских поселений или городских округов по занятости их жителей сельскохозяйственной деятельностью свидетельствует о признании в качестве системообразующих признаков сельской местности — территориально-поселенческого и отраслевого.

Более емкие характеристики сельской местности содержатся в справочной литературе. В географическом и демографическом энциклопедическом словаре [288] сельская местность определяется как вся обитаемая территория вне городских поселений. Она включает

естественный и антропогенный ландшафт, поселения и населенные пункты, которые относятся к категории сельских. При этом указывается, что сельская местность выполняет производственную (сельское хозяйство, добывающая и перерабатывающая промышленность), рекреационную, природоохранную, коммуникационную, поселенческую функции.

В отечественной экономической литературе используются различные подходы к определению сельской местности. Так, И. Прокопа [245, с. 51] акцентирует внимание на характеристике сельской местности как главной ресурсной (пространственной, природно- и трудоресурсной) базе сельского хозяйства. «Выход» сельского хозяйства за пределы сельских территорий, насыщение их несельскохозяйственными видами деятельности этот автор оценивает как «работаемые» на укрепление органичного единства сельского хозяйства и сельских территорий.

П. Саблук [276, с. 200] использует административно-управленческий подход, определяя местность как территорию, которая находится под юрисдикцией сельских советов. Такой же точки зрения придерживаются и некоторые российские исследователи [340].

В наших публикациях [189, с. 218; 194, с. 19] подчеркивается генетическая связь территории с местом. Поскольку место — это конкретная точка территории, использование термина «сельская местность» как синонима слова «сельская территория» правомерно по отношению к конкретной территории ее базового уровня. Любая совокупность территорий базового уровня идентифицируется с использованием категории «сельские территории», а не «сельская местность» или «сельская территория».

Подобных взглядов придерживаются и российские ученые. В частности, В. Крючков [114, с. 17] утверждает, что сельскую местность как территориальную целостность можно рассматривать лишь на нижних ступенях иерархической лестницы — сельского населенного пункта с его окружением, на территории одного хозяйства. Начиная с административного района включая город как его опорный центр и на более высоких уровнях не все населенные пункты относятся к сельской местности.

Научные сотрудники Всероссийского института аграрных проблем и информатики имени А. Никонова [1, с. 196] расширительно трактуют понятие «сельская местность», определяя ее как социально-территориальную подсистему общества, которая представляет собой

единый социально-экономический, пространственный, природный и историко-культурный комплекс.

По мнению Д. Сосюры [299], исходным условием развития экономических отношений в рамках сельской местности является заселение и освоение конкретным человеком обширных пространственных территорий, преследующих две основные цели: постоянное проживание и выполнение производственных задач. Реализация этих целей зависит от природно-климатических условий, наличия природных ресурсов и возможности удовлетворения потребностей населения в личных и общественных благах. При этом все основные фонды, которые создаются человеком вне урбанизированных территорий, в большей степени, чем в городах, взаимодействуют с природными экосистемами [156, с. 34]. В экономической и географической литературе большая роль отводится таким идентификационным маркерам сельской местности, как сельскохозяйственные угодья, леса, водоемы [7].

На противопоставлении сельской местности городам основано определение этого пространственного сегмента, содержащееся в работе российских географов Е. Анимиды и М. Шарыгина [8, с. 28]. По мнению данных авторов, сельская местность — это взаимосвязанное сочетание ландшафтного, хозяйственного, технического, поселенческого (экистического) и социального блоков.

Наиболее емкое определение сельской местности принадлежит В. Преснякову [217, с. 73]. Он характеризует эту местность как сложную социально-экономическую территориальную систему, в которой интегрируются отдельные подсистемы хозяйства, расселения населения, социальной и пространственной инфраструктур, формирующиеся под воздействием природных и социально-экономических факторов в процессе исторического развития производительных сил и производственных отношений.

Проведенный анализ содержания понятия «сельская местность» свидетельствует о многообразии и неоднородности пространства, когда в рамках одного территориального образования могут существовать разные материальные объекты, отличающиеся друг от друга по своему структурному строению, функциям, образу жизни.

Следующей научной категорией, с которой ассоциируется представление о сельских территориях, является понятие «село». Это связано с его расширительным толкованием, когда село рассматривается не просто как определенное поселение, а как пространственное об-

разование, находящееся за пределами городов и выполняющее комплекс функций, заданных его местоположением ресурсами природного происхождения. В этом значении село выступает как системный объект сельской местности и как социальная ячейка базового уровня сельских территорий. В более глобальном измерении село — это социально-пространственный элемент сельской территориальной подсистемы общества.

Село как научная категория и как объективная реальность прошло сложный путь исторической эволюции. Представление о селе как заселенном крестьянами месте (В. Даль) или большом крестьянском поселении (С. Ожегов) не всегда отвечает сложившимся реалиям. Сегодня значительная часть сел на постсоветском пространстве состоят из нескольких дворов, жители которых ограничивают свою деятельность домохозяйством. В то же самое время зачастую жители крупных пригородных сел заняты в городах, а свои земельные участки используют далеко не в сельскохозяйственных целях, что тем не менее обеспечивает им достойные условия для существования.

Вместе с тем, в современных научных публикациях, справочных изданиях указанные изменения не находят должного освещения и отражения. Так, в одной из социологических энциклопедий [287] село определяется как одна из первых форм расселения людей, занятых преимущественно сельскохозяйственным трудом, отличающаяся от города малой концентрацией и небольшой численностью населения в пределах определенной территории. Специфику сельской среды формируют социально-культурные и производственно-экономические условия. Чрезмерный академизм данного определения мало учитывает влияние целого комплекса факторов, способствующих упадку села и затуханию в нем жизни как таковой.

Малопродуктивной является практика описания села как одной из составляющих дихотомии «село — город». В ее контексте село рассматривается как более разреженное, по сравнению с городом, поселение людей, занятых однотипной сельскохозяйственной деятельностью [125, с. 134].

Более выигрышной выглядит позиция авторов, позиционирующих село как населенный пункт со специфическими социально-культурными процессами, часть жителей которого занимается сельским хозяйством. Если более 50 % работающего населения занято сельским хозяйством и первичной переработкой сельскохозяйственной продукции, то это сельскохозяйственный населенный пункт; не

менее трети — агропромышленный; больше половины работающего населения занято несельскохозяйственными видами деятельности — несельскохозяйственный населенный пункт [307, с. 122—123]. Вместе с тем предложенная классификация сел является односторонней и не раскрывает в полной мере их функции.

С позиции территориального маркетинга село представляет собой территорию проживания устойчивых социальных общностей (сельских социумов), характеризующуюся единством условий жизнедеятельности людей, наличием ресурсной базы для ведения хозяйства преимущественно аграрной специализации и формирующейся в рамках локализованного пространства общей культуры. Подобный подход обеспечивает возможность выявления и управления пространственно-социальными взаимодействиями в рамках модели интегрированного маркетингового регулирования «территория — социум — хозяйство» [271].

Определенные проблемы, связанные с идентификацией села, имеют место и в нормотворческой практике. Например, в законопроекте Украины «Об упорядочении сельской поселенческой сети» [268] село наделяется такими второстепенными признаками как специфический способ жизни населения (ведение подсобного хозяйства), небольшая плотность застройки жилья из-за преимущественно индивидуальной застройки и включения в его состав больших, чем в городах, приусадебных участков. Законодательством Республики Беларусь село отнесено к категории второстепенных («остальных») населенных пунктов по сравнению с агрогородками как более перспективными сельскими поселениями, развитие которых связывается с созданием в них производственной и социальной инфраструктуры для обеспечения социальных стандартов проживающему здесь населению и жителям прилегающих территорий [116].

В свете изложенного возникает вопрос: является ли село, как тип сельского поселения, тем центром, вокруг которого формируется определенная территория? Чтобы выяснить это, необходимо определить, какую роль село играет в процессе расселения населения и каков его статус в системе административно-территориального деления. Как известно, на размещение населения в населенных пунктах и формирование сельской поселенческой сети влияют экономические, политические и социально-культурные процессы, что в конечном счете отражается на сложившейся системе расселения. С учетом изменений, происходящих в процессе размещения сельского населения,

трансформируется и территориальное устройство страны, что влечет за собой соответствующие изменения в законодательстве. Так, согласно Общероссийскому классификатору территорий муниципальных образований [164] в третью группу классификации вместе с городскими поселениями входят и сельские поселения. К ним относятся один или несколько объединенных общей территорией сельских населенных пунктов, включая села, в которых местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления. В Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года [172] согласно административно-территориальному делению к сельским населенным пунктам отнесены поселки, села, деревни, станицы, кишлаки, аулы, хутора независимо от количества проживающих в них людей. Сельские населенные пункты, пребывающие в составе городских поселений, не отнесены законодательством Российской Федерации к сельским поселениям [157].

Вслед за законодательством российская аграрно-правовая наука [9, с. 69] определяет сельское поселение одновременно и как населенный пункт, и как муниципальное (административное) образование в сельской местности, объединяющее территорию и население одного или нескольких населенных пунктов. Отличие сельского поселения от сельских населенных пунктов заключается в наличии в нем территориального (муниципального) органа управления. По территориальному признаку в качестве административного центра может выступать крупное село или поселок, но никак не хутор. Функциональный признак раскрывается через занятость большинства населения поселений сельским хозяйством. Количественно-поселенческий признак отражает численность того или иного сельского поселения.

В отечественной планировочной практике и научной литературе к сельским населенным пунктам отнесены поселения с численностью населения не более 5 тыс. жителей [68]. Тем не менее, динамика развития поселения далеко не всегда зависит от численного состава его населения. Она определяется самодостаточностью сельских общин — самоорганизованных сельских жителей, разделяющих общее жизненное пространство, объединенных стремлением и готовностью к улучшению его экономического, социального и экологического состояния [38, с. 8].

Совокупность размещенных в пределах сельских территорий сел, поселков и других населенных пунктов, объединенных между собой

транспортными магистралями, средствами связи и иными коммуникациями, составляет сельскую поселенческую сеть.

Размежевание таких родственных сельским территориям понятий как «аграрные территории», «сельскохозяйственные территории» и «хозяйственные территории» требует установления различий их уточняющих составляющих — «аграрные» и «сельские». Слово «аграрный» (от лат. *agrarius* — земельный) характеризует все то, что имеет отношение к землевладению и землепользованию. Земля, как важнейший компонент природной сферы, имеет такие отличительные характеристики, как пространство, рельеф, климат, почва, растительность, недра пр. Она является местом расселения, основным средством производства в сельском и лесном хозяйстве, а также пространственным базисом для размещения различных объектов. Поэтому в известном смысле аграрные территории — это земельные территории.

Расширительное понимание аграрных территорий в их сельско-территориальном контексте ассоциируется с термином «хозяйственная территория». В нормативно-правовых актах Украины он впервые был использован в 1994 году [240] без определения содержания понятия. В законопроектах Украины содержится определение хозяйственной территории в двух значениях: узком, как закрепленных за жителями села, поселка сельскохозяйственных угодий и других земельных площадей [268]; в широком, как части территории сельского совета, которая включает в себя территорию самого населенного пункта, распаеванные сельскохозяйственные и другие угодья, а также площади, занятые лесами, водоемами, дорогами, другими коммуникациями и объектами, обслуживаемыми жителями поселений [269]. Как аналог узкого значения термина «хозяйственная территория» в публикациях отечественных экономистов используется категория «хозяйственный комплекс» сельских территорий (сельской местности), с его основным компонентом — аграрным производством [208, с. 32]. Однако это не совсем оправданно, т. к. термин «комплекс» — это хозяйственная система, размещенная в пространстве.

В научном обиходе встречается трактовка понятия «аграрные территории», как территорий характеризующихся благоприятными природно-климатическими условиями, обеспечивающими устойчивость производства в аграрном секторе. Важными факторами этой устойчивости, с точки зрения законодателей, является разработка системы аграрных паспортов, как прогнозных документов развития

сельского хозяйства, состоящих из аграрных паспортов административных районов, регионов, отраслей и сельского хозяйства страны в целом [257].

В нормотворческой практике Российской Федерации широко используется термин «особо значимые аграрные территории», под который понимаются территории, обладающие благоприятными климатическими условиями и ресурсами для производства сельскохозяйственной продукции. Учитывая значение таких территорий как «локомотива роста» аграрной экономики, законодатели Алтайского края разработали проект специального Федерального закона, который получил поддержку профильного комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [158].

В европейском сообществе используется термин «сельскохозяйственные территории высокой природной ценности» (HNV farmlands). В проекте Видения экспертов Европейского ЭКО-Форума из стран субрегиона ВЕКЦА, подготовленного для поддержки стран, не вступивших в ЕС (2006), эти территории определяются как земли (в том числе лесного и водного фондов) и территориально-водные образования среди земель преимущественно сельскохозяйственного назначения, где сохранилось и (или) сформировалось высокое биоразнообразие, как это определяется критериями (системой критериев) его оценки и (или) признаками особо ценного либо уникального ландшафта, формирующего особые условия существования экосистем, сообществ и видов [289]. К этим территориям относятся как территории, защищенные национальным законодательством, или их части, так и места, в настоящее время не охраняемые органами публичной власти.

Другое значение использования термина «аграрный» содержит не территориальное, а отраслевое измерение и связано с определенными видами хозяйственной детальности.

В нормативно-правовых актах Украины закрепление получил термин «аграрный сектор». Так, в Государственной целевой программе развития украинского села на период до 2015 года [230] в состав аграрного сектора включены сельское хозяйство, пищевая и перерабатывающая промышленность. В Стратегии развития аграрного сектора экономики на период до 2020 года [263] указывается системообразующая роль этого сектора в национальной экономике, его формирующие начала в сохранении суверенности государства — продовольственной и энергетической безопасности, в обеспечении раз-

вития технологически связанных отраслей национальной экономики и становлении социально-экономических основ развития сельских территорий. Целью Стратегии является формирование эффективно, социально направленного аграрного сектора экономики.

В Законе Украины «Об основных началах государственной аграрной политики на период до 2015 года» [246] к аграрному сектору экономики, кроме ранее указанных отраслей, отнесены также рыбное хозяйство, аграрная наука и образование, социальная сфера села, их материально-техническое и финансовое обеспечение.

Если проводить параллели между понятиями «аграрный сектор» и «сельский сектор», следует отметить, что второе из них имеет более широкое значение. Оно включает в себя все виды хозяйственной деятельности, как аграрной, так и неаграрной направленности и содержания.

Основой аграрного сектора экономики, базовой отраслью всей сельской экономики является сельское хозяйство. В законодательстве Украины [262] сельское хозяйство (сельскохозяйственное производство) определяется как вид хозяйственной деятельности по производству продукции, которая связана с биологическими процессами ее выращивания и предназначена для потребления в сыром и переработанном виде, а также для использования на непищевые цели.

Согласно КВЭД и статистической отчетности Государственной службы статистики Украины к сельскому хозяйству также отнесены лесное, рыбное хозяйство и рыболовство.

В Федеральном законе Российской Федерации «О развитии сельского хозяйства» [180] под сельскохозяйственным производством понимается совокупность видов экономической деятельности по выращиванию, производству и переработке сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, в т. ч. оказание соответствующих услуг. А устойчивое развитие сельских территорий трактуется как стабильное социально-экономическое развитие, увеличение объема производства сельскохозяйственной продукции, повышение эффективности сельского хозяйства, достижение полной занятости сельского населения и улучшение условий его жизни, рациональное использование земель. Из приведенных определений можно сделать вывод о ключевой роли сельского хозяйства как составной части сельских территорий в обеспечении их сбалансированного развития.

Термин «аграрный» интегрирует не только сельскохозяйственную отрасль или соответствующий сектор экономики, а и межотраслевые организационные структуры, объединенные единой целью. К ним относится агропромышленный комплекс, представляющий собой совокупность отраслей экономики, производственную и социальную инфраструктуру, обеспечивающих производство средств производства для сельского хозяйства и его производственного обслуживания, выращивание сельскохозяйственной продукции, ее заготовку, транспортирование, промышленную переработку и реализацию.

Более узким по своему содержанию является понятие «агропродовольственный комплекс», который объединяет лишь вторую и третью сферы АПК, а именно сельское хозяйство и отрасли перерабатывающей промышленности, обеспечивающие производство продовольственных товаров, их сохранение и сбыт, а также социальную инфраструктуру.

Использование понятия «агропродовольственная система» предполагает, что оно включает в себя сельскохозяйственное производство, пищевую промышленность и продовольственный рынок.

Несколько иной смысл вкладывается в понятие «аграрная сфера». Слово «сфера» в переводе с греческого означает шар, область действия, границы распространения, среду, окружение, пространство.

В отечественной экономической литературе аграрная сфера определяется: как взаимосвязанное единство аграрного производства, человеческого фактора и ландшафта (природной сферы) в границах определенной территории, как правило, сельской [333, с. 440]; как сложная социально-экономическая и одновременно уязвимая агробиологическая система, которой присущи диверсифицированные функции — жизнеобеспечения (производство агропродовольствия и сырья для удовлетворения потребностей населения в продуктах питания, одежде, топливе пр.), жизнедеятельности (условия и качество жизни населения, место приложения труда и получения доходов), жизнеустройства (освоенность среды проживания, ее качественное состояние и экологическая безопасность) [214, с. 77].

Приведенные определения понятия «аграрная сфера», на наш взгляд, в большей степени соответствуют содержанию понятия «агропродовольственная сфера». Слово «аграрная» вне секторного контекста ограничивается видом сельскохозяйственной деятельности, связанной с выращиванием соответствующей продукции в определенной природной и социальной среде. Наиболее родственным по

отношению к понятию «сельские территории» является понятие «агропродовольственная сфера», которую можно определить как совмещенное село-городское пространство, в границах которого с помощью человеческого труда, использования природных, материальных, финансовых и других ресурсов, современной техники и технологий происходит приспособление природы к общественным потребностям, ее социально-экономическое преобразование с целью обеспечения населения продуктами питания, а промышленности сельскохозяйственным сырьем, создание благоприятных жизненных условий для населения и защита окружающей среды.

Определение сущности и содержания понятия «сельские территории» целесообразно осуществить на началах междисциплинарности.

1.4. СЕЛЬСКИЕ ТЕРРИТОРИИ КАК НАУЧНАЯ КАТЕГОРИЯ

Научная категория как общее понятие, отражающее наиболее существенные связи и отношения реальной действительности и познания, представляет собой систему обобщенных знаний, формирующуюся посредством использования научных концепций, теории, подходов. Именно от полноты и обоснованности последних зависит точность и строгость категориального аппарата науки.

Понятие «сельские территории» является синтезным, поэтому его определение и смысловое наполнение требует использования научного инструментария различных научных дисциплин и направлений. Однако соблюдение этого правила в исследовательской практике сопряжено с действием ряда противодействующих факторов.

Во-первых, проявляется действие на каждом из этапов развития науки противоборствующих тенденций интеграции и дифференциации ее предметных сфер.

Во-вторых, учет этих тенденций и следование линии исследования зависят в большей степени от потребностей конкретной научной отрасли, которую представляет ученый, чем от его исследовательской культуры.

В-третьих, дают о себе знать стереотипность мышления и следование устоявшимся научным традициям.

Наконец, процесс становления нового научного направления проходит несколько стадий своего развития, первая из которых связана со сбором информационной базы данных, формированием эм-

пирических знаний, определением предметного поля исследования. Современная исследовательская практика сельско-территориальной проблематики относится именно к этой стадии наукознания. Ведь первое упоминание термина «сельские территории» в нормативно-правовых актах Украины датируется концом 1990-х годов, а ее введение в научный оборот — началом 2000-х годов. Отсюда — и соответствующие исследовательские издержки: нечеткое структурирование объекта исследования, его одностороннее поверхностное описание, отсутствие системного представления о нем. Поэтому научный продукт, полученный от результатов исследовательской деятельности, пока что не является столь совершенным, как того требует практика, связанная с разработкой и реализацией прогнозных и программных документов.

Если научная актуальность и практическая значимость необходимости комплексной разработки научной категории «сельские территории» не вызывает никаких сомнений, то вопрос о том, какой научной дисциплине принадлежит приоритет в реализации этой исследовательской задачи, не имеет однозначного ответа. Ведь объект исследования — один, а предметные поля исследования, методы и способы решения познавательных задач — разные. Тем более, что тематические предпочтения каждой из наук, сформировавшиеся в силу ранее сложившихся научных традиций: территориальные (география), отраслевые (экономика) не гарантировали им доминирующие позиции в исследовательских практиках на начальном этапе общественной трансформации украинского общества. С провозглашением независимости Украины территориальное развитие страны и ее отдельных регионов было подчинено решению не локальных, а общегосударственных задач, формированию рыночной среды. Этот курс нашел свое подтверждение на Всеукраинской научно-практической конференции, состоявшейся в ноябре 1992 года. В докладе на ней Президента Украины Л. Кравчука «Управление территориями в условиях строительства демократического правового государства» [5, с. 5] подчеркивалась необходимость разработки региональной политики, развития местного самоуправления, учета специфики разных территориальных образований в условиях системного реформирования украинского общества.

Придание территориальному развитию государствоформирующего значения способствовало активизации исследований по данной тематике прежде всего специалистов по государственному управле-

нию, исторической регионалистике. В частности, историк Я. Верменич [32, с. 5], опираясь на концепцию территориальной организации общества, подчеркивает ключевую роль в этом процессе человека, который используя природу, создает условия для собственной жизнедеятельности в границах определенного исторического пространства. Поддерживая идею о системоформирующей роли человека в функционировании региональных систем, Н. Нижник [152, с. 39] указывает на направленность территориального развития на обеспечение устойчивого, сбалансированного воспроизводства социального, хозяйственного, ресурсного и экологического потенциала территорий. Научной новизной отличается определение территории как пространственного базиса, совокупности разнообразных ресурсов, среды взаимодействия природы, человека и производства [2, с. 275].

В том, что именно научные разработки представителей управленческой науки способствовали становлению территориального подхода, есть свое объяснение, поскольку эффективное управление объектом требует от субъектов управленческой деятельности системных знаний об объекте управления. Несмотря на то, что в указанных публикациях речь идет о территориях в целом, без их привязки к сельскому пространственному сегменту, они способствовали формированию критического отношения к отраслевому подходу, его ограниченным познавательным возможностям.

Перенести эти идеи на сельскую «почву» и развить их призваны в первую очередь аграрные экономисты. Это предполагает овладение ими методологией смежных научных дисциплин при анализе социально-экономических процессов, происходящих на сельских территориях.

Среди основателей этого нового научного направления — академик НААН Украины В. Юрчишин, который еще в 2005 году одним из первых в отечественной науке дал системное определение понятия «сельские территории». Наряду с пространственными характеристиками этих образований он включил в научный анализ все то, что функционирует на территории или является ее составляющей. В качестве определяющей социальной ячейки сельских территорий этот автор выделил сельскую общину, которая охватывает всех без исключения, кто проживает на селе, независимо от того, в какой сфере производства и обслуживания они заняты. Село рассматривается им как производственная среда, социально-бытовой, административный и культурный центр каждой конкретной территории. Следующей со-

ставляющей сельских территорий выступают сельскохозяйственные и иные угодья, находящиеся за пределами сельских поселений, с размещенными на них производственными объектами. В состав сельских территорий включены также органы местного самоуправления и общественные организации. На этом основании В. Юрчишин [352, с. 4, 6–7] делает вывод о том, что сельские территории представляют собой сложную и полифункциональную природную, социально-экономическую и производственно-хозяйственную структуру.

Примечательно, что именно в этот период произошло важное событие в жизни научного сообщества отечественных экономистов аграрного профиля, значительно активизировавшее деятельность ученых по разработке теоретических и методологических основ комплексного исследования сельских территорий. В ноябре 2005 года в Национальном научном центре «Институт аграрной экономики» УААН состоялось очередное собрание Всеукраинского конгресса ученых экономистов-аграрников, на котором более 200 специалистов из всех регионов страны обсуждали тему «Социально-экономические проблемы развития украинского села и сельских территорий». В докладе Президента конгресса академика УААН Украины П. Саблука [284, с. 19], выступлениях ученых, представителей сельской общестственности аграрного бизнеса были рассмотрены актуальные проблемы функционирования сельских территорий, обоснованы концептуальные и организационные предпосылки развития этих природных и социально-пространственных образований. В материалах конгресса [301, с. 8–9] содержалось современное видение сельских территорий как собственно территориально-пространственных, социальных и производственно-хозяйственных образований.

В то же время нельзя сказать, что после конгресса окончательно удалось преодолеть последствия доминирования отраслевого подхода в определении сущности сельских территорий. Даже в самой формулировке темы конгресса содержалась непреодолимая грань между украинским селом и сельскими территориями. Хотя на самом деле, с точки зрения системного подхода, это единое целое: село — сердцевина и составная часть сельских территорий.

Качественные изменения современного уровня изучения сельских территорий характеризуются увеличением удельного веса научных публикаций, авторы которых не ограничиваются формальным определением объекта исследования, а предпринимают попытки его структурирования и поэлементного описания. Так, Т. Пилипенко

[205] предлагает рассматривать сельские территории как систему, интегрирующую следующие аспекты:

- геополитический (особенности геополитического размещения);
- геоклиматический (геоклиматические особенности);
- природно-экологический (лесные и водные ресурсы, атмосфера, растительный и животный мир, полезные ископаемые и другие энергетические ресурсы);
- экономико-производственный (производство, обмен, распределение и потребление);
- социальный (население, поселенческая сеть, социальная инфраструктура, уровень жизни);
- управленческий (органы местного самоуправления, органы государственной власти, общественные организации, формирующие систему управленческих отношений).

В качестве основной ячейки сельских территорий этот автор рассматривает сельский населенный пункт [205]. Однако надо иметь в виду, что сельскохозяйственные и другие угодья, основные производственные объекты сельских территорий находятся за пределами населенных пунктов.

М. Поленкова [209] вместо термина «аспекты» использует словосочетание «составляющие сельских территорий», понимая под ними:

- территорию, занятую населенным пунктом;
- территорию производственных помещений;
- природные (экологообеспечивающие) участки;
- открытые природные и искусственные водоемы, реки, запасы подземных вод;
- объекты историко-культурного наследия, сельское население, сохраняющее традиционную культуру страны;
- сельскохозяйственные угодья, на которых осуществляется производство продукции отраслей растениеводства;
- социальную и производственную инфраструктуру;
- заготовительные, перерабатывающие и другие предприятия и организации, являющиеся производственными или обслуживающими структурными образованиями;
- село как социально-бытовую, производственную ячейку, административный и социально-культурный, бытовой центр;
- сельскохозяйственные предприятия разных форм собственности и другие производственные, управленческие, хозяйствующие структуры.

В целом можно согласиться с приведенной классификацией структурных элементов сельских территорий, являющейся достаточно полной по содержанию. В то же время вызывает возражение вывод М. Поленковой о том, что каждую отдельно взятую сельскую территорию правомерно рассматривать как социально-территориальную подсистему общества [209]. Эту подсистему составляют сельские территории общегосударственного уровня.

Выделяя те или иные классификационные признаки как идентифицирующие сельские территории, следует руководствоваться правилом их предельной достаточности, то есть их количество не может быть беспредельным, поскольку среди их огромного перечня сложно выделить системообразующие, отличающие объект познания от остальных.

В этом плане предпочтительнее выглядит позиция И. Гончаренко [44, с. 12], выделившей среди множества критериев, используемых для формирования понятия «сельские территории», следующие:

- географические (размещение, величина территории и количество населения);
- производственно-функциональные (специфика преобладающих видов деятельности);
- градостроительные и инженерного обустройства территории (характер застройки объектов производственной деятельности, жилья и обслуживания);
- социологические (нормы общения, поведения).

Приведя перечень указанных критериев, автор, тем не менее, признает, что ими не исчерпывается разнообразие сельских территорий, которые следует рассматривать одновременно и как элемент территориальной организации национального хозяйства, и как элемент системы расселения, и как элемент социальной организации общества. Исходя из этого, И. Гончаренко [44, с. 12] определяет сельские территории как сложную и многофункциональную природную, социально-экономическую и производственно-хозяйственную структуру, которая характеризуется совокупностью свойственных каждой из них особенностей: площадью земельных угодий, особенностями ландшафта; численностью проживающих людей и типом их занятости; численностью, видовым разнообразием растительного и животного мира; объемами и структурой производства; развитием социальной и производственной инфраструктуры и другими чертами.

Известный специалист по земельному праву В. Ермоленко [67] отдает приоритет таким квалификационным факторам понятия

«сельские территории» как пространственно-географический, антропогенный, ресурсно-производственный, поселенческо-сетевой и организационно-управленческий. Исходя из этой классификации сельские территории, по В. Ермоленко, — это пространственно-географическая среда проживания и производственной деятельности населения, которое в своем преобладающем большинстве занимается сельскохозяйственным производством и организовано в границах отдельного сельского населенного пункта с территориальным органом управления на уровне сельского совета, а также — среда размещения производственных и рекреационных ресурсов, необходимых для обеспечения жизнедеятельности сельского населения и сельскохозяйственной деятельности на этой территории. Конструктивной в данном определении является трактовка сельских территорий в первую очередь как пространственно-географической среды проживания населения. Наряду с этим автор неоправданно сужает разнообразие видов хозяйственной деятельности сельскохозяйственной деятельностью.

В этом смысле большей определенностью отличается характеристика сущности сельских территорий, данная П. Саблуком [285, с. 21]. В его версии сельская территория предстает как сложная многофункциональная природная, социально-экономическая и производственно-хозяйственная система со свойственными ей количественными, структурными, природными и другими характеристиками. При этом село является одним из важных элементов системообразования сельских территорий, а его развитие возможно благодаря становлению высокотехнологического и прибыльного аграрного сектора, формированию новой организационной структуры сельского хозяйства, его рыночной инфраструктуры. Подчеркнем важность в приведенном определении выделения села и аграрного сектора экономики как базовых начал формирования и функционирования сельских территорий.

Примерно в таком же ключе выдержано определение сельских территорий, принадлежащее Т. Зинчук [90, с. 9]. В редакции указанного автора сельские территории, с одной стороны, — пространственная база для проживания сельского населения и упорядоченное жизненное пространство для всего населения страны (социосфера), и территория, предназначенная для сельскохозяйственного и промышленного производства, которая характеризуется высокой зависимостью от природно-климатических, биологических и геогра-

фических факторов — с другой. К основным признакам сельских территорий этот автор относит: плотность населения (она на порядок ниже, чем в городах); преобладание занятости населения в отраслях, связанных с использованием ресурсов окружающей природной среды. Автор ограничивает предназначение сельского пространства исключительно производственными целями, в то время как здесь также осуществляется оздоровительно-рекреационная деятельность, активно развивается туризм, оказываются социальные и иные услуги при наличии необходимых ресурсов окружающей природной среды. Вместе с тем заслуживает внимания привязка хозяйственной деятельности, осуществляемой на сельских территориях, к природно-климатическим, биологическим и географическим факторам, зависимость от которых выражена сильнее, чем в городах.

Достаточно полным по своему объему является определение понятия «сельские территории», содержащееся в диссертационном исследовании О. Кульганик [119, с. 5]. Они идентифицируются как территориально-пространственный комплекс, который включает земли сельскохозяйственного фонда и содержит ресурсный потенциал, объединяет совокупность сельских населенных пунктов, где сосредоточена административно-управленческая, природно-экономическая, социально-культурная деятельность. Неотъемлемыми составляющими сельских территорий являются сельская поселенческая сеть, органы самоуправления, человеческий потенциал, производственно-хозяйственная сфера, природная среда. В целом такое определение не вызывает возражений.

Анализ различных литературных источников по исследуемой теме свидетельствует о преобладании среди них научных публикаций, в которых содержится одностороннее определение понятия «сельские территории». В какой-то мере это обусловлено предметным полем исследования и постановкой соответствующих задач.

В диссертации М. Игнатенко [93, с. 5] содержится достаточно емкое определение сельских территорий как сложных открытых системно-структурных образований, которые включают природные и материально-технические ресурсы, социальную и производственную инфраструктуру, сельское население и систему расселения, характеризуются комплексностью, имеют территориально-административные границы, организационно-управленческую подсистему, обеспечивают осуществление производственной и социально-экономической деятельности.

Вполне прогнозируемой в исследовательской практике является ситуация, когда сельские территории часто идентифицируются по их потенциалу. В этой связи сошлемся на монографию А. Ключник «Формирование и развитие экономического потенциала сельских территорий Украины» [100, с. 21–22]. В ней под сельскими территориями понимается часть социального (в первую очередь, население), природного (в т. ч. природно-ресурсного и экологического), экономического, инфраструктурного, культурно-исторического и пространственного потенциалов страны, которые относятся к полномочиям государственных и местных органов власти. Такая идентификация сельских территорий по их интегральному потенциалу позволяет дифференцировать сельскую и городскую территориальные подсистемы общества.

Аналогичное определение сельских территорий дает В. Збарский [82, с. 135], согласно которому они рассматриваются как многофункциональная природная, социально-экономическая и производственно-хозяйственная система со свойственными ей количественными и качественными признаками, охватывающая природные, людские и материально-технические ресурсы. Из приведенного определения следует, что функции, как и существенные характеристики сельских территорий в значительной степени зависят от их ресурсного потенциала.

Иногда в определениях сельских территорий акцентируется внимание на их прикладном характере. Так, И. Прокопа [245, с. 50] подчеркивает, что термином «сельские территории» используются для обозначения сельской местности определенных частей страны: природно-экономических или географических зон, административно-территориальных образований и т. п. Такой прием, на наш взгляд, не является конструктивным, поскольку за внешней стороной универсальности подхода отсутствует содержательное наполнение термина.

Положительно отразилось на социальной направленности исследования сельских территорий распространение среди постсоветского научного сообщества социоэкономического подхода. Симптоматичным в этом смысле является определение сельских территорий как системного, пространственного образования многоцелевого назначения, призванного гармонично объединять социум с его культурным и духовным наследием, наличный потенциал конкретной сельской территории, взаимоотношения и связи, возникающие между нами,

а также факторы, влияющие на становление и развитие украинского села, которое принадлежит Л. Чернюк [336, с. 211].

В. Шигонский [346] дает определение сельских территорий как социально-территориального комплекса, состоящего из сельского сообщества с системой экономических, социальных и культурных отношений, а также территории с совокупностью размещенных на ней природных и антропогенных объектов.

Административно-территориальное содержание сельских территорий преобладает в определении К. Якубы [354, с. 74], которая рассматривает их как территориально-пространственное размещение совокупного ресурсного потенциала сельских населенных пунктов, понимая под ними административно-территориальные единицы независимо от их размера (хутор, село, сельский совет, район пр.) с наличным населением, природно-экономическим и социальным потенциалом и соответствующими органами управления социально-экономическим развитием этих населенных пунктов. По сути здесь имеет место рассмотрение термина «сельские территории» как синонима слова «сельские населенные пункты» и непреднамеренная попытка установления масштаба и иерархии сельских территорий. Вместе с тем в этой дефиниции присутствует социальная составляющая.

Что касается социологической науки, то судя по эпизодическим публикациям, посвященным сельско-территориальной проблематике, она в настоящий момент находится в поиске собственного предметно-исследовательского поля, иногда заимствуя инструментарий смежных научных дисциплин. Как следует из публикации социолога М. Ильиной [94], сельские территории — это физико-географическое и экономическое пространство, возникшее вследствие преобразования человеком природного ландшафта в комплексное многофункциональное образование, основными составляющими которого являются пространственно-ресурсная основа для полифункционального производства, природная среда для рекреационной деятельности и место жизнедеятельности людских сообществ как инфраструктурная основа для оказания рекреационных услуг населению.

Иногда по характеристике сельских территорий трудно выяснить профессиональную принадлежность их авторов. В частности, Л. Мармуль и Н. Игнатенко [133, с. 122] определяя сельские территории как сложные открытые системно-структурные образования, включающие природные и материально-технические ресурсы, игнорируют

их производственную составляющую. Как это ни парадоксально, но авторы приведенного определения являются экономистами.

Другой известный экономист В. Диеперов [61, с. 46] ограничился констатацией того, что сельские территории — это такие территории, которые могут быть заселены и рационально использованы в сельскохозяйственном производстве.

Часто в научной литературе [308] для идентификации сельских территорий основной упор делается на их особенности как источника множества благ: продовольствия и сельскохозяйственного сырья, кладовой природных ресурсов, места проживания, рекреационного объекта, места ассимиляции отходов. Такой односторонний утилитарный и потребительский подход является не только малопродуктивным, но и способствует закреплению в общественном сознании представления о сельских территориях как о своего рода кладезе богатств.

Отдельные авторы [335, с. 79] при определении понятия «сельские территории» используют метод их противопоставления городам. Согласно такой логике, сельская территория понимается ими как территория, размещенная за пределами городских поселений, с их природными, антропогенными ландшафтами и сельскими поселениями, где проживают крестьяне. Хотя, с их точки зрения, это не означает, что крестьяне должны обязательно заниматься сельским хозяйством. В связи с этим возникает вопрос: каковы основания отнесения части сельского населения к крестьянству?

Вопрос о крестьянстве, его воспроизводстве в условиях рыночной среды как субъекта хозяйствования, определенного социального слоя, выразителя общественных настроений и надежд, и в конечном итоге — системообразующего элемента сельских территорий является одним из слабо разработанных в общественных и социальных науках. Одна из трудностей на этом пути состоит в определении адекватности природы отечественного крестьянина характеристике украинского общества как информационного и его цивилизационной идентичности. Бытует мнение, что по своему социально-экономическому статусу, ментальности, условиям производства, жизненному уровню украинский крестьянин подобен типу крестьянина доиндустриального (аграрного) общества. В этом смысле небезосновательным выглядят попытки западных исследователей дать характеристику крестьянству постсоветских республик, используя концепцию «моральной экономики», которая применяется при анализе натурально-

потребительского хозяйства. Так, американский историк Дж. Скотт [362, с. 52] считает, что в основе поступков, поведенческой линии крестьянства лежит его нежелание рисковать и поэтому оно ограничивает свою экономическую деятельность нижней чертой потребления, то есть уровнем простого воспроизводства. Такую позицию разделяет другой западный ученый Т. Шанин [363, с. 23–24], при этом отметив, что в рамках натурального хозяйства крестьянин стремится прежде всего удовлетворить потребность своей семьи в продуктах питания.

Анализ различных подходов к определению понятия «сельские территории» как сложного по своей структуре объекта, выполняющего ряд общественно значимых функций, в значительной мере предопределенных его местоположением и ресурсным потенциалом, свидетельствует о том, что представители различных научных дисциплин и направлений, как правило, ограничиваются собственным научно-исследовательским арсеналом и не выходят за рамки своего предметного поля. К разработке категориально-понятийного аппарата прибегают в основном экономисты, реже географы, правоведы, представители государственно-управленческой науки и эпизодически — социологи и историки.

Вместе с тем, как уже отмечалось ранее, трудно переоценить вклад географов в исследование сельских территорий, их хозяйственное освоение, эффективное использование ресурсного потенциала. В частности, исследуя интегральный потенциал территории в контексте хозяйственной деятельности региона, В. Нагорная [140, с. 32] определила их роль как основы, на которой базируется хозяйственная деятельность, формируется территориальная структура производства и расселения населения, происходит взаимодействие природных и общественных компонентов.

Один из элементов интегрального потенциала сельских территорий и основной компонент их социальной составляющей — население является предметом исследования социологов. Масштаб изучения социологии — конкретный сельский локальный социум (сообщество). Основным элементом сельского локального сообщества, по О. Нечипоренко [151, с. 15], являются территориальные группы населения, социальные связи и жизненная среда, которая, в свою очередь, разделяется на естественную среду (природно-климатические условия, земля, вода и другие естественные ресурсы) и искусственную среду, созданную трудом человека (материально-вещественные условия жизни).

Осмысление природы сельских территорий зависит от степени научного изучения социологической наукой в содружестве со смежными научными дисциплинами таких двух противоположных тенденций: раскрестьянивание (процесс отчуждения человека от занятий сельскохозяйственным трудом и сельского образа жизни) и рурализации (выход стандартов и образа сельской жизни за пределы сельских территорий, тяга городских жителей к природной среде). Успешность решения этой научной задачи зависит, по мнению белорусских социологов, от исследования социально-экономических процессов, происходящих в сельских домохозяйствах [123, с. 39].

Внедрение междисциплинарного подхода в исследовательский процесс идентификации сельских территорий сопряжено с трудностями не столько интеллектуального характера, сколько институционального и организационного. Как точно подметила Т. Нефедова [150], агрогеографические исследования проводятся в основном без учета социальной составляющей, социально-географические — без аграрной и часто вообще без хозяйственной компоненты, социальные и экономические исследования — без географии. Отсюда потребность в стыковом направлении — социальной географии сельского хозяйства, которая призвана представить сельскую местность в ее географической целостности и разнообразии. Однако огромные размеры страны (Россия), ее природное, культурное, социально-демографическое и экономическое разнообразие сформировали настолько разные сельские миры, что часто они оказываются непонятны друг для друга. Это требует применения полимасштабности, которая реализуется двумя путями:

– «сверху» — от мелкого к крупному масштабу с применением процедур классификации и последовательным отбором ключевых регионов для более подробного исследования районов, сел, отражающих природное и социально-хозяйственное разнообразие страны;

– «снизу» — из живого многообразия местности, с выделением характеристик хозяйств, сел, районов как типологических образований.

Автор достаточно точно определила проблему, однако предложенное средство ее решения (социальная география сельского хозяйства) сужает круг проблематики, связанной с сельскими территориями как сложным по своей структуре пространственным образованием по сравнению с сельским хозяйством как их базовой отраслью. Поэтому предложенная модель полимасштабности исследования сельско-

го социального пространства не отражает иерархическую структуру сельских территорий.

Как отмечает И. Голубченко [43], полимасштабный подход или «игра масштабами» является приемом не просто географического описания и анализа территориальных таксонов разных районов, а используется для исследования их взаимодействия между собой, а также в разрезе пространственного, временного и сущностного масштабирования. Различия территорий свидетельствуют о вариативности иерархии территориальных масштабов (при разных сочетаниях компонентов, разных степенях концентрации тех или иных объектов, процессов, явлений). Это означает, что масштабирование сельских территорий не является самоцелью, а должно служить изучению масштабов их функционирования, установлению взаимосвязей как внутримасштабных, так и межмасштабных связей. Важно также установление степени соответствия или несоответствия между пространственными, временными и сущностными масштабами.

В свете междисциплинарной исследовательской парадигмы особое значение приобретает оценка правового содержания термина «сельские территории» как системы правоотношений, складывающихся между компонентами этих природных и социально-пространственных образований. Учитывая отраслевое многообразие правовой сферы, для той или иной отрасли права приоритетными являются разные системообразующие составляющие и атрибутивные свойства понятия «сельские территории». Как подчеркивает В. Ермоленко [68, с. 51–52], для административного права первостепенное значение имеет административно-территориальное деление определенной территории, для земельного права — рациональная организация территории административно-территориальных образований и субъектов хозяйствования, а также формы собственности на землю внутри этой территории, для уголовного права — взаимное размещение и соотношение образующих соответствующую сельскую территорию природных и искусственных факторов. Точно так же разное значение приобретает понятие «сельские территории» в зависимости от темы научного исследования. Так, для аграрно-правовых исследований на первый план выходит получаемый социально-экономический эффект от внедрения определенной правовой модели организации сельской территории. Разделяя позицию данного автора, все же укажем на особый статус такой специализированной отрасли права как аграрное право, которая охватывает совокупность

взаимосвязанных хозяйственных, земельных, имущественных, трудовых и организационно-управленческих отношений, складывающихся в процессе функционирования сельских территорий. Общим недостатком отечественной юридической литературы является отсутствие, как собственно и на законодательном уровне, четкого определения понятия «сельские территории».

В исследовательской практике Республики Беларусь акцент делается на локальный уровень сельских территорий. Государственной схемой территориальной организации Республики Беларусь в рамках существующего административно-территориального деления выделяются территории, которые характеризуются преобладанием земель сельскохозяйственного назначения и высокой долей сельского населения. К их отличительным признакам также отнесены хозяйственная деятельность, связанная с выращиванием и переработкой товарной сельскохозяйственной продукции и зависящая от наличных природных ресурсов, а также особый уклад жизни, характеризующийся более низким, чем в городе, уровнем социальных условий [347].

Анализ различных литературных источников, представленных различными научными дисциплинами и отраслями науки, раскрывающих сущность понятия «сельские территории», свидетельствует о неоднозначности трактовки данной категории. Несмотря на отход от отраслевого подхода при определении предметного поля исследования, до конца преодолеть экономический редуцианизм и аграрный фундаментализм при оценке общественного предназначения этих природных и социально-пространственных образований пока не удалось. Перспективы развития сельских территорий напрямую связываются с динамикой сельскохозяйственного производства, при этом не в полной мере учитываются другие виды деятельности на сельских территориях. В поиске собственной исследовательской ниши пребывают представители неэкономических научных дисциплин. Поэтому вопрос о междисциплинарности исследования сельских территорий нуждается в серьезном концептуальном обосновании.

Очевидно, что ни одна из анализируемых дефиниций понятия «сельские территории» в полной мере не охватывает понятия «сельские территории» и, следовательно, до конца не отражает его сущность.

Нами на протяжении последнего десятилетия в монографических и периодических изданиях неоднократно под разным углом зрения,

с учетом тех или иных исследовательских задач анализировалась содержательная сторона категории «сельские территории». Учитывая это, считаем необходимым обратить внимание на те составляющие сельских территорий, которые отражают его сущность. Сельские территории невозможно идентифицировать вне их непосредственной связи с окружающей природной средой, соответствующими ресурсами (земельные, лесные, водные и другие) и условиями, отличающими их от городской территориальной подсистемы общества. Сельские территории — это социальная среда, отличающаяся своими условиями и образом жизни, сельский социум, сформировавший эту среду, поселенческая сеть, производственный комплекс, производственная и социальная инфраструктура, территориальная община. Вокруг этих составляющих сельских территорий и должен формироваться их обобщенный образ, отраженный в виде соответствующего понятия.

СИСТЕМНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ

2.1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Идентификация — это процедура выявления идентичности (от лат. *identicus* — одинаковый, тождественный) исследуемого объекта через выделение его из множества сходных объектов по совокупности присущих ему свойств. Идентификация как познавательный процесс предполагает, с одной стороны, установление соответствия реального объекта его названию и определение сходства познаваемого объекта с другими на основании совпадения одинаковых признаков — с другой.

Понятие «идентичность» введено в научный оборот в прошлом веке З. Фрейдом и Э. Фроммом, поэтому неудивительно, что оно широко используется в психологии и философии. Установление идентичности исследуемых объектов характерно для биологии, социологии, этнологии, точных наук, криминалистики.

Менее разработан социально-пространственный аспект идентификации. На наш взгляд, по отношению к сельским территориям это объясняется следующими обстоятельствами:

- имплицитностью термина «сельские территории»;
- различными подходами к определению понятия «сельские территории» со стороны ученых, представляющих разные страны, научные дисциплины и направления;
- отсутствием дефиниции «сельские территории» в отечественном законодательстве;
- непризнанием сельских территорий как самостоятельного объекта статистического обследования;
- неопределенностью критериев идентификации сельских территорий.

В этих условиях первостепенное значение приобретает вопрос о соблюдении правил выделения идентификационных признаков.

Прежде всего, следует учитывать, что те или иные свойства сельских территорий приобретают идентификационный признак, если

они отражают их сущностные характеристики. При этом словесная форма выражения идентификационного признака должна точно передавать его смысл.

Функциональную идентификационную нагрузку могут выполнять такие свойства сельских территорий, которые отражают их особенности, своеобразие, специфическое отличие от других объектов. Чем уникальнее это свойство, тем большая его идентификационная значимость.

Один из критериев идентификации сельских территорий связан с частотой проявления выявленных признаков в других, сравниваемых с ними объектах. Частотная зависимость может быть сформулирована следующим образом: чем реже выявленный признак (свойство) повторяется, тем более он значим в идентификационном процессе.

Существенное значение для выделения сельских территорий имеет использование таких их идентификационных свойств, которые характеризуются устойчивостью и повторяемостью.

Важным также является и то, чтобы признаки, по которым идентифицируются сельские территории, обладали относительной самостоятельностью. Для этих природных и социально-пространственных образований характерной является высокая взаимозависимость между теми или иными их свойствами, одно из которых является доминирующим (например, природные ресурсы — сельскохозяйственные угодья). Поэтому в качестве идентификационного признака выделяется именно такое свойство, остальные не учитываются как не имеющие определяющего идентификационного значения.

Идентификационные признаки дифференцируются на общие и частные. Первые из них — видового (группового, классового) характера, вторые — подвидового (типового) характера. В процессе идентификации сельских территорий прежде всего выделяются их видовые свойства, присущие им как таковым, независимо от их уровня, типа, или особенностей. На следующем этапе выявляются подвидовые свойства этих образований, дополняющие и уточняющие их общую характеристику как определенного класса.

Использование свойств сельских территорий как объекта исследования предполагает их выявление и описание с помощью научных методов. Чем презентабельней и доступней для эмпирической проверки выявленное свойство, тем более полной и адекватной является сама процедура идентификации объекта.

Идентификация как познавательный процесс основывается на использовании комплекса концепций и теорий, методов исследования, позиционирующих сельские территории в глобализированном пространстве материальных объектов.

Основания идентификации сельских территорий образуют различные теории и концепции, определяющие их место в современном мироздании, системе экономических и социальных отношений. Каркас теоретических построений составляют цивилизационные теории. В терминах этих теорий аграрное общество в целом и сельские территории, как его составляющая, рассматриваются как прошлое человеческой истории, не имеющее будущего. В таком представлении сельских территорий прослеживается «след» формационного подхода, исчисляющий историю человечества по сменяющим друг друга общественно-экономическим формациям, в свете которого аграрному обществу соответствовал феодализм с его натуральным, преимущественно земледельческим хозяйством.

Тем не менее, в тех или иных цивилизационных теориях на первый план выступает определенный идентификационный признак. Так, в философии истории А. Дж. Тойнби [311, с. 107] — это крестьянство. По его мнению, крестьянство, охваченное вихрем истории, втянуто в цивилизацию, чтобы материально обеспечить привилегированное меньшинство, до сих пор остается наиболее несчастным братом тех примитивных обществ, которых цивилизации не успели поглотить [311, с. 107]. Это означает следующее: смысл приведенной фразы — чтобы иметь будущее, крестьянству следует перестать быть братом примитивных обществ, поскольку согласно классификации А. Дж. Тойнби примитивные общества пребывают на обочине цивилизационного развития.

Ответ на вопрос об исторической перспективе крестьянства содержится в творческом наследии О. Шпенглера [348, с. 90, 91, 100, 102]. Упадок европейской цивилизации немецкий философ связывал со средоточением жизни в городе. В то время, как все остальное увядает, житель большого города — человек, абсолютно лишенный традиций, человек фактов, переполненный глубоким отвращением к крестьянству, совершил огромный шаг к неорганическому, к концу. Прийти к концу, по О. Шпенглеру, означало стать провинциальным или прийти к упадку. Первая фаза этого упадка — победа города над селом, вторая — переход к цивилизации в результате утраты почвенного духа крестьянства, создания искусственных мегаполисов, озна-

чающего переход к новой исторической эпохе. Суть этой новой эпохи — в отрыве человека от ландшафта, с которым была неразрывно связана вся предыдущая история человечества. Впервые искусственное изменение ландшафта началось с развитием земледелия. Тем самым крестьянин пустил корни в почву, которую он обрабатывал. Так и сама культура, подобно растению, вырастает из своего материнского ландшафта. Однако с развитием городов человек начинает отрываться от почвы. С появлением мировых столиц, являющихся признаком зрелых цивилизаций, — обесценивается провинция — материнский ландшафт культуры. Все превращается в провинцию — и село, и малый город, и город большой, за исключением двух-трех гигантских мегаполисов. В отличие от локальных цивилизаций, сменяющих одна другую, крестьянин — вечный человек, который предшествовал культуре. Он продолжает свой род из поколения в поколение благодаря его связи с землей. Эта связь не исчезает до тех пор, пока огонь, в благочестивом смысле этого слова, остается действительным, значимым центром семьи. Идентификационной квинтэссенцией глубоких по своему смыслу и глобальных по значимости мыслей О. Шпенглера становится вывод о том, что крестьянин является вечным персонажем истории при условии не утраты им связи с ландшафтом, занятиями на земле и выполнения детородной функции. Различия во времени связаны с исторической эволюцией сельского уклада и рода занятий крестьянства, технической и технологической оснащенности его хозяйственной деятельности.

Анализ аграрного способа производства, как доминирующего на сельских территориях, в контексте технологической парадигмы содержится в работе Д. Белла [20, с. 468]. Для его описания американский социолог использовал понятие «технологические ступени». К первой ступени он отнес наряду с горнодобывающей промышленностью и сельское хозяйство, составляющие вместе доиндустриальный сектор, который основывается на ресурсной базе. Несмотря на то, что в информационную эпоху удельный вес занятых в сельском хозяйстве значительно уменьшился, это, по убеждению Д. Белла, не является основанием для вывода о том, что аграрный сектор экономики ликвидируется как таковой. Из приведенного положения следует, что один из идентификационных признаков сельских территорий — сельскохозяйственная занятость населения.

Прибегнув к аллегории (идея «волнового» исторического развития) Э. Тоффлер [314, с. 23, 98, 99] определил сельское хозяйство как

родовой признак цивилизации первой волны (аграрное общество), отличающейся «ограниченным пространством». При этом он имел в виду не только локальный характер, а и узкую производственную специализацию аграрного сектора экономики. Что касается субъектов хозяйствования, то они представлены, в изложении американского футуролога, фермером и его семьей, интенсивно работающими на своем маленьком клочке земли, среди моря пространства, на фоне которого человек выглядит карликом. Кроме прямого указания на сельскохозяйственную специализацию сельского пространства и низкую плотность сельского населения, исследование Э. Тоффлера убеждает в необходимости расширения идентификационного поля сельских территорий за счет таких признаков как непосредственная связь производства и жизнедеятельности сельского населения с природной средой и его занятостью несельскохозяйственной деятельностью.

Огромным познавательным потенциалом для идентификации сельских территорий обладает учение представителя французской исторической школы Анналов, одного из основателей системного подхода Ф. Броделя [26, с. 413, 414, 418]. В отличие от О. Шпенглера, французский исследователь подошел к рассмотрению проблемы взаимоотношений села и города не с позиции их противопоставления, а в контексте их взаимного влияния. Учитывая историческое значение разделения труда между городом и селом, Ф. Бродель отметил, что это разделение не носит завершенного характера, а постоянно обновляется. По этой причине село и город невозможно отделить друг от друга: в одно и то же время существовали отделение и сближение, размежевание и объединение. Села, расположенные возле города, черпали пользу от такого соседства. Села и города подчинялись обоюдности перспектив, вследствие чего происходили изменения, имеющие обратный характер: города урбанизировали села, а те делали окончательно города сельскими. Вместе с тем Ф. Бродель подчеркивал, что города в этом обоюдном обмене выполняют роль экономических трансформаторов: они повышают напряжение, ускоряют обмен. Город существует как город только в противопоставлении нижнему способу, чем он (селу. — *А. П.*). Не было ни одного города, ни одного городка, которые бы не имели своих сел, своего клочка сельской жизни, который не оказывал бы окружающей местности своих услуг. Анализируя развитие сельского хозяйства, которое концентрировалось исключительно вокруг городов (Кастилия XV–XVI

веков), Ф. Бродель [27, с. 79] размышлял над тем, целесообразно ли развивать села, находящиеся на больших расстояниях от городов. Из приведенного аналитического материала следует, что формирование образа сельских территорий предполагает выделение их существенных свойств, отличных от городов, противостоящих друг другу («мы» и «они»). В то же время кроме сельских территорий и городов существует «смешанные», переходные виды социально-пространственных образований. Наконец, сельские территории и города не могут существовать одни без других.

В идентификации сельских территорий одну из ключевых ролей играют теории и концепции пространственного развития, разработанные в разное время географами и экономистами.

Как известно, пространственное развитие характеризуется инерционностью и неравномерностью, которые определяются целой группой факторов долговременного действия. Для реализации задач нашего исследования первостепенное значение приобретают две группы факторов, по П. Кругману [360, с. 38], определяющих конкурентные преимущества территорий. К факторам «первой природы» относятся обеспеченность природными ресурсами, а также географическое положение, которые существуют вне зависимости от деятельности людей. К факторам «второй природы» относятся преимущества, созданные человеческой деятельностью, которые сказываются на экономических показателях:

– агломерационный эффект (высокая плотность населения, дающая экономию на масштабе);

– человеческий капитал (образование, здоровье, трудовые мотивации, мобильность и адаптивность населения);

– институты, способствующие улучшению предпринимательского климата, мобильности населения, распространению инноваций и др.;

– инфраструктура, сокращающая расстояния.

Очевидно, что в первом случае речь идет о факторах, имеющих отношение преимущественно к сельским территориям, особенно в части природных ресурсов, во втором — к городам. Безусловно, что факторы «второй природы» в какой-то мере проявляются и в сельской среде, особенно в крупных селах, расположенных на небольшом удалении от городов.

Вопрос, связанный со взаимодействием факторов «первой природы» и «второй природы» в пространстве стал предметом научного

интереса экономистов еще со времен формирования рыночных отношений.

В числе первых, кто попытался научно объяснить закономерности пространственного размещения хозяйства, был И. Г. фон Тюнен [320, с. 106]. Его теория сельскохозяйственного штандорта (местоположения) была изложена в фундаментальном труде «Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономике» (1826 г.). Целью работы немецкого ученого было создание оптимальной экономической модели размещения сельскохозяйственного производства с учетом действия таких внутренних факторов как расстояние до рынка сбыта (города), цена на продукцию и земельная рента. В модели заданным был центральный город, исходя из чего обосновывалось размещение вокруг него сельскохозяйственного производства при определяющей роли расстояния до города. В результате расчетов были выявлены зоны, наиболее благоприятные, с точки зрения минимизации транспортных затрат, для размещения в них определенных видов хозяйственной деятельности. В законченном виде модель И. Г. фон Тюнена представляла собой систему концентрических кругов (колец) разного радиуса вокруг центрального города, которые ограничивали зоны размещения таких видов деятельности:

- интенсивное товарное садоводство и огородничество, молочное животноводство;
- интенсивное лесное хозяйство;
- зерновое хозяйство без чистых паров, мясное животноводство;
- трехпольный севооборот с чистыми парами, лугами и выгонами;
- пастбищное скотоводство (производство мяса, масла, шерсти);
- неиспользуемые, но пригодные для освоения земли, примитивное охотничье хозяйство.

Порядок чередования колец определяется спросом рынка (города) на продукты, а степень интенсивности ведения хозяйства прямо пропорциональна его близости к городу. Земельная рента максимальна в первом кольце и соответственно уменьшается по мере удаления земельных наделов от города, что свидетельствует о ее зависимости от транспортных издержек.

Идеи И. Г. фон Тюнена были революционными не только для своего времени и конкретного места. Они заложили основы нового научного направления — теории размещения хозяйства. Поскольку в первой четверти XIX века средства коммуникации были развиты недостаточно, а система расселения состояла из сел и небольших го-

родов, поэтому число городов в модели размещения ограничивалась одним городом. Виды хозяйственной деятельности в пределах колец И. Г. фон Тюнена (сельских территорий) представлены сельским, лесным и охотничьим хозяйством. Концентрация экономической деятельности в первых поясах модели (прообраз пригородной зоны) играет определяющую роль в интенсификации процесса расселения вокруг крупного города, что положительно сказывается на плотности населения. В свете учения И. Г. фон Тюнена не бесперспективным выглядит и развитие сельских территорий, удаленных от городов, специализирующихся на производстве определенных видов продукции. Представленная модель также содержит положения, идентифицирующие сельские территории и как природные образования.

В XX веке В. Кристаллер и А. Леш, основываясь на исследовательских методах экономики и географии, разработали теорию центральных мест, обладающую значительным научным потенциалом для осуществления идентификации сельских территорий.

В. Кристаллер в работе «Центральные места в Южной Германии» (1933) [155] обосновал модель оптимизации территориальной организации населения. В ней под центральным местом понимается крупный город, центр для всех других населенных пунктов данного района, обеспечивающий их основными товарами и услугами. В идеальной модели расселения, существующей только на бесконечной однородной равнине с одинаково равномерной плотностью и покупательной способностью населения, равномерным размещением ресурсов, одинаковым транспортным сообщением, В. Кристаллер выделил гексагональную (шестиугольную) структуру районов, дополняющих центральное место, и шесть малых поселений (сел), которые образуют треугольные решетки окружения для таких поселений. Таким образом, вокруг высшей ступени иерархии расселения (крупный город) находятся шесть поселков и 36 сел. Такое размещение населенных пунктов (в идеале) обеспечивает рациональное перемещение потребителей, товаров и услуг, оптимизацию рыночной, транспортной инфраструктуры и административное устройство.

Более реальную модель размещения центральных мест предложил А. Леш. Его основной научный труд «Географическое размещение хозяйства» («Пространственная организация хозяйства» по А. Гранбергу [47]) в 1959 году был переведен на русский язык. Его автор [122] исходит из того, что по мере роста, с увеличением расстояний, транспортных издержек цены на товары и услуги в периферийных частях

рыночных зон повышаются, а спрос падает. В результате этого образуется «конус спроса» — радиус зоны сбыта товаров и услуг центральных мест, нижний предел которого определяется пороговым значением рынка, верхний — расстоянием, на которое целесообразно сбывать товар. А. Леша, на основании проведенных расчетов, доказал, что суммарный объем конусов спроса максимален, когда их основания имеют шестигранную форму. «Вращая» наложенные друг на друга рыночные зоны разных размеров («экономические ландшафты») вокруг центрального места, он выделил шесть «богатых» и столько же «бедных» населенных пунктов. При таком размещении, по мнению А. Леша, суммарное расстояние между населенными пунктами минимизируется, а ассортимент товаров и услуг, который можно приобрести на месте, расширяется. При этом в пределах секторов с большим числом населенных пунктов их размеры возрастают по мере удаления от центрального города, а малые населенные пункты (села) расположены примерно на полпути между двумя более крупными.

Теория центральных мест В. Кристаллера и А. Леша служит основанием для методики идентификации сельских территорий. Во-первых, сельские территории — это одна из двух, наряду с городскими поселениями, составляющих системы расселения, между которыми существует тесная взаимосвязь. Во-вторых, система населенных пунктов является иерархической: крупный город является центральным местом по отношению не только к селам, но и к малым городам; пригородные села вместе с городской окраиной составляют один из эшелонов центра расселения, так же как и крупные сельские населенные пункты (удаленные от крупных городов) имеют статус административного центра (центры сельских советов) по отношению к малым селам. В-третьих, практически каждый сельский населенный пункт имеет перспективы развития при наличии ресурсов, развитой транспортной, социальной инфраструктуры, условий для занятости населения и его вовлеченности в систему рыночных отношений.

Во второй половине XX века в числе других концепций пространственного развития особую популярность приобрела теория «центр-периферия» Дж. Фридмана, в которой центр понимается как место генерирования технологических, социальных и других нововведений, тогда как периферия — среда их распространения, интенсивность которого зависит от контактов с центром [136, с. 107]. Периферия, с точки зрения этого автора, — не некое однородное пространство. Она состоит из внутренней области (ближней), тесно связанной с

ядром, которая получает от него импульсы к развитию, и внешней (дальней), на которую ядро практически не оказывает существенного влияния [356, с. 31].

Такая традиция трактовки центрально-периферийных отношений получила свое дальнейшее развитие в мир-системных научных концепциях. Мир-система, согласно И. Валлерстайну [28], становится «системой» в силу взаимодействия центра и периферии. Если для центра характерен экономический рост, то для периферии — экономический упадок. Промежуточное место в мир-системе занимает полупериферия, состав которой является наиболее нестабильным за счет ее подвижности. Она, с одной стороны, стабилизирует мир-систему и выступает в роли «агента изменений» — с другой.

Идентификация сельских территорий в контексте центр-периферийной парадигмы требует предварительного разграничения географического и экономического представлений о центре и периферии как об определенных полярностях. В переводе с греческого слово «периферия» означает окраину, то есть то, что находится на краю. Итак, периферийность — это окраинное место расположения объекта в географическом пространстве по отношению к другим объектам, один из которых позиционируется как центр. По своему местоположению сельские территории в сравнении с городами (центрами) выступают как периферия. Центральность с точки зрения географической означает близость к рынкам сбыта, транспортным и водным артериям, полезным ископаемым, ресурсам. Поэтому преимущество получают те сельские территории, которые ближе, чем другие, расположены к этим географическим центрам (городам). Экономическое представление о городе как о центре связано с концентрацией в нем активной хозяйственной деятельности со всеми вытекающими из этого последствиями (наличие рынка товаров и услуг, научных, культурных, административных учреждений, социальной и производственной инфраструктуры, пр.). В этом смысле любая сельская территория является периферийной либо полупериферийной по отношению к городу. В то же время в рамках сельской территориальной подсистемы сложилась своя иерархия центрально-периферийных отношений.

Более широкой, чем «центр-периферийная» теория, по охвату объектного поля является теория территориальной организации общества, которая ассоциируется с американским географом Р. Мориллом, российскими учеными Э. Алаевым, М. Шарьгиным, Н. Култашевым и др.

В широком значении слова территориальная организация характеризуется как пространственное выражение существования материальных объектов. В организационном отношении она предстает как строение, функционирование, развитие и управление.

В качестве основного компонента территориальной организации общества в географической литературе [36, с. 10–11] рассматривается территориальная общественная система как пространственно-локализованная часть человеческого общества, в которой взаимосвязанно сочетаются все сферы жизнедеятельности людей и создаются условия жизни, достойные человека. Все компоненты данной пространственно-временной целостности взаимодействуют с окружающей природной средой. Внутренняя структура территориальной организации общества представлена разнообразными функциональными подсистемами: демографической, социальной, экономической, природно-ресурсной, духовной, политической, рекреационной, производственно-инфраструктурной, эколого-инфраструктурной, рыночно-инфраструктурной, институциональной и др.

В географической науке существуют различные подходы к характеристике территориальной организации общества. Один из них представляет Э. Алаев [6, с. 117], рассматривающий территориальную организацию общества как:

– совокупность процессов и действий по размещению предприятий материального производства и непромышленной сферы, расселению населения, природопользованию с учетом их отношений, связей, соподчиненности и взаимозависимости;

– сочетание функциональных территориальных структур (расселение населения, производства, природопользования, объединяемых субъектами управления).

Несколько иного подхода к категории «территориальная организация общества» придерживается М. Шарыгин [341, с. 43]. Он рассматривает территориальную организацию общества, во-первых, как явление, представленное иерархически соподчинительными районами разного ранга, во-вторых, как процесс — постоянное движение и пульсацию всей социально-экономической жизни населения в пространстве-времени.

Общегеографическое толкование понятия «территориальная организация общества» дает Н. Култашев [118, с. 21]; а именно как состояние глобальной системы взаимодействия человечества и природы.

Независимо от подхода, характеризующего содержание понятия «территориальная организация общества», в свете данной концепции сельские территории предстают как одна из подсистем этой организации, отличающихся от городской подсистемы своей структурой (на уровне элементов), но сходных с ними по составу блоков — хозяйственного, природного и социального. Отличие сельских территорий от городов — в составе ландшафтов, в способах их хозяйственного освоения, в расселении населения, организации пространства жизнедеятельности.

Идентификация сельских территорий была бы неполной без творческого использования научных положений концепции «поляризованной биосферы» («поляризованного ландшафта») российского географа Б. Родомана [279, с. 23]. В ее основу положен позиционный принцип, в соответствии с которым пространственное положение трактуется как совокупность таких пространственных аспектов отношений объекта к другим объектам, которые являются существенными для рассматриваемого объекта. В данном контексте речь идет о способах минимизации антропогенного воздействия на природную среду за счет гармоничного взаимовыгодного сосуществования и взаимообусловленного размещения природных и антропогенных элементов окружающей среды как противоположных и полярных по своей функциональности. Б. Родоман подчеркивает, что заслуживают называться полярными такие элементы, которые не только противоположны по качеству, но кроме того, сравнимы и равноценны по величине, значению и размещению в пространстве.

Согласно концепции «поляризованной биосферы» как равноценные и аналогично размещенные «полюсы» окружающей среды, взаимозависимые элементы парагенетического природно-антропогенного ландшафта рассматриваются большой город и дикая природа, связанные в систему территориальным распределением функций и маятниковыми миграциями людей. Между городским центром и природными территориями располагается ряд зон — промышленных, селитебных, сельскохозяйственных, парковых, которые помимо основной специализации обладают дополнительными функциями, господствующими в соседних зонах, а также играют роль буферов, предотвращающих экологически нежелательные соседства и контакты. Места, у которых географическое положение неблагоприятно для урбанизации и полноценного материального производства, следует использовать для сохранения и восстановления при-

родного ландшафта, для отдыха и туризма, для экстенсивной или умеренной эксплуатации естественно возобновляемых природных ресурсов [279, с. 24].

Если в рамках «центр-периферийной» теории сельские территории сосуществуют с городами как их противоположность и полярный объект, заслуживающий опережающего по своим темпам развития по сравнению с городом с целью недопущения их социальной деградации, то в концепции «поляризованной биосферы» сельские территории выступают в несколько ином ракурсе. Так, рациональная организация сельских территорий предполагает, кроме естественной природной предрасположенности ландшафтов к сельскохозяйственному использованию, реализацию возможностей природной среды в совокупности с выгодным географическим положением для формирования на них природоохранных и рекреационно-оздоровительных функциональных зон. В идентификационном смысле это означает, что сельские территории — это не только социальное, экономическое пространство, но и природная среда, представленная аграрными, природоохранными и рекреационными ландшафтами.

Значительным идентификационным потенциалом, по отношению к сельским территориям, обладает концепция природно-хозяйственных территориальных систем, разработанная в 1980-е годы географом Г. Швобсом [342, с. 19]. Ее автор определил природно-хозяйственную территориальную систему как форму существования и развития географической среды (антропосферы) в ее целостной конкретности, которая представлена специфическим составом, территориальной организацией и способом обмена веществ. Эти системы состоят из двух блоков — природного и хозяйственного, которые дополняют друг друга и объединены взаимосвязями. Это природные системы, поскольку они имеют соответствующую основу, функционируют и развиваются согласно природным закономерностям. Вместе с тем они также и хозяйственные системы, на которые влияют социально-экономические закономерности, которым они подчиняются. Разумеется, каждый вид хозяйствования выдвигает разные требования к окружающей среде, территории, природным условиям и ресурсам. Например, в сельскохозяйственных природно-хозяйственных территориальных системах определяющей является природная составляющая, которая определяет тип землепользования, размещение хозяйств и природоохранные мероприятия на определенной территории, включая селитебную зону. Здесь огром-

ную роль играют такие природные факторы как рельеф, грунты, климатические и гидрологические условия.

Организация природно-хозяйственных территориальных систем направлена на оптимизацию природопользования с целью формирования культурного ландшафта. Это, в свою очередь, предполагает решение одновременно двух трудно совместимых задач: получение прибыли и создание благоприятной среды жизнедеятельности. Как известно, погоня за получением максимального экономического эффекта влечет за собой увеличение нагрузки на природу. Для разрешения этого противоречия Г. Швец [343, с. 24] выдвинул идею о создании агроландшафтных заповедников, что предполагает выделение в составе природно-хозяйственных территориальных систем территорий, где бы чередовались и тесно между собой взаимодействовали участки как хозяйственного, так и природно-заповедного фонда.

В целом концепция природно-хозяйственных территориальных систем, несмотря на свою структурно-организационную незавершенность (отсутствие социального блока с его движущей силой — человеком), способствует формированию представления о сельских территориях как о пространственном образовании, в границах которого происходит коэволюционное развитие природы и хозяйственного комплекса в условиях неоднородного пространства. Это касается как земельных ресурсов, которые отличаются в разрезе каждой территории не только по площади, но и по типу почвы, так и рельефа местности, природных условий. Все эти отличия вместе с видовым разнообразием хозяйственной деятельности придают своеобразие каждой из территорий.

Определенную эвристическую функцию выполняет концепция рубежной коммуникативности отечественного географа В. Дергачева [58], творческое использование которой позволяет выйти за рамки традиционного представления о сельских территориях как об автономном и замкнутом пространственном образовании. Автор отмечает, что концепция рубежной коммуникативности основана на искусстве использовать «географический разум» для решения глобальных и региональных геополитических, геоэкономических и геоэкологических проблем в многомерном коммуникационном пространстве через изучение граничных, «краевых» процессов в природе и обществе, обладающих высокой энергетикой. Понятие «рубежный» в авторском понимании означает противоположный центральному: «маргинальный» (в переводе с лат. — крайний). Функции рубежно-

сти проявляются в природных, политических, экономических, этнических, конфессиональных, информационных, конвенциональных и других границах. При этом В. Дергачев исходит из гегелевского понимания границы как проникающей все наличное бытие. «Поля» различных социальных процессов не совпадают в географическом пространстве и, накладываясь друг на друга, образуют маргинальные зоны, обладающие энергетикой интенсивных взаимодействий, формируя мир антиподов. Этот мир антиподов сосуществует в биосфере, социосфере, этносфере, литосфере, гидросфере, атмосфере. Вместе с тем географическая дифференциация Земли преимущественно конвенциональна — условны границы океанов, Европы и Азии, цивилизаций, ландшафтов. Например, Крымский полуостров не представляет однородного физического целого. Различия между Южным берегом и остальной частью Крыма более существенны и контрастны, чем между степью полуострова и материка. Таким образом, различные образования земной поверхности имеют не только конвенциональные, но и естественные границы, которые, как правило, не совпадают. Но именно естественные границы обладают высокой энергетикой, поэтому важно глубокое знание процессов, происходящих в рамках рубежных пространств.

Следуя основным положениям концепции рубежной коммуникативности, сельские территории можно идентифицировать как антипод городов, а пригород как рубеж и контактную зону, в рамках которых происходит интенсивное взаимодействие этих пространственных образований. Как внутренние рубежи сельских территорий выступают зоны взаимодействия их природной, экономической и социальной составляющих. Использование этой концепции позволяет определить те или иные функции сельских территорий как основные, дополнительные или конкурентные. Статус рубежных приобретают сельские территории, расположенные на стыке различных государств, природно-климатических зон, суши и морского побережья, а также границ аграрных и природных ландшафтов.

Анализ рассмотренных концепций и теорий свидетельствует о том, что идентификация сельских территорий предполагает раскрытие их наиболее существенных характеристик в разрезе всех их составляющих.

2.2. СЕЛЬСКИЕ ТЕРРИТОРИИ КАК АГРОЭКОСИСТЕМА

Сельские природные и социально-пространственные образования отличаются от городов эколого-ландшафтной организацией территории. Если для городов характерны урбанизированные ландшафты (земли промышленности, транспорта, связи, энергетики, жилищной и общественной застройки), то для сельских территорий — агроландшафты (земли сельскохозяйственного назначения, земли лесного фонда, земли водного фонда). В отличие от городов, агроландшафты преимущественно занимают территорию, находящуюся за пределами населенных пунктов (межселенные территории), что обусловлено значительным удельным весом сельскохозяйственных угодий в структуре земельного фонда Украины. По этой же причине сложилось устойчивое представление об агроландшафтах как крупных земельных массивах, занятых под подсолнечник, рапс, зерновые и другие сельскохозяйственные культуры. Такое одностороннее восприятие агроландшафта, основу которого составляют сельскохозяйственные угодья, лесные насаждения, в частности лесополосы и другие защитные насаждения, получило соответствующее закрепление в украинском законодательстве [250]. Вместе с тем, как отмечает О. Попова [215, с. 92–93], без учета других важных структурных элементов агроландшафта — участков дикой природы (рощ, заболоченных угодий, лугов), объектов обустройства (валов, каменных и земельных ограждений, террас, курганов), инженерно-технических сооружений, сетей полевых дорог, крестьянских усадеб с огородами и строениями для содержания животных пр., агроландшафты утрачивают свою инвариантность, присущий именно им индивидуальный и уникальный характер. Среди перечисленных элементов агроландшафтов — участки дикой природы следует отнести не к антропогенной, а к природной пространственной среде, компоненты которой сформировались и существуют без участия человека. Такие природные территории, находящиеся в зоне агроландшафтов, способствуют восстановлению природных ресурсов, поэтому важно обеспечить рациональное распределение природных и антропогенных комплексов в зоне агроландшафтов.

Целостное соединение природных и антропогенных элементов образует агроэкосистемы, состояние которых на законодательном уровне [232] признано неудовлетворительным.

Организация агроэкосистемы на ландшафтной основе, наиболее полно характеризующая агроэкономическую составляющую сельских территорий, представлена на рис. 2.1.

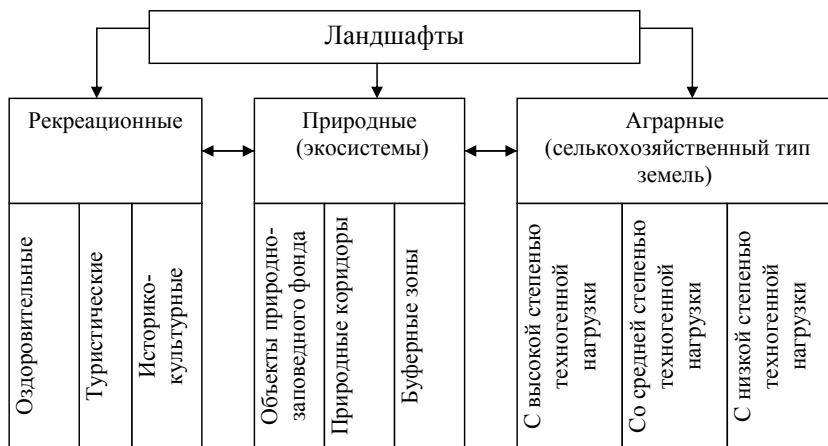

Рис. 2.1. Типы ландшафтов

Как правило, агроландшафты с высоким уровнем техногенной нагрузки формируют интенсивные агроэкосистемы с высокой продуктивностью и низкой эколого-ландшафтной адаптивностью, с низким — экстенсивные агроэкосистемы с низкой продуктивностью и высокой эколого-ландшафтной адаптивностью, со средним — адаптивные агроэкосистемы с умеренными продуктивностью и эколого-ландшафтной адаптивностью.

Определение агроландшафтов как сельскохозяйственного типа земель в определенной мере оправданно с учетом системообразующей роли земельных ресурсов в организации жизнедеятельности на сельских территориях. Это подтверждается высоким удельным весом сельскохозяйственных угодий в земельном фонде Украины (табл. 2.1).

Распределение сельскохозяйственных земель свидетельствует о том, что только 2 % из них приходится на земли, занятые под хозяйственными дорогами, дорогами и прогонами, земли, которые находятся в стадии мелиоративного строительства, остальные 98 % — на сельскохозяйственные угодья. Показатель распаханности территории (53,8 %) — значительно выше, чем в европейских странах.

Таблица 2.1

**Сельскохозяйственные земли Украины по состоянию
на 1 января 2012 года [84]**

Виды сельскохозяйственных земель	Площадь земель	
	всего, тыс. га	% к общей площади территории
Сельскохозяйственные земли, в том числе:	42776,9	70,9
сельскохозяйственные угодья	41557,6	68,9
из них:		
пашня	32498,5	53,8
перелог	277,2	0,5
многолетние насаждения	895,9	1,5
сенокосы	2411,5	4,0
пастбища	5459,6	9,0
другие сельскохозяйственные земли	1215,8	2,0

Концепцией сбалансированного развития агроэкосистем в Украине на период до 2020 года [232] предусмотрено провести трансформацию структуры сельскохозяйственных угодий с целью сбалансирования, обеспечения экологической безопасности и равновесия территории за счет уменьшения площади пахотных земель до 37–41 % территории и увеличения удельного веса сельскохозяйственных угодий экстенсивного использования (сенокосов, пастбищ), расширения площади полезных лесных полос, других защитных насаждений и объектов природно-заповедного фонда в рамках сельскохозяйственных угодий.

Таким образом, обеспеченность сельскохозяйственными землями является одной из существенных характеристик сельских территорий как агроэкосистем и одновременно их идентификационным признаком. Однако в разрезе регионов существует неравномерность в распределении этой категории земель (табл. 2.2).

Приведены данные о площади пашни, находящейся во владении и использовании сельскохозяйственных предприятий и хозяйств населения.

Анализ данных, приведенных в таблице, свидетельствует о существенных диспропорциях в уровне обеспеченности сельскохозяйственными землями регионов Украины: Одесская область по этому показателю опережает Закарпатскую область в 5,65 раза, а Днепропетровская область обеспечена площадью пашни в 10,7 раза большей,

Таблица 2.2

Обеспеченность населения регионов Украины землями сельскохозяйственного назначения*

Области (регионы)	Население		Земли, в том числе		Площадь земель, приходящаяся на 1 жителя			
	все	сельское	сельскохозяйственного назначения на 01.01.2013 г., тыс. га	площадь пашни на конец 2012 г., тыс. га	сельскохозяйственного назначения		пашни	
					в целом	в том числе сельского	в целом	в том числе сельского
Украина	45553047	14174408	42756,0	31035,7	0,93	3,01	0,68	2,18
АР Крым	1965177	732042	1854,0	1200,1	0,94	2,53	0,61	1,63
Винницкая	1627038	810977	2064,8	1660,3	1,26	2,47	1,02	2,04
Вольнская	1039958	498523	1080,9	607,9	1,03	2,16	0,58	1,21
Днепропетровская	3307795	544576	2582,9	2079,2	0,78	4,74	0,62	3,81
Донецкая	4375442	411286	2094,9	1562,5	0,47	5,09	0,35	3,79
Житомирская	1268903	528154	1583,0	1046,2	1,24	2,99	0,82	1,98
Закарпатская	1254393	787993	470,2	192,9	0,37	0,59	0,15	0,24
Запорожская	1785243	409569	2298,5	1886,0	1,28	5,61	1,05	4,60
Ивано-Франковская	1381788	782219	645,4	375,8	0,46	0,82	0,27	0,48
Киевская	1722052	657279	1793,4	1280,3	1,04	2,72	0,74	1,94

Кировоградская	995171	374689	2083,0	1727,5	2,09	5,55	1,73	4,61
Луганская	2256551	297540	1956,1	1230,1	0,86	6,57	0,54	4,13
Львовская	2540702	994564	1292,6	720,6	0,50	1,29	0,28	0,72
Николаевская	1173481	377356	2055,0	1644,0	1,75	5,44	1,40	4,35
Одесская	2395160	793037	2660,0	1959,0	1,11	3,35	0,81	2,47
Полтавская	1467821	566159	2225,3	1721,8	1,51	3,93	1,17	3,04
Ровенская	1156868	603786	962,4	623,0	0,83	1,59	0,53	1,03
Сумская	1143249	367501	1739,1	1157,2	1,52	4,73	1,01	3,14
Тернопольская	1077327	602089	1075,6	823,5	0,99	1,78	0,76	1,36
Харьковская	2744419	539484	2476,3	1838,9	0,90	4,59	0,67	3,40
Херсонская	1078232	418747	2031,8	1648,0	1,88	4,85	1,52	3,93
Хмельницкая	1313964	584943	1603,9	1197,4	1,22	3,83	0,91	2,04
Черкасская	1268888	553561	1487,0	1237,6	1,17	2,68	0,97	2,23
Черновицкая	907163	521510	482,1	324,2	0,53	0,92	0,35	0,82
Черниговская	1077802	393089	2125,0	1291,7	1,97	5,40	1,19	3,28
г. Киев	2845023	—	4,7	—	0,0016	—	—	—
Севастополь (горсовет)	383437	23735	27,7	—	0,072	1,16	—	—

* Источники: Населення України за 2012 рік: демограф. щорічн. / Відп. за вип. Г. М. Тимошенко. — К.: Державна служба статистики України, 2013. — С. 25; Регіони України 2013: стат. зб. / За ред. О. Г. Осауленка. — К.: Державна служба статистики України. — Частина I. — С. 288; Частина II. — С. 210.

чем Закарпатская область. Площадь сельскохозяйственных земель, приходящихся на одного жителя Кировоградской области, в 5,64 раза превышает соответствующий показатель Закарпатской области, а полярные значения данного показателя по пашне составляют 6,57 га (Луганская область) и 0,59 га (Закарпатская область). Значения этих же показателей в расчете на одного сельского жителя составляют 11,53:1 и 19,2:1 — для Кировоградской и Закарпатской областей соответственно. По совокупности рассматриваемых абсолютных и душевых показателей определилась группа лидеров (Кировоградская, Запорожская, Николаевская, Херсонская области), представляющих центр и юг Украины и явные аутсайдеры (Закарпатская, Ивано-Франковская и Черновицкая области), расположенные в Карпатском регионе. Таким образом, поляризация сельских территорий по одному из их важнейших идентификационных признаков (сельскохозяйственные земли) имеет географическое проявление. А это означает, что по местоположению указанных регионов и наличию в них сельскохозяйственных земель или их недостатку определяется доминирующий вид хозяйственной деятельности.

Однако независимо от различий в уровне обеспеченности сельскохозяйственными землями тех или иных регионов земли на сельских территориях являются универсальным и полифункциональным природным ресурсом: предметом труда и способом производства в сельском хозяйстве; главным компонентом ландшафтов; основой природных условий; пространственным базисом размещения производства; местом жизнедеятельности.

Для достижения экологически безопасного развития сельских территорий на земельные ресурсы возлагается одновременное выполнение трех функций [88, с. 255]:

- экологической (использование биологических свойств грунта, пространства для размещения экосистем);
- экономической (объект распределения, обмена и продажи, предмет и средство производства, способствующие образованию и росту капитала);
- социальной (источник информации об окружающей среде, средство передачи аграрного опыта и знаний, пространство для размещения жилища и хозяйственных построек, способ общения с природой).

Рассмотрение земель как основы агроландшафта применительно к землеустройству и в контексте экономической и социальной составляющих сельской среды требует увязки выполнения ландшафт-

тами экосистемных функций с их пространственной организацией по основным типам земель. В этой связи важен учет структурных изменений земельного фонда, и прежде всего, сельскохозяйственных земель на фоне других категорий земель (табл. 2.3).

Таблица 2.3

Земельный фонд Украины [65, с. 86]
(по состоянию на 1 января; тыс. га)

Виды земельных угодий	2001 г.	2006 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Общая земельная площадь	60354,8	60354,8	60354,8	60354,8	60354,8	60354,9	60354,9
Земли сельскохозяйственного назначения	43057,8	42942,6	42844,8	42813,7	42792,8	42776,9	42756,0
Леса и лесопокрытые площади	10413,6	10503,7	105079,1	10591,9	10601,1	10611,3	10621,4
Застроенные земли	2456,2	2467,5	2489,0	2499,1	2512,5	2523,2	2535,2
Земли под водой	2423,5	2416,9	2422,5	2423,2	2423,5	2422,8	2423,0
Открытые заболоченные земли	947,2	966,0	978,0	979,4	979,9	980,1	980,1
Другие земли	1056,5	1058,1	1050,4	1047,5	1045,0	1040,6	1039,2

Данные таблицы подтверждают тенденцию стабилизации структуры земельного фонда. Произошло сокращение площади сельскохозяйственных земель за счет увеличения площади застроенных земель, а также лесопокрытых площадей.

Роль земельных ресурсов как системообразующего компонента агроэкосистемы определяется как их полифункциональностью в границах сельских территорий, так и удельным весом (44 %) в структуре природных ресурсов. Они являются своеобразным экологическим каркасом, вокруг которого формируются водные и атмосферные ресурсы, флора и фауна. В процессе землепользования необходимо также учитывать связь земельных ресурсов с таким важным компонентом природной среды как леса, которые являются одним из идентификационных признаков сельских территорий.

Лесные ресурсы не только дают ценное сырье, но и имеют огромное природоохранное, оздоровительное, противоэрозийное, климатическое, почвозащитное и водоаккумулятивное значение.

В Украине насчитывается около 350 тыс. га полезационных, 90 тыс. га водорегулирующих лесных полос. Под их защитой находится 13 млн га (40 %) пашни [323, с. 131]. Наличие такого массива лесных насаждений играет важную роль в повышении продуктивности сельскохозяйственных угодий. Вместе с тем лесистость в Украине в целом не является оптимальной в сравнении со среднемировыми показателями, а в отдельных регионах она — критична (табл. 2.4)

Согласно данным таблицы в 15 регионах Украины показатель лесистости ниже среднего по стране. Разница между максимальным (Житомирская область) и минимальным (Запорожская область) значениями площади лесных участков составляет 9,32 раза (1081,9 тыс. га и 116,3 тыс. га — соответственно). Самый высокий процент лесистости имеет Закарпатская область (51,5 %), а самый низкий — Запорожская область (3,7 %). Наиболее полярным этот показатель является для Закарпатской, Ивано-Франковской, Ровенской, Житомирской, Волынской областей (максимальные значения) и Запорожской, Николаевской, Херсонской, Днепропетровской, Одесской областей (минимальные значения). Таким образом, низкая обеспеченность западных областей, частично полесских регионов сельскохозяйственными землями компенсируется высоким уровнем их лесистости, что дифференцирует эти южные и восточные области по указанным показателям как идентификационным признакам.

Свою специфику агроэкосистемам придают леса Карпатского региона, обладающие в первую очередь гидрологическими свойствами. Леса здесь предотвращают развитие стихийных процессов в горах и защищают земельные и водные ресурсы региона. Их гидроклиматическая роль по отношению к прилегающим к Карпатам равнинным ландшафтам заключается в том, что испаряемая ими влага больше на 270—370 мм по сравнению с безлесными угодьями. Включившись в потоки атмосферных масс, влага способствует увеличению атмосферных осадков во влагодефицитных равнинных районах восточнее Карпат. По оценкам экспертов, паводкорегулирующая, водоочистительная и противоэрозийная функции карпатских лесов в стоимостном выражении достигают их стоимости как источника древесины.

Таблица 2.4

Лесной фонд Украины по регионам [65, с. 159]
(на 1 января 2011 года)

Области (регионы)	Площадь лесных участков, всего, тыс. га	В том числе покрытые лесной растительностью			Процент лесисто- сти
		всего	в том числе спелые и перестойные		
			всего	из них хвойные	
Украина	10378,7	9573,9	1600,7	359,1	15,9
АР Крым	291,2	278,6	168,9	4,2	10,7
Винницкая	366,4	346,5	51,5	1,7	13,1
Волынская	668,5	624,6	45,8	16,3	31,0
Днепропетровская	189,8	179,2	43,9	0,7	5,6
Донецкая	199,9	184,1	35,1	0,9	6,9
Житомирская	1081,9	1001,6	140,1	59,2	33,6
Закарпатская	687,9	656,7	141,0	39,0	51,5
Запорожская	116,3	101,0	19,5	0,0	3,7
Ивано-Франковская	605,9	571,0	83,3	53,5	41,0
Киевская	722,7	624,1	66,7	22,5	22,2
Кировоградская	181,3	164,6	24,9	0,0	6,7
Луганская	348,7	292,4	86,8	1,1	11,0
Львовская	671,8	621,2	79,2	32,4	28,5
Николаевская	119,2	98,2	19,2	—	4,0
Одесская	220,1	203,9	45,8	0,0	6,1
Полтавская	270,7	247,4	38,3	0,8	8,6
Ровенская	797,4	729,3	92,4	47,1	36,4
Сумская	452,1	425,0	60,0	11,7	17,8
Тернопольская	194,1	183,2	22,9	2,8	13,3
Харьковская	401,3	378,3	55,8	3,9	12,0
Херсонская	146,7	116,3	28,3	0,1	4,1
Хмельницкая	281,6	265,1	38,7	4,7	12,8
Черкасская	331,9	315,1	54,3	4,0	15,1
Черновицкая	255,4	236,7	46,4	21,3	29,2
Черниговская	708,1	665,7	86,1	26,8	2,9
г. Киев	33,3	31,3	6,0	4,3	37,5
г. Севастополь	34,5	32,8	19,8	0,1	38,0

Вместе с тем, существует риск при увеличении лесистости до 66–70 % подрыва горного земледелия и животноводства из-за сокращения сельскохозяйственных угодий [173, с. 28].

Законодательством Украины [247] предусмотрено достижение до 2020 года в среднем по стране показателя лесистости 20 %, являющегося оптимальным по европейским рекомендациям. Для его достижения необходимо создать более 2 млн га новых лесов. Заметим, что на увеличение лесной растительности земель на 2,4 млн га в предшествующий период понадобилось почти 50 лет.

Наряду с соблюдением определенных пропорций между сельскохозяйственными и лесными землями законодательством Украины [236, с. 15] предусмотрено, что лесопользование не должно опережать рациональное использование лесных участков; улучшение качественного состава лесов, повышение их продуктивности и биологической устойчивости, повышение водоохраных, почвозащитных, санитарно-гигиенических и других полезных свойств лесов; достижение оптимальной лесистости путем создания в максимально короткие сроки новых насаждений наиболее экономически и экологически целесообразными способами и технологиями.

В целях совершенствования идентификации сельских территорий по признаку их лесистости и лесопользования целесообразно придерживаться классификации лесов по направлениям их использования, разработанной отечественными географами [323, с. 137], дифференцирующих леса на:

- заповедные, способствующие природному обновлению и охране лесной биоты;

- защитные, призванные защищать другие компоненты лесных и смежных с ними ландшафтных комплексов, стабилизировать в них природные процессы;

- рекреационные, поддерживающие надлежащие санитарно-гигиенические условия в населенных пунктах, формирующие благоприятную природную среду в зонах рекреации, размещения санитарно-лечебных и других учреждений для восстановления физических сил и психоэмоционального состояния людей;

- производственные (коммерческие), способные обеспечивать рентабельное воспроизводство лесных ресурсов, прежде всего древесины для удовлетворения хозяйственных потребностей.

Существование сельских территорий как агроэкосистемы невозможно без водных ресурсов, выступающих источником хозяйствен-

ного и бытового водоснабжения, которое состоит из поверхностных (местный сток и транзит) и подземных вод.

Подземные воды являются главным источником хозяйственно-питьевого водоснабжения на селе, поскольку централизованным водоснабжением обеспечено только 25 % сельских населенных пунктов [247].

Из всего объема забора подземных вод для хозяйственно-питьевого водоснабжения используется 30 %, для сельского хозяйства — 42 %, для производственно-технического водоснабжения — 28 % [323, с. 82].

Сельские территории располагают немалыми запасами минерализованных вод, используемых в лечебных целях. Из 24 источников уникальных и редкостных минеральных подземных вод только 4 находятся в городах с населением свыше 50 тыс. человек, остальные в селах и центрах административных районов — поселках и малых городах. Такими источниками вод обладают 11 регионов: 7 — в Закарпатье, 4 — в Хмельницкой, по 1 — в Тернопольской, Донецкой, Харьковской, Киевской, Запорожской, Полтавской, Винницкой, Ровенской областях и АРК [65, с. 20].

Согласно данным Государственного агентства водных ресурсов Украины [65, с. 49] заборы воды из подземных водных объектов составляют всего 16,6 % от общего забора воды из природных водных объектов, а их объем сократился с 4305 млн м³ в 1995 году до 1961 млн м³ в 2012 году или в 2,2 раза при совокупном показателе забора воды с 25852 млн м³ до 14651 млн м³ (1,7 раза) — соответственно. Сокращение использования свежей воды (включая морскую) за указанный период сократилось на сельскохозяйственное водоснабжение с 1331 млн м³ — до 161 млн м³ (8,2 раза), орошение — с 3469 млн м³ до 1759 млн м³ (1,9 раза), а на прудно-рыбное хозяйство увеличилось с 467 млн м³ до 1013 млн м³ (2,1 раза).

В границах сельских территорий находится значительное количество озер, водохранилищ и прудов, придающих им особый колорит и обеспечивающих водой сельских потребителей, а также служащих местом отдыха для всех желающих. Среди них озера Кагул, Китай, Ялпуг, Сасык (Одесская область), Свитязь (Волинская область), 1153 водохранилища с площадью водного зеркала 284 тыс. га и полезным объемом воды 5963 млн м³, 28764 пруда (площадь водного зеркала — 223,26 тыс. га, объем воды — 3344,82 млн м³). Наибольшее количество прудов находится в Винницкой (3216), Киевской (2389), Черкасской

(2312), Кировоградской (2185), Харьковской (1910) областях, а наименьшее — в Закарпатской (59), Луганской (352), Херсонской (360), Волынской (439), Черновицкой (484) областях. Их количество в Винницкой области в 54,5 раза больше, чем Закарпатской области, площадь же водных зеркал прудов этих областей соотносится как 77,5:1. Объем воды прудов Полтавской области в 31,9 раза превышает соответствующий показатель Закарпатской области. Разрыв между максимальным и минимальным значением площади водного зеркала и полезным объемом воды водохранилищ составляет 559 раз (Одесская и Черновицкая области) и 452 раза (Харьковская и Черновицкая области) — соответственно [65, с. 23]. Приведенная статистика свидетельствует не только об исторических традициях, но и об объективной необходимости формирования прудов и водохранилищ преимущественно в степной зоне (юг Украины), а также в центральных и восточных областях страны. Если водохранилища достаточно активно используются для регулирования стока рек и его перераспределения по территории, то их экономическая функция, как и прудов, является еще недостаточной. Речь идет о занятиях рыболовством, организации отдыха и осуществления туристической деятельности на сельских территориях.

Другой тип ландшафтов, идентифицирующих сельские территории как агроэкосистемы, — это природные ландшафты. Дифференциация ландшафтов по уровню их природности предполагает, что к условно неизменным ландшафтам могут быть отнесены поймы больших и средних рек, болота, незакрепленные пески, пересыпи, плавни, лесные ландшафты. Чтобы сохранить эти участки неизменной природы, важно организовать сельские территории в соответствии с типом природной среды. Природная среда, согласно научным рекомендациям [312, с. 364], должна содержать такие обязательные пространственные элементы как:

- «окна» чистой природы (заповедники, заказники);
- пространственные ареалы природной среды, измененные и нарушенные хозяйственной деятельностью человека;
- природные коридоры, которые соединяют разрозненные ареалы природы в единую биосферу;
- биосферные барьеры — участки природной среды с ограниченным хозяйственным использованием, выполняющие роль защитных буферных полос между природными территориями, которые охраняются, и землями, находящимися в хозяйственном обороте.

В специальной литературе защищенные территории обозначаются термином «природно-заповедный фонд», к которому законодательством Украины [254] отнесены: природные территории и объекты (природные заповедники, биологические заповедники, национальные природные парки, региональные ландшафтные парки, заказники, памятники природы, заповедные урочища; искусственно созданные объекты (ботанические сады, дендрологические парки, зоологические парки, парки-памятники садово-паркового искусства). Первоочередное внимание уделяется развитию и охране природных территорий и объектов. Так, с 1990 года количество заповедников и природных национальных парков увеличилось с 21 до 63, или в 3 раза, а их площадь с 407 тыс. га до 1562,2 тыс. га (3,8 раза) [305, с. 496]. В структуре природно-заповедного фонда преобладают национальные природные парки (табл. 2.5).

Таблица 2.5

Заповедники и национальные парки Украины [322, с. 4]

Природно-заповедный фонд	Количество заповедников и национальных природных парков	Общая площадь заповедников и национальных природных парков, тыс. га
Всего заповедников и национальных природных парков,	63	1565,2
из них:		
природных заповедников	18	194,2
биосферных заповедников	4	250,9
национальных природных парков	41	1120,1

Национальные природные парки составляют большинство природных объектов и территорий, поэтому они занимают и большую площадь (более 71 %). Несмотря на малочисленность биосферных заповедников, их удельный вес в общей площади заповедников и природных национальных парков составляет 16 %.

В данной таблице не учтены указанные объекты местного значения, численность которых составляет почти 50 % от их общего количества [281, с. 20].

Более половины земель, предоставленных заповедникам и национальным паркам в постоянное пользование, приходится на леса и другие лесопокрытые площади, 22,1 % — на море, 8,3 % — на открытие за-

болоченные земли и только 2,4 % — на сельскохозяйственные угодья. Заповедники и национальные природные парки отсутствуют только на территориях Киевской и Кировоградской областей. Указанные заповедные объекты и территории используются не только в природоохранных целях, а и в хозяйственных. Здесь расположены стационарные рекреационные объекты на 43 294 места, 383 из которых приходится на природные заповедники, 84 — на биосферные заповедники, 42 827 — на национальные природные парки. Затраты на их содержание составили в 2012 году 273 627,3 тыс. грн, из которых 224 691,5 тыс. грн — расходы из Государственного бюджета [78, с. 18, 21, 22].

Площадь земель объектов природно-заповедного фонда распределена по территории Украины неравномерно (табл. 2.6), что соответственно отражается на их различной идентификационной роли сельских природных и социально-пространственных образований.

Несколько иную роль в идентификации сельских территорий как агроэкосистем играют рекреационные ландшафты. Наиболее выраженными характеристиками рекреационных ландшафтов обладают сельские территории регионов Украины, в которых объединены несколько контрастных природных компонентов. В первую очередь это относится к АРК, где на стыке находятся равнина и горы, море и суша, степь и парковая зона. К данному типу ландшафтов относятся в определенной мере предгорье Карпат, приморские районы юга Украины, Запорожской и Донецкой областей, где кроме благоприятных природно-климатических условий, имеются достаточные запасы минеральных и термальных вод, лечебных грязей, ропа лиманов и озер, морская вода, рекреационные комплексы, туристические объекты с соответствующей инфраструктурой. Очевидно, что оздоровительно-рекреационная деятельность на указанных территориях выглядит такой же естественной, как и сельскохозяйственная, а с экономико-экологической точки зрения она является более перспективной.

Сбалансированность сельских территорий как агроэкосистемы зависит от оптимального соотношения трех групп земель: сельскохозяйственных, средостабилизирующих (лесного фонда и водного фонда, природно-заповедного, природоохранного, рекреационного назначения) и сельбищных территорий (земли жилищной и общественной застройки, промышленности, транспорта, связи). Для равнинной части Украины это соотношение должно быть таким: 45–50 %; 30–35 %; 15–20 %, а горных территорий — 20–25 %; 50–60 %; 15–20 % [181, с. 79].

Таблица 2.6

**Площадь объектов природно-заповедного фонда Украины
в 2000–2012 годы [274, с. 289]**

Области (регионы)	2000	2005	2009	2010	2011	2012
Украина	887,5	1056,5	1225,7	1310,5	1382,8	1565,2
АР Крым	63,8	63,8	63,8	63,9	63,8	63,9
Винницкая	–	–	–	–	–	20,2
Волынская	32,8	52,0	91,3	91,3	91,3	91,3
Днепропетровская	3,8	3,8	3,8	3,8	3,8	3,8
Донецкая	14,7	43,2	43,8	43,8	43,8	64,5
Житомирская	20,1	20,1	20,1	20,1	20,1	51,0
Закарпатская	113,2	133,5	133,5	139,6	146,3	146,3
Запорожская	–	–	16,8	94,9	94,9	94,9
Ивано-Франковская	55,7	102,8	102,8	102,8	102,8	114,3
Киевская	–	–	–	–	–	–
Кировоградская	–	–	–	–	–	–
Луганская	1,6	2,1	5,4	5,4	5,4	5,4
Львовская	29,7	44,5	44,5	44,4	44,4	60,0
Николаевская	1,7	1,7	7,8	7,8	7,8	43,0
Одесская	46,4	50,2	71,0	71,6	99,4	99,4
Полтавская	–	–	–	–	30,7	30,7
Ровенская	31,5	42,3	42,3	42,3	42,3	47,7
Сумская	16,2	16,2	39,6	39,6	39,6	39,6
Тернопольская	10,5	10,5	10,5	10,5	10,5	17,5
Харьковская	–	14,3	14,3	14,3	14,3	22,7
Херсонская	174,6	174,6	194,7	194,7	194,7	212,7
Хмельницкая	261,3	261,3	261,3	261,3	261,3	261,3
Черкасская	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0
Черновицкая	7,9	7,9	11,2	11,2	18,4	27,8
Черниговская	–	9,7	10,7	40,7	40,7	40,7
г. Киев	–	–	4,5	4,5	4,5	4,5
г. Севастополь	–	–	–	–	–	–

Оптимизация использования территории Украины предполагает значительное увеличение площади природных и рекреационных ландшафтов, что напрямую зависит от сокращения площади пашни и производственных территорий. Генеральной схемой планирования территории Украины предусмотрено выведение из интенсивного использования малопродуктивных земель, осуществление мероприя-

тий по консервации и охране земель, обеспечение формирования единой территориальной системы природоохранных территорий и соблюдение их режима, неистощающего использования рекреационных, оздоровительных и других ресурсов [223].

Рассмотрение сельских территорий как агроэкосистемы дает представление о них как о природных образованиях, созданных биосферой и в значительной степени измененных человеком. В агроэкосистеме переплетаются и тесно взаимодействуют природные и искусственные компоненты, определяющие существенные характеристики сельских территорий.

Реализация этих задач во многом зависит от рационального хозяйственного освоения сельских территорий.

2.3. СЕЛЬСКИЕ ТЕРРИТОРИИ КАК ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Идентификация сельских территорий как экономического пространства предполагает учет сложившихся представлений о данном виде пространства. В экономической теории существует множество подходов к определению понятия «экономическое пространство». В контексте рассматриваемой темы целесообразно сконцентрироваться на территориальном подходе. Один из сторонников этого подхода А. Гранберг [48, с. 25] определяет экономическое пространство как насыщенную территорию, вмещающую множество объектов и связей между ними: населенный пункт, промышленные предприятия, хозяйственно освоенные и рекреационные площади, транспортные и инженерские сети и т. д. Внося определенные коррективы в данное определение, укажем, что под насыщенностью в данном определении следует понимать процесс взаимоотношений между субъектами хозяйствования по поводу производства, распределения, обмена и потребления, произведенных в рамках ограниченного пространства общественно востребованных продуктов и услуг.

Экономическое пространство сельских территорий сформировалось исторически вследствие территориального общественного разделения труда и отличается свойственными ему географическими, природными и социально-экономическими характеристиками, что получило свое закрепление в законодательстве Украины [223]. Для создания полноценной жизненной среды и благоприятных условий

развития экономики, обеспечения эффективного использования потенциала территорий с сохранением их природной и исторической самобытности на основании результатов оценки природных и антропогенных факторов (вид и плотность застройки, экологическое состояние, прочее) сельские территории по виду и режиму их использования отнесены к территориям преимущественно агропромышленного производства и сельской застройки (зона сельского хозяйства).

Отнесение сельских территорий к зоне сельского хозяйства обусловлено их местоположением и наличием на этих территориях качественных по своему состоянию высокопродуктивных земельных угодий, других природных ресурсов. Однако освоенность территории, обретение ею признаков определенного экономического пространства прежде всего оценивается по насыщенности населением, субъектами хозяйствования и продуктами их деятельности.

Несмотря на то, что за последние десятилетия численность сельского населения Украины сократилась до 14,174 млн человек, его количественный состав признан не оптимальным с точки зрения фактической потребности в трудовых ресурсах, занятых сельскохозяйственным производством. К лидерам по численности наличного сельского населения на 1 января 2013 года относятся Львовская (994,9 тыс. чел.), Винницкая (810,9 тыс. чел.), Одесская (793,0 тыс. чел.), Закарпатская (787,9 тыс. чел.) и Ивано-Франковская (782,2 тыс. чел.) области. Наименьшее число сельских жителей проживают в Луганской (297,5 тыс. чел.), Сумской (367,5 тыс. чел.), Кировоградской (374,6 тыс. чел.), Николаевской (377,3 тыс. чел.) и Черниговской (393,0 тыс. чел.) областях.

В Закарпатской, Черновицкой, Ивано-Франковской, Тернопольской и Ровенской областях удельный вес сельского населения составляет более 50 % от его общей численности. При удельном весе сельского населения в среднем по Украине 31,12 %, в Донецкой области он составляет 9,40 %, Луганской — 13,19 %, Днепропетровской — 16,46 %, Харьковской — 19,66 %, Запорожской — 22,94 %, в остальных областях он превышает среднереспубликанское значение, но составляет менее 50 % [144, с. 8–9].

Парадокс состоит в том, что в западных областях Украины, испытывающих дефицит в сельскохозяйственных землях, в целом более благоприятная, чем в остальных областях демографическая ситуация, характеризующаяся положительным значением прироста сельского населения (табл. 2.7).

Таблица 2.7

Природный прирост населения Украины за год в сельской местности в разрезе регионов*

(человек)

Области (регионы)	Годы										На 1000 человек наличного насе- ления	
	1990	1995	2000	2005	2010	2012	1990	2012				
Украина	-58155,0	-131700,0	-153901,0	-168571,0	-96003,0	-72246,0	-3,4	-5,1				
АР Крым	2730,0	-2621,0	-4285,0	-4546,0	-819,0	450,0	-3,6	0,6				
Винницкая	-8305,0	-12056,0	-12060,0	-13268,0	-8581,0	-7197,0	-7,9	-8,8				
Вольнская	-274,0	-1925,0	-2163,0	-3093,0	-784,0	109,0	-0,5	0,2				
Днепропетровская	-2953,0	-6754,0	-7684,0	-7842,0	-4523,0	-3563,0	-4,6	-6,5				
Донецкая	-1693,0	-4866,0	-5496,0	-5947,0	-4164,0	-3466,0	-3,3	-8,4				
Житомирская	-4239,0	-6491,0	-7246,0	-8671,0	-5292,0	-4404,0	-6,0	-8,3				
Закарпатская	5659,0	1959,0	611,0	-771,0	2020,0	2618,0	7,7	3,4				
Запорожская	-2013,0	-5459,0	-5688,0	-5545,0	-3480,0	-2604,0	-4,0	-6,3				
Ивано-Франковская	2321,0	-345,0	-2399,0	-3884,0	-1592,0	-588,0	2,8	-0,8				
Киевская	-6288,0	-10888,0	-11595,0	-11877,0	-7612,0	-6415,0	-7,1	-9,7				
Кировоградская	-3875,0	-6092,0	-6188,0	-6161,0	-3586,0	-3026,0	-7,9	-8,1				

Луганская	-1968,0	-4096,0	-5025,0	-4664,0	-3164,0	-2834,0	-5,1	-9,5
Львовская	703,0	-3046,0	-5654,0	-6717,0	-3676,0	-2044,0	0,7	-2,0
Николаевская	-183,0	-2837,0	-3706,0	-4025,0	-1954,0	-1213,0	-0,4	-3,2
Одесская	-821,0	-5940,0	-7139,0	-7422,0	-2802,0	-1210,0	-0,9	-1,5
Полтавская	-6420,0	-9882,0	-11329,0	-10943,0	-6991,0	-5794,0	-8,5	-10,2
Ровенская	685,0	-543,0	-1211,0	-2099,0	516,0	1806,0	1,1	3,0
Сумская	-6029,0	-7917,0	-8470,0	-8501,0	-5536,0	-4813,0	-11,3	-13
Тернопольская	-2542,0	-3700,0	-5005,0	-5863,0	-4352,0	-3369,0	-3,7	-5,5
Харьковская	-4363,0	-7868,0	-8346,0	-8451,0	-5208,0	-4418,0	-6,5	-8,2
Херсонская	870,0	-1882,0	-2893,0	-3565,0	-1369,0	-1070,0	1,8	-2,5
Хмельницкая	-6339,0	-8183,0	-8884,0	-10420,0	-7106,0	-6202,0	-8,1	-10,5
Черкасская	-6605,0	-9083,0	-9463,0	-10322,0	-6944,0	-5665,0	-9,2	-10,2
Черновицкая	1446,0	-285,0	-1614,0	-2329,0	-798,0	-91,0	2,7	-0,2
Черниговская	-7681,0	-10809,0	-10878,0	-11565,0	-8194,0	-7187,0	-12,0	-18,1
Севастополь (горсовет)	-5,0	-92,0	-91,0	-80,0	-12,0	-56,0	-0,3	-2,3

* Составлено по данным Государственной службы статистики Украины.

По сравнению с 1990 годом отрицательное значение природного прироста сельского населения в целом по Украине в 2012 году составило почти 14,1 тыс. чел. Если в 1990 году положительную динамику прироста сельского населения имели 7 регионов (АРК, Закарпатская, Ивано-Франковская, Львовская, Ровенская, Херсонская и Черновицкая области), то в 2012 году только 4 (АРК, Волынская, Закарпатская и Ровенская области). Наиболее сложной демографической ситуацией является в Черниговской, Черкасской, Полтавской, Хмельницкой, Киевской, Кировоградской, Винницкой областях, представляющих центр Украины и характеризующихся интенсивным ведением сельскохозяйственного производства и наличием значительных земельных ресурсов.

Данные о количестве действующих в сельском и лесном хозяйстве, в рыболовстве и рыбоводстве субъектов хозяйствования представлены в табл. 2.8.

Таблица 2.8

Количество действующих предприятий по их организационно-правовым формам хозяйствования в 2012 году [305, с. 133]

(на 1 июля)

Виды предприятий	Сельское хозяйство		Лесное хозяйство		Рыболовство, рыбоводство	
	всего	про- центов к обще- му коли- честву	всего	про- центов к обще- му коли- честву	всего	про- центов к обще- му коли- честву
Всего предприятий	55866	100,0	850	100,0	566	100,0
Хозяйствующие товарищества	8121	14,5	165	19,4	373	56,9
Частные предприятия	4183	7,5	119	14,0	184	28,1
Производственные кооперативы	856	1,6	13	1,5	10	1,5
Фермерские хозяйства	40732	72,9	—	—	—	—
Государственные предприятия	294	0,5	345	40,6	11	1,7
Предприятия иных форм хозяйствования	1680	3,0	208	24,5	77	11,8

Как следует из приведенной статистики, почти две трети предприятий приходится на фермерские хозяйства, в то время как удельный вес производственных кооперативов и государственных предприятий составляет 2,1 %.

Распределение действующих предприятий по размеру сельскохозяйственных угодий в 2012 году показывает, что наибольший удельный вес (23,9 %) составляют предприятия с угодьями площадью 20,1–50,0 га. Только 0,3 % предприятий распоряжаются угодьями площадью, превышающей 10 тыс. га, но на их долю приходится 15,3 % общей площади сельскохозяйственных угодий предприятий [324, с. 87].

Большая часть этих земель находится под контролем агрохолдингов, крупнейших вертикально интегрированных компаний с участием иностранного капитала, происхождение которых связано с финансово-промышленным капиталом. Так, в 2012 году «Укрлендфарминг» владел 532 тыс. га земель, «New Century Holding» — 400 тыс. га, «Кернел» — 330 тыс. га, «Мрия» — 295 тыс. га, ПАО «Мироновский хлебопродукт» — 280 тыс. га, «Украинские аграрные инвестиции» — 260 тыс. га, «Астра-Киев» — 245 тыс. га [74, с. 74]. Такая чрезмерная капитализация земельных банков ведет к потере сельскими жителями контроля над сельскохозяйственными землями со всеми вытекающими из этого экономическими, социальными и экологическими последствиями.

Концентрация сельскохозяйственных земель отразилась на сокращении количества сельскохозяйственных предприятий с 57877 в 2005 году до 55866 в 2012 году или на 2011 единиц (3,47 %). Наибольшее количество предприятий размещены в Одесской — 6533 (11,7 %), Николаевской — 4761 (8,5 %), Днепропетровской — 4359 (7,8 %), Кировоградской — 3179 (5,7 %), Херсонской — 3112 (5,6 %) областях. Наименьшее количество сельскохозяйственных предприятий приходится на Ивано-Франковскую (784), Ровенскую (823), Черновицкую (1007), Волынскую (1089), Черниговскую (1099) области [290, с. 228]. Такая неравномерность размещения сельскохозяйственных предприятий по территории Украины, имеющая географическую направленность, объясняется благоприятными природными условиями и наличием природных ресурсов для занятий сельским хозяйством на юге и в центре страны и соответственно их ограниченностью в западных областях и депопуляцией в Черниговской области.

Представление о месте сельского хозяйства в структуре национальной экономики дает табл. 2.9.

Таблица 2.9

Валовая добавленная стоимость по видам экономической деятельности
[290, с. 36]

(в процентах к итогу)

Виды экономической деятельности	2001 г.	2005 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Валовая добавленная стоимость	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Сельское хозяйство, охотничество, лесное хозяйство	16,3	10,4	8,3	8,7	9,9	9,2
Добывающая промышленность	4,7	4,6	5,1	6,9	7,8	7,5
Перерабатывающая промышленность, в т. ч. производство пищевых продуктов, напитков и табачных изделий	19,7 4,6	22,4 5,2	17,8 —	16,6 —	14,9 —	14,9 —
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	6,2	3,9	4,0	3,7	4,0	4,2
Строительство	4,1	4,2	2,7	3,4	3,3	3,2

За сравниваемый период произошло существенное (почти в 1,8 раза) сокращение удельного веса сельского хозяйства, охотничества, лесного хозяйства, перерабатывающей промышленности, во многом зависимой от сельскохозяйственного сырья, в общем объеме добавленной стоимости. Эта тенденция свидетельствует о трансформации производящей экономики в экономику знаний и услуг. Вместе с тем позиционирование аграрного сектора как одного из важных в стратегическом развитии страны не в полной мере подтверждается практическими результатами деятельности.

Данные об удельном весе регионов Украины в основных общегосударственных социально-экономических показателях содержатся в табл. 2.10.

Сопоставление показателей, характеризующих удельный вес регионов в промышленном и сельскохозяйственном развитии, показывает, что только в Донецкой, Днепропетровской, Луганской, Запорожской и Харьковской областях объемы реализованной промышленной продукции превышают продукцию сельского хозяйства. Остальные регионы имеют преимущественно аграрную направленность развития.

Таблица 2.10

**Удельный вес регионов в общественных показателях промышленного
и сельскохозяйственного развития в 2012 году [274, с. 19]**

(в процентах)

Области (регионы)	Объем реализованной промышленной продукции (товаров и услуг)	Продукция сельского хозяйства	В том числе	
			продукция растениеводства	продукция животноводства
Украина	100,0	100,0	100,0	100,0
АР Крым	1,9	3,0	2,3	4,4
Винницкая	1,6	6,5	7,0	5,4
Волынская	0,8	2,8	2,3	3,6
Днепропетровская	15,6	5,2	4,7	6,1
Донецкая	17,3	4,9	4,5	5,7
Житомирская	1,2	3,5	3,4	3,8
Закарпатская	0,7	1,9	1,4	2,9
Запорожская	5,9	3,2	3,3	2,9
Ивано-Франковская	1,8	2,5	1,7	4,1
Киевская	3,5	6,6	6,2	7,5
Кировоградская	1,4	4,0	4,7	2,7
Луганская	6,0	2,8	3,0	2,5
Львовская	2,5	3,9	3,5	4,8
Николаевская	1,7	3,1	3,4	2,6
Одесская	2,0	3,6	3,9	2,9
Полтавская	5,8	6,0	6,7	4,6
Ровенская	0,9	2,8	2,7	3,0
Сумская	1,8	3,7	4,1	2,8
Тернопольская	0,6	3,6	3,9	2,8
Харьковская	5,5	5,4	6,0	4,3
Херсонская	0,7	3,7	4,3	2,7
Хмельницкая	1,2	5,0	5,3	4,3
Черкасская	2,3	6,3	5,4	8,0
Черновицкая	0,3	1,9	1,7	2,4
Черниговская	1,4	4,1	4,6	3,2
г. Киев	15,3	—	—	—
г. Севастополь	0,3	—	—	—

При этом следует иметь в виду существенный разрыв в удельных показателях промышленности и сельского хозяйства в пользу последнего. В Черновицкой области он составляет 6,33 раза (1,9 % и 0,3 %), Тернопольской — 6 раз (3,6 % и 0,6 %), Херсонской — 5,28 раза (3,7 % и 0,7 %), Хмельницкой — 4,16 раза (5,0 % и 1,2 %), Винницкой — 4,06 раза (6,5 % и 1,6 %). Вместе с тем, учитывая низкое процентное значение продукции сельского хозяйства (за исключением Винницкой области), необходимо также акцентировать внимание на весомом значении указанного показателя в Киевской (6,6 %), Черкасской (6,3 %), Полтавской (6,0 %) областях. В Харьковской области значение удельного веса объема реализованной промышленной продукции (5,5 %) всего на одну десятую пункта превышает соответствующий показатель сельского хозяйства. Наиболее близки к паритету эти показатели — в Полтавской области (5,8 % и 6,0 %). Как правило, регионы с высоким удельным показателем по сельскому хозяйству имеют такие же показатели отдельно по продукции растениеводства и животноводства, с большими или меньшим удельным весом растениеводства (Винницкая, Полтавская, Харьковская области) или животноводства (Киевская, Черкасская области). Несколько контрастны эти показатели, с уклоном в сторону животноводства, — в Ивано-Франковской и Закарпатской областях, что объясняется достаточным количеством здесь пастбищ в предгорье и горной местности.

Определенная межрегиональная неравномерность наметилась и по производству валовой продукции сельского хозяйства, как в разрезе сельскохозяйственных предприятий, так и в разрезе хозяйств населения. В среднем по Украине эти показатели в 2012 году были практически одинаковыми (50,7 % и 49,3 % — соответственно). Если по производству продукции растениеводства удельный вес сельскохозяйственных предприятий составляет 55 %, то по животноводческой продукции — 58,2 % ее производства обеспечивают хозяйства населения. Преобладание доли сельскохозяйственных предприятий в производстве валовой продукции в Черкасской, Киевской, Полтавской, Сумской, Кировоградской областях обеспечивают крупные агрохолдинги, специализирующиеся на выращивании зерновых культур, подсолнечника и сои. Напротив, в западных областях (Закарпатская, Черновицкая, Ровенская, Ивано-Франковская, Волынская) от 94,5 % до 69,5 % производства валовой продукции сельского хозяйства обеспечивают хозяйства населения (по животноводческой продукции эти показатели еще выше) [29, с. 20].

Такие полярные показатели ведущей роли сельскохозяйственных предприятий (в центральных областях) и хозяйств населения (в западных областях) в производстве валовой продукции сельского хозяйства получили свое отражение и в показателе рентабельности сельскохозяйственного производства на сельскохозяйственных предприятиях. Его средние показатели по стране снизились с 42,6 % в 1990 году до 20,5 % в 2012 году или в 2,07 раза. В западных областях этот показатель сократился с 22,9 %–29,0 % (Закарпатская — Черновицкая области) до 2,2 %–9,6 % (Львовская — Ровенская области) [275, с. 206].

Эффективность сельскохозяйственного производства характеризуют его показатели в расчете на 100 га сельскохозяйственных угодий (табл. 2.11).

Как следует из данных, приведенных в таблице, наиболее высокие показатели эффективности сельскохозяйственного производства имеют Ивано-Франковская (1092,5 тыс. грн), Черкасская (1059,1 тыс. грн), Закарпатская (1002,9 тыс. грн), Черновицкая (959,0 тыс. грн), Киевская (954,4 тыс. грн) области, а наиболее низкие — Запорожская (329,6 тыс. грн), Одесская (358,2 тыс. грн), Луганская (362,1 тыс. грн), Николаевская (381,8 тыс. грн), АРК (438,7 тыс. грн). Если по производству валовой продукции сельского хозяйства в целом разрыв между максимальным и минимальным значениями по указанному показателю составил 3,3 раза, то по производству животноводческой продукции — 6,2 раза. Характерно, что по этому показателю лидирующие позиции занимают западные области (3 из 5 первых мест), производящие продукцию преимущественно в хозяйствах населения и характеризующиеся низкой рентабельностью сельскохозяйственных предприятий, удельный вес которых здесь является незначительным.

Для идентификации сельских территорий как экономического пространства в региональном срезе важен анализ показателей производства продукции сельского хозяйства в расчете на одного человека (табл. 2.12).

Приведенные в таблице данные свидетельствуют об уровне эффективности сельскохозяйственного производства и самодостаточности регионов в обеспечении себя продукцией сельского хозяйства. Самые высокие показатели душевого производства сельскохозяйственной продукции присущи Черкасской (11019 грн), Полтавской (9100 грн), Кировоградской (8975 грн), Винницкой (8888 грн), Хмельницкой (8475 грн), а самые низкие — Донецкой (2475 грн), Луганской

Таблица 2.11

Валовая продукция сельского хозяйства во всех категориях хозяйств в расчете на 100 га сельскохозяйственных угодий по регионам за 2012 год [29, с. 21]

(тыс. грн)

Области	Валовая продукция	В том числе	
		растениеводства	животноводства
Украина	601,5	402,1	199,4
АР Крым	438,7	223,1	215,6
Винницкая	786,7	567,8	218,9
Волынская	734,0	413,7	320,3
Днепропетровская	518,0	314,3	203,7
Донецкая	519,2	361,8	229,4
Житомирская	602,9	387,7	215,2
Закарпатская	1002,9	495,5	507,4
Запорожская	329,6	231,0	98,6
Ивано-Франковская	1092,5	497,0	595,5
Киевская	954,4	595,6	358,8
Кировоградская	498,9	387,9	111,0
Луганская	362,1	255,2	106,9
Львовская	832,0	494,3	337,7
Николаевская	381,8	276,9	104,9
Одесская	358,2	261,9	96,3
Полтавская	702,8	522,3	180,5
Ровенская	732,5	470,0	262,5
Сумская	558,3	419,6	138,7
Тернопольская	824,1	609,6	214,5
Харьковская	552,0	407,2	144,8
Херсонская	449,8	342,8	107,0
Хмельницкая	748,9	535,4	213,5
Черкасская	1059,1	612,0	447,1
Черновицкая	959,0	571,7	387,3
Черниговская	525,9	392,1	133,8

(2773 грн), АРК (2841 грн), Киевской (3251 грн), Закарпатской (3359 грн) областям. Почти половина регионов имеют показатель душевого производства продукции сельского хозяйства ниже среднереспубликанского, среди которых пять — с наиболее многочисленным населением. Это создает проблему удовлетворения потребностей жителей указанных областей в продовольствии за счет его поставок из других регионов.

Таблица 2.12

**Продукция сельского хозяйства в расчете на одного человека по регионам
в 2012 году [29, с. 24]**

(гривен)

Области	Все категории хозяйств	В т. ч. сельскохозяйственные предприятия
Украина	4897	2480
АР Крым	2841	1283
Винницкая	8888	4762
Волынская	5950	1813
Днепропетровская	3481	2005
Донецкая	2475	1241
Житомирская	6251	2576
Закарпатская	3359	186
Запорожская	3960	1955
Ивано-Франковская	3984	1205
Киевская	3251	2143
Кировоградская	8975	5406
Луганская	2773	1555
Львовская	3445	1034
Николаевская	5899	3000
Одесская	3365	1461
Полтавская	9100	5613
Ровенская	5357	1506
Сумская	7168	4354
Тернопольская	7368	3444
Харьковская	4447	2306
Херсонская	9177	3022
Хмельницкая	8475	4523
Черкасская	11019	8308
Черновицкая	4815	1166
Черниговская	7733	5025

Экономическое пространство сельских территорий в основном заполнено сельскохозяйственным видом деятельности, для осуществления которой существуют соответствующие условия. Однако это не исключает развития здесь альтернативных видов деятельности. В научной литературе к их числу отнесены: сохранение, переработка и сбыт сельскохозяйственной продукции; зеленый туризм; народные промыслы и ремесла; заготовка и переработка дикорастущих плодов,

ягод, лекарственных трав; заготовка и обработка древесины; изготовление строительных материалов, строительство; транспортировка грузов, пассажирские перевозки и пр. [216, с. 165]. Перечисленные виды деятельности на большей части сельских территорий способны наполнить новыми связями и отношениями экономическое пространство, разнообразить занятость сельского населения, улучшить финансовое состояние хозяйствующих субъектов. Но для их развития на сельских территориях необходимы инвестиции. При их недостатке основная ставка делается на зеленый туризм, который развивается исключительно за счет финансовых вложений физических лиц-предпринимателей (табл. 2.13).

Ознакомление с результатами деятельности субъектов, занятых в сфере сельского туризма, оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, пример родоначальников зеленого туризма (Ивано-Франковская, Львовская, Черновицкая области) свидетельствует о перспективах развития этого вида туризма без привлечения значительных финансовых средств. В связи с этим вызывает удивление, что в 13 регионах сельский туризм вообще не развивается, включая АРК, Закарпатскую, Волынскую, Донецкую, Запорожскую, Николаевскую, Одесскую, Херсонскую области, где для этого имеются благоприятные природные условия. Хотя общеизвестно, что в приморских и карпатских селах практикуется сезонная сдача жилья отдыхающим, не регистрируемая органами статистики и не облагаемая налогом. Зеленый туризм, вне всякого сомнения, имеет большие перспективы превратиться на значительной части сельских территорий в вид деятельности альтернативный или конкурентный по отношению к сельскохозяйственной деятельности.

На основании изложенного можно сделать вывод, что экономическое пространство сельских территорий представлено сельским хозяйством как основным видом хозяйственной деятельности. Субъектами хозяйствования выступают сельскохозяйственные предприятия и хозяйства населения, производящие товары и услуги, а также находящиеся в определенных экономических отношениях друг с другом, государством и потребителями.

Экономическое пространство отличается неоднородностью и неравномерностью развития, обусловленными региональными диспропорциями размещения населения, природных ресурсов, географическими и природными различиями. Характерно, что одни сельские территории владеют достаточными людскими ресурсами и испыты-

вают дефицит земельных ресурсов (западные области), в центральных областях — ситуация противоположная. Наибольшее количество сельскохозяйственных предприятий размещено в южных областях. Хозяйства населения являются основными производителями сельскохозяйственной продукции в западных областях. Здесь же наиболее высокие показатели по производству продукции в расчете на 100 га. Поляризация сельских территорий по душевому производству аграрной продукции не имеет четких региональных признаков. Так, если такие центральные области как Черкасская и Полтавская имеют самые высокие показатели, то Киевская область относится к аутсайдерам. Такая дифференциация экономического пространства сельских территорий требует учета всего комплекса факторов, определяющих эти различия.

2.4. СЕЛЬСКИЕ ТЕРРИТОРИИ КАК СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА

Идентификация сельских территорий как социальной среды формирует ассоциативный ряд, отождествляющий эти пространственные образования с сельскими населенными пунктами. Если идентификация сельских территорий как агроэкосистемы и экономического пространства связана с представлениями о природных и социально-экономических процессах, происходящих в основном за пределами сельской поселенческой сети, то их восприятие как социальной среды ассоциируется с ее компонентами, которые взаимодействуют между собой в границах населенных пунктов.

В понятийном конструкте «социальная среда» ключевым является слово «социальная», которое в переводе с латинского языка означает общий, общественный. В широком значении этот термин характеризует сферу жизнедеятельности людей, разные формы их отношений, имеющих общественный характер. Такому значению социальности отвечает определение социальной среды как искусственного материального и психологического (информационного) окружения людей в противовес природной среде [182, с. 345].

В узком значении термин «социальный» используется для обозначения сферы социокультурной деятельности и отношений, которые связаны с воспроизводством личности и социума в целом. В социологии исследование сельской социальной среды включает оценку уровня и качества жизни населения, домохозяйства, поселений, населения [296, с. 299—300].

Таблица 2.13

Сельский (зеленый) туризм в 2012 году по регионам [319, с. 50]

Области (регионы)	Количество усадеб, единиц	Количество размещенных лиц	Средняя емкость усадеб, мест	Площадь усадеб, кв.м		Доходы от оказанных услуг (без НДС, акцизного налога и аналогичных платежей), тыс. грн	Затраты, тыс. грн	Фактические затраты на одного человека-день пребывания	Количество ночевок	Средняя длительность пребывания размещенных лиц	Коэффициент использования емкости усадеб
				всего	в том числе жилая						
Украина	230	50 724	11	49425,3	20787,1	10189,7	5046,6	117,2	112520	2,2	0,26
АР Крым	1	300	20	110,0	72,0	23,6	15,0	60,0	400	1,3	0,06
Винницкая	1	40	8	10250,0	85,0	12,0	4,0	160,0	80	2,0	0,13
Вольнская	2	2524	15	1052,0	213,0	493,8	408,3	163,1	3284	1,3	0,48
Днепропетровская	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Донецкая	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Житомирская	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Закарпатская	4	269	10	767,3	387,3	112,2	78,3	122,5	729	2,7	0,14
Запорожская	1	15	6	60,0	27,0	2,5	0,6	50,0	50	3,3	0,02

Ивано-Франковская	158	21591	10	23624,6	13235,7	5045,2	2383,4	97,4	47464	2,2	0,20
Киевская	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Кировоградская	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Луганская	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Львовская	31	17019	13	8362,0	4003,8	3476,9	1647,3	138,6	48995	2,9	0,45
Николаевская	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Одесская	1	213	36	360,0	144,0	31,2	5,4	146,0	479	2,2	0,05
Полтавская	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Ровенская	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Сумская	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Тернопольская	6	2010	13	1133,4	495,3	76,2	70,6	36,6	2078	1,0	0,18
Харьковская	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Херсонская	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Хмельницкая	2	2154	14	629,0	193,0	369,0	228,6	182,7	2138	1,0	0,47
Черкасская	6	322	9	675,0	524,0	77,8	49,7	57,0	1983	6,2	0,76
Черновицкая	17	4267	13	2402,0	1407,0	469,3	155,4	94,2	4840	1,1	0,12
Черниговская	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
г. Киев	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
г. Севастополь	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Количественным измерением социальной среды сельских территорий являются социальная инфраструктура и поселенческая сеть, а качественным — социальная коммуникация и соответствующее поведение населения. Общую характеристику социальной среды отражает состояние сельского социума. В социологической литературе [46] социум определяется как тип социальности, существующий как устойчивая общность людей, которая характеризуется единством духовных и других условий жизнедеятельности, генетической связью поколений, стабильностью социальной организации, определенной культурой. В качестве такой социальной ячейки на селе выступает сельская община, представляющая собой самоорганизацию жителей, объединенных общей целью и желанием улучшить свое жизненное пространство.

Роль центрального звена сельского социума выполняет население, которое распределено на сельских территориях неравномерно (табл. 2.14).

Сопоставление количественного состава сельского населения регионов Украины в контексте административно-территориального деления дает возможность выявить взаимосвязи и взаимозависимости между отдельными показателями социально-демографического развития социальной сферы сельских территорий.

Во-первых, существует прямая зависимость между численностью сельского населения, приходящегося на один административный район, сельский совет, сельский населенный пункт, а также между указанными показателями и численностью сельского населения, находящегося в сфере влияния среднестатистического города. Так, Закарпатская область занимает по этим показателям первое, второе, два первых места соответственно, Ивано-Франковская — второе, шестое, два третьих места, Черновицкая — пятое, третье, второе, четвертое, АРК — третье, первое, четвертое, шестое места.

Во-вторых, сельские территории регионов с большим количеством крупных сел и высокой плотностью населения занимают последние места по количеству населенных пунктов (Черновицкая область — 25 место, Закарпатская — 24, Ивано-Франковская — 22) или по количеству районов и сельских советов (АРК — 22 и 24 места — соответственно). Тем не менее, это не помешало этим регионам занять лидирующие позиции по количеству сельского населения (Закарпатская область — 4 место, Ивано-Франковская — 5

место, АРК — 6 место) или по его удельному весу (Черновицкая область — 2 место).

В-третьих, высокая насыщенность регионов административно-территориальными единицами, как правило, не гарантирует им ведущие позиции по их наполняемости населением. Например, Винницкая область — лидер по указанным позициям и занимающая второе место по общей численности сельского населения, шестое — по количеству сельских населенных пунктов, находится на семнадцатом, тринадцатом и одиннадцатом местах по численности населения, приходящегося на один сельский совет, один административный район и один сельский населенный пункт — соответственно. Примерно такая же ситуация характерна для Житомирской и Киевской областей. Немножко лучше эти показатели в Одесской области (за счет наличия крупных сел в южных районах).

В-четвертых, мелкодисперсностью сельского расселения характеризуются Полтавская, Сумская, Черниговская и Харьковская области, которые также отличаются высокой депопуляцией сельского населения. К тому же Сумская и Черновицкая области занимают одни из последних мест по численности сельского населения, находящегося в зоне влияния среднестатистического города. А аутсайдером по этому показателю являются самые урбанизированные области — Донецкая и Луганская, что связано с самым низким удельным весом их сельского населения. В эту группу входит и Львовская область — лидер по количеству сельского населения, численности сельских населенных пунктов и сельских советов (2 место). Столь низкий показатель демографической нагрузки сельского населения этой области (22763 человека) на один город объясняется, с одной стороны, их большим количеством (44) и, с другой — преобладанием среди них малых городов (только 9 городов имеют статус городов областного значения).

Высокая концентрация сельского населения при оптимальной системе его расселения в западных областях, АРК, частично в Одесской области обусловлена их выгодным географическим положением, благоприятными природно-климатическими условиями, положительной динамикой природного прироста населения, его незначительной внутренней миграцией и маятниковым характером внешней миграции.

Качественная характеристика сельского населения в значительной мере зависит от удельного веса в его составе лиц в возрасте 60 лет и старше (табл. 2.15).

Таблица 2.14

Распределение сельского населения Украины в контексте административно-территориального деления по состоянию на 1 декабря 2013 года *

Области (регионы)	Районы	Сельское население, тыс. чел.	Сельские советы	Сельские населенные пункты	Численность населения, принадлежащего на один административный район, чел.	Численность населения, принадлежащего в среднем на один сельский совет, чел.	Численность населения, принадлежащего в среднем на один сельский населенный пункт, чел.	Численность населения, находящегося в сфере влияния административного района, чел.
Украина	490	14,174	10279	28441	28926	1378	498	30813
АР Крым	14	732	243	948	52285	3012	772	45750
Винницкая	27	811	661	1461	30037	1226	555	45055
Вольнская	16	498,5	379	1054	31156	1428	472	45318
Днепропетровская	22	544,6	288	1435	24754	1890	379	27230
Донецкая	18	411,2	253	1118	22844	1625	367	7907
Житомирская	23	528,2	579	1613	22965	912	327	44016
Закарпатская	13	788	307	579	60615	2566	1360	71636
Запорожская	20	409,5	263	915	20475	1557	447	29250

Ивано-Франковская	14	782,2	477	765	55871	1639	1022	52146
Киевская	25	657,2	605	1126	26288	1086	583	25276
Кировоградская	21	374,7	376	995	17842	966	376	31225
Луганская	18	297,6	206	781	16533	1444	381	8043
Львовская	20	1001,6	633	1850	50080	1582	541	22763
Николаевская	19	377,4	287	894	19863	1314	422	41933
Одесская	26	793,1	439	1125	30503	1806	704	41742
Полтавская	25	566,1	467	1810	22644	1212	312	37740
Ровенская	16	603,8	338	1000	37737	1786	603	54890
Сумская	18	367,5	384	1466	20416	957	250	24500
Тернопольская	17	602,1	580	1023	35417	1580	588	33450
Харьковская	27	539,5	381	1679	19981	1416	321	31735
Херсонская	9	418,7	259	658	46522	1616	636	46522
Хмельницкая	13	585	568	1414	45000	1029	413	45000
Черкасская	16	553,6	525	824	34600	1054	671	34600
Черновицкая	11	521,5	252	398	47409	2069	1310	47418
Черниговская	16	393,1	525	1481	24568	748	265	24568
Севастополь (горсовет)		12	4	29				

* Составлено по данным Государственной службы статистики Украины.

Таблица 2.15

Численность и удельный вес населения в возрасте 60 лет и старше в сельской местности регионов Украины на 1 января 2013 года*

Области (регионы)	Население			Удельный вес населения в возрасте 60 лет и старше в сельской местности, %
	все	сельское	в возрасте 60 лет и старше в сельской местности	
Украина	45553047	14174408	3299824	23,28
АР Крым	1965177	732042	145282	19,84
Винницкая	1627038	810977	221059	27,25
Волынская	1039958	498523	98321	19,72
Днепропетровская	3307795	544576	131169	24,08
Донецкая	4375442	411286	105079	25,54
Житомирская	1268903	528154	134387	25,44
Закарпатская	1254393	787993	127636	16,19
Запорожская	1785243	409569	96122	23,46
Ивано-Франковская	1381788	782219	159090	20,33
Киевская	1722052	657279	173875	26,45
Кировоградская	995171	374689	96347	25,71
Луганская	2256551	297540	76921	25,85
Львовская	2540702	994564	207014	20,81
Николаевская	1173481	377356	78886	20,9
Одесская	2395160	793037	152707	19,25
Полтавская	1467821	566159	149630	26,42
Ровенская	1156868	603786	113017	18,71
Сумская	1143249	367501	104893	28,54
Тернопольская	1077327	602089	142466	23,66
Харьковская	2744419	539484	136126	25,23
Херсонская	1078232	418747	83272	19,88
Хмельницкая	1313964	584943	167166	28,57
Черкасская	1268888	553561	156513	28,27
Черновицкая	907163	521510	105818	20,29
Черниговская	1077802	393089	131906	33,35
Севастополь (горсовет)	383437	23735	5122	21,57

* Источники: Населення України за 2012 рік: демограф. щорічн. / Відп. за вип. Г. М. Тимошенко. — К.: Державна служба статистики України, 2013. — С. 25; Соціальний захист населення України: стат. зб. / Відп. за вип. І. В. Калачова. — К.: Державна служба статистики України, 2013. — С. 16.

Данные, приведенные в таблице, свидетельствуют о высокой демографической нагрузке на экономически активное сельское население: в 15 регионах удельный вес населения в возрасте 60 лет и старше в сельской местности превышает средний показатель по стране (23,28 %). Наибольший удельный вес пенсионеров в Черниговской (33,35 %), Хмельницкой (28,57 %), Сумской (28,54 %), Черкасской (28,27 %), Винницкой (27,25 %), Киевской (26,45 %), Полтавской (26,42 %) областях, а по их общей численности лидируют Винницкая (221,1 тыс. чел.), Львовская (207,0 тыс. чел.), Киевская (173,8 тыс. чел.), Хмельницкая (167,1 тыс. чел.), Ивано-Франковская (159,1 тыс. чел.) области. Минимальными показателями удельного веса лиц пенсионного возраста характеризуются Закарпатская (16,19 %), Ровенская (18,71 %), Одесская (19,25 %), Волынская (19,72 %) области, АРК (19,84 %). Очевидно, что распределение на лидеров и аутсайдеров по данному показателю мало чем отличается от данных, характеризующих уровень концентрации сельского населения, его плотность и динамику природного прироста.

Высокий удельный вес сельского населения пенсионного возраста можно было бы признать как положительную тенденцию, свидетельствующую о повышении продолжительности жизни, если бы не два обстоятельства. Первое из них связано с тем, что уровень смертности сельского населения в 1,5 раза выше городского [135]. Второе — это негативное влияние на демографическую ситуацию, наряду с естественной убылью населения, его миграционный отток. Сельская молодежь массово покидает родные места в поисках лучшей жизни в городах и за рубежом. Речь идет, прежде всего, о трудовой миграции, характерной в большей степени для западных областей, отличающихся избытком сельского населения.

За 2012 год структура отрицательного баланса прироста сельского населения Украины была следующей: минус 72246 человек — природный прирост; минус 3628 человек — сальдо миграции; минус 2481 человек — административно-территориальные изменения [338, с. 12].

Сокращение прироста сельского населения происходит на фоне уменьшения доли занятых в сельском, лесном и рыбном хозяйстве с 21,6 % в 2000 году до 17,2 % в 2012 году. В 2013 году уровень безработицы среди трудоспособного населения в сельской местности составил 8,1 %, а среди сельской молодежи — 14,6 % [135].

Среднемесячная номинальная заработная плата работников сельского хозяйства, охотничества и лесного хозяйства составила в 2012

году 2077 грн, а работников рыболовства и рыбоведения — 1552 грн. Это самый низкий показатель среди всех видов экономической деятельности, за исключением деятельности отелей и ресторанов (2057 грн) [305, с. 380]. При этом потребительские денежные затраты домохозяйств в этом же году в сельской местности составили 2255,49 грн. В структуре затрат 53,8 % приходится на питание (включая питание вне дома), 41,8 % — на непродовольственные товары и услуги, 1,6 % — на алкогольные напитки, 2,8 % — на табачные изделия [300, с. 115].

Сравнительные данные о среднедушевых эквивалентных общих доходах населения в сельских и городских поселениях содержатся в табл. 2.16.

Анализ данных о распределении населения по уровню доходов показывает, что в 2012 году его наибольшей удельный вес (28,7 %) в сельских домохозяйствах приходился на размер 1200,1–1560,0 грн, в то время как в 2009 году — на 840,1 —1200,0 грн (37 %), что соответствовало распределению соответствующих доходов в городских домохозяйствах, но с несколько меньшим их удельным весом. Отсюда более чем двукратное и трехкратное преобладание удельного веса доходов в городских домохозяйствах в размерах 2640,1–3000,0 грн и свыше 3720,0 грн. А доля населения с доходом ниже прожиточного минимума в сельских домохозяйствах была в 1,7 раза больше, чем в городских, или на 12,7 %, что свидетельствует о бедности как сельского, так и городского населения. Практически остался неизменным и квинтильный коэффициент, указывающий на значительную дифференциацию доходов наиболее и наименее обеспеченного населения.

Характеристика сельского населения как одной из идентификационных составляющих социальной среды сельских территорий неразрывно связана с поселенческой сетью, которую можно определить как совокупность населенных пунктов, обустроенных мест проживания людей в границах соответствующего географического пространства, соединенных между собой дорогами, средствами связи, другими коммуникациями.

Населенный пункт — это территориально целостный и компактный ареал концентрации населения со всеми условиями и средствами, необходимыми для жизни, труда и отдыха людей, т. е. место проживания, размещения производства, социальной и производственной инфраструктуры [61, с. 44]. К приведенному определению населенного пункта необходимо сделать одно уточнение: сельскохозяйственное

Таблица 2.16

Распределение населения по уровню среднедушевых эквивалентных общих доходов [300, с. 113–114]

(процентов)

Доходы населения	2009 г.			2012 г.		
	Все домохозяйства	В том числе		Все домохозяйства	В том числе	
		в городских поселениях	в сельских поселениях		в городских поселениях	в сельских поселениях
Все население	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Со среднедушевыми эквивалентными общими доходами в месяц, грн						
до 480,0	1,9	1,4	2,8	0,3	0,3	0,4
480,1–840,0	17,1	14,7	22,1	3,1	2,4	4,7
840,1–1200,0	32,0	29,4	37,3	12,9	11,2	16,5
1200,1–1560,0	22,1	22,9	20,5	23,9	21,7	28,7
1560,1–1920,0	12,5	13,7	10,2	21,1	20,9	21,6
1920,1–2280,0 ¹	14,4	17,9	7,1	14,4	15,3	12,2
2280,1–2640,0	9,4	10,0	7,9
2640,1–3000,0	5,6	6,8	3,1
3000,1–3360,0	3,0	3,7	1,7
3360,1–3720,0	2,2	2,5	1,5
свыше 3720,0	4,1	5,2	1,7
Индекс Джини	0,253	0,258	0,221	0,233	0,233	0,216
Квintильный коэффициент дифференциации общих доходов населения (раз)	2,0	2,1	1,9	1,9	2,0	1,8
Часть населения со среднедушевыми эквивалентами общих доходов в месяц ниже прожиточного минимума ²	5,8	4,7	8,0	9,1	7,4	12,7

¹ В 2009 г. — свыше 1920 грн.² В 2009 г. — 638,5, в 2012 г. — 1042,4.

производство размещается за пределами сельских населенных пунктов. Принято считать, что этот тип поселений отличается специфической застройкой, численностью населения, ограниченной 5 тыс. жителей, которые заняты в сельском, лесном, рыбном хозяйстве, в перерабатывающей промышленности и в народных промыслах.

Небольшой размер сельских населенных пунктов, как по населению, так и по площади, определяется преимущественно сельскохозяйственным использованием земель и особенностями агропроизводства, его связью с окружающей средой. Это сказывается на людности населенных пунктов, плотности населения, образе жизни.

Сельский населенный пункт является основным внешним атрибутом сельских территорий, по которому во многом определяется их аутентичность. Для Украины, как и для остальных стран мира, характерна тенденция сокращения сельских населенных пунктов. На 1 января 2013 года их численность составила 28441, или на 403 единицы меньше, чем в 1991 году. За этот период появилось 71 новое село (в основном в западных регионах). Наибольшее число сел исчезло в Киевской (79), Харьковской (62), Полтавской (52) областях. В 19 регионах произошло уменьшение количества сельских поселений, а в 6 — их увеличение, в том числе в Тернопольской, Закарпатской и Волынской областях на 35, 16 и 9 — сел соответственно [210].

Несмотря на общее сокращение численного состава сельских населенных пунктов, в отдельных районах их количество превысило 100 единиц. Наибольшее число таких районов во Львовской области — 10, 5 — в Житомирской, 4 — в Сумской, по 3 — в Днепропетровской и Черниговской, 2 — в Полтавской, по 1 — в Запорожской, Ровенской, Хмельницкой областях и АРК [338, с. 17–37].

Вместе с тем не менее важным является не только сохранение сельской поселенческой сети как идентификатора сельских территорий, а и улучшение их благоустройства, уровень которого на сегодняшний день нельзя признать удовлетворительным (табл. 2.17).

Приведенные в таблице данные об уровне благоустройства населенных пунктов в разрезе городов, поселков городского типа и сел в 2012 году по сравнению с 2000 годом демонстрируют тенденцию его значительного снижения для последнего типа поселений. В первую очередь это относится к газификации сельских населенных пунктов сжиженным газом (53,3 %). В 2012 году только 21,88 % сел имели водопровод (у городов — 99,34 %, поселков городского типа — 85,98 %), 2,47 % — канализацию (у городов — 96,52 %, поселков городского

Таблица 2.17

Благоустройство населенных пунктов [305, с. 415]

Показатели	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2012 г.
Количество населенных пунктов, которые имеют водопровод				
города	448	452	455	457
поселки городского типа	796	767	771	761
сельские населенные пункты	6651	6360	6298	6225
имеют канализацию				
города	426	438	443	444
поселки городского типа	518	489	512	510
сельские населенные пункты	841	746	727	703
газифицированные только природным и природным сжиженным газом ¹				
города	386	411	423	427
поселки городского типа	462	545	617	637
сельские населенные пункты	7596	10318	13965	14688
Газифицированные только сжиженным газом				
города	58	42	30	28
поселки городского типа	398	316	203	186
сельские населенные пункты	19297	16306	12836	12003

¹ До 2005 года включительно считались обеспеченными газом (природным и сжиженным) города, в которых газифицировано не менее 100 квартир; поселки городского типа — не менее 50 квартир, сельские населенные пункты — не менее 10 квартир. С 2006 года в газифицированные природным газом включают населенные пункты, в которых хотя бы один из потребителей использует природный газ из газопровода на коммунально-бытовые нужды; природным и сжиженным газом — населенные пункты, в которых хотя бы один из потребителей использует природный газ из газопровода на коммунально-бытовые потребности; природным и сжиженным газом — населенные пункты, в которых хотя бы один из потребителей использует природный газ из газопровода и хотя бы один из потребителей использует сжиженный газ из газобаллонной установки, находящейся на обслуживании газового хозяйства; сжиженным газом — населенные пункты, в которых хотя бы один из потребителей использует сжиженный газ.

типа — 57,62 %), 42,20 % — сжиженный газ (у городов — 60,87 %, поселков городского типа — 21,01 %). Таким образом, по уровню инженерного и коммунально-бытового обслуживания сельские населенные пункты существенно отстают от городов. Эта архаичность

быта, в невыгодном свете представляющая отечественное село, в известном смысле является идентификационным признаком сельских территорий, грозящим превратиться в их родовую черту при неприятии соответствующих кардинальных мер со стороны государства и субъектов хозяйствования.

Важным компонентом социальной среды сельских территорий является социальная инфраструктура, представляющая собой комплекс условий, средств, материальных объектов, формирующих необходимые условия для жизнедеятельности населения, и ориентированная на достижение уровня жизни, гарантированного государством [19, с. 76]. Это — объекты жилищного, культурно-бытового, торгового, коммунального назначения, созданные человеком для оказания соответствующих услуг сельскому населению с целью его воспроизводства и развития творческих сил личности.

Несмотря на сокращение сельской поселенческой сети объемы жилищного строительства на селе увеличились с 1229 тыс. м² общей площади жилья в 2000 году до 3211 тыс. м² в 2012 году, а количество построенных квартир с 11 тыс. до 21 тыс. Эти же показатели в расчете на 1000 населения возросли с 47 м² до 225 м² и с 0,7 до 1,5 квартиры. Наибольшее количество жилья принято в эксплуатацию в сельской местности Киевской (710 тыс. м² общей площади), Львовской (277 тыс. м²), Одесской (241 тыс. м²), Ивано-Франковской (234 тыс. м²) областей, АРК (201 тыс. м²) [324, с. 114, 117].

В последние годы наметилась тенденция сокращения в сельской местности объектов социально-культурного назначения (табл. 2.18).

Характерно, что за рассматриваемый период произошло увеличение приема в эксплуатацию двух противоположных по своему социальному назначению объектов. В первом случае речь идет о дошкольных учебных заведениях: рост с 265 мест до 1079 мест или в 4,07 раза. Во-вторых — о домах-интернатах для граждан преклонного возраста и инвалидов, в которых принято в эксплуатацию в 2012 году на 34 места больше по сравнению с 12 местами в 2005 году, хотя в 2010 году их количество исчислялось 98. Но вопрос здесь в другом — насколько эти объемы соответствуют потребностям населения. То же самое касается и первого показателя — количества мест в детских дошкольных учреждениях: цифра в 1079 мест скорее соответствует возможностям, чем потребностям. Что касается клубных учреждений, то этот вид объектов культурного назначения в современных условиях утратил свое былое предназначение и является социально маловостребованным.

Прием в эксплуатацию объектов социально-культурного назначения в сельской местности в 2000–2012 годах [324, с. 118]

Объекты	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012
Дошкольные учебные заведения, мест	265	358	669	429	320	1111	1079
Общеобразовательные учебные заведения, тыс. ученических мест	8,6	5,2	5,2	2,6	3,6	6,7	4,5
Лечебные заведения, кроватей	65	21	48	265	8	21	–
Амбулаторно-поликлинические заведения, посещений за смену	800	317	212	341	522	586	507
Дома-интернаты для лиц преклонного возраста и инвалидов, мест	–	12	–	25	98	27	34
Клубные заведения, мест	1000	350	720	450	150	1421	676

В противовес этому на селе набирают обороты предприятия розничной торговли. Если в 2000 году розничный товарооборот предприятий составил 3361 млн грн, из которых 3095 млн грн составил товарооборот розничной торговли и 266 млн грн — ресторанного хозяйства, то в 2012 году — 33316 млн грн, 32375 млн грн и 941 млн грн — соответственно. Однако в сравнении с городскими поселениями этот показатель более чем в 11 раз меньше [324, с. 149].

При размещении объектов социально-культурного назначения важно добиться их оптимизации с учетом особенностей местности, административно-территориального устройства. В первую очередь это относится к таким затратно-емким и социально значимым объектам как сельские общеобразовательные учебные заведения (табл. 2.19).

Данная таблица составлена с целью установления связи между количественными показателями численности сельского населения, сельских советов, сельских населенных пунктов и общеобразовательных учебных заведений, а главное — между численностью сельского населения, приходящегося на одно учебное заведение, между численностью сельских советов и учебных заведений, сельских населенных пунктов и учебных заведений. В этом смысле научный и практический

Таблица 2.19

Дневные сельские общеобразовательные учебные заведения Украины в контексте административно-территориального устройства*

Области (регионы)	Сельское население на 01.01.2013 г.	Сельские советы на 01.01.2013 г.	Сельские населенные пункты на 01.01.2013 г.	Сельские дневные общеобразовательные учебные заведения на начало 2013/2014 уч. г.	Численность сельского населения, приходящегося на одно общеобразовательное учебное заведение	Отношение численности сельских советов к численности общеобразовательных учебных заведений	Отношение численности сельских населенных пунктов к численности общеобразовательных учебных заведений
Украина	14174408	10279	28441	12442	1139,23	0,82	2,28
АР Крым	732042	243	948	328	2231,83	0,74	2,89
Винницкая	810977	661	1461	728	1113,97	0,90	2,0
Вольнская	498523	379	1054	660	755,33	0,57	1,59
Днепропетровская	544576	288	1435	424	1284,37	0,67	3,38
Донецкая	411286	253	1118	297	1384,80	0,85	3,76
Житомирская	528154	579	1613	624	846,40	0,92	2,58
Закарпатская	787993	307	579	521	1512,46	0,58	1,11
Запорожская	409569	263	915	331	1237,36	0,79	2,76

Ивано-Франковская	782219	477	765	583	1341,71	0,81	1,31
Киевская	657279	605	1126	524	1254,34	1,15	2,14
Кировоградская	374689	376	995	389	963,21	0,96	2,55
Луганская	297540	206	781	242	1229,50	0,85	3,22
Львовская	994564	633	1850	1045	951,73	0,60	1,77
Николаевская	377356	287	894	379	995,66	0,75	2,35
Одесская	793037	439	1125	573	1384,0	0,76	1,96
Полтавская	566159	467	1810	515	1099,33	0,90	3,51
Ровенская	603786	338	1000	543	1111,94	0,62	1,84
Сумская	367501	384	1466	368	998,64	1,04	3,98
Тернопольская	602089	580	1023	715	842,08	0,81	1,43
Харьковская	539484	381	1679	428	1260,47	0,89	3,92
Херсонская	418747	259	658	326	1284,50	0,79	2,01
Хмельницкая	584943	568	1414	631	927,0	0,90	2,24
Черкасская	553561	525	824	482	1148,46	1,08	1,70
Черновицкая	521510	252	398	327	1594,83	0,77	1,21
Черниговская	393089	525	1481	461	852,68	1,13	3,21
Севастополь (горсовет)	23735	4	29	9	2637,22	0,44	3,22

* Источники: Населення України за 2012 рік: демограф. щорічн. / Відп. за вип. Г. М. Тимошенко. — К.: Державна служба статистики України, 2013. — С. 25; Загальноосвітні навчальні заклади України на початку 2013/2014 навчального року: стат. бюл. / Відп. за вип. І. В. Калачова. — К.: Державна служба статистики України, 2014. — С. 23; Кількість адміністративно-територіальних одиниць на 1 січня 2013 року [Електронний ресурс]. — Режим доступу: http://www.ukrstat.org/uk/operativ/operativ2013/ds/ator2013_u.htm

интерес представляет информация не столько о региональных различиях в размещении учебных заведений, сколько о целесообразности того или иного их количественного состава. Например, в АРК самая большая насыщенность населения на одну среднестатистическую школу (2231,83 человек), а одна школа приходится почти на три населенных пункта при относительно невысокой плотности населения. Закарпатская область занимает третье место по нагрузке населения на одну школу, предпоследнее — по числу сельских населенных пунктов, а количество школ здесь почти вдвое превышает количественный состав сельских советов и практически равно количеству сел. Такое положение объясняется лидирующим положением области по численности сельского населения и самой высокой плотностью населения. В Сумской области, занимающей одно из последних мест по численности сельского населения, количество сельских школ в 4 раза меньше численности сел, а на одну школу приходится около 1 тыс. населения, что свидетельствует о преобладании в структуре сельских населенных пунктов малых сел.

Большие трансформационные изменения произошли в сети лечебно-профилактических учреждений, размещенных в сельской местности (табл. 2.20).

В таблице не учтены центральные районные и районные больницы, размещенные в центрах административных районов. За анализируемый период произошло значительное сокращение количества больничных учреждений: с 1007 до 268 или в 3,75 раза, как и количество коек в них — в 3,12 раза. Это сокращение произошло главным образом за счет закрытия участковых больниц. Произошло также резкое сокращение немногочисленных специализированных больничных учреждений. Малообоснованным выглядит сокращение в 1,55 раза станций и отделений скорой медицинской помощи. В результате на 490 районов осталось всего 125 этих учреждений медицинской помощи. С сокращением количества фельдшерско-акушерских пунктов до 11553 единиц (на 28441 сельский населенный пункт) сельские жители лишены возможности получения элементарной медицинской помощи. О семейной медицине здесь говорить не приходится.

Учитывая близость к природе, благоприятные климатические условия, выгодное географическое положение большинства регионов Украины вполне обоснованной выглядит идентификация социальной среды сельских территорий с развитой сетью спортивных сооружений (табл. 2.21) как материальной базы физической культуры.

Таблица 2.20

Сеть лечебно-профилактических учреждений*, расположенных в сельской местности Украины [73, с. 8]

(на конец года, единиц)

Учреждения	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Количество лечебных учреждений	1007	707	612	577	543	333	268
Из общего количества лечебных заведений							
центральные районные больницы	6	6	6	6	6	6	8
районные больницы	25	30	29	28	28	22	19
участковые больницы	943	658	566	531	497	301	238
диспансеры	12	3	3	3	3	2	2
специализированные больницы	17	9	7	8	8	1	1
другие учреждения	4	1	1	1	1	1	-
Количество самостоятельных лечебных амбулаторий и поликлиник	2321	3056	3366	3399	3440	2956	2988
Количество станций и отделений скорой медицинской помощи	207	181	176	179	175	140	125
Количество фельдшерско-акушерских пунктов	16113	15459	15101	15028	14934	12484	11553

Новым явлением для спортивной жизни на селе является пользование сооружениями, которые ранее были атрибутом городов: стадионами, теннисными кортами, площадками с тренажерным оборудованием. Это служит не только толчком к повышению массовости занятий физкультурой и спортом, но и способствует подготовке высококлассных спортсменов. Одновременно немалая часть сельского населения имеет возможность разнообразить свой досуг, приобщиться к успехам своих земляков. Разумеется, сеть спортивных сооружений развивается неравномерно. По их количеству лидируют Львовская, Волынская, Николаевская, Одесская, Ивано-Франковская области, т. е. западный и южный регионы Украины. Наиболее популярными спортивными сооружениями во всех областях традиционно являются футбольные поля и плоскостные объекты.

Таблица 2.21

Спортивные сооружения в сельской местности по регионам на конец 2012 года [72, с. 22]

(единиц)

Области (регионы)	Стадионы с трибунами на 1500 мест и более	Легкоатлетические ядра, которые входят в состав стадионов	Пло-скостные спортивные сооружения, всего	В том числе			Из общего количества с синтетическим покрытием	
				площадки с тренажерным оборудованием	теннисные корты	футбольные поля		другие площадки
Украина	264	87	34321	5582	90	8796	19853	261
АР Крым	25	—	960	116	3	353	488	10
Винницкая	4	—	1841	327	—	405	1109	5
Вольнская	8	—	1996	398	2	343	1253	2
Днепропетровская	14	1	1677	339	1	266	1071	6
Донецкая	2	2	650	118	—	239	293	18
Житомирская	2	—	1485	332	1	275	877	5
Закарпатская	14	5	1033	88	11	257	677	46
Запорожская	10	—	786	174	3	278	331	5
Ивано-Франковская	34	—	1498	74	—	394	1030	45
Киевская	8	5	1237	316	22	405	494	21

Кировоградская	—	—	1135	225	2	251	657	3
Луганская	4	9	681	5	1	97	578	3
Львовская	13	18	2260	308	4	679	1269	17
Николаевская	8	43	1853	328	—	380	1145	4
Одесская	26	—	1789	110	6	490	1183	9
Полтавская	12	1	1754	210	7	515	1022	14
Ровенская	8	—	1675	163	9	345	1158	6
Сумская	2	—	912	149	—	264	499	3
Тернопольская	3	1	1438	300	—	416	722	7
Харьковская	6	—	1736	270	—	485	981	3
Херсонская	18	2	1172	212	4	265	691	1
Хмельницкая	12	—	11492	473	—	265	754	3
Черкасская	9	—	779	209	12	329	229	10
Черновицкая	13	—	1051	207	1	226	617	6
Черниговская	8	—	1417	131	1	572	713	8
г. Киев	—	—	—	—	—	—	—	—
г. Севастополь	1	—	14	—	—	2	12	1

Таким образом, сельские территории предстают не только как агроэкосистема и экономическое пространство, в границах которого находятся хозяйственные комплексы, возделываемые сельскохозяйственные угодья, но и как социальная среда с ее неизменными компонентами — населением, поселенческой сетью и социальной инфраструктурой, с ее количественными и качественными характеристиками, отличающими эту среду от городской.

2.5. СЕЛЬСКИЕ ТЕРРИТОРИИ КАК МЕНТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Представление о сельских территориях как о ментальном пространстве по своей природе выходит за рамки их репрезентации как агроэкосистемы, экономического пространства, социальной среды и в то же время гармонизирует с указанными сущностными характеристиками этих образований, придав идентификационному процессу образность.

Между идентификацией составляющих сельских территорий и их обобщенным образом существует неразрывная связь. Идентификация как процесс распознавания конкретного объекта предполагает установление соответствия его названия тем или иным сущностным характеристикам, выделяющим его среди иных объектов. Осуществив данную процедуру по отношению к сельским территориям, мы установили, что эти образования являются не просто физическим пространством, а антропогенно преобразованными природными ландшафтами, наполненными реальными объектами, связями и отношениями между ними. Идентичность как результат идентификации представляет собой соотнесение сформировавшихся представлений о территориальном объекте с конкретной территорией. Идентичность тем самым субъективируется, приобретает контуры рефлексирующей, мыслительной инстанции.

Это послужило основанием для определения территориальной идентификации как ментально-географического феномена [174, с. 34]. С нашей точки зрения, ментальность не только формирует территориальную идентичность, но и активно участвует в создании пространственных образований. Во-первых, индивид или общность людей, наделенные определенным менталитетом, принимают активное участие в трансформации природного ландшафта, преобразуя его по своему

усмотрению, руководствуясь при этом определенной системой взглядов, умонастроений, духовных и культурных традиций. Во-вторых, в человеческом сознании в процессе преобразовательной деятельности складывается и закрепляется тот или иной тип ментального пространства — мыслей, образов, чувств, ощущений, в котором отражается пространство реальное. В когнитивной лингвистике такое отражение действительности получило название концептуальной (когнитивной) картины мира, определенной как ментальный образ действительности, сформированный когнитивным сознанием человека и являющийся результатом как прямого эмпирического отражения действительности органами чувств, так и сознательного рефлексивного отражения действительности в процессе мышления [213, с. 28]. Таким образом, ментальность предстает как особая сфера, существующая параллельно с пространством, в котором пребывают его носители.

Исходя из этого, сельские территории как ментальное пространство — это система образов, опосредованного представления реального антропогенно измененного природного пространства (объекта идентификации), отражающих тип мышления, уровень сознания субъекта идентификации (рис. 2.2).

Позиционирование объекта идентификации строится на противопоставлении сельской территориальной подсистемы общества городской подсистеме (табл. 2.22).

В этом смысле специфика среды обитания накладывает отпечаток на ментальность населения, которая является более однородной у сельских жителей. Вместе с тем сельские территории не предстают как единое целое, а дифференцируются по уровням, разновидностям и типам. Другое дело, насколько те или иные особенности объекта идентификации адекватно отражаются в ментальности среднестатистического украинца, и прежде всего жителя села. В этом смысле ментальные границы проходят через сознание и не всегда совпадают с географическими и административными границами.

Представление о том, как сельское население воспринимает и осознает собственную территорию, ее границы дает ментальная карта географического пространства — созданное человеком отражение части окружающей среды [345, с. 42]. Ментальная карта отражает территорию так, как ее представляет конкретный человек. Исходя из этого, географы Я. Олейник и А. Гнатюк [174, с. 38] определяют ментальную карту географического пространства как попытку изображения субъективной географической действительности,

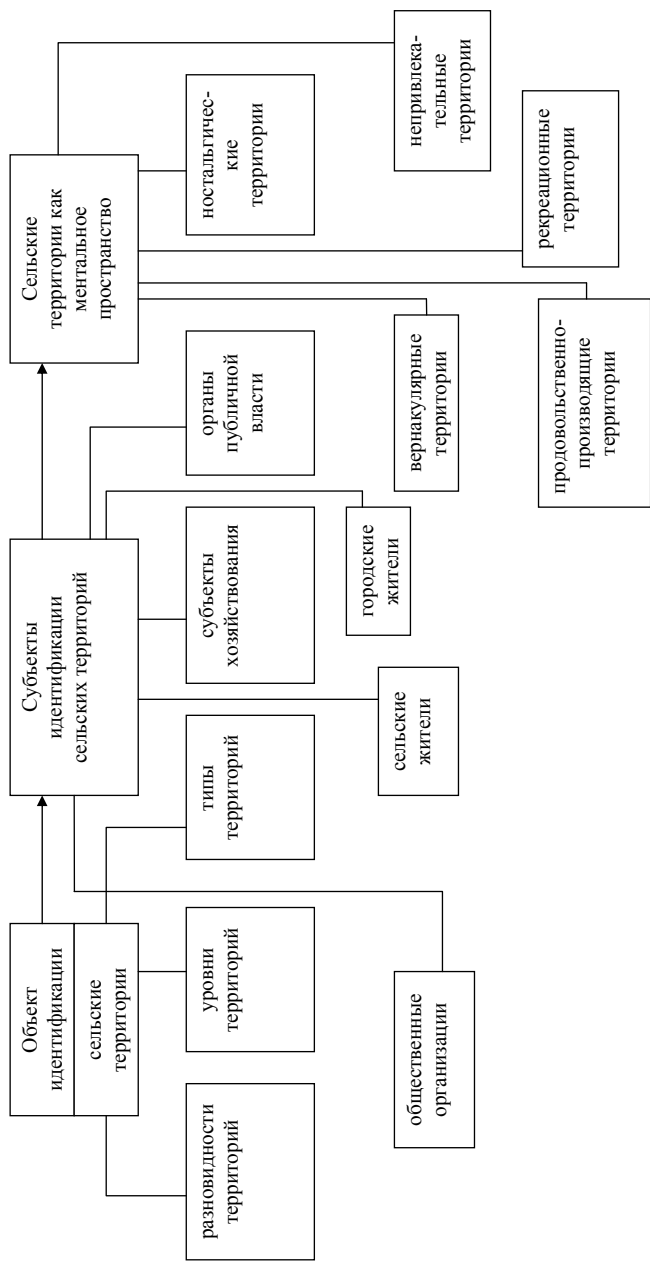

Рис. 2.2. Схема формирования ментального пространства сельских территорий

Таблица 2.22

Сравнительная характеристика сельской и городской территориальных подсистем общества

Определяющие факторы	Признаки сельской территориальной подсистемы	Признаки городской территориальной подсистемы
Хозяйственный	Преимущественно агропромышленного производства	Преимущественно промышленного производства
Виды использования территории	Преимущественно сельскохозяйственного назначения	Преимущественно индустриального назначения
Метод застройки территории	Сельский, усадебного типа	Городской, индустриального типа
Тип расселения	Мелкодисперсный	Концентрированный
Социально-прослоечный	Преобладание крестьянства	Преобладание рабочих и служащих
Образ жизни	Руральный	Урбанизованный
Плотность населения	Низкая	Высокая
Сфера социальных услуг	Элементарная, неразвитая	Многофункциональная, развитая
Транспортная сеть, связь	Необустроенная, неразвитая	Разветвленная, развитая
Экологический	Рекреационная биосферно-природоохранная зона	Зона высокой техногенной нагрузки
Этнонациональный	Двухэтничный, с преобладанием украинцев	Полиэтничный, со значительной долей русскоязычного населения

т. е. непосредственного отражения географических образов и ментальной структуризации пространства, существующего в восприятии индивидов и географически локализованных сообществ. Тем самым ментальное картографирование дает возможность собирать, упорядочивать, хранить, воспроизводить в памяти и перерабатывать определенного рода информацию о сельских территориях как объекте идентификации. Другое дело, что ментальные карты не всегда точно отражают сущностные характеристики и состояние территорий.

Прежде чем перейти к характеристике субъектов идентификации сельских территорий, целесообразно выявить структуру ментальности. На наш взгляд, ее наиболее точно определил А. Баронин [18,

с. 17], который отметил, что ментальность содержит в себе эмоциональную, когнитивную и поведенческую сторону.

Учитывая другие, модифицированные варианты структуры ментальности, включающие в ее состав элементы, связанные с подсознанием, волей, этническим самосознанием [37; 125], предлагаем собственную версию внутреннего строения ментальности (рис. 2.3).

Рис. 2.3. Структура ментальности

Как следует из рис. 2.3, ментальность представляет собой сложный социально-психологический феномен, первый пласт которого (основание) представлен сферой подсознания, психики и когнитивной сферой, второй (сущностный) — духовной сферой и сферой образов, третий (функциональный) — сферой деятельности.

В формировании ментального пространства сельских территорий принимают участие не только сельские, но и городские жители.

У некоторых российских исследователей [321, с. 5] складывается такое впечатление, «...что горожане вообще хотели бы забыть о самом существовании сельской России, просто забыть о ней навсегда, как о большом национальном провале, об Атлантиде, которая погружается на дно цивилизации». Подобный тип ментальности горожан по отношению к селу характерен и для других постсоветских республик, включая Украину. Этому сопутствует и процесс урбанизации. Города, в частности большие региональные административные и политические центры, сформировали в общественном сознании образ территорий, более привлекательных по условиям жизнедеятельности, чем сельские, который материализовался в миграционных установках сельского населения. В свою очередь, приток огромного количества сельской молодежи, не приобретшей устойчивых психологических и духовных качеств, в другую социокультурную среду приводит к формированию в городах переходных маргинальных групп, которым присущи такие специфические черты: искусственная самоидентификация как коренных жителей города; безразличие к своей малой родине; нежелание придерживаться традиций сельского образа жизни и пр.

Одновременно сельским жителям посредством средств массовой информации, рекламы, школьного воспитания, социальной пропаганды активно «навязываются» ценности социального успеха и рыночных, предпринимательских практик, массовая культура, высокие потребительские стандарты, сосредоточенные в городах.

По отношению к сельским территориям культивируется исключительно потребительское отношение как к своего рода кладезу жизненных ценностей, связанных с их близостью к природе, к пространству, в границах которого производится продовольствие и сельскохозяйственное сырье.

Роль государства как субъекта идентификации сельских территорий не соответствует их назначению как регулятора общественных интересов и активного участника социальных преобразований, осуществляемых с целью возрождения этих природных и социально-пространственных образований. Такое несоответствие является следствием упрощенного и утилитарного представления о сельских территориях как пространственной базе размещения сельскохозяйственного производства и поставщике продовольственных ресурсов. Такой ресурсно-отраслевой подход к сельским территориям закрепился в соответствующих стереотипах поведения и политике

государства, получивших свое отражение в неконцентрированном характере аграрных преобразований.

Необходимо учитывать, что полифункциональность этих природных и социально-пространственных образований имеет не только экономический эффект, а и обеспечивает воспроизводство общественного значимых функций, которые не всегда поддаются стоимостной оценке. В этом смысле сельские территории не только гарантируют продовольственную безопасность, сохранение и поддержку жизнедеятельности села, а также способствуют сохранению агроландшафта, природно-заповедного фонда Украины и предупреждают проявления негативных явлений техногенного характера. Речь идет об общественных благах, не оцениваемых по рыночным критериям эффективности, общественное значение которых пока не получило надлежащего признания.

Для субъектов хозяйствования характерен широкий диапазон идентификационных предпочтений по отношению к сельским территориям. Хозяйства населения идентифицируют их с земельными участками и домохозяйствами, обеспечивающими удовлетворение личных потребностей на уровне простого воспроизводства.

Небольшие сельскохозяйственные предприятия и фермерские хозяйства позиционируют сельские территории как пространство, испытывающее дефицит финансовых ресурсов, сельскохозяйственной техники, кооперативных организаций, производственной инфраструктуры.

У представителей крупного бизнеса сельские территории ассоциируются с огромными массивами земельных участков плодородных сельскохозяйственных угодий, другими природными ресурсами, низкой арендной платой за землю. Такое одностороннее восприятие сельских территорий подтверждается целевыми деятельностными установками и поведенческой линией крупных агрохолдинговых компаний. Для крупных агропромышленных корпораций на первый план выходит экономический интерес, а значит величина прибыли, социальная же, как и природная среда при этом отходят на второй план и расцениваются не более как фактор производства. Поэтому крупному товаропроизводителю не выгодно, с экономической точки зрения, развивать и поддерживать социальную инфраструктуру села. Малоинтересны для него и крестьяне пенсионного и предпенсионного возраста, которые неконкурентны на рынке труда. Таким образом, представление о сельских территориях данных субъектов

хозяйственной деятельности ограничивается сельскохозяйственными землями.

У представителей общественных организаций предпочтения относительно идентификационных признаков сельских территорий прямо пропорциональны. Совещательные службы, сельские агентства, функционирующие за счет зарубежных фондов, органы самоорганизации населения, сеть которых пока еще недостаточно широка и слабо финансируема, первоочередное внимание уделяют обустройству социальной среды. К тому же они не получают достаточной поддержки со стороны территориальных общин.

Несмотря на многообразие субъектов идентификации сельских территорий, их ментальная картина определяется восприятием этих природных и социально-пространственных образований сельскими жителями. Речь идет не только о крестьянстве, а обо всем населении, проживающем на селе. Безусловно, крестьянство, как социальный слой, и сегодня продолжает оставаться идентификатором сельского образа жизни. Но это происходит скорее в силу традиции, чем вследствие социального статуса крестьянства. Традиционно ментальность крестьянства связана с земледельческим трудом, который рассматривается как основной источник мировоззренческих крестьянских представлений и идеалов [129], а культ земли признан в украинской культуре как интегральная характеристика украинского менталитета [50, с. 29].

Земля, ландшафт в целом вместе с его основными компонентами, климатические условия ставят весь крестьянский быт в прямую зависимость от природы, которая проявляется в большей степени, чем зависимость от социальных факторов жизнедеятельности крестьянской семьи. В прошлом, как считают исследователи воспитательного идеала украинского крестьянства [69], крестьянская семья выступала основным носителем идей, знаний, способа мышления, традиций и обычаев украинского народа, его этнической культуры, сознания и психологии, самым активным продуцентом аутентичности украинца-земледельца.

В результате общественных преобразований и аграрного реформирования произошли существенные изменения в социальной структуре села, которая стала более однородной, что отразилось и на ментальности сельского населения. С паеванием земель и приобретением прав на земельный надел (пай) значительно расширился круг лиц, причастных к виду деятельности, номинально приносяще-

му доход сельской семье. Однако, судя по характеру распоряжения паями, значительная часть их владельцев ориентируется на их сдачу в аренду, а не на личную занятость на собственном участке с целью производства сельскохозяйственной продукции. Таким образом, став собственником земельного надела, сельский житель не превратился в хозяина земли. Такова общая тенденция, которая не исключает тяги сельского населения к земле, особенно в пригородной зоне, на рекреационных территориях. Другое дело, как используются наделы и насколько подготовлены к занятиям земледелием и обеспечены материальными и финансовыми средствами лица, желающие заниматься этим видом деятельности.

Вследствие указанных причин происходит разрушение традиционных ценностей сельского образа жизни, крестьянский труд обесценивается, украинское общество находится на грани утраты крестьянства как первичной формы существования социума и социальности как таковой как своей природной основы. Утрата главного субъекта идентификации сельских территорий как среды жизнедеятельности является угрозой целостности территории Украины и суверенности государства.

Для устранения этой угрозы необходима серьезная и долговременная работа по переделке общественного сознания всего населения страны, когда к возрождению села и социальному переустройству сельских территорий будет приобщен каждый гражданин, считающий это смыслом своей жизни. И в этом нет ничего противоестественного, если исходить из общественной важности этой проблемы и значимости села как малой родины (прародины) фактически и исторически для всех живущих на Земле.

Чтобы достичь указанной цели, необходимо утвердить в общественном сознании сельскоцентризм как мировоззренческий принцип, который предполагает превращение целей сельского развития в задачу общегосударственного значения. Культивирование такой идеологии служит формированию целостности сознания как условия устойчивости идентичности.

Устойчивости идентичности способствует этническое самосознание, являющееся одним из компонентов ментальности человека. Каждый человек, по З. Фрейду [42, с. 26], владеет не только частью душ масс своего круга, своего вероисповедания, гражданского состояния, но и душой своей расы. Общность с душой собственного этноса основана на инстинкте принадлежности к конкретной группе людей,

объединенных общностью происхождения, места и исторической судьбы. Далее это чувство, развиваясь в процессе приобретения жизненного опыта и знаний, закрепляется определенной этнокультурой самоидентификации как свойстве ментальности.

Этносы, населяющие сельские территории, с одной стороны, несут в себе генетический код того ландшафта, в котором они сформировались, а с другой — приобретают в процессе социализации определенные черты и свойства, отличающие их друг от друга. Это позволяет обозначить их как определенные этнотерриториальные общности, которые объединены единым этническим происхождением, компактным характером расселения, общей жизнедеятельностью и способностью к саморазвитию. Большая часть сельских территорий Украины характеризуется преимущественно одно- или двуэтническим составом населения (украинцы и/или русские). Вместе с тем в сельской местности компактно расселены такие группы этнических меньшинств, как болгары, молдаване, грузины, румыны, венгры, а в АРК — крымские татары, отнесенные украинским законодательством к коренному населению. В литературе [35, с. 49] такие территории получили название этнических анклавов, являющихся компонентными сообществами этнической группы внутри территории, где доминирует другая этническая группа, и отличающиеся от доминирующей группы социокультурными, лингвистическими и другими характеристиками.

М. Днистрянский [63, с. 18], учитывая наличие определенной анклавности размещения населения, осуществил ранжирование регионов по индексу их этнической мозаичности. Наивысший индекс этнической мозаичности сельского населения имеют Одесская (0,64), Черновицкая (0,45), Донецкая (0,45), Луганская (0,44), Запорожская (0,43) области и АРК (0,57). Ниже всего этот индекс — в Волынской (0,02), Ивано-Франковской (0,02), Тернопольской (0,02), Львовской (0,03), Винницкой (0,04), Черниговской (0,04) и Черкасской (0,05) областях, при среднем значении этого показателя по Украине — 0,25. У городского населения индекс этнической мозаичности составил 0,48.

По этническому признаку следует выделить несколько типов и уровней сельских территорий (табл. 2.23).

Дифференциация сельских территорий осуществлена по принципу доминирования неукраинских этнических групп. Анализ этнического состава сельского населения с учетом компактности его расселения позволяет выделить следующие уровни сельских этно-

Структура этнического состава сельских территорий

Типы сельских этнотерриторий	Виды сельских этнотерриторий по степени сложности			Уровни сельских территориальных общин				Субэтнические ареалы
	Преимущественно моноэтнические	Биэтнические	Полиэтнические	Территориально-общинный	Микрорегиональный	Субрегиональный	Мезорегиональный	
Центрально-Северный	+			+	+			
Западный (Галицкий)	+			+				+
Восточно-Южный		+		+				
Смешанный (Черновицкая, Закарпатская, Одесская области)			+	+	+	+		+
Крымский			+	+			+	

территориальных общностей: мезорегиональный (областной), субрегиональный (несколько районов), микрорегиональный (районный), общинный, уровень субэтнических ареалов. Все они структурированы не по географическому принципу, а по этническому признаку.

Межрегиональный уровень представлен сельскими территориями АРК. Для данного типа характерно доминирование русских в общей численности населения.

К сельскому территориальному субрегиону, в котором компактно расселенные этнические меньшинства составляют большинство населения, относится Украинское Придунавье (юг Одесской области).

К микрорегиональному уровню сельских неукраинских этнических пространственных образований относятся отдельные районы Черновицкой области, представленные почти на 20 % румынами и молдаванами, что составляет две трети и четверть их общей численности в Украине — соответственно. Румынское население сосредоточено в Герцаевском (90 % общей численности всего населения), Глыбоцком (60 %) и Сторожинецком (40 %) районах. Более 65 % жителей Новоселицкого района — молдаване [81, с. 61, 63].

Этнотерриториальная специфика Закарпатья заключается в том, что в нем проживают практически все венгры Украины, удельный вес которых составляет 12,1 % от общей численности населения области. Из них 60 % равномерно и компактно расселены в сельской местности [81, с. 63].

Более распространенным явлением, чем этнорегионы и этнорайоны, являются сельские этнотерриториальные общины. Они существуют в каждой области, особенно в местах компактного проживания болгар, молдаван, гагаузов, румын, венгров, крымских татар и других этнических групп.

Особой спецификой отличаются субэтнические территориальные ареалы, населенные гуцулами, бойками, лемками. Этнографическая группа гуцулов компактно расселена в восточной части Украинских Карпат, на границе Ивано-Франковской, Черновицкой и Закарпатской областей, бойки — в их центральной части (Ивано-Франковская, Львовская и Закарпатская области). Большинство лемков расселены на территории Польши, Словакии и частично на Закарпатье.

Представленные этносы характеризуются бинарным самосознанием: национальным и этническим, т. е., с одной стороны, они идентифицируют себя как граждане Украины (украинский народ), а, с другой, — как представители определенной этнической группы (украинцы, русские, крымские татары, болгары и др.). Наибольший всплеск этнического самосознания наблюдался в первой половине 1990-х годов — во время перехода от советского самосознания к национальному (украинскому) самосознанию.

Данную тенденцию можно проследить на примере распределения учащихся дневных сельских общеобразовательных учебных заведений Украины на начало 2013–2014 учебного года по языкам обучения (табл. 2.24).

Межрегиональное распределение учащихся по указанному признаку соответствует структуре этнического состава сельских территорий. Наличие в составе сельского населения АРК, Одесской, Закарпатской и Черновицкой областей компактно расселенных неукраинских этнических групп соответствующим образом отразилось на выборе языка обучения учащихся. Более 61 % учащихся с русским языком обучения приходится на АРК, 13,67 % — Одесскую, 6,56 % — Донецкую, по 4,40 % — Луганскую и Харьковскую, 2,76 % — Запорожскую, 2,02 % — Херсонскую области. Однако, если в восточных областях на данном языке обучалась часть населения, идентифицирующая

Таблица 2.24

Распределение учащихся дневных сельских общеобразовательных учебных заведений на начало 2013/2014 учебного года по языкам обучения¹ [71, с. 63]

Области (регионы)	Всего учеников, человек	В этом числе изучают язык								Большая часть учеников, которые обучаются на языке, %		
		украинский	русский	румьнский	вентерский	крымско-татарский	польский	английский	болгарский	молдавский	украинском	русском
Украина	1 270 808	154 515	86 321	15 240	9 487	2 436	66	267	65	2 411	98,8	6,8
АР Крым	59 516	3 529	53 284	—	—	2 436	—	267	—	—	5,9	89,5
Винницкая	66 533	66 533	—	—	—	—	—	—	—	—	100,0	—
Вольнская	60 112	60 112	—	—	—	—	—	—	—	—	100,0	—
Днепропетровская	43 463	42 812	651	—	—	—	—	—	—	—	98,5	1,5
Донецкая	28 012	22 344	5 668	—	—	—	—	—	—	—	79,8	20,2
Житомирская	47 193	47 193	—	—	—	—	—	—	—	—	100,0	—
Закарпатская	90 324	78 454	11	2 372	9 487	—	—	—	—	—	86,9	0,01
Запорожская	34 260	31 875	2 385	—	—	—	—	—	—	—	93,0	7,0
Ивано-Франковская	77 749	77 749	—	—	—	—	—	—	—	—	100,0	—

Киевская	59 501	59 501	–	–	–	–	–	–	–	–	–	100,0	–
Кировоградская	30 907	30 499	408	–	–	–	–	–	–	–	–	98,7	1,3
Луганская	19 435	15 638	3 797	–	–	–	–	–	–	–	–	80,5	19,5
Львовская	92 514	92 448	–	–	–	–	–	–	–	–	–	99,9	–
Николаевская	34 724	34 510	214	–	–	–	–	–	–	–	–	99,4	0,06
Одесская	79 015	64 737	11 802	–	–	–	–	–	–	65	2 411	81,9	14,9
Полтавская	41 116	41 116	–	–	–	–	–	–	–	–	–	100,0	–
Ровенская	78 888	78 888	–	–	–	–	–	–	–	–	–	100,0	–
Сумская	24 141	23 699	442	–	–	–	–	–	–	–	–	98,2	1,8
Тернопольская	52 102	52 102	–	–	–	–	–	–	–	–	–	100,0	–
Харьковская	37 422	33 630	3 792	–	–	–	–	–	–	–	–	89,9	10,1
Херсонская	38 473	36 729	1 744	–	–	–	–	–	–	–	–	95,5	4,5
Хмельницкая	46 919	46 871	48	–	–	–	–	–	–	–	–	99,9	0,1
Черкасская	42 370	42 370	–	–	–	–	–	–	–	–	–	100,0	–
Черновицкая	56 514	43 502	144	12 868	–	–	–	–	–	–	–	77,0	0,3
Черниговская	27 647	27 647	–	–	–	–	–	–	–	–	–	100,0	–
г. Киев	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
г. Севастополь	1 958	27	1 931	–	–	–	–	–	–	–	–	1,4	98,6

¹ Без учета специальных школ (школ-интернатов) и учеников специальных классов.

себя этническими русскими, то в Одесской области — преимущественно болгары, гагаузы. На болгарском языке на Одесщине обучалось только 65 этнических болгар, что значительно меньше, чем в 1990-е годы. Третьим и четвертым языками обучения по значимости являются румынский (1,20 % от общей численности учащихся) и венгерский (0,74 %). По 0,19 % обучающихся приходится на крымскотатарский и молдавский языки. Характерно, что все молдавские школы размещены в Одесской области, а большинство этнических молдаван Черновицкой области в качестве языка обучения избрали румынский язык и только незначительная часть — русский язык.

Рассмотрение этнического самосознания как составляющей этнической идентичности населения сельских территорий актуализирует вопрос о соотношении научных категорий «ментальное» и «этническое», осмысление которого выводит на комплексное понимание ментального пространства.

По мнению психологов, «ментальное» — это осознаваемые и неосознаваемые установки и моральные ориентиры, которые приобретаются в процессе социализации с учетом особенностей культурно-исторической эпохи. «Ментальное» больше соотносится с «приобретенным», социально обусловленным, что делает невозможным рассмотрение понятия «ментальность» вне исторического контекста, т. е. вне времени и пространства. «Этническое» более «фундаментально», инертно, постоянно, чем «ментальное», которое «наслаивается» на «этническое», от него зависит, более лабильно относительно социальных условий. «Ментальное» — это социально этническое [4, с. 54, 51]. На наш взгляд, приведенное положение о соотношении «ментального» и «этнического» построено в большей степени на их противопоставлении как «приобретенного» (социализированного) и генетического (природного). Заключительная часть фразы несколько «выпадает» из контекста, но более точно и полно передает взаимосвязь «ментального» и «этнического». В этом смысле имеет право на жизнь не только такой понятийный конструкт как «этническая идентичность», а и «этническая ментальность». Этническая ментальность — это одновременно и социальная ментальность, в том смысле, что ее носителями являются те или иные представители социума. Поэтому «этническое» — это «врожденное» и «приобретенное» одновременно.

В реализации задач исследования не менее важен и территориальный контекст этнического самосознания. В этом плане мы целиком

разделяем точку зрения В. Тишкова [120, с. 10] о том, что «так называемая территория этногенеза является мощным аргументом в пользу объявляемой той или иной территории именно как «этнической территории» и как «исторической родины» того или иного народа, и только данного народа. Этот аргумент в ряде случаев обладает даже большим воздействием, чем сегодняшняя демографическая ситуация, которую можно объявить искусственно созданной».

Приступая к характеристике ментального пространства сельских территорий, крайне важно проследить не только то, каким оно представляется тем или иным субъектам идентичности, а прежде всего выяснить, насколько признак социально-пространственной и «этнической территории» способствует формированию устойчивого образа сельских территорий как малой родины (вернакулярной территории).

Понятие «вернакулярные районы» разработано и введено в научный оборот американскими учеными в 1970-е годы. Согласно Т. Джордану [359], вернакулярные районы являются продуктом пространственного восприятия «среднего человека», а никак не интеллектуального создания профессионального географа. Поэтому «искать» вернакулярные районы надо не в хозяйственных и культурных особенностях, а через восприятие этих особенностей. И строить следует, в данном случае, не карты, отражающие реально существующие физико-географические или экономические особенности территории, а ментальные карты, указывающие на то, как человек представляет себе и делимитирует окружающую его территорию.

По данным Р. Хейла [358], в США в конце 1960-х годов насчитывалось две трети вернакулярных («ментальных») районов, что свидетельствует о достаточно четко выраженном пространственном самознании населения.

В отечественной статистике и науке отсутствуют данные о том, какая часть сельского пространства покрыта вернакулярными территориями. Судя по уровню социально-экономического развития сельских территорий, их экологическому состоянию, миграционным настроениям молодежи и поведенческой линии сельского населения в целом удельный вес вернакулярных территорий является незначительным. Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что их большая часть находится в приморских и пригородных районах, отличающихся от остальных наличием морской зоны с развитой се-

тью оздоровительно-рекреационных объектов и преимуществами территориальной близости к крупным городам.

По нашему мнению, в основе деления тех или иных территорий на вернакулярные и невернакулярные лежит их пространственная неравнозначность. Как отмечает А. Назарчук [142, с. 60], если раньше можно было говорить о «заселенных» и «незаселенных» землях, то сегодня — о «жизнеспособных» и «нежизнеспособных». Речь идет не о физических качествах почв или земель, а о качестве совместной жизни людей. По этому критерию немногие из сельских территорий являются притягательными. В этом смысле трудно себе представить степень воображения человека, способного сформировать образ родной, «своей» территории по отношению к тем из них, которые находятся в состоянии социальной деградации.

Кроме этого необходимо учитывать, что село — это такой синтез зависимостей и связей между подручностью (удобством) места жизни и смыслом пожизненного пребывания в нем, который легко разрушается, но почти никогда не восстанавливается [30, с. 65]. Действительно, «питательной» социальной средой для формирования вернакулярных территорий является сельский социум, если не принимать во внимание привлекательность пригородной зоны и для горожан. Нельзя какими-либо предписаниями, а тем более принуждением заставить признать родным для человека то, что чуждо ему.

Вместе с тем замечания общего характера, а тем более предположения относительно того, какие именно территории среди множества других являются вернакулярными, не могут заменить собой предметного исследования данного феномена.

На этот счет существует уже отработанная американская система методик [316] выявления территориальных предпочтений населения, состоящая из:

- прямого опроса жителей (используется, как правило, при конкретных «точечных» обследованиях);
- истолкования косвенных признаков в материальной культуре (рекламные материалы и другие маркеры);
- статистики движения людей, товаров, информации (данные о трудовых поездках населения, циркуляция местных газет);
- исследования литературных источников (путеводители, списки путешественников, научные работы по фольклору, диалектам, этнографии, истории, произведения художественной литературы).

На постсоветском пространстве и в Украине в частности используется в основном первая методика, связанная с опросом членов сельских локальных сообществ. Проведение комплексных исследований в целях определения вернакулярных районов представляется реалистичным после осуществления паспортизации сельских населенных пунктов и внедрения полной статистической отчетности в разрезе базового и районного уровней сельских территорий.

Таким образом, судя по различиям в идентификации сельских территорий теми или иными субъектами-идентификаторами, и перестроле этнического самосознания и менталитета жителей можно сделать вывод о мозаичности самого ментальности пространства территорий. Государство и большая часть горожан воспринимают их как продовольственно-производящие территории и частично как рекреационные территории. Значительная часть городских жителей, особенно в первом и втором поколении, окончательно не утративших связь с селом, являются выразителями ностальгических настроений, реализуя их в периодических посещениях малой родины или в образе дачника. Для абсолютного большинства сельской молодежи сельские территории не являются привлекательными и жизнеспособными. И только незначительная часть сельских жителей выработала устойчивое представление о них как о вернакулярных территориях. В этом смысле такой смешанный образ сельских территорий напоминает лоскутное одеяло со множеством ментальных границ.

Сельские территории как ментальное пространство — это продукт человеческого сознания, закрепленный в определенном образе сельских территорий, объединяющем в себе объективное и субъективное начала. Образ — это субъективная, личностная картина сельских территорий, а ее проекция в пространстве и времени формирует «коллективное» ментальное пространство. Реальные границы сельских территорий не совпадают с их ментальными границами. Идентификация сельских территорий как ментального пространства расширяет представление о сельских территориях как одной из двух территориальных подсистем общества. Знание о том, какими видят сельские территории различные представители социума, и в первую очередь, сельские жители, как они осознают их и закрепляют в общественном сознании в виде устоявшихся образов, способствует расширению познавательных возможностей.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КЛАССИФИКАЦИИ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

3.1. ИДЕНТИФИКАЦИОННАЯ РОЛЬ КЛАССИФИКАЦИИ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Идентификация как познавательная процедура выделения исследуемого объекта по совокупности присущих ему свойств и признаков, отличающих его от других объектов, предполагает использование классификации.

Классификация (от лат. *classis* — разряд, класс и *facio* — делаю, раскладываю) — это «система соподчиненных понятий (классов, объектов) какой-либо области знания или деятельности человека... используемая как средство для установления связей между этими понятиями или классами объектов, а также для ориентировки в многообразии понятий или соответствующих объектов» [329, с. 257].

Классификация является результатом классифицирования — процесса деления объема понятия, как некоторой совокупности делений (деление некоторого класса на виды, деление этих видов и т. д.). В результате такой операции группирования объекта создаются его определенные классы. Это способствует упрощению восприятия объекта, позволяет оперировать более узкими и конкретными понятиями, уточняя общее представление о нем. Формально основанием для деления может служить любой признак делимого понятия. Однако, чтобы этот процесс носил осмысленный характер, деление целесообразно производить по важным, существенным признакам объекта или явления, выраженным через понятие. Деление осуществляется путем перечисления всех классов, видов объекта, образующих делимое понятие. Чтобы операция деления производилась без нарушения правил логики, необходимо соблюдать следующие условия: при делении должны быть перечислены все члены деления; члены деления не должны относиться к пересекающимся понятиям. При классифицировании сложного ряда однородных явлений необходимо их располагать в строгом порядке. Группировке подлежат сходные явления, расположенные

с соблюдением соответствия степени их сходства и взаимозависимости.

Принято соблюдать следующие правила классифицирования:

– в одной и той же классификации следует применять одно основание;

– объем членов классификации должен равняться объему классифицируемого класса;

– подразделение на подклассы должно быть непрерывным.

При соблюдении перечисленных правил достигается наиболее полное распределение на классы множества объектов конкретной предметной области на основании их сходства в свойствах, определенных в процессе классифицирования.

Отмечая систематизирующую роль классификации разнообразных объектов по их отличительным свойствам в определенные группы, классы, виды с раскрытием связей и отношений между ними, одновременно укажем на то, что данная процедура является результатом упрощенного, не детализированного представления об объекте классификации, некоего огрубления действительных межвидовых различий, сознательного неучета тех или иных видовых деталей. Всякая классификация объектов и явлений является условной и относительной, так как выделенный ею любой классификационный признак — относительно необходимый, а группирование классов, видов можно производить и по иным признакам. Кроме того, как отмечают отдельные авторы [95, с. 7–8], классификация не дает возможности выявить закономерности соотношения различных классификационных плоскостей, поскольку каждая из них вполне автономна. Наконец, классификация, состоящая в раздельном и последовательном рассмотрении признаков, не способна выявить внутреннюю организацию группируемого множества, которое остается простой совокупностью различных явлений, не предстает как некая целостность.

Тем не менее, классификация играет важную идентификационную роль, которая заключается в фиксировании связи между определенными классами объектов с целью определения места того или иного объекта среди множества других объектов по его характерным свойствам. Классификация способствует углублению знаний об объекте исследования с помощью его структуризации, фрагментации, дифференциации и стратификации, обеспечивая тем самым переход от эмпирического этапа познания к этапу теоретическому, с использованием методов анализа и синтеза и др.

Особо важное значение классификация имеет для познания таких сложных пространственных объектов как сельские территории. Данный объект, судя по его гетерогенной структуре, обладает множеством классификационных признаков.

Прежде всего, сельские территории надлежит классифицировать по их пространственным параметрам и физическим характеристикам. Очевидно, что сельские территории имеют иерархическую многоуровневую структуру. По своим существенным характеристикам они классифицируются на разные виды, имеющие разную степень отличий от их дихотомии — городской территориальной подсистемы общества.

С нашей точки зрения, классифицирование сельских территорий следует ограничить их делением на определенные иерархические уровни, а также виды (разновидности), которые в свою очередь делятся на подвиды. Такое ограничение классификационных признаков сельских территорий позволит, с одной стороны, сконцентрировать внимание на существенных характеристиках объекта исследования, отличающих его от иных пространственных образований, и обнаружить различия между их внутренними классами, видами и подвидами — с другой. В конечном итоге это будет способствовать достижению «чистоты» классификации как инструмента идентификации этих природных и социально-пространственных образований.

Не менее важную идентификационную роль выполняет типология, определяемая как нестрогая классификация [293, с. 104].

Термин «типология» греческого происхождения и имеет несколько значений:

- учение о классификации, упорядочении и систематизации сложных объектов, в основе которых лежат понятия о нечетких множествах и о типе;

- учение о классификации сложных объектов, связанных между собой генетически;

- учение о классификации сложных объектов, между которыми трудно провести строгие разграничительные линии и которые экземплифицируются их некоторыми типичными образцами.

Типология — это классификация, основанная на понятии типа как единицы расчленения изучаемого объекта, его конкретной идеальной модели. В этом смысле типологию можно представить как метод научного познания объектов и их группирования с помощью обобщенной, идеализированной модели или типа.

Тип представляет собой объединение (группу, множество) явлений, которым свойственны общие существенные качественные признаки, отличающие его от других, сходных по генезису и функциям групп явлений [6, с. 113].

Типология как результат типологизации дает целостные знания об объекте, раскрывает системообразующие связи между его разными аспектами, выделяет его существенные признаки и свойства из всей системы связей. При этом типология используется в целях сравнительного изучения объектов. Выделяются следующие признаки типологии [293, с. 104]:

- возможность видоизменения критериев (появление новых элементов, установление новых связей), лежащих в основе типологии объектов вследствие трансформации как исследовательских целей, так и самих объектов;

- преимущественное ориентирование на органическое единство внутренних признаков объектов, образующих их сущность;

- исключение объекта из предполагаемого типа вследствие обнаружения при проведении типологизации каких-либо свойств, делающих его пребывание в этом «типе» проблематичным;

- допущение существования объектов, относимых одновременно к нескольким типам, либо таких, которые не соответствуют ни одному из выделенных типов, то есть являются атипичными.

Российский географ Н. Роговская [278] обращает внимание на отличие типологии территории от ее зонирования. Если для зонирования родовым понятием является территория, то территориальная типология — категория компонентно-структурная, поэтому для нее родовым понятием служит сочетание.

Анализ проводимых типологий сельских территорий показал, что общими для нее направлениями являются:

- пространственная типология;
- отраслевая типология;
- функциональная типология;
- ресурсная типология;
- ландшафтная типология;
- проблемная типология;
- типология состояния.

Н. Роговская и М. Григорьева [277] акцентируют внимание на необходимости выделения вида типологии, связанного с определением целевых приоритетов, основанных на применении программно-

целевого подхода. Это, на их взгляд, вызвано рядом объективных причин. Во-первых, данный вид типологии даст возможность выявить закономерности территориального развития сельской местности. Во-вторых, программно-целевой подход позволит интегрировать стратегии низовых территорий в стратегические планы развития на региональном и общенациональном уровнях. В-третьих, расширяются функции сельских территорий, которые уже не ограничиваются обеспечением населения продовольствием и промышленности сырьем. В-четвертых, типология с использованием программно-целевого подхода способствует решению задачи планирования территориального развития.

В осуществлении типологизации важная роль отводится ее методике. Российские исследователи [278; 277] выделяют три иерархических уровня комплексной типологии сельских территорий:

- первый (анализ динамики развития социальной и экономической сфер сельских районов);
- второй (интегральная оценка состояния социально-экономической среды и потенциала развития);
- третий (программный, связанный с выявлением основных направлений развития сельских территорий).

Исследование стратификации сельских территорий Алтайского края Российской Федерации [277] показало, что алгоритм территориальной типологии включает несколько последовательных этапов. Начальный этап типологии связан с обработкой базовых показателей, отражающих динамику социально-экономического развития сельских районов: плотность сельского населения; обеспеченность населенных пунктов объектами социальной инфраструктуры; интенсивность и эффективность сельскохозяйственного производства; структура инвестиций, их душевые показатели. На втором этапе выделяются типы сельских районов. При этом учитываются отраслевая структура экономики, уровень развития сельского хозяйства, степень инвестиционной активности. На завершающем этапе осуществляется интегральное группирование выделенных типов районов, формирование их комплексных характеристик. В результате проведенного анализа определяются районы опережающего развития, опорные районы, районы полупериферийные и районы периферийные.

А. Простенко [260] обосновывает целесообразность типизации сельских территорий необходимостью использования дифференцированного подхода к разработке программ их развития. В этом смысле типиза-

ция, по его убеждению, выступает как важный инструмент управления социально-экономическим развитием сельских территорий.

Разделяя такое понимание А. Простенком роли типологии в развитии сельских территорий, в то же время трудно согласиться с его методикой типизации сельских территорий, которая является отдельной для населенных пунктов и для прилегающих к ним территорий [260]. Следуя представленной методике типизации сельских территорий, указанный автор отдельно рассматривает систему управления сельской экономикой и собственно территорией, что противоречит характеру территориальной типологии.

Такие издержки методики типологизации сельских территорий связаны в немалой степени с дисциплинарными границами, когда каждая наука имеет определенные методологические и методические ограничения, не позволяющие получить полное представление об изучаемом феномене во всем его многообразии.

В определенной мере эти изъяны исследовательского характера можно компенсировать за счет проведения комплексной идентификации сельских территорий с использованием холистского и индивидуалистического подходов, основанных на результатах типологизации и классифицирования данных природных и социально-пространственных образований.

Необходимость одновременного применения исследовательских процедур классифицирования и типологизации сельских территорий в интересах их полной и всесторонней идентификации обусловлена самой природой объекта исследования.

Сельские территории как иерархически организованный гетерогенный объект, характеризующийся множеством свойств, требуют проведения его комплексного, многомерного и множественного идентифицирования.

Конструирование идентичности в процессе идентифицирования сельских территорий неизбежно влечет за собой конструирование самих территорий в разрезе их различных уровней, разновидностей, типов.

Как было отмечено ранее, классифицирование и типологизация являются взаимосвязанными, но различными по своей направленности познавательными процессами, использующими разные методы систематизации и группирования изучаемых объектов. Если в основе классифицирования лежит дифференциация признаков объекта, то в основе типологизации — их интеграция.

В познавательных целях представляется целесообразным произвести вначале классификацию сельских территорий, то есть их деление на классы, виды, а затем типологизацию или упорядочение и сведение в определенные группы с помощью идеальной модели или типа.

3.2. УРОВНИ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Сельские территории представляют собой сложную многоуровневую систему, обладающую единством целей и функций. В самом общем измерении они предстают как одна из двух территориальных подсистем общества, противоположная (дихотомичная) соответствующей городской подсистеме.

Для выяснения характера соподчиненности между собой уровней сельских территорий используем метод таксонирования, сущность которого заключается в расчленении территории на сопоставимые или иерархические соподчиненные таксоны (территориальные ячейки). Этот метод имеет прямое отношение к таксономии — учению о принципах и практике классификации и систематизации сложноорганизованных объектов, имеющих обычно иерархическое строение. Таксоном в географической науке именуют географические единицы, подчиненные друг другу, ранги или порядки любых географических явлений, отличающихся между собой разной степенью внутренней однородности, возрастающей по мере удаления от крупных таксонов к мелким.

Территориальный подход к исследованию объектов предусматривает выделение таксонов как пространственных образований (единиц).

В процессе пространственной стратификации сельских территорий, иначе говоря, разделения их на определенные уровни важно использовать один и тот же принцип деления. Исходя из этого, в качестве таксономической единицы деления целого (сельских территорий как определенной целостности) на части (уровни) будут использованы территориальные единицы, которые не обязательно обладают статусом административно-территориальных единиц.

Гипотеза нашего исследования заключается в следующем: сельские территории в пространственном отношении по своему размеру, масштабу, величине делятся на различные иерархически соподчиненные уровни, которые соотносятся между собой по принципу «матрешки».

Следуя указанному принципу, выявление и описание данной иерархически организованной структуры следует начать «снизу», то есть с сельских территорий базового уровня.

Основная трудность интеллектуального плана, с которой сталкивается исследователь при характеристике территорий этого уровня, заключается в определении таксономической единицы. Здесь мнения ученых расходятся. Чаще всего в качестве таксономической единицы используется сельский совет [245, с. 52; 350]. Этот же подход был положен в основу разработки ННЦ «Институт аграрной экономики» НААН Украины Паспорта сельского населенного пункта, методики заполнения и инструментария обобщения его данных на уровне сельского совета, района, области и Украины в целом [201].

Более взвешенно к этому вопросу подошли разработчики Отраслевой программы социально-экономического развития сельских территориальных общин (модельного проекта «Новая сельская община») [227], взяв за основу, как следует из названия документа, общину, хотя сама программа носит отраслевой характер. Оправданность рассмотрения как таксономической единицы сельских территорий базового уровня сельской общины подтверждается и статистикой (табл. 3.1).

Как следует из приведенной таблицы, в Украине в указанный период количество сельских населенных пунктов в 2,76 раза превышало количество сельских советов, из чего следует, что при использовании в качестве таксономической единицы сельского совета более 18 тыс. сел не принимались бы во внимание при статистическом учете сельских территорий базового уровня. А это не что иное, как исключение миллионов сельских жителей из числа активных участников возрождения села. Кроме этого, игнорирование сельских общин как субъектов общественно-политической жизни свидетельствовало бы о грубом попирании принципов местного самоуправления.

Гипотетически можно допустить выделение в качестве первичной таксономической единицы территориальной общины села, а вторичной — общины сельского совета. Однако на этом пути возникают определенного рода нестыковки, связанные, прежде всего, с тем, что в Украине, особенно не в густонаселенных регионах, существует немало сельских советов, представленных одним населенным пунктом. В остальных случаях имело бы место не непосредственное самоуправление делами сельской общины, а делегирование ее полномочий коллегиальному органу или собранию ее уполномоченных представителей.

Таблица 3.1

**Количество административно-территориальных единиц Украины на 1 января
2013 года [97]**

Области (регионы)	Районы	Города	Из них города специального статуса, республиканского, областного значения	Районы в городах	Поселки городского типа	Сельские советы	Сельские населенные пункты
Украина	490	460	180	111	885	10279	28441
АР Крым	14	16	11	3	56	243	948
Винницкая	27	18	6	–	29	661	1461
Волынская	16	11	4	–	22	379	1054
Днепропетровская	22	20	13	18	46	288	1435
Донецкая	18	52	28	21	131	253	1118
Житомирская	23	12	5	2	43	579	1613
Закарпатская	13	11	5	–	19	307	579
Запорожская	20	14	5	7	22	263	915
Ивано-Франковская	14	15	5	–	24	477	765
Киевская	25	26	13	–	30	605	1126
Кировоградская	21	12	4	2	27	376	995
Луганская	18	37	14	4	109	206	781
Львовская	20	44	9	6	34	633	1850
Николаевская	19	9	5	4	17	287	894
Одесская	26	19	7	4	33	439	1125
Полтавская	25	15	5	5	21	467	1810
Ровенская	16	11	4	–	16	338	1000
Сумская	18	15	7	2	20	384	1466
Тернопольская	17	18	1	–	17	580	1023
Харьковская	27	17	7	9	61	381	1679
Херсонская	18	9	3	3	31	259	658
Хмельницкая	20	13	6	–	24	568	1414
Черкасская	20	16	6	2	15	525	824
Черновицкая	11	11	2	3	8	252	398
Черниговская	22	16	3	2	29	525	1481
г.Киев	–	1	1	10	–	–	–
Севастополь (горсовет)	–	2	1	4	1	4	29

Нельзя полностью исключать из перечня таксономичных единиц сельских территорий базового уровня сельские населенные пункты или даже сельскохозяйственные предприятия, иные субъекты хозяйствования. Однако в первом случае следует учитывать, что территориальные рамки населенного пункта ограничены так называемыми красными линиями, вследствие чего в «подвешенном» состоянии оказываются сельскохозяйственные угодья, производственные участки, инфраструктура, коммуникации, находящиеся за пределами села. Во втором случае — ситуация еще сложнее. Не исключено, что на одной и той же территории функционируют несколько предприятий различной ведомственной принадлежности и отраслевой специализации, но чаще всего они отсутствуют.

В целом существует некоторое (нежесткое) соответствие масштаба территории и масштабов сущности объектов, располагающихся в пределах этой территории [43]. Однако при выборе таксономической единицы территории следует учитывать не только масштабность территории, но и масштабность функционирования, ритмов, потоков, связей внутри самой территории между ее объектами.

Некоторые авторы, чтобы преодолеть возникающие на этом пути противоречия, прибегают к определенным терминологическим изыскам. Так, российский географ А. Скопин [294, с. 259] использует термин «локалитет», рассматриваемый им как комплексная ячейка географического пространства, которая включает в себя: местность как ресурсную основу и среду обитания; населенный пункт как место концентрации населения и технокомплекс (предприятие и коммуникации) как способ извлечения, переработки и транспортировки природных ресурсов. Безусловно, предложенный этим автором перечень структурных элементов не является полным, и с этой точки зрения, его следует расширить. Но это не главное. На наш взгляд, «локалитет», по А. Скопину, лишен своей системообразующей сущности — социума.

В этом смысле предпочтительнее выглядит исследовательский подход новосибирского социолога О. Нечипоренко [151], которая в качестве главного структурного элемента сельского пространства рассматривает сельское локальное сообщество, обладающее признаками целостной социальной системы. Данное сообщество вырабатывает собственную адаптационную стратегию в ответ на изменения социально-экономической среды и способно не только к самосохранению, а и к конструированию новых механизмов поддержания своей самоидентичности.

Такая территориально ограниченная группа сельского населения, проживающая в рамках каждого населенного пункта, независимо от его размеров, именуемая сельской территориальной общиной, рассматривается нами как таксономическая единица базового уровня сельских территорий. Только община в состоянии организовать весь полный цикл жизнедеятельности на собственной территории по своему усмотрению и в рамках действующего законодательства. В силу этого именно она является интегратором сельского пространства. На 1 января 2013 года в Украине насчитывалось 28441 тыс. сельских территорий базового уровня.

По данным Главных управлений статистики (в областях и в городах Киев и Севастополь) Государственной службы статистики Украины, наибольшее число сельских территорий базового уровня расположено во Львовской (1850), Полтавской (1810), Харьковской (1679), Житомирской (1613) областях, Жовковском районе (160) Львовской, Полтавском районе (148) Полтавской, Овруцком районе (135) Житомирской, Яворивском районе (132) Львовской областей. Наибольшее число населения, в расчете на один базовый уровень сельских территорий, приходится на Каменец-Подольский район (536 человек) Хмельницкой, Яворивский район (502 человека) Львовской, Полтавский район (452 человека) Полтавской, Жовковский район (446 человек) Львовской областей. Таким образом, наиболее крупные по населению сельские территории базового уровня приходятся на долю районов с наибольшей численностью населения.

Сельские территории базового уровня, кроме населения, состоят из населенного пункта (пространственноеместилище определенных объектов, место жизнедеятельности его жителей), производственного комплекса, земель сельскохозяйственного и другого назначения, социальной и производственной инфраструктуры, природной среды. Все сельские территории базового уровня схожи между собой по структуре, но различаются своей спецификой.

Согласно гипотезе исследования, локальные территории базового уровня агрегируются в более крупные таксономические единицы — административные районы, представляющие собой районный уровень сельских территорий. В структурном отношении этот уровень предстает как совокупность сельских территорий базового уровня, которые входят в состав административного района. Организационным ядром данного уровня сельских территорий выступает центр административного района — город районного значения, относящийся

к категории малых городов, или поселок городского типа. В состав территорий районного уровня входят также другие города и поселки, находящиеся в границах административного района. Отсюда можно сделать вывод о том, что таксономической единицей сельских территорий районного уровня выступает административный район, следовательно, понятия «сельские территории районного уровня» и «административный район» совпадают.

В результате интеграции территорий базового уровня в территории районного уровня, за счет проявления специфики локальных таксономических единиц, не только усложняется структура территорий более высокого иерархического уровня, но также становится более разнообразным их содержание. Более того, отдельные территории по составу населения даже не подпадают под категорию преимущественно сельских (табл. 3.2).

Данные, приведенные в табл. 3.2, свидетельствуют о том, что в 16 областях Украины насчитывается 51 административный район (10,4 % от общего количества), в которых сельское население составляет менее 50 %. В основе этого явления лежат разные причины, в том числе связанные с несовершенной методикой отнесения населения к категории городского населения, закрепленной в законодательстве. Так, согласно Указу Президиума Верховного Совета УССР «О порядке разрешения вопросов административно-территориального устройства Украинской ССР» от 12 марта 1981 года [253, с. 286] к категории поселков городского типа и городов районного значения относились соответствующие типы поселений с населением не менее 2 тыс. человек и 10 тыс. человек — соответственно при условии, если они имеют в своем составе не менее двух третей рабочих и служащих, включая членов их семей. Такое искаженное деление населенных пунктов на городские и сельские с самого начала не отражало реальную социальную структуру села, а сейчас даже не соответствует действительному социальному статусу современного сельского населения и не отвечает сложившейся поселенческой сети. Анализ географического расположения указанных районов показывает, что среди них почти нет таких, которые размещены в зоне пригорода. Таким образом, большую часть несельского населения этих районов составляют жители городов районного значения (в отличие от городов областного значения их население включено в состав административных районов) и поселков городского типа. Учитывая, что в указанных типах населенных пунктов по существу свернуто промышленное производство,

Таблица 3.2

Административные районы Украины, в которых удельный вес сельского населения составляет менее 50 %*

Области	Районы	Численность населения Украины			удельный вес сельского населения, %
		все	городское	сельское	
Винницкая	Тывровский	43248	22995	20253	46,82
	Верхнеднепровский	53735	36773	17062	31,75
	Васильковский	33250	17112	16138	48,53
Днепропетровская	Пятихатский	45496	23320	22176	48,74
	Добропольский	16300	14407	1893	11,61
	Великоновоселковский	40715	34718	5997	14,72
	Александровский	19317	15652	3665	18,97
	Красноармейский	31472	24202	7270	23,09
	Артемовский	44106	29805	14301	32,42
Житомирская	Короштышевский	40861	25846	15015	36,74
	Барановский	41128	25851	15277	37,14
	Волдарско-Волынский	35480	20238	15242	42,95
Запорожская	Васильевский	65213	37784	27429	42,06
	Гуляйпольский	27617	15338	12279	44,46
	Михайловский	29596	15763	13833	46,73
Киевская	Бородянский	57353	35287	22066	38,47
	Яготинский	33844	20402	13442	39,71
	Обуховский	35832	19110	16722	46,66
Кировоградская	Долинский	34966	20747	14219	40,66
	Гайворонский	38801	21729	17072	43,99
Луганская	Перевальский	70964	66709	4255	5,99
	Поласнянский	40253	30944	9309	23,12
	Лутугинский	67075	49383	17692	26,37
	Славяносербский	54707	35530	19177	35,05

Луганская	Креминский	41285	24484	16801	40,69
	Сватовский	36751	20296	16455	44,77
	Антрацитовский	30708	16789	13919	45,32
Одесская	Килийский	53025	28903	24122	45,49
	Ренийский	37719	19358	18361	48,67
Полтавская	Котелевский	19744	12399	7345	37,2
	Ямпольский	24660	16493	8167	33,11
Сумская	Кролевецкий	39441	23511	15930	40,38
	Белопольский	51896	30763	21133	40,72
	Тростянецкий	36312	21243	15069	41,49
	Путивльский	28635	16184	12451	43,48
	Серединно-Будский	16944	9105	7839	46,26
	Дергачевский	95155	68019	27136	28,51
Харьковская	Харьковский	182935	122302	60633	33,14
	Балаклейский	83082	52414	30668	36,91
	Волчанский	47713	28352	19361	40,57
	Чугуевский	46836	27468	19368	41,35
	Печенежский	10339	5455	4884	47,23
	Генический	60580	33932	26648	43,98
Херсонская	Каланчакский	21833	11286	10547	48,3
	Цюрупинский	72144	36513	35631	49,38
Хмельницкая	Полонский	45346	29077	16269	35,87
Черкасская	Корсунь-Шевченковский	44115	22259	21856	49,54
	Корюковский	24448	15888	11903	48,68
Черниговская	Менский	37778	19363	18415	48,74
	Рипкинский	28699	14706	13993	48,75
	Бахмацкий	46288	23637	22651	48,93

* Составлено по данным Главных управлений статистики (в областях, городах Киев и Севастополь) Государственной службы статистики Украины по состоянию на 1 декабря 2013 года.

существенно сократилось количество учреждений социально-культурного назначения, можно сделать вывод об усилении тенденции их рурализации со всеми вытекающими из этого последствиями, отразившимися на социальном составе населения административных районов. Все эти изменения не принимаются во внимание законодательной ветвью власти и не учитываются органами государственной статистики.

Следует также вести речь о несопоставимости таксономических единиц сельских территорий районного уровня по численности их населения (табл. 3.3).

Так, разрыв между самым крупным по численности населения Харьковским районом Харьковской области (182935 человек) и самым малочисленным Полесским районом Киевской области (5862 человека) составляет 31,2 раза, а разрыв между сельским населением Симферопольского района АРК (136934 человека) и Добропольского района Донецкой области (1893 человека) — 72,3 раза. Характерно, что наиболее многочисленными районами по количеству населения являются пригородные районы. При этом большую часть жителей этих районов составляет сельское население. На основании этого можно констатировать, что концентрация сельского населения вокруг крупных городов связана с их привлекательностью как центров развития науки, техники и культуры, а также рынка труда. И наоборот, районы с наименьшей численностью населения находятся на значительном удалении от областных центров или больших городов областного значения. Наибольшая поляризация указанных показателей характерна для районов Киевской, Харьковской и Запорожской областей, а наименьшая — для западных областей, что объясняется, в одном случае, чрезмерной концентрацией сельского населения вблизи мегаполисов и высоким удельным весом сельского населения и крупных сел — в другом.

Представление о количестве сельских территорий районного уровня и их региональной принадлежности дает табл. 3.4.

Как следует из данных таблицы, в Украине насчитывается 29 районов (5,9 % от общего количества), представленных исключительно сельским населением, которые расположены в АРК и 16 областях. По своему типу эти районы являются «смешанными»: два из них пригородные (Бориспольский и Полтавский), некоторые (Очаковский, Белгород-Днестровский, Хмельницкий, Светловодский) располагают сетью здравниц и баз отдыха, другие расположены в зоне

Таблица 3.3

Районы с максимальной и минимальной численностью населения в них, в том числе и сельского, по состоянию на 1 декабря 2013 года*

Области	Районы	Все население		Разница между максимальной и минимальной численностью населения		Сельское население		Разница между максимальной и минимальной численностью населения
		с максимальной численностью	с минимальной численностью	с максимальной численностью	с минимальной численностью	с максимальной численностью	с минимальной численностью	
АР Крым	Симферопольский	159643		5,4 (12) ¹	136934		6,5 (12)	
	Красноперекопский		29532					
Винницкая	Черноморский					21040		
	Винницкий	78938		3,6 (18)	61906		4,1 (19)	
Волынская	Пищанский		21447			14993		
	Киверцевский	63898		3,7 (17)				
Днепропетровская	Шацкий		16942			11585		
	Луцкий				55996		4,8 (16)	
Днепропетровская	Днепропетровский	84603		6,2 (7)				
	Юрьевский		13554			11297		
Донецкая	Новомосковский				44220		3,9 (20)	
	Марынский	83860		5,1 (13)	55620		29,3 (1)	
Житомирская	Добропольский		16300			1893		
	Великоновоселковский				34718			
	Житомирский	70227		7,3 (4)	57585		8,3 (7)	

Продолжение табл. 3.3

Области	Районы	Все население		Разница между максимальной и минимальной численностью населения	Сельское население		Разница между максимальной и минимальной численностью населения
		с максимальной численностью	с минимальной численностью		с максимальной численностью	с минимальной численностью	
	Народицкий		9529			6918	
Закарпатская	Тячевский	174514		7,1(5)	128905		7,1(9)
	Воловецкий		24331			18061	
Запорожская	Васильевский	65770					
	Великобелозерский		8217	7,9(3)			
	Мелитопольский				7288		8,06(6)
	Розовский					5865	
Ивано-Франковская	Надворнянский	115266		3,8(16)			
	Верховинский		30264			24501	
	Колумыйский				87524		3,5(21)
Киевская	Киево-Святошинский	161867		27,4(1)	84150		16,1(2)
	Полесский		5862			5213	
Кировоградская	Маловыковский	44477		3,4(19)			
	Светловодский		12821				
	Кировоградский				37289		4,5(17)
	Ольшанский					8181	
Луганская	Перевальский	70964				4255	

	Свердловский		11875	5,9(8)				
	Станично-Луганский				31019			7,2(8)
Львовская	Яворивский	124650		3,1(21)				
	Перемышлянский		39512			28805		
	Пустомытовский				99438379			3,4(22)
Николаевская	Жовтневый	50980		3,2(20)	43325			4,5(17)
	Очаковский		15660					
	Врадиевский					9446		
Одесская	Беляевский	93291		5,7(10)	78949894			6,9(10)
	Николаевский		16244				11331	
	Фрунзовский							
Полтавская	Полтавский	66929		5,6(11)	66929			9,1(4)
	Чорнухинский		11839					
	Котелевский					7345		
Ровенская	Сарненский	102287		6,9(6)				
	Демидовский		14735			121234		
	Ровненский			69874				5,7(14)
Сумская	Сумской	62719		3,7(17)	51816			6,6(11)
	Серединно-Булский		16944			7839		
Тернопольская	Чертковский	75517		3,9(15)				
	Подгаецкий		19190			16360		
	Тернопольский				54905			3,3(23)
Харьковская	Харьковский	182935		25,2(2)	60633			14,2(3)

Окончание табл. 3.3

Области	Районы	Все население		Разница между максимальной и минимальной численностью населения	Сельское население		Разница между максимальной и минимальной численностью населения
		с максимальной численностью	с минимальной численностью		с максимальной численностью	с минимальной численностью	
Херсонская	Коломацкий		7254			4252	
	Цюрупинский	72144		5,8(9)			
	Верхнерогаичский		12242			6445	
Хмельницкая	Белозерский				57089		8,8(5)
	Каменец-Подольский	67185		3,2(20)	64917		4,2(18)
	Старосинявский		20953			15374	
Черкасская	Черкаский	76477		3,8(16)	75630		5,1(15)
	Каневский		19720				
	Катеринопольский					14809	
Черновицкая	Сторожинецкий	98812		3,7(17)	74378		3,2(24)
	Путильский		26083			22708	
Черниговская	Черниговский	52364		4,4(14)	42873		5,9(13)
	Серебрянский		11725			7245	

* Составлено по данным Главных управлений статистики (в областях, городах Киев и Севастополь) Государственной службы статистики Украины по состоянию на 1 декабря 2013 года.

† В скобках указано место, занимаемое районом по соответствующему показателю.

Таблица 3.4

Перечень районов с их региональной принадлежностью, представленных исключительно сельским населением, по состоянию на 1 декабря 2013 года*

Области	Районы	Численность населения
АР Крым	Красноперекопский	29532(13) ¹
Винницкая	Хмельницкий	37657(6)
Днепропетровская	Павлоградский	28201(16)
Донецкая	Шахтерский	19501(23)
	Константиновский	18912 (24)
Житомирская	Коростеньский	27787(17)
Запорожская	Великобелозерский	8179(29)
Киевская	Бориспольский	52916(3)
	Переяслав-Хмельницкий	28910(15)
Кировоградская	Александрыйский	37289(7)
	Знамянский	23526(20)
	Светловодский	12821(28)
Николаевская	Очаковский	15660(27)
Одесская	Белгород-Днестровский	60599(2)
	Котовский	27577(18)
Полтавская	Полтавский	66929(1)
	Кременчужский	39940(5)
	Лубенский	32752(10)
Ровенская	Острожский	28809(14)
Сумская	Роменский	34381(8)
	Лебединский	20599(21)
Харьковская	Купянский	25288(19)
	Изюмский	17954(25)
	Первомайский	16365(26)
Хмельницкая	Славуцкий	30266(11)
	Староконстантиновский	29864(12)
Черкасская	Золотоношский	42290(4)
	Смелянский	32805(9)
	Каневский	19720(22)

*Составлено по данным Главных управлений статистики (в областях, городах Киев и Севастополь) Государственной службы статистики Украины.

¹ В скобках указано место района среди других районов, представленных в данной таблице.

промышленных центров (Кременчуцкий, Александрийский, Павлоградский) или возле крупных транспортных узлов (Знамянский, Котовский, Купянский, Изюмский, Смелянский). Однако ни один из них не может быть отнесен к категории густозаселенных: наибольшие из них имеют численность населения от 66,9 тыс. человек до 52,9 тыс. человек (Полтавский, Белгород-Днестровский, Бориспольский), два из которых — пригородные, а один находится во втором поясе пригородной зоны. Только 11 районов имеют численность населения, превышающую рубеж в 30 тыс. человек. Заметим, что среднестатистический район Украины насчитывает около 29 тыс. человек.

Всего в настоящее время в Украине имеется 490 сельских территорий районного уровня.

При выделении районного уровня сельских территорий, как и их классификации в целом, не ставилась задача типологизации, связанная с детальным анализом их структуры, функций и динамики развития, поскольку целью исследования является определение таксономических единиц деления целого на части и их сопоставление по соответствующему количественному показателю.

Исходя из принципа «матрешки», сельские территории районного уровня входят в соответствующие пространственные образования того или иного областного (регионального) уровня. Иначе говоря, каждый из 25 областных уровней сельских территорий, включая уровень территорий АПК, состоит из территорий районного уровня, представленных соответствующими таксономическими единицами, являющимися составной частью области (АПК) как административно-территориальной единицы. В пространственном отношении сельские территории областного уровня представляют собой сельский сегмент региона. С другой стороны, в составе городов специального статуса, республиканского и областного значения на 1 декабря 2013 года проживало 201235 человек сельского населения (табл. 3.5).

Из приведенных в табл. 3.5 данных видно, что наибольшее количество сельского населения приходится на города указанного статуса в АПК (47571 человек или 4,43 % от общей численности жителей), в Ивано-Франковской (39689 человек или 9,48 %), Донецкой (20036 человек или 0,55 %), Херсонской (17561 человек или 3,97 %), Луганской (12890 человек или 0,81 %) и в г. Севастополе (23839 человек или 6,19 %).

Таблица дает представление и о численном составе населения сельских территорий областного уровня, представленного

совокупной численностью населения административных районов (сельские территории районного уровня). Среди наиболее крупных по численности населения — сельские территории указанного уровня Львовской (1404078 человек), Винницкой (1102141 человек), Одесской (1094800 человек), Киевской (1050280 человек) и Харьковской (1022112 человек) областей. Самыми малочисленными являются сельские территории Николаевской (515920 человек), Сумской (538231 человек), Кировоградской (570524 человека), Херсонской (630796 человек), Луганской (634530 человек) и Черновицкой (635910 человек) областей. К числу наименее урбанизированных территорий данного уровня относятся сельские территории Черновицкой (81,85 % сельского населения от его общей численности), Закарпатской (79,44 %), Ивано-Франковской (76,99 %), Хмельницкой (72,34 %), Черкасской (73,07 %), Винницкой (72,79 %), Николаевской (72,66 %) областей и АРК (76,93 %).

Самыми урбанизированными являются сельские территории Киевской (32,35 % сельского населения), Луганской (44,38 %), Харьковской (51,83 %), Донецкой (58,81 %), Черниговской (60,13 %) и Запорожской (62,42 %) областей.

Определенный научный интерес представляет сопоставление приведенных данных с уровнем рурализованности регионов Украины в разрезе населенных пунктов (табл. 3.6).

В табл. 3.6 приведены данные сравнительного анализа уровня рурализованности регионов в целом, который рассчитывается как отношение суммарного значения городов областного значения и поселков городского типа, расположенных не в сельской местности, к сумме значений городов районного значения и поселков городского типа, расположенных в сельской местности, а также сельских населенных пунктов. Из 24 регионов и АРК — 11 отнесены к категории с высоким уровнем рурализованности. Лидирующие позиции по выделенным полярным значениям занимают Тернопольская, Черниговская, Полтавская, Житомирская, Донецкая, Луганская области и АРК соответственно. Определяющими факторами такой градации являются большое количество в составе областей сельских населенных пунктов, городов районного значения и поселков городского типа, расположенных в сельской местности в одном случае, и общее количество городов, прежде всего областного значения, поселков городского типа, в том числе расположенных в сельской местности — в другом.

Таблица 3.5

Распределение населения регионов Украины в разрезе административно-территориальных единиц на 1 декабря 2013 года*

Области (регионы)	Украина	490	20256346	44,6	6358747	31,39	13897599	68,61	180	25161983	55,40	24960748	99,20	201235	0,80
	АР Крым	14	892108	45,34	205881	23,07	686227	76,93	11	1075110	54,66	1027539	95,57	47571	4,43
	Районы			Всего населения в районах, человек											
				Удельный вес населения районов, %											
				Городское население районов, человек											
				Удельный вес городского населения районов, %											
				Сельское население районов, человек											
				Удельный вес сельского населения района, %											
				Города специального статуса, област-ного значения											
				Всего населения в городах специального статуса, респу-бликанского, областного значения											
				Удельный вес населения городов специального статуса, республиканского, областного значения, %											
				Городское население городов специального статуса, республиканского, областного значения, человек											
				Удельный вес городского населения в городах специаль-ного статуса, республиканского, областного значения, %											

Винницкая	27	1102141	68,06	299793	802348	802348	802348	72,79	6	517112	31,94	515630	99,71	1482	0,29
Волынская	16	659274	63,31	161519	497755	497755	497755	75,50	4	382042	36,69	382042	100	—	—
Днепропетровская	22	841802	25,55	305219	536583	536583	536583	63,74	13	2452032	74,45	2447568	99,81	4464	0,29
Донецкая	18	657240	15,12	270659	386581	386581	386581	58,81	28	3689487	84,88	3669451	99,45	20036	0,55
Житомирская	23	765631	60,60	242204	523427	523427	523427	68,36	5	497727	39,40	497727	100	—	—
Закарпатская	13	989945	78,76	203452	786493	786493	786493	79,44	5	266963	21,24	263452	98,68	3511	1,32
Запорожская	20	647256	36,43	243226	404030	404030	404030	62,42	5	1129702	63,57	1126574	99,72	3128	0,28
Ивано-Франковская	14	963518	69,70	221692	741826	741826	741826	76,99	5	418844	30,30	379155	90,52	39689	9,48
Киевская	25	1050280	60,88	395391	654889	654889	654889	32,35	13	674841	39,12	674393	99,93	448	0,07
Кировоградская	21	570524	57,74	202765	367759	367759	367759	64,46	4	417663	42,26	415309	99,43	2354	0,57
Луганская	18	634530	28,32	352950	281580	281580	281580	44,38	14	1606256	71,68	1593366	99,19	12890	0,81
Львовская	20	1404078	55,29	411124	992954	992954	992954	70,72	9	1135075	44,71	1135075	100	—	—
Николаевская	19	515920	44,14	141060	374860	374860	374860	72,66	5	652940	55,86	652940	100	—	—

Окончание табл. 3.5

Области (регионы)	Одесская	26	1094800	45,69	307133	787667	71,94	7	1301466	54,31	1296256	99,60	5210	0,40		
	Районы	Всего населения в районах, человек														
		Удельный вес населения районов, %														
		Городское население районов ¹ , человек														
		Удельный вес городского населения районов, %														
		Сельское население районов, человек														
		Удельный вес сельского населения района, %														
		Города специального статуса, област-ного значения														
		Всего населения в городах специального статуса, респу-бликанского, областного значения														
		Удельный вес населения городов специального статуса, республиканского, областного значения, %														
		Городское население городов специального статуса, республиканского, областного значения, человек														
		Удельный вес городского населения в городах специаль-ного статуса, республиканского, областного значения, %														
		Сельское население городов специального статуса, ре-спубликанского, областного значения, человек														
		Удельный вес сельского населения в городах специаль-ного статуса, республиканского, областного значения, %														
Полтавская	25	794409	54,45	237197	557212	70,14	5	664606	45,55	662045	99,61	2561	0,39			

Ровенская	16	813224	70,19	208208	605016	605016	74,40	4	345390	29,81	345390	100	—	—
Сумская	18	538231	47,46	185039	353192	353192	65,62	7	595673	52,54	587057	98,55	8616	1,45
Тернополь- ская	17	856631	79,78	258022	598609	598609	69,88	1	217090	—	217090	100	—	—
Харьков- ская	27	1022112	37,33	492324	529788	529788	51,83	7	1715724	62,67	1710338	99,68	5386	0,32
Херсонская	18	630796	58,77	231737	399059	399059	63,26	3	442427	41,23	424866	96,03	17561	3,97
Хмельниц- кая	20	788288	60,27	210154	578134	578134	73,34	6	519511	39,73	519511	100	—	—
Черкасская	20	746732	59,23	201075	545657	545657	73,07	6	514011	40,77	511522	99,51	2489	0,49
Черновиц- кая	11	635910	69,99	115397	520513	520513	81,85	2	272635	30,01	272635	100	—	—
Чернигов- ская	22	640966	60,02	255526	385440	385440	60,13	3	426906	—	426906	100	—	—
г. Киев	—	—	—	—	—	—	—	1	2845023	—	2845023	100	—	—
Севасто- поль (горсо- вет)	—	—	—	—	—	—	—	1	385727	—	361888	93,81	23839	6,19

*Составлено по данным Главных управлений статистики (в областях, городах Киев и Севастополь) Государственной службы статистики Украины.

† Включено население, проживающее в городах районного значения и в поселках городского типа.

Таблица 3.6

Уровень руральности регионов Украины в разрезе населенных пунктов по состоянию на 1 декабря 2013 года*

Области	Города				Поселки городского типа		Города районного значения, расположенные в сельской местности	Поселки городского типа, расположенные в сельской местности	Сельские населенные пункты	Уровень руральности регионов!
	все-го	областного значения	районного, расположенные в сельской местности	районного, расположенные в сельской местности	все-го	расположенные в сельской местности				
А	Б	В	Г	Д	Е	Ё	Ж	И	Й	
Украина	458	178	280	35	885	207	245	678	28412	0,039
АР Крым	16	11	5	1	56	35	4	21	948	4,72 (Н) ²
Винницкая	18	6	12	–	29	1	12	28	1461	0,46 (В)
Вольнская	11	4	7	–	22	1	7	21	1054	0,46 (В)
Днепропетровская	20	13	7	–	46	5	7	41	1435	1,21 (Н)
Донецкая	52	28	24	16	131	88	8	43	1118	11,29 (Н)
Житомирская	12	5	7	–	43	–	7	43	1613	0,30 (В)
Закарпатская	11	5	6	–	19	–	6	19	579	0,82 (С)
Запорожская	14	5	9	–	22	–	9	22	915	0,52 (С)
Ивано-Франковская	15	5	10	–	24	1	10	23	765	0,75 (С)

Киевская	26	13	13	—	30	3	13	27	1126	1,37 (H)
Кировоградская	12	4	8	—	27	5	8	22	995	0,87 (C)
Луганская	37	14	23	14	109	53	9	56	781	10,63 (H)
Львовская	44	9	35	3	34	4	32	30	1850	0,67 (C)
Николаевская	9	5	4	—	17	—	4	17	894	0,43 (B)
Одесская	19	7	12	—	33	3	12	30	1125	0,85 (C)
Полтавская	15	5	10	—	21	—	10	21	1810	0,27 (B)
Ровенская	11	4	7	—	16	—	7	16	1000	0,39 (B)
Сумская	15	7	8	—	20	—	8	20	1466	0,46 (B)
Тернопольская	18	1	17	—	17	—	17	17	1023	0,094 (B)
Харьковская	17	7	10	—	61	3	10	58	1679	0,57 (C)
Херсонская	9	3	6	1	31	5	5	26	658	1,30 (H)
Хмельницкая	13	6	7	—	24	—	7	24	1414	0,41 (B)
Черкасская	16	6	10	—	15	—	10	15	824	0,70 (C)
Черновицкая	11	2	9	—	8	—	9	8	398	0,48 (B)
Черниговская	16	3	13	—	29	—	13	29	1481	0,19 (B)

* Составлено по данным Государственной службы статистики Украины

¹Высокий уровень руральности — коэффициент, не превышающий — 0,5; средний от 0,5 до 1,0; низкий — превышающий 1,0.

²Уровень руральности определен по формуле $Ur = V+E / Ж+3+И$.

Сравнение степени урбанизированности сельских территорий областного уровня и степени рурализованности областей в целом показывает, что по этому показателю (прямому или обратному значениям урбанизированности или рурализованности) нет полного совпадения по указанным объектам исследования.

Вместе с тем те или иные характеристики областного уровня сельских территорий формируются и в результате взаимодействия и взаимодействия сельской и городской составляющей области как административно-территориальной единицы. Это проявляется во встречном процессе урбанизированности и рурализованности, следствием которого стало расширение городского способа жизни на сельские территории и наоборот — сельского на города.

И все же определяющее влияние на формирование количественных и качественных показателей сельских территорий областного уровня оказывают сельские территории районного уровня, входящие в состав той или иной области. Поэтому неслучайно исследователи акцентируют внимание на необходимости выделения в качестве основного объекта изучения именно районного уровня сельских территорий. В частности, И. Прокопа [245, с. 52], отдавая дань базовому уровню сельских территорий как наиболее рельефному объекту идентификации этих природных и социально-пространственных образований, одновременно указывает на неполноту информации о данном уровне территорий. А те показатели, которые являются доступными для исследователя, имеют отношение к территориям более высокого иерархического уровня. Но в этом случае показатели являются усредненными, вследствие чего территориальные различия сглаживаются. Исходя из этого, данный автор отдает предпочтение территориям районного уровня, поскольку за усредненными показателями территорий областного уровня скрываются существенные расхождения между их составляющими. Например, в состав сельских территорий Киевской области входят и густозаселенные территории, прилегающие к г. Киеву, и лесостепные крупнозаселенные районы, и полесская зона с характерной для нее мелкозаселенной поселенческой сетью. В Киево-Святошинском, Вышгородском, Броварском и Бориспольском районах сосредоточена почти треть сельского населения области.

В этом плане большое познавательное и практическое значение имеет типологизация сельских территорий районного уровня, принятая сотрудниками Института экономики и прогнозирования

НАН Украины [309, с. 191–291]. Вначале ими были выделены три типологические линии: демографически-поселенческая ситуация; сфера приложения труда; доступность для населения базовых жизненных условий и потребительских услуг. Затем на их основе с использованием метода классификации многоизмерительных объектов в природе было выделено шесть типов территорий районного уровня, типологизированных не по географическому признаку, а по существенным характеристикам. Это дает возможность выстроить территории районного уровня, относящиеся к различным территориям областного уровня, в определенный ряд (горизонтальный), а не иерархичный вертикальный ряд. С этой точки зрения выделенные шесть типов территорий районного уровня охватывают 85, 118, 58, 33, 149, 47 административных районов, каждый из которых количественно значительно превышает число территорий районного уровня, входящих в иерархически организованные территории областного уровня. В контексте рассматриваемого областного уровня сельских территорий расположение территорий районного уровня в горизонтальной плоскости дает одновременно развернутую характеристику территорий обоих уровней.

Совокупность сельских территорий областного уровня составляет их общегосударственный (национальный) уровень, который выступает как сельская территориальная подсистема общества.

Согласно данным, приведенным в табл. 3.5, население общегосударственного уровня сельских территорий превышает 20,2 млн человек, что составляет более 44 % всего населения страны. Таким образом, численность населения сельских территорий страны превышает количественный состав ее сельского населения. А это свидетельствует о том, что данный признак (отнесение жителей сельских территорий к категории исключительно сельского населения) не является не только единственным, но и доминирующим. Здесь необходимо учитывать плотность населения, род занятий, густоту поселений, образ жизни и пр.

В этой связи уместно обратиться к методике идентификации регионов, разнообразной ОЭРС для стран-членов ЕС [96], в соответствии с которой преимущественно сельскими регионами признаются такие, в которых более 50 % населения проживает в сельских общинах, а относительно сельскими, в которых этот показатель составляет от 15 до 50 %. Не являясь сторонниками столь упрощенного представления о регионах как сельских или не сельских, мы разделяем

сам подход, предложенный разработчиками указанной методики относительно полноты учета поселенческого классификационного признака.

Полимасштабный подход предполагает не просто оперирование территориальными таксонами разных рангов, а рассмотрение взаимодействия масштабности различных иерархических уровней с учетом ее носителей — сущности, пространства и времени [43].

Временной показатель масштабности проявляется через динамику развития того или иного уровня сельских территорий за определенный отрезок времени, каждый из которых имеет разное наполнение в зависимости от масштаба таксономической единицы. Динамика протекания общественного процесса, являющаяся заметной и значимой на базовом уровне сельских территорий, чаще всего не учитывается и не принимается во внимание на более высоком их уровне.

Каждая сельская территория имеет свой пространственный масштаб (площадь), плотность населения, густоту поселений. Пространственные характеристики сельских территорий различного уровня связаны с их местом размещения в географическом пространстве, а также по отношению к городам, транспортным магистралям и пр. По своему расположению в пространстве сельские территории определяются как центральные, полупериферийные или периферийные.

Одним из существенных показателей масштабности сельских территорий является показатель численности населения, который различен для каждого из их уровней. Соответственно разной является динамика численного состава населения в разрезе не только каждого иерархического уровня сельских территорий, но и внутри каждого из уровней.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о взаимодействии сельских территорий с городской территориальной подсистемой общества.

Пока же подчеркнем важность учета региональных особенностей развития сельских территорий в сопоставлении с их классификационными признаками, детально рассмотренными в одной из наших публикаций [191]. На макроуровне регион является совокупностью нескольких областей. По географическому признаку Украина делится на Северный, Восточный, Центральный, Западный и Южный регионы. В географической и экономической науках [303, с. 118–119] принято выделять Карпатский, Подольский, Полесский, Центральный, Приднепровский, Причерноморский, Донецкий и Восточный

экономические районы, которые в целом совпадают с природно-климатическими зонами Украины. По своей внутренней структуре регион — это комплекс территориальных, природно-географических, геополитических, демографических, социальных, историко-культурных, ресурсных, производственных, экономических, экологических, административных, политико-правовых признаков [186, с. 402]. Из перечисленных признаков регионов родовыми, а значит более стабильными и менее изменчивыми являются территориальные, природно-географические и историко-культурные. Те или иные особенности регионов, связанные с их неповторимостью и уникальностью, присущи и сельским территориям, являющимся их составляющей. Эти особенности следует отличать от специфики сельских территорий, производной от их тех или иных классификационных признаков. В данном случае речь идет об учете особенностей, проявляющихся на каждом из иерархических уровней сельских территорий. Эта специфика, с одной стороны, ослабевает по мере отдаления от базового уровня этих пространственных образований, а с другой — приобретает новые грани на последующих уровнях в силу их разнообразия и частоты связей и отношений как внутри таксономической единицы, так и за ее пределами.

Наряду с выявлением иерархической многоуровневой структуры сельских территорий не меньшее познавательное значение имеет определение разновидностей этих природных и социально-пространственных образований.

3.3. РАЗНОВИДНОСТИ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Результаты деления сельских территорий на иерархические уровни убеждают в сложности выбора критериев сельскости. Оказывается, что отнесение тех или иных территорий к категории сельских совсем не обязательно предполагает наличие в их составе исключительно сельского населения. Достаточно того, чтобы эти пространственные образования находились за пределами городов. Однако признак дихотомичности по отношению к городу не замещает существенных характеристик сельских территорий.

Классификация территорий предполагает, с одной стороны, выделение групповых признаков деления, а также выявление разных их классов, отличающихся по некоторым видовым признакам — с дру-

гой. В этом и заключается задача определения разновидностей сельских территорий.

Чтобы отделить одни виды территорий от других, необходимо прибегнуть к использованию категорий класс как вид и подклассы как разновидности. В качестве класса выступают сельские территории как некая целостность, отличающаяся по своим родовым признакам от своей противоположности — городов, наличие которых в определенных пространственных границах, в свою очередь, выступает условием идентификации их антипода.

О том, каковы на самом деле эти родовые признаки, можно будет судить только после их обнаружения в выделенных в процессе анализа разновидностях сельских территорий.

В наших предыдущих публикациях [192; 193; 195] осуществлена дифференциация сельских территорий на типично сельские (аграрные) территории; переходные, «смешанные» территории (сельские урбанизированные зоны и ареалы, а также «аграрные города»); территории со специальным режимом функционирования (оздоровительно-рекреационные, горные и приграничные территории).

Принимая во внимание используемый для классификации разновидностей сельских территорий терминологический аппарат не сложно определить, что генерализирующим и доминирующим подклассом этих пространственных образований выступают типично сельские (аграрные) территории.

Характеристики их идентификационных признаков предварим сравнением понятий «сельские территории» и «аграрные территории». Прежде всего заметим, что первое из указанных понятий шире чем второе, имеющее значение земельных территорий. Понятие же «сельские территории», обладая признаками земельных территорий, ассоциируется с родом занятий, видом деятельности (не обязательно аграрной), типом поселения, образом жизни, с преобладанием сельского населения.

Природная сущность типично сельских (аграрных) территорий определяется их непосредственным взаимодействием с окружающей природной средой и зависимостью от природных ресурсов и природных условий. Поэтому данная разновидность сельских территорий отличается от других разновидностей наличием агроландшафтов с их рельефом, климатом, водными ресурсами, растительным и животным миром, высокой обеспеченностью сельскохозяйственными землями, наличием трудовых ресурсов и других условий, способствующих

сельскохозяйственной занятости и удаленных от центров урбанизации. Географически к этой разновидности территорий относятся центральные, центрально-восточные, северо-восточные и южные области. Разумеется, что такое распределение является условным и имеет неодинаковое идентификационное значение для различных уровней сельских территорий. По мере снижения иерархии уровней указанная географическая градация аграрных территорий ослабевает. Среди территорий базового уровня типично сельские территории имеются не только в каждом регионе, но и в административном районе.

Актуальным является вопрос о количественном составе типично сельских (аграрных) территорий. Официальная статистика не дает ответа на этот вопрос. Из научной литературы нам известна оценка на этот счет, данная географом Н. Барановским [13]. Типологизируя административные районы Украины по уровню депрессивности и структуре занятости населения, исследователь пришел к выводу, что удельный вес сельских районов в их составе — 59 % или 289 районов. При этом Н. Барановский не идентифицировал эти районы как аграрные территории. Да это и не входило в его задачу, он дифференцировал административные районы на сельские и промышленные, с удельным весом последних в 41 %. Очевидно, что больше половины районов, отнесенных к сельским, кроме аграрных территорий, включает в себя и другие их разновидности или типы (по классификации этого автора). Сомнение вызывает цифра, указывающая на удельный вес промышленных районов, как и сам упрощенный подход выделения среди многообразия административных районов всего двух их типов. С учетом указанных замечаний можно предположить, что удельный вес типично сельских (аграрных) территорий составляет не менее 65–70 %, без учета других разновидностей территорий, обладающих двумя, а то и тремя доминирующими идентификационными признаками. Однако ради соблюдения «чистоты» деления мы не будем принимать их в расчет.

Две следующие разновидности сельских территорий не являются типичными, в отличие от аграрных территорий, поэтому требуют более детального описания.

К явно выраженным переходным, «смешанным» территориям, как разновидностям сельских территорий, относятся урбанизированные зоны и ареалы. Последний термин определяется географами [339, с. 11] как геотория, в границах которой сосредоточено определенное явление, отсутствующее в сопредельных территориях. Более

подробное определение указанного понятийно-категориального аппарата содержится в наших публикациях [196; 190]. Здесь же будем использовать термин «урбанизированные зоны и ареалы» в значении пригородной зоны.

Переходный характер пригородной зоны определяется ее промежуточным положением в дихотомии «город — село». Таким образом, для пригорода исторически и географически полюсом притяжения, роста и развития выступает крупный город, сформировавший особый территориальный сегмент «город — пригородная зона». По этой причине пригород идентифицируется как урбанизированная зона, ареал.

Пригородная зона стала самостоятельным объектом исследования не так давно. Вместе с тем взаимоотношения города и деревни постоянно находились в центре внимания ученых. В советской экономической, социологической и исторической литературе эти взаимоотношения рассматривались преимущественно в контексте противоположности между городом и селом. Хотя уже в середине 1980-х годов исследователями [91, с. 26–30] предпринимались попытки обосновать процесс сближения города и села как встречный, аргументируя это развитием агропромышленной интеграции, увеличением доли горожан, имеющих садовые участки в сельской местности. В эти же годы новосибирский социолог А. Троцкий [317, с. 33–34] произвел расчеты радиуса зоны активного влияния городов на села: для городов с населением более 1 млн человек — 70–80 км; 250 тыс. — 1 млн — 50–60 км; 100–250 тыс. — 30–40 км; меньше 100 тыс. человек — 20–25 км. Данная методика была применима по отношению к районам с высокой плотностью населения. Исследования системы сельского расселения, проведенные А. Дмитриевым, А. Лолой и М. Межевичем [62, с. 122] на Юге, Востоке и в Центральной Европейской части СССР, показали, что 83 % сельского населения проживали за границами благоприятной пространственно-временной доступности больших городов. Спустя три десятилетия к подобному выводу пришла и российский географ Т. Нефедова [146], отметившая, что масштаб пригородной зоны, плотность населения и его экономическая активность прямо пропорциональны величине города, а различия между пригородом и периферией в постсоветский период еще больше увеличились, особенно в Нечерноземье и за Уралом.

Вместе с тем существует и обратное влияние села на город. Отсюда — двойственный характер пригорода как контактного места, где

образуются системоформирующие связи между городом и окружающей сельской местностью, которое имеет больше общих черт с городской окраиной, чем с селами своего административного района, находящимися на значительном отдалении от мегаполиса.

Формирование и развитие пригородной зоны — это прежде всего результат действия урбанизации как процесса распространения городского образа жизни на сельскую среду. Свои коррективы в протекание этого процесса внесла глобализация, которая интенсифицировала интеграцию городской и сельской территориальных подсистем общества, особенно в контактной зоне «город — пригород». Именно здесь произошла накладка городского и сельского развития друг на друга, вследствие чего город и прилегающие к нему сельские территории превратились в своеобразные «сообщающиеся сосуды». Их слияние осуществляется вследствие не только пространственной экспансии города, а и действия противоположного процесса — рурализации, «проникновения» села в город, что в конечном итоге привело к тесной пространственной взаимосвязи пригородной зоны и города (рис. 3.1).

Рис. 3.1. Пространственная взаимосвязь сельских территорий и города

В Генеральной схеме планирования территории Украины [223] отдельно выделена категория сел, перспективы развития которых связываются с их смежными границами, с ядрами систем расселения, каковыми являются центры регионов. В то же время в этом документе дихотомия «город — село» идентифицируется через дихотомию «промышленность — сельское хозяйство», что получило свое отражение в определении территорий по видам их преимущественного использования как зоны урбанизации, с одной стороны, и зоны сельского хозяйства — с другой. Тем самым были допущены подмена отраслевого признака процессным и использование разных оснований для классификации территорий.

Таким образом, законодательная база в не полной мере отражает динамично и противоречиво развивающиеся процессы, происходящие в зоне пригорода. Несколько односторонне они рассматриваются в теории и в практике управления, в свете которых пригородная зона позиционируется как полифункциональная социально-экономическая система, которая состоит из административных районов, прилегающих к центральному поселению, чья хозяйственная деятельность направлена на обслуживание и обеспечение потребностей города. В связи с этим возникает вопрос: а каковы обязательства горожан и те издержки, которые получает город от близости пригородных сел? Ответ на него лежит в плоскости функциональных изменений в системе «город — предместье».

Несмотря на существенные изменения трансформационного характера, произошедшие в пригородной зоне, наиболее устойчивой и доминирующей ее функцией остается аграрная, связанная с использованием сельскохозяйственных земель для удовлетворения возрастающих потребностей городских жителей в продуктах питания. Именно благодаря этому данные социально-пространственные образования относятся к категории сельских.

Наличие крупных городов вызывает потребность в выращивании на прилегающих к ним сельскохозяйственных угодьях трудоемких культур (овощей, ягод, фруктов), развития молочного животноводства, птицеводства с целью удовлетворения потребностей горожан в свежих, быстропортящихся пищевых продуктах. Выполнение этой функции зависит от наличия достаточного количества трудовых ресурсов, высокого уровня интенсификации сельского хозяйства, динамично развивающихся предприятий пищевой промышленности, транспортных средств, обеспечивающих быструю доставку этих товаров потребителю.

Наличие в черте пригорода достаточных земельных, лесных и водных ресурсов в сочетании с благоприятными природными условиями и развитой инфраструктурой привлекает немалое число рекреантов из городов, других регионов и стран, что активизирует развитие данного вида услуг. Речь идет не только о Причерноморье и Карпатах, а и о мегаполисах, включая столицу. Для упорядочения этой деятельности в 2001 г. был принят Закон Украины «О государственном эксперименте развития местного самоуправления в г. Ирпень, поселках Буча, Ворзель, Гостомель, Коцюбинское Киевской области» [225, с. 239], в которых проживает 100 тыс. населения. Данным доку-

ментом предоставлялось право совместного решения вопросов, связанных с обустройством и благоустройством мест массового отдыха, улучшением системы транспортного сообщения между столицей и пригородной зоной, выделение целевых средств из бюджета г. Киева на развитие социальной сферы Ирпенской агломерации, создание на её территории объектов совместной собственности. Однако этот эксперимент не принес ожидаемых результатов из-за конфликта, возникшего вследствие несовпадения интересов жителей г. Ирпеня и наиболее крупного поселка — Буча, претендующего на целый ряд объектов социального предназначения, а следовательно и на изменение административного статуса поселка.

И все же конфликты чаще возникают между региональными центрами и прилегающими к ним селами. В их основе, как правило, лежит территориальный вопрос, который усугубляется отсутствием четких границ между городом и пригородом. Раньше инициатором споров по земельным вопросам выступал город, потребности которого в данном ресурсе вызваны необходимостью расширения жилищного и промышленного строительства, совершенствования инфраструктуры, коммунального хозяйства. В последние годы, в связи с бумом на коттеджное строительство в пригородной зоне, значительную активность проявляют территориальные общины сел и их представительские органы.

Очевидно, что решать такие вопросы административными методами, без учета обоюдных интересов городских и сельских общин, недопустимо. Об этом красноречиво свидетельствует утверждение Львовским городским советом в апреле 2009 года в одностороннем порядке Концепции формирования пригородной зоны г. Львова, в соответствии с которой предполагалось расширение границ города за счет территории 16 сельских советов. Совершенно иной подход, как по форме, так и по содержанию, был положен в основу развития пригородной зоны г. Винницы, где расширение городского пространства предполагается посредством освоения рекреационного ландшафта долины реки Южный Буг. Предложенная схема развития пригорода как экосистемы отвечает интересам горожан и сельских жителей.

Дополнительная нагрузка на территориальный ресурс возрастает при возникновении городов-спутников. Эти новые города наносят наибольший ущерб окружающей сельской среде до тех пор, пока не достигнут своих оптимальных размеров. Например, в процессе стро-

ительства в 40 км от г. Одессы его города-спутника Южного исчезли соседние с ним село Ново-Григорьевка и поселок Новые Биляры, которые имели выгодное географическое положение.

Следует также указать на функции пригорода как пространственного базиса для размещения перевалочных пунктов, складских помещений, различного рода хранилищ, городских свалок, выполнение которых сопряжено с усилением техногенной нагрузки, ухудшением состояния сельских ландшафтов.

Экономически выгодным и социально оправданным является размещение в пригородной зоне филиалов, цехов предприятий, дочерних фирм с целью предотвращения критической урбанизации и деконцентрации производства в крупных городах.

Город, как ядро системы расселения, активно участвует в социально-культурном обслуживании населения пригородных сел, меняет поселенческую сеть, хотя тип планировки сельских поселений в основном остается прежним. Менее существенным является влияние города на демографическую ситуацию на селе, его социальную структуру, поскольку большинство его населения является маятниковыми мигрантами.

Преобладание тех или иных функций, видов экономической деятельности в черте пригорода во многом зависит от степени ее отдаленности от городского центра. Исследуя эту проблему на примере пригорода г. Одессы, И. Нагорная [141, с. 20–22] выделила в ней радиально-кольцевую трехэшелонированную структуру, каждая из зон которой ориентирована на определенную функцию.

На наш взгляд, эта система, куда следует также включить и город, как своеобразный центр притяжения, имеет свою иерархию (рис. 3.2), которая определяется временной и транспортной доступностью её ядра.

Удаленность третьего эшелона пригородной зоны от регионального центра колеблется в пределах 50–60 км, второго — 40–50 км, первого — 30–40 км (предложенная градация учитывает плотность сельского населения Украины и наличие среди областных центров только трети городов с населением, превышающим 500 тыс. человек). Первый эшелон используется в основном под жилищное и промышленное строительство, выполнение разгрузочной функции, размещение баз отдыха, дач, садовых участков. В границах второго и третьего эшелонов функционируют сельскохозяйственные предприятия, другие субъекты хозяйственной деятельности.

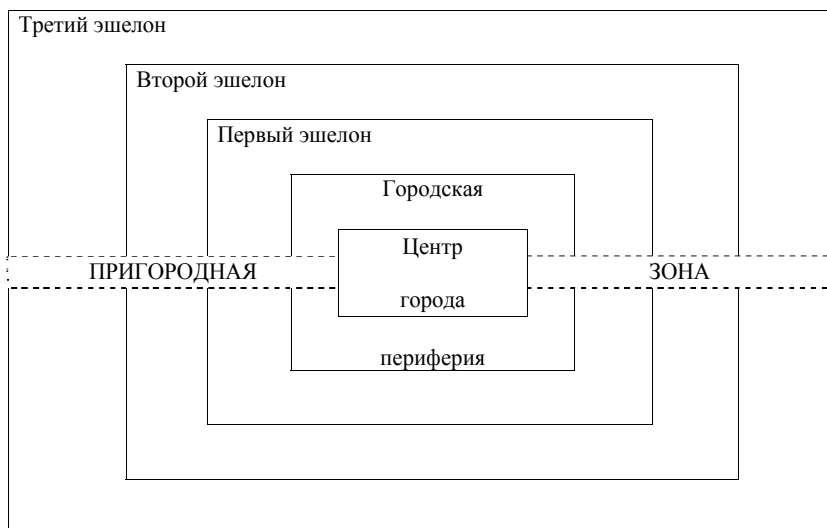

Рис. 3.2. Пространственная система «город — пригородная зона»

Обращение к природе пригородных зон убеждает в том, что территориальная организация общества не сводится к ее упрощенному делению на городские и сельские социально-пространственные образования. Обладая признаками переходных, «смешанных» территорий, сельские урбанизированные зоны и ареалы по своим сущностным характеристикам являются одной из разновидностей сельских территорий.

«Аграрные города» как другая разновидность переходных, «смешанных» сельских территорий по формальному признаку принадлежат к категории малых городов, численность населения которых не превышает 20 тыс. человек. Их удельный вес в общей численности малых городов, население которых, по законодательству Украины [231, с. 20], не превышает 50 тыс. человек, составляет почти 70 %.

В отличие от пригородных сел «аграрные города» сформировались под активным влиянием процесса рурализации. Утрата этой категорией городов преимущественно несельскохозяйственной производственной функции совпала по времени с ослаблением агропромышленной интеграции, что привело к замедлению их социально-экономического развития. С упадком социальной инфраструктуры «аграрных городов» по уровню социально-культурных и торгово-

бытовых услуг и способу жизни они стали мало чем отличаться от крупных сел. Существенно не отличаются также система планирования и застройки этих городов и сел, уровень их инженерного и коммунально-бытового обустройства. В такой ситуации «аграрные города», будучи опорными центрами расселения, способны в лучшем случае выполнять функцию социального обслуживания окружающих сел.

Нужно заметить, что феномен «аграрных городов» и ранее вызвал повышенный интерес у представителей разных научных направлений. Еще в начале XX столетия выдающийся географ В. Семенов — Тянь-Шанский [45, с. 81] отличал «аграрные города» от «действительных» («настоящих») городов. Он определял их как экономически слабо развитые городские поселения, имеющие статус административных пунктов, или сел, которые по экономическому развитию еще не отвечают статусу города, но должны в будущем стать ими. Спустя сто лет мы являемся свидетелями проявления обратной тенденции, когда в силу объективных причин малые города превращаются в села.

Уже в советское время известный социолог Т. Заславская [80, с. 16, 23], отмечая заметную роль малых городов в интеграции производственной, расселенческой, социальной и экономической сфер села, предложила при планировании развития АПК включать в его состав эти города. Для большей убедительности в целесообразности подобной меры она подчеркивала, что без «аграрных городов» сельская местность выглядит как «всадник без головы» [79, с. 15].

Выдвигая подобные предложения, ученые руководствовались не столько численным составом жителей «аграрных городов», сколько их статусом и функциональностью. Так, с целью определения статуса подобных городов как аграрных А. Троцкий [317, с. 33–34] еще в 1980-е годы предложил соответствующую формулу:

$$A = S / V,$$

где A — степень «аграрности» города, S — объем деятельности горожан по обслуживанию сел, V — объем общей трудовой деятельности горожан. Признаком «аграрности» города считалось превышение объема деятельности горожан по обслуживанию сел над их общим объемом трудовой деятельности.

Такую же позицию занимают и некоторые современные российские экономисты. Например, Е. Никулина [153, с. 123–124]

предлагает включить в понятие сельских территорий малые города, являющиеся экономическими, административными, финансовыми и культурными центрами этих территорий, где к тому же сосредоточена основная часть переработки сельскохозяйственной продукции, а сами малые города большей частью представляют собой сельскую местность с одно-двухэтажными домами, с огородами и садами.

Жители «аграрных городов» составляют (вместе с жителями поселков городского типа) большую часть несельского населения сельских территорий районного уровня.

Следующая разновидность сельских территорий, идентифицируемая как территории со специальным режимом функционирования, состоит из трех подвидов, отличающихся между собой по своим характеристикам, но сходных по несельскохозяйственной функциональности.

Наиболее сложными среди них являются оздоровительно-рекреационные территории, расположенные за пределами городов. Это собирательное понятие объединяет территории, дифференцируемые в Земельном кодексе Украины [83, с. 11, 12] как земли оздоровительного назначения. Более адекватная терминология (относительно предложенной нами классификации данного подвида) используется в Законе Украины «О курортах» [243]: «природные территории курортов», «лечебно-оздоровительная местность». Ссылаясь на ст. 51 Земельного кодекса Украины, правоведы [111, с. 261] земли рекреационного назначения разделяют на земельные участки:

– на которых размещены природные рекреационные ресурсы (зеленые зоны и зеленые насаждения населенных пунктов, учебно-туристические и экологические тропы, живописные места, являющиеся объектом туризма и т. д.);

– на которых размещены искусственно созданные рекреационные ресурсы (дома рыбаков и охотников и пр.);

– комплексные — на них размещены как природные, так и искусственные рекреационные ресурсы (дачи, туристические базы, лагеря и т. д.).

Следует также различать термин «земли рекреационного назначения» с такими категориями как «природные рекреационные ландшафты», «рекреационная зона», которые являются более широкими и используются как однопорядковые. Если общая площадь земель природных рекреационных ландшафтов составляет 9,4 млн га (15,5 %

территории страны), а их одновременная рекреационная емкость — почти 50 млн человек, то площадь земель рекреационного назначения составляет только около 100 тыс. га (0,16 %) [85, с. 302]. А земли оздоровительного назначения занимают площадь всего лишь около 8,6 тыс. га (0,01 %) [117].

В экономической литературе вместо понятия «оздоровительно-рекреационные территории» иногда используются понятия «курортно-оздоровительные территории» [53], «территории туристически-рекреационной направленности» [306].

Отличие оздоровительно-рекреационных территорий от других сельских пространственных образований состоит в их специализации на оказании оздоровительных, туристических и историко-культурных услуг (рис. 3.3).

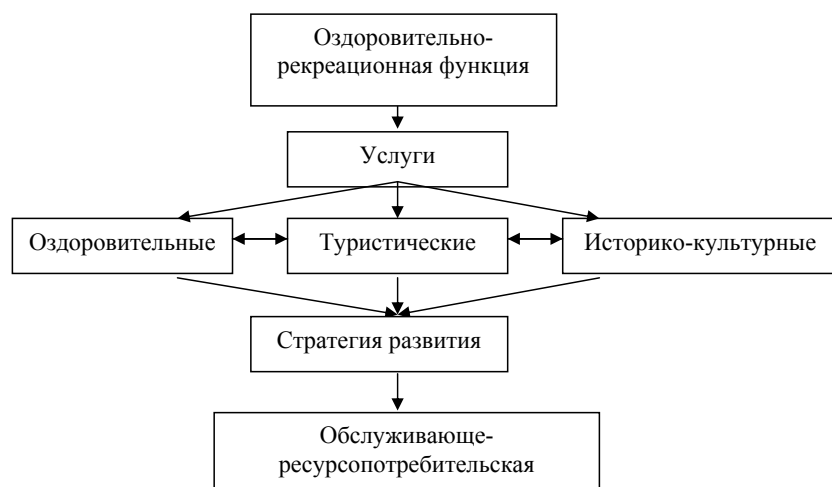

Рис. 3.3. Классификация оздоровительно-рекреационной функции сельских территорий

Прежде всего это касается Украинских Карпат и Причерноморья, отличающихся наибольшим разнообразием рекреационных ландшафтов. Например, в Одесской области Коминтерновский, Овидиопольский, Белгород-Днестровский, Татарбунарский, Килийский районы обладают значительным оздоровительно-рекреационным потенциалом, который еще недостаточно эффективно используется в интересах их населения. В Карпатах, кроме рекреационных и люд-

ских ресурсов, имеются и сопутствующие факторы (высокая плотность сельского населения, преобладание крупных сел, сочетание нескольких природно-рекреационных ресурсов).

Наряду с оказанием оздоровительных и туристических услуг данная разновидность сельских территорий имеет достаточный потенциал для формирования историко-культурного туризма, формирования историко-культурного ландшафта, объединяющего в единое целое географический ландшафт с исторической памятью и культурной традицией.

Отнесение горных территорий к разновидности сельских территорий со специальным режимом функционирования обосновано, с одной стороны, тем, что они входят в состав административных районов и их статусом — с другой.

Однако требует уточнения вопрос о правомерности использования по отношению к ним понятия «горные сельские территории», поскольку в законодательстве Украины [259] статусом горных наделены населенные пункты, расположенные в горной местности. В научной литературе, кроме указанных терминов, часто используются термины «горные территории» [70], «горные регионы» [302], «горные районы» [102; 112], значительно реже — «горные сельские территории» [101].

На наш взгляд, отнесение горных территорий к сельской территориальной подсистеме общества вполне уместно, поскольку горы в Украине не являются местом развития больших городов.

В Украине, по оценкам В. Коломийчука [102, с. 285], насчитывается 21 горный район. Однако на самом деле населенные пункты, наделенные статусом горных и входящие в административный район, не составляют абсолютное большинство этих районов. Например, в Старосамборском районе Львовской области только 50 % населенных пунктов подпадают под статус горных территорий, в Дрогобычском — 20 %. Такая же ситуация — во всех, за исключением двух горных районов области [143]. В свете изложенного еще более некорректно использование термина «горные регионы».

В научной литературе горные сельские территории определяются как пространственные образования со сложными условиями рельефа и климата, состоящие из сельских населенных пунктов и прилегающей к ним хозяйственной территории [112; 101].

В соответствии с законодательством Украины [259] к категории горных населенных пунктов относятся «...города, поселки городского типа, сельские населенные пункты, которые размещены в горной

местности, имеют недостаточно развитую сферу применения труда и систему социально-бытового обслуживания, ограниченную транспортную доступность». Среди критериев отнесения населенных пунктов к горным указаны следующие:

– размещение населенного пункта или части его, на которой проживает более трети жителей этого населенного пункта, на высоте 400 метров и выше над уровнем моря, на территории, рельеф которой сильно расчленен оврагами, водотоками пр., и размещение более 50 % сельскохозяйственных угодий в границах этого пункта на склонах крутизной 12 градусов и более;

– если на одного жителя приходится менее 0,25 га пашни или при ее отсутствии — меньше чем 0,60 га сельскохозяйственных угодий;

– суровые климатические условия, измеряемые комплексом показателей.

Статус горных получают населенные пункты, расположенные на высоте 400 метров и выше над уровнем моря и отвечающие двум критериям и не менее чем двум показателям третьего критерия — «суровые климатические условия».

В Украине существует два горных территориальных массива: Украинские Карпаты и Крымские горы.

Украинские Карпаты, охватывая горную местность Закарпатской, Ивано-Франковской, Львовской и Черновицкой областей, простираются с северного запада на южный восток на 280 км, с северного запада на южный запад — на 100–110 км, занимая площадь 24 тыс. км². Вместе с Предкарпатской высотой и Закарпатской низиной площадь горной территории составляет 37 тыс. км². На ней находятся 711 населенных пунктов со статусом горных, в том числе: в Ивано-Франковской области — 236, Закарпатской — 215, Львовской — 196, Черновицкой — 64. Всего в них проживает 900 тыс. человек [112].

Практически все горные сельские территории являются проблемными по экономическим, социальным и экологическим признакам. Это связано как с нехваткой земельных ресурсов, так и со специфической природной обстановкой местности, которые сужают сферу занятости, ограничивая ее рекреацией, туризмом, народными промыслами. Сельскохозяйственное производство здесь, вследствие удаленности этих территорий от транспортных магистралей и рынков сбыта продукции, является неконкурентоспособным. Нерегламентированные вырубки лесов только усугубляют экологическую ситуацию. В силу указанных причин уровень жизни населения на этих территориях

значительно ниже, чем на других. Те надбавки, которые выплачиваются жителям горных территорий, поступающие в основном из местных бюджетов, проблему не решают. По данным Центра развития горных территорий Института региональных исследований НАН Украины [143], ежегодно государство затрачивает на доплаты жителям горных территорий около 1 млрд грн. Однако это не сказывается на изменении к лучшему демографической ситуации и миграционных процессов. Все это требует делимитизации этих территорий, совершенствования законодательной базы, регламентирующей развитие данной разновидности сельских территорий.

Своеобразным подвидом разновидности сельских территорий со специальным режимом функционирования являются приграничные территории, образующие, по выражению М. Бауда и В. Ван Шенделя [154], «сердце границы» как непосредственно примыкающие к границе.

Развитие любой приграничной территории происходит под непосредственным влиянием экзогенного фактора, то есть зависит как от уровня развития смежной территории соседнего государства, так и от интенсивности связей между сопредельными территориями. По своему географическому статусу эти территории предрасположены к трансграничному сотрудничеству. Речь идет о сотрудничестве в рамках приграничных зон, обусловленном прохождением через эти зоны информационных, экономических, культурных и других потоков. Это предусматривает реализацию совместных проектов развития транспортной, торговой, производственной инфраструктуры с активным участием в этом территориальных общин приграничных населенных пунктов, районных и региональных органов публичной власти, сельскохозяйственных и других предприятий.

Между тем, Украина, как и другие государства постсоветского пространства, не имеет опыта осуществления приграничного сотрудничества на местном уровне. К тому же практически отсутствуют научные исследования, раскрывающие пространственные паттерны поведения сельских сообществ, проживающих вблизи государственной границы. Изменилось и само понимание границы государства с усилением европейской интеграции. В инерции мышления и сложившихся традиций приграничные территории относятся к категории периферийных и маргинальных пространственных образований [102, с. 125] по той причине, что они удалены на большое расстояние от крупных административных центров своих государств. Но с дру-

гой стороны, они находятся ближе, чем другие территории, к европейским стандартам жизни.

Развитие приграничных территорий регламентируются Законом Украины «О трансграничном сотрудничестве» [66], в котором данный вид сотрудничества определяется как «совместные действия, направленные на углубление экономических, социальных, научно-технических, культурных и других отношений между территориальными общинами и местными органами исполнительной власти Украины и территориальными общинами и соответствующими органами власти соседних государств в рамках компетенции, определенной их национальным законодательством». В этом законе к компетенции центральных органов власти отнесено оказание правовой, информационной, методической, организационной поддержки субъектам трансграничного сотрудничества, разработка порядка подготовки соответствующих проектов (программ), проведение мониторинга исполнения государственных программ развития приграничного сотрудничества, обеспечение условий для использования организационных, финансовых, институциональных возможностей участников данного вида сотрудничества.

Одной из эффективных форм трансграничного сотрудничества является участие приграничных регионов Украины в еврорегионах. Следует заметить, что к приграничным отнесены [66, с. 195] 19 регионов, на долю которых приходится 77 % от общей площади страны. В настоящее время в 9 еврорегионах принимают участие 15 регионов Украины (рис. 3.4).

Из 9 трансграничных региональных организаций 5 являются собственными еврорегионами, а в остальных сотрудничестве осуществляется приграничными регионами Украины совместно с соседними областями Российской Федерации («Донбасс», «Ярославна», «Слобожанщина») Российской Федерации и Республики Беларусь («Днепр»). Сотрудничеством охвачены такие сферы: наука и инновационная деятельность; туризм и культура; экология и охрана окружающей среды, инфраструктура, связь, транспорт; экономика и торговля пр.

Интенсивность и специализация на тех или иных видах и формах сотрудничества зависят от категориальности приграничных зон («сердце границы», «промежуточные территории», «внешняя зона») [154]. На долю сельских приграничных территорий (первая зона) приходится связи в сферах деятельности, связанных с «зеленым» туризмом, сельским хозяйством, торговлей. Так, в рамках еврорегиона

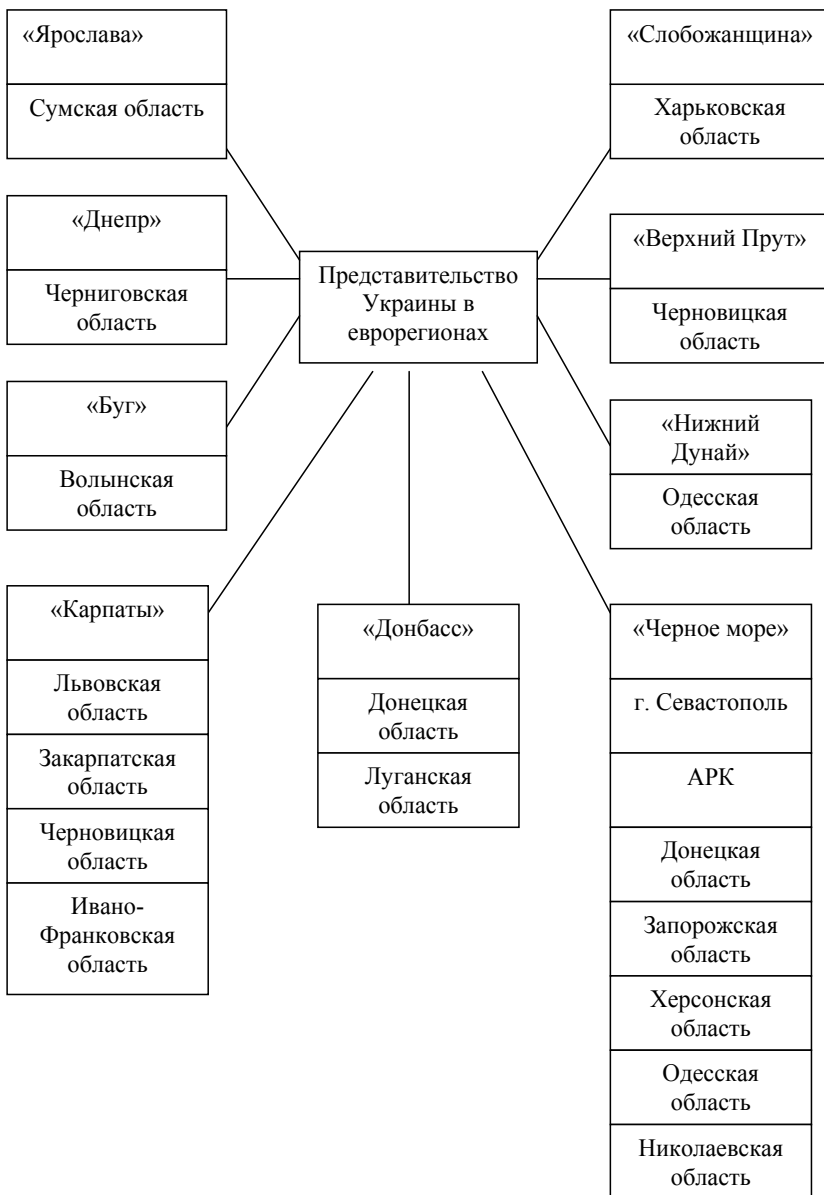

Рис. 3.4. Участие регионов Украины в еврорегионах

«Днепр» реализован проект «Создание трансграничного кластера сельского зеленого туризма в шести прилегающих приграничных районах Гомельской и Черниговской областей» [310, с. 155]. С украинской стороны участвуют Городнянский, Черниговский и Репкинские районы.

Налаживанию связей в рамках приграничного сотрудничества способствует инициатива сельских территориальных общин. Одной из форм такого сотрудничества является участие сельских сообществ Львовской, Волынской, Закарпатской, Ровенской, Тернопольской и Ивано-Франковской областей в Программе трансграничного сотрудничества Польша — Беларусь — Украина 2007—2013 [218], направленной на повышение конкурентоспособности приграничных территорий, улучшение качества жизни и поддержание инициатив местных общин.

О правоте отнесения сельских приграничных территорий к «сердцу границы» свидетельствует международная практика определения границ приграничной зоны. Так, в рамках Центральноазиатского Регионального Экономического Сотрудничества приграничная торговля ведется в зоне до 30 км сухопутных границ, в КНР ее границы определены расстоянием 20 км от границ [280]. Для европейских стран эти пределы еще более ограничены.

Представленные три подвида разновидности сельских территорий со специальным режимом функционирования имеют не только свои отличия, но и могут одновременно обладать признаками других подвидов (рис. 3.5).

Представленные на рис. 3.5 пять комбинаций сельских территорий свидетельствуют о том, что эти пространственные образования обладают двойным (I, II, IV, V комбинации) и даже тройным (III комбинация) статусом. Здесь несколько выпадают из одного классификационного ряда пригородные территории, относящиеся не к третьей разновидности (территории со специальным режимом функционирования), а ко второй (сельские урбанизированные зоны и ареалы, «аграрные города»). Однако можно привести массу примеров, когда пригородные территории одновременно являются и оздоровительно-рекреационными (те же пригородные села Коминтерновского и Овидиопольского административных районов Одесской области).

Данное наблюдение свидетельствует об актуальности типологизирования сельских территорий по тем или иным основаниям с целью формирования целостного представления об этих природных и социально-пространственных образованиях.

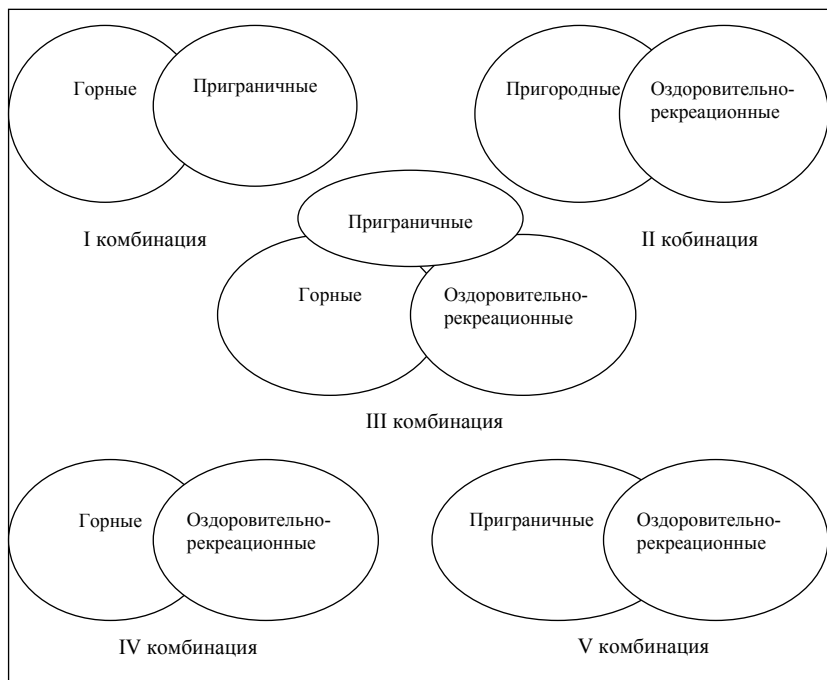

Рис. 3.5. Комбинации сельских территорий

3.4. ТИПЫ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Отнесение сельских территорий к разноуровневым и разнообразным по своему составу объектам предполагает теоретическую реконструкцию их сущностных характеристик с помощью типологизации.

Выделение с помощью этого метода типов, как идеализированных моделей сельских территорий, решает важную познавательную задачу их упорядоченного описания. Построение моделей сельских территорий осуществляется дедуктивным путем (выведение частного из общего). При таком подходе заданными выступают сельские территории как определенная целостность, в границах которой осуществляется поиск тех или иных признаков, являющихся основанием разделения объекта на типы. Процедура выделения тех или иных типов

является не произвольной, а проводится по определенным направлениям (измерениям), отражающим структуру сельских территорий.

В этой связи заметим, что не все исследователи являются сторонниками такой методики. Так, географы используют для комплексной типологии нейросетевые методы, в частности метод построения карт самоорганизации Кохонена. Так, Н. Барановский [13] воспользовался этим методом для проведения комплексной типологии сельских территорий на основе системы индикаторов депрессивности. Оставив за рамками обсуждения содержательную сторону исследования, которое не вызывает каких-либо замечаний, укажем на изъяны методического характера. Представленная типология является комплексной лишь в том понимании, что научному анализу подвергнуты все 490 административных районов Украины (в нашей редакции — районный уровень сельских территорий). Однако никак нельзя признать комплексным подход, основанный на распределении районов только лишь по уровню депрессивности и структуре занятости населения. Тем более что автор рассматривает саму структуру занятости исключительно в контексте дихотомии «аграрные районы» — «промышленные районы». В этом смысле вполне логично было бы ограничиться типологизацией районов по уровню депрессивности, что Н. Барановский весьма успешно осуществил в своей другой публикации [16]. На наш взгляд, комплексная типология как единовременный исследовательский акт возможна лишь теоретически, но неосуществима практически. А попытки ее реализации являются малопродуктивными в научном отношении и не совсем корректны — с методической точки зрения.

Наиболее общее представление о сельских территориях дает их типологизация в пространственном измерении. Конец XX — начало XXI столетий ознаменованы утверждением в науке интеграционного и пространственного подходов, преодолевающих пространственную разделенность сельской и городской территориальных подсистем общества, которая является препятствием для мобильности инвестиционных, трудовых, финансовых, информационных и других ресурсов. Одновременно возник ряд проблем научного характера, связанных со взаимодействием сельских и городских территорий, что в свою очередь актуализировало вопрос о типологизации сельских территорий в пространственном ракурсе.

По установившейся во времена доминирования дихотомичного подхода традиции сельские территории типологизировались как

периферийные, что указывало на их окраинное положение не в географическом пространстве Украины, а по отношению к другим объектам как к центру. При определении того или иного объекта (места) как центра (ядра) пространства система мест приобретает иерархический характер с выделением не только центра и периферии, а и полупериферии. Эта система мест является относительно подвижной, поскольку географическое пространство менее подвижно в сравнении с экономическим, социальным, культурным, политическим, а тем более информационным. Вместе с тем, следует иметь в виду, что сельские территории — это «заполненное» пространство. Поэтому пространственная типологизация предполагает учет не только размещения сельских территорий в географическом пространстве на оси «центр — полупериферия», а и анализа сравнительной динамики их развития.

С точки зрения местоположения сельских территорий по отношению к городам как к административным, промышленным, транспортным, научным и культурным центрам, характеристиками центральности наделены пригородные территории, периферии — удаленные на большом расстоянии от крупных городов территории, а полупериферии — территории, занимающие промежуточное положение. Как правило, между местоположением и уровнем социально-экономического развития сельских территорий существует прямая связь: чем ближе сельская территория расположена к городу, тем выше уровень ее развития. Однако в каждом конкретном случае могут иметь место отклонения от правила. Но это уже вопрос типологизации иного измерения.

Наиболее выраженным видом пространственной типологии является типология административных районов, которая в последнее время является предметом повышенного интереса со стороны представителей различных научных направлений. Так, Е. Бородина и И. Прокопа [309] осуществили двухэтапную обобщенную типологизацию сельских территорий районного уровня. Вначале были выделены три типологические линии по демографически-поселенческой ситуации, сфере приложения труда сельского населения и доступности базовых жизненных условий и потребительских услуг. Затем на их основе была проведена типологизация сельских территорий, интегрирующая указанные типологические линии с использованием метода классификации многоуровневых объектов в пространстве. В результате было определено шесть типов районов:

– тип А (охватывает 85 административных районов или 17,4 % от их общей численности), характерных для юга Украины, Винницкой, Черкасской и Полтавской областей;

– тип Б (118 районов или 24,1 %), которые пространственно прилегают к районам первого типа, получившие наибольшее распространение на Волыни и Подолье, иногда встречаются на Закарпатье, в Черновицкой и восточных областях;

– тип В (58 районов или 11,8 %), расположенные в пригородных и рекреационных зонах Одесской, Донецкой областей, на Киевщине, Львовщине и в Закарпатье;

– тип Г (33 района или 6,7 %), которые удалены от административных и промышленных центров и размещены в Тернопольской, Хмельницкой, Винницкой, Полтавской, Харьковской, Донецкой, Запорожской областях;

– тип Д (149 районов или 30,4 %), которые характерны для Житомирской, Черниговской, Сумской, Харьковской, Луганской, Днепропетровской, Донецкой, Запорожской, Хмельницкой, Винницкой, Кировоградской областей;

– тип Е (47 районов или 9,6 %), которые сосредоточены в основном во Львовской, Ивано-Франковской, Закарпатской, частично в Черновицкой, Волынской, Ровенской областях.

Как следует из приведенных данных, почти треть сельских территорий районного уровня (тип Д) характеризуется, по оценкам авторов, чрезвычайно сложной ситуацией в демографично-поселенческой сфере, относительно благоприятной ситуации в сфере приложения труда и низким уровнем доступности к базовым жизненным условиям и потребительским услугам. Типологизированные районы относятся как к северным, так и восточным регионам Подольского, Полесского, Приднепровского, Донецкого и Восточного экономических районов. То есть такое количественное и пространственное разнообразие исследуемой проблемы свидетельствует о проявлении определенной тенденции, характеризующей ситуацию, сложившуюся в указанных районах и регионах как типичную для них и в определенной мере не типичную для других административно-территориальных единиц.

Из приведенной типологии следует, что отдельные районы одной области (Винницкая, Полтавская, Запорожская, Харьковская, Хмельницкая, Донецкая, Волынская, Закарпатская, Львовская) относятся к разным типам.

Повышение динамики темпов прироста сельскохозяйственной продукции характерно для сельских территорий с лучшими природно-климатическими условиями. Эта тенденция четко прослеживается в Волынской, Ровенской, Житомирской, Черниговской областях, территории которых размещаются в двух природных зонах. Например, для лесостепных районов Черниговской области показатель производства сельскохозяйственной продукции на одного человека составляет 5084,1 грн, тогда как для полесских — 1067,3 грн [16].

Еще более сложными и разнообразными природные условия и рельеф сельских территорий являются в Карпатском регионе. К примеру, территория Черновицкой области делится на Прут-Днестровское междуречье (равнинная лесостепная часть), Буковинское Предкарпатье (предгорная территория) и Буковинские внешние Карпаты (горная часть).

Наряду с типологизацией административных районов, осуществленной научными сотрудниками Института экономики и прогнозирования НАН Украины, подобное исследование проводил Н. Барановский. В этой связи научный интерес представляют результаты осуществленной типологизации одних и тех же таксономических единиц.

Типологизация районов осуществлялась Н. Барановским [13] по четырем группам показателей, отображающим: хозяйственно-инфраструктурный потенциал; финансовое развитие; социальное состояние; демографическое развитие. На их основании автором было выделено семь групп районов (кластеров по оригиналу):

— первая (35 районов или 7 % административных районов), характеризующихся достаточно высоким уровнем социально-экономического развития, с удельным весом в данном типе аграрных районов — 5,7 %, представленных пригородными районами Днепропетровской, Волынской, Ровенской областей и районами с промышленным потенциалом Ивано-Франковской, Львовской, Донецкой областей и АРК;

— вторая (90 районов или 18,4 %), отличающихся в целом низкими параметрами социально-экономического развития, в состав которых входят три типозоны, в частности, 35 смежных районов Волынской, Ровенской, Тернопольской областей с относительно благоприятными агроклиматическими условиями и земельными ресурсами для развития аграрного сектора; 15 северных и центральных районов Вин-

ничкой и южных районов Житомирской областей; 14 центральных и южных районов Одесской, Николаевской и Херсонской областей;

– третья (48 районов или 9,8 %) с высокими показателями развития финансового сектора, экономики и социальной сферы при наличии неблагоприятных демографически-расселенческих тенденций, присущих промышленно развитым районам Донбасса, Приднепровья, Черниговской, Сумской, Харьковской, Днепропетровской, Киевской областей;

– четвертая (103 преимущественно аграрных района или 21,8 %), отличающихся низкими показателями аграрного производства, демографического развития, плотности сельского населения, представленных четырьмя типозонами, в которые входят 25 смежных районов Сумской, Полтавской, Черкасской, Киевской областей; 17 южных районов Киевской, западные районы Черкасской и Кировоградской, северные районы Николаевской областей; 12 смежных районов Запорожской, Донецкой и Днепропетровской областей; 14 районов восточной части Харьковской и северной части Луганской областей;

– пятая (80 промышленно-аграрных районов или 16,0 %), характеризующихся низкими показателями развития сельскохозяйственного производства, доходов местных бюджетов, товарооборота и сложной демографической ситуацией, которые представлены 15 районами Черниговской, 11 районами Житомирской, 10 районами Сумской и 8 районами Харьковской областей;

– шестая (78 преимущественно аграрных районов или 15,9 %) с низкими показателями развития аграрного производства, социальной сферы и относительно благополучной демографической ситуацией, локализованные в трех типозонах, сформированных в 8 южных районах Одесской области, 20 северных районах Одесской, южного востока Винницкой и северного запада Николаевской областей; 20 периферийных районах востока и севера АПК, Херсонской и Николаевской областей; 20 периферийных районах востока и севера АПК, Херсонской и Николаевской областей;

– седьмая группа (56 преимущественно промышленных районов или 11,4 %) с низкими показателями развития финансового и аграрного секторов и благоприятной демографической ситуацией, представленных двумя типозонами, охватывающих 12 северных районов Ровенской и Волынской областей; 44 района Львовской, Закарпатской, Ивано-Франковской и Черновицкой областей.

Проводя сравнительный анализ результатов типологизации по двум исследованиям, следует иметь в виду, что второе из них преследовало цель определения тенденций социально-экономического развития на предмет выявления депрессивных районов.

Исходя из этого во втором исследовании, по интегральному показателю депрессивности, как наиболее проблемные определены районы четвертой, пятой и особенно шестой групп. И, наоборот, в составе первой, третьей и седьмой групп насчитывается только один депрессивный район.

Второе условие, которое необходимо учитывать при сопоставлении результатов типологизации районов, — это адекватность используемых при этом показателей. Их можно считать практически идентичными, поскольку в обоих случаях речь идет о сфере занятости населения, демографическом развитии, состоянии социальной сферы или доступности базовых жизненных условий и потребительских услуг и как дополнительных (у Н. Барановского) — хозяйственно-инфраструктурном потенциале и финансовом развитии.

Осуществив анализ результатов, полученных в процессе типологизации районов отдельно по каждому из блоков показателей и по интегральной шкале, мы пришли к выводу, что количество проблемных (депрессивных) районов примерно совпадает: в первом исследовании — это 267 районов (54,5 % от их общего количества), во втором — 281 (57,3 %). Как правило, это районы со слабой диверсификацией занятости населения и аграрной направленностью развития. При этом проблемность или депрессивность не имеет четких географических признаков. Она лучше прослеживается отдельно по каждому из блоков показателей.

Как видно из приведенных данных, пространственная типологизация как наиболее универсальная, по сравнению с другими, позволила определить удельный вес проблемных сельских территорий районного уровня, хотя это является непосредственно задачей проблемной типологизации или же типологизации состояния объекта.

Отдельные авторы [115, с. 65], специально не исследуя проблему типологизации, делают тривиальный вывод, не требующий доказательств, о том, что по динамике развития и уровню доходов большинство сельских территорий составляют районы так называемой хозяйственной стагнации или бесперспективного развития. Вряд ли можно согласиться с предложенной типологией как равнозначной,

поскольку далеко не каждый район стагнирующего развития является бесперспективным.

Более точной, но скорее эмпирической, чем теоретической является типология, осуществляемая на базе отдельных областей. Особенно это относится к такой специфической по своим характеристикам области как Львовская, отличающейся высокой плотностью сельского населения, низким уровнем обеспеченности земельными ресурсами, благоприятной демографической обстановкой, высокими совокупными ресурсами домохозяйств, незначительным удельным весом занятых в сельском хозяйстве, высокой диверсификацией экономики, низким уровнем урбанизированности, большим удельным весом малых городов, расположенных в сельской местности, наличием развитой сети культурно-оздоровительных учреждений, рекреационных ресурсов. Такое разнообразие существенных характеристик послужило основанием для ее выбора как объекта типологизации сельских территорий областного уровня [220]. По критерию экономического развития выделены районы преимущественно сельскохозяйственной направленности, туристически-рекреационного развития и многофункционального развития, что соответствует ранее отмеченным характеристикам. Вызывает сомнение корректность наименования и определения критерия, отражающего сущность экономического развития. В представленной типологизации речь, скорее всего, идет о виде деятельности (сельскохозяйственная, туристически-рекреационная) или функции (многофункциональность). По демографическому критерию область типологизируется на районы с позитивной, удовлетворительной, неудовлетворительной и критической демографической ситуацией. Здесь отсутствует четкость в определении границ уровня демографической ситуации (позитивная и удовлетворительная, неудовлетворительная и критическая). По пространственному критерию районы подразделяются на пригородные, транзитные, приграничные, периферийные, предгорные вместе с горными. В этой связи отметим, что приграничные территории относятся к категории периферийных, а транзитные подпадают под определение полупериферийных.

Подобные издержки исследовательской практики свойственны индуктивному методу, основанному на подборе таксономических единиц под заранее избранные критерии. При условии, что критерии типологизации избираются произвольно, без предварительного

изучения объекта и с нарушением процедуры их определения, такая типология выглядит малоэффективной.

Как и в случае с типологизацией сельских территорий Львовской области, индуктивный метод применяют и российские исследователи. Так, И. Скрипиль [295, с. 15], используя такие критерии как административное устройство, концентрация сельского населения, удаленность от городских центров, плотность населения, диверсификация экономики, выделила пять типов сельских территорий в Краснодарском крае: с сельскохозяйственной специализацией, диверсификационной экономикой, территории, находящиеся под влиянием городских агломераций, развивающие туристско-рекреационный сектор и сельская глубинка.

Один из аспектов проблемной типологии связан с определением типов и типичных признаков депрессивных территорий. В частности, Н. Барановский [12; 17], используя мировой и отечественный опыт определения критериальных границ депрессивности, а также формульного подхода [40], отнес к категории депрессивных 190 административных районов Украины. Учитывая их неоднородность, этот автор выделил три типа (кластера) районов:

- демографического и поселенческого кризиса (59 районов), сосредоточенных преимущественно в Черниговской и Сумской областях;

- периферийные с преимущественно сложной демографической ситуацией и высоким уровнем безработицы (75 районов), расположенных в Херсонской, Одесской, Хмельницкой, Тернопольской областях;

- с низким уровнем хозяйственно-финансового и социального развития (56 районов), входящих в состав Винницкой, Одесской, Николаевской, Херсонской областей.

К типичным признакам сельских депрессивных территорий Н. Барановским отнесены следующие [12, с. 65]:

- сложная демографическая ситуация, низкие доходы населения и высокий уровень безработицы;

- пассивность и неготовность сельских жителей к изменениям в жизнедеятельности своих общин, неверие в результативность каких-либо реформ;

- ухудшение условий жизни населения не отдельных сельских населенных пунктов, а целых общностей (своеобразных анклавов смежных районов и поселений);

- архаизация экономической жизни, формой проявления которой является высокий удельный вес занятого населения в мелкотоварных сельских хозяйствах;
- усиление неоднородности сельской местности (пригородные районы, периферийные территории, сельские территории вокруг столицы);
- уплотнение экономического пространства, в частности рост концентрации производства сельскохозяйственной продукции в наиболее выгодных по агроклиматическим условиям регионам и природных районах;
- низкий уровень финансовой самодостаточности сельских территориальных общин, уменьшение прежде всего их человеческого потенциала.

В первую очередь необходимо указать на нечеткость выделения Н. Барановским критериев типологизации депрессивности сельских территорий: демографический признак включен в первую и вторую группу критериев одновременно. Во-вторых, количество депрессивных районов (190) явно не совпадает с количеством проблемных районов (281), определенных в другом его исследовании [13]. Учитывая, что автором был избран принцип разделения районов по уровню депрессивности и структуре занятости населения, можно предположить, что к проблемным районам, кроме депрессивных, отнесены и районы с низким уровнем занятости населения. В-третьих, при типологизации административных районов на предмет депрессивности не учтены критерии отнесения районов к депрессивным, содержащиеся в Законах Украины «О стимулировании развития регионов» [261] и «О внесении изменений в Закон Украины «О стимулировании развития регионов» [222]. А семь типичных признаков сельских депрессивных территорий, выделенных Н. Барановским, являются основанием для отнесения данных территорий не к депрессивным, а к деградационным.

Признаки деградации сельских территорий были определены нами [188] еще до законодательного определения некоторых из них как депрессивных и более детально охарактеризованы в другой публикации [187].

Деградация «...как постепенное ухудшение, снижение или утрата позитивных качеств» [242, с. 61], их хаотизация и разрушение [273, с. 111] охватывает все составляющие сельских территорий. Она имеет стадийный характер и проявляется: латентно; как тенденция; как

окончательная утрата позитивных качеств. В этом смысле в Украине практически нет сельских территорий, на которых деградация не имела бы по меньшей мере латентного проявления. По результатам исследования, проведенного еще в начале 2000-х годов И. Прокопой и Л. Шепотько [242, с. 62–63], 135 административных районов из 490 были деградирующими. По другим данным, 8 тыс. сельских населенных пунктов (28 % от их общего количества) деградируют и утратили возможность самовоспроизводства [273, с. 104–105], а 168 районов (34,3 %) охвачено демографическим и поселенческим кризисом [325, с. 39]. На основании приведенной статистики, отражающей тенденцию, свидетельствующую о деградации значительной части сельских территорий, следует внести соответствующие поправки в их типологию, различая территории депрессивные и деградационные.

Депрессивные сельские территории, как наиболее проблемные, выделяют и ученые Российской Федерации. Особенно это актуально для республик и областей с большим удельным весом сельского населения и сельскохозяйственной направленностью развития. К их числу относится и Республика Башкортостан, 40,4 % населения которой является сельским при среднероссийском показателе — 27 %. Как показали результаты исследования [98], из 54 муниципальных районов республики только 11 или каждый пятый являются благополучными, остальные отнесены к проблемным, в том числе — 9 слабо урбанизированных дотационных районов. В 84 сельских населенных пунктах нет ни одного жителя, в 279 — проживает менее 10 человек, население почти трех четвертей поселений не превышает 200 человек. Более 75 % занятых в сельском хозяйстве получают заработную плату, размер которой ниже прожиточного минимума.

Прямая зависимость между проблемностью сельских территорий и их демографическими характеристиками была установлена и в процессе типологизации муниципальных образований Орловской области, сельское население которой за последние 17 лет сократилось на 25 % по сравнению с 9,6 % в среднем по Российской Федерации. По результатам кластерного анализа, проведенного А. Медолазовым [134], было выделено пять типов территорий, различающихся по людности, уровню воспроизводства населения и уровню семейного благополучия. Два из пяти типов территорий отнесены к категории демографически неблагополучных. Из 24 районов 9 характеризуются низкими показателями по всем трем демографическим компонентам.

В отличие от Украины и Российской Федерации, в Республике Беларусь нормотворческой практикой не предусмотрено выделение депрессивных территорий. В научной литературе [286] сельские территории определяются как кризисные сельскохозяйственные (дотационные) территории, расположенные на окраине регионов, характеризующиеся натуральным хозяйством. Главной их проблемой является отток населения в крупные города и агрогородки.

Большое внимание в нормативно-правовых актах и в научных публикациях уделяется типологии состояния. Так, Министерство регионального развития Российской Федерации разработало типологию регионов, основываясь на Концепции стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации. В процессе типологизации регионов они были объединены в группы на основе оценки уровня их развития и степени включения в процессы глобализации, урбанизации и неоиндустриализации. В результате проведенного анализа были определены следующие типы регионов: регионы — локомотивы роста; опорные (сырьевые и старопромышленные); депрессивные (фоновые и кризисные). К внесистемному типу регионов отнесены спецтерритории (со сложной политической и очень сложной экономической ситуацией) [39, с. 13]. Данная типология является общей и отдельно не учитывает уровень развития сельской составляющей регионов, представленной в основном сырьевым подтипом регионов.

Отечественные экономисты З. Герасимчук и В. Галушак [40] при типологизации регионов, осуществленной по относительной величине индикатора в году, выделили такие типы территорий:

- высокоразвитые, которые в базовом и фактическом годах имели уровень индикатора выше среднего;
- депрессивные, на которых уровень индикатора в базовом году был выше среднего, а в фактическом году — стал ниже среднего;
- перспективные — с уровнем индикатора в базовом году ниже среднего, а в фактическом году — превышающим средний уровень;
- слаборазвитые территории — с уровнем индикатора и в базовом году и в фактическом году — ниже среднего.

Н. Морозюк [139] типологизировала сельские территории на пространственные образования с уровнем развития выше среднего, средним и ниже среднего. При этом показатели развития сельских территорий сравнивались со средними по региону. В результате к первой группе были отнесены территории, на которых сельскохозяй-

ственное производство наращивает объемы. Вторую группу составили территории, на которых наблюдается спад сельскохозяйственного производства, но увеличиваются объемы промышленного производства. В третью группу включены проблемные территории, для которых характерен уровень развития ниже среднерегионального и со средним уровнем развития, но с проявляющейся тенденцией спада объемных показателей.

Существует и иная типология регионов Украины [39, с. 19], в соответствии с которой выделены высокоразвитые, благополучные, слаборазвитые, кризисные и депрессивные территории. Среди признаков высокоразвитых и благополучных регионов выделяются и такие, которые не принимались во внимание ранее, а именно — высокая покупательная способность населения, незначительная доля бедного населения. Для слаборазвитых регионов типичны низкий уровень промышленного и сельскохозяйственного производства, высокий уровень безработицы, значительный удельный вес бедного населения. Кризисные регионы делятся на техногенно-кризисные и экологически-кризисные. Подтипами депрессивных регионов являются: фоновые, прекризисные и кризисные территории.

Преобладание типологизации регионов над типологизацией сельских территорий областного уровня объясняется отсутствием статистической информации по всей совокупности показателей развития сельской составляющей региона. Сказывается также влияние европейской практики типологизации, в процессе которой регионы дифференцируются на промышленные и сельские. И тем не менее, типология регионов формирует представление о тематике и географии представительства их сельских составляющих, поскольку существует прямая связь между тем или иным типом региона и областным уровнем сельских территорий.

Представление о реальном состоянии сельских территорий дает их типологизация по уровню жизни населения [130], проведенная на основе сравнительных данных 2005 и 2009 годов. Интегральный индекс уровня жизни был составлен на базе индексов демографического развития, развития рынка труда, материального положения, социальной среды и условий проживания сельского населения. Полученные результаты свидетельствуют о том, что группа сельских территорий областного уровня со средним уровнем жизни населения увеличилась за исследуемый период с 2 до 10, с низким — сократилась с 14 до 10, с очень низким — уменьшилась с 9 до 5. Индексу с вы-

соким уровнем жизни сельского населения не соответствует ни одна из сельских территорий областного уровня. Среди наиболее благополучных областей по этому показателю, кроме западных областей, выделены также Житомирская, Николаевская и Хмельницкая. Среди аутсайдеров — сельские территории Донецкой, Кировоградской, Луганской, Полтавской и Сумской областей.

На примере типологии состояния сельских территорий, проведенной на основе сравнительного анализа уровня жизни сельского населения, видно, что различия между теми или иными критериями типологизации являются относительными. Более того, условной является грань между типологиями, в частности, отраслевой и функциональной, о чем свидетельствует практика типологизации сельских территорий Республики Мордовия Российской Федерации. В рамках этих пространственных образований определены два класса территорий, выделенных по признаку их отраслевой организации [124, с. 128]. В пределах классов по признаку выполнения основных хозяйственных функций выделены типы, которые по хозяйственной специализации разделяются на подтипы. К первому классу, занимающему незначительную часть площади республики, были отнесены два типа: с развитым лесным хозяйством и сельским хозяйством, рекреационной и природоохранной функциями; с развитым сельским хозяйством и лесным хозяйством, рекреационной и природоохранной функциями. Во второй класс, занимающий большую часть территории республики, вошли три типа: с интенсивным сельским хозяйством, отраслями перерабатывающей промышленности и развитой инфраструктурой; с интенсивным сельским хозяйством, развитыми отраслями добывающей и перерабатывающей промышленности; индустриальный с развитой производственной и социальной инфраструктурой.

Таким образом, в качестве основных признаков данной типологизации сельских территорий выступает соотношение сельского хозяйства и лесного хозяйства, в пределах классов выделены типы территорий по их основным производственным функциям.

В последние годы исследователями все больше внимания уделяется прослеживанию связи между урбанизацией и территориальными различиями жизни на сельских территориях.

Одно из таких исследований [133] было проведено на базе Херсонской области, в состав которой входит 18 административных районов, 657 сел, 54,4 % из которых относятся к категории малых, 6 % — без-

людных и деградирующих. Специфика этой области характеризуется противоречивой социально-экономической ситуацией. С одной стороны, сельские территории отличаются наибольшей в Украине землеобеспеченностью, а с другой — однообразием агроландшафтов, большим удельным весом орошаемых земель, наименьшей плотностью сельского населения, спадом сельскохозяйственного производства, его разбалансированностью, невысокой прибыльностью и низким уровнем доходов сельского населения. Здесь отсутствуют крупные города, за исключением областного центра, что не могло не отразиться на уровне урбанизированности сельских территорий. Проведенная по этому показателю их типизация (балльная оценка) выявила четыре типа территорий:

- малоурбанизированные (5 административных районов);
- среднеурбанизированные (6 районов);
- высокоурбанизированные (4 района);
- гиперурбанизированные (3 района).

Вызывает сомнение оправданность выделения в качестве самостоятельного типа — гиперурбанизированных территорий. На наш взгляд, такая степень урбанизированности не присуща этой области. Однако указанная погрешность не столь существенна и принципиально не влияет на общий вывод о преимущественно аграрной направленности развития сельских территорий Херсонской области.

Иногда типологизация сельских территорий осуществляется на основе сочетания признака их урбанизированности с пространственной организацией территории. В этом плане определенный научный и практический интерес представляет типология сельских территорий Свердловской области Российской Федерации [108]. Для оценки уровня урбанизации административно-территориальных единиц изначально был произведен расчет интегрального количественного показателя, состоящий из набора частных показателей, отражающих сущность урбанизации: доля городского населения; расстояние до областного центра; миграционное сальдо; густота дорог с твердым покрытием, число личных автомобилей, приходящихся на одного сельского жителя; обустроенность жилого фонда; индекс концентрации сельского населения.

Для оценки качества сельских территорий области расчет интегрального количественного показателя строился на основе набора свыше 40 частных показателей, в первую очередь, качества окружающей среды, качества населения и производственной сферы.

Последующий расчет коэффициента корреляции рангов Спирмена (R) между интегральным количественным показателем уровня урбанизированности 50 административно-территориальных единиц и интегральным количественным показателем качества сельских территорий области показал тесную прямую зависимость между этими показателями ($R = + 0,812$). Составленная на основе проведенной типологизации карта позволила выделить четыре типа таксономических единиц и выявить характерные особенности развития сельских территорий под воздействием урбанизации в каждом из выявленных типов.

Пригородный (урбанизированный) тип сельских территорий включает 16 таксономических единиц (4,3 % сельского населения области) отличается как высоким уровнем урбанизированности, так и высоким качеством территорий, расположенных вокруг областного центра и входящих в городскую агломерацию или примыкающих к ней.

Традиционно-сельский тип сельских территорий, включающий 14 таксономических единиц (38 % сельского населения) с уровнем урбанизированности ниже среднего и средним качеством территорий, расположенных в традиционно аграрной части области. Плотность сельского населения здесь примерно в 1,5 раза выше среднеобластной, его удельный вес в общей численности населения составляет 40 %, более половины из которых проживает в больших и крупных населенных пунктах.

Полупереферийный тип сельских территорий представлен районами с качеством территорий ниже среднего, со средней и ниже средней урбанизированностью, большинство населенных пунктов которых удалены от районных центров на расстояние свыше 60 км.

Периферийный тип сельских территорий — это районы с низким уровнем урбанизированности и низким качеством территорий, занимающие около 40 % территории области и расположенные вне зоны непосредственного влияния городов. Поселенческая сеть этого типа сельских территорий характеризуется разреженностью и мелкоселенностью, значительная часть населенных пунктов не имеет круглогодичного автомобильного транспортного сообщения.

Результаты типологизации сельских территорий выявили существенные различия в их качестве, обусловленные в значительной мере влиянием урбанизации. Определена также прямая зависимость между урбанизированностью сельских территорий и их качеством: чем сильнее выражена урбанизация, тем выше качество.

С нашей точки зрения, при типологизации сельских территорий по степени воздействия на них процесса урбанизации следует учитывать специфику, в том числе региональную, самих территорий, которая накладывает свой отпечаток на их типологию, представленную в одной из наших публикаций [196].

К первому типу нами отнесены руральные территории, пространственно сросшиеся с городскими агломерациями, между которыми существуют тесные взаимосвязи и функциональная зависимость. Это — агломерации Донецкой, Луганской и частично Днепропетровской областей, являющихся наиболее урбанизированными за счет наличия здесь множества индустриально развитых городов. Их влияние на окружающие села проявилось в ослаблении сельскохозяйственных функций последних вследствие значительного оттока из города сельского населения.

Второй тип урбанизированных сельских территорий представлен микрорегионами Подкарпатья. Уникальность этих территорий состоит в наличии здесь лечебных минеральных вод, залежей каменной соли, нефти и газа при слабой выраженности аграрного производства. При наличии трудовых ресурсов промышленно-добывающая, оздоровительно-рекреационная и туристическая деятельность выступают как альтернативные или дополняющие по отношению к хозяйственной деятельности на данных территориях.

Третий тип — причерноморско-приазовский, географически является наиболее пестрым среди других урбанизированных сельских территорий. Территориально к нему относятся микрорегионы АРК, Одесской, Николаевской, Запорожской, Херсонской и Донецкой областей, расположенные вдоль густозаселенных морских побережий, представленный малыми курортными городами, поселками и крупными селами, разница между которыми — в уровне развития их инфраструктуры. Территории этого типа не исчерпываются морским фасадом, а охватывают более отделенные от него места. Так, Украинское Придунавье располагает речным портовым хозяйством, развитым агропромышленным комплексом и природным заповедным фондом, что создает предпосылки для культивирования здесь одновременно нескольких видов деятельности.

Все три типа урбанизированных сельских территорий были сформированы вследствие хозяйственного освоения территорий и совместной эволюции городских агломераций и сельских поселений.

Безусловно, урбанизация сама по себе является сложным социальным феноменом. Кроме того, на нее накладывают отпечаток ресурсный потенциал той или иной территории, плотность сельского населения, людность поселений, расстояние до городов, разветвленность и развитие средств связи, транспортной сети и пр.

Следует также акцентировать внимание на таких критериях типологизации сельских территорий как: степень ресурсообеспечения (высоко, средне, недостаточно обеспеченные); направленность развития (сельскохозяйственная, промышленная, транспортная, строительная, сервисная, туристическая, оздоровительно-рекреационная, социально-культурная); функциональное развитие (моно-, би-, полифункциональные); административный статус (центры административных районов, центры сельских советов, не являющиеся центром сельских советов, расположенные в черте городов); географическая доступность (доступные, недостаточно доступные, труднодоступные); уровень хозяйственной освоенности (высоко, средне, недостаточно освоенные); инвестиционная привлекательность (достаточно, недостаточно привлекательные, непривлекательные); степень техногенного загрязнения (экологически чистые, относительно экологически чистые, техногенно загрязненные); уровень урбанизированности (урбанизированные, урба-руральные, руральные); степень этического разнообразия (моно-, би-, полиэтничные).

Представленная типизация сельских территорий не является исчерпывающей. В то же время среди приведенных типов следует в первую очередь отметить те из них, которые дифференцируются по ресурсообеспеченности, направленности развития, уровню хозяйственной освоенности, поскольку указанные признаки играют решающую роль в воспроизводстве сельских территорий.

Типология сельских территорий является не только важным фактором их идентификации, а и способствует выявлению тенденций развития этих природных и социально-пространственных образований.

ТЕНДЕНЦИИ, СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПОЛИТИКА ИНТЕГРИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

4.1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Идентификация сельских территорий как агроэкосистемы, экономического пространства и социальной среды обуславливает необходимость выявления тенденций и построения модели их развития, основанных на концепциях, адекватных природе и сущностным характеристикам этих природных и социально-пространственных образований.

Этим требованиям в полной мере отвечают фундаментальные научные положения физической экономики, концепции устойчивого развития и социэкономии, комплексное использование которых имеет важное познавательное значение для решения указанных исследовательских задач. Так, обращение к основополагающим идеям физической экономики является ключом к пониманию непреходящего значения природного потенциала сельских территорий как агроэкосистемы. Концепция устойчивого развития служит основой сбалансированного развития сельских территорий как экономического пространства, гармонизации их экономической, экологической и социальной составляющих. Социэкономия акцентирует внимание на взаимосвязи различных сторон развития сельских территорий сквозь призму социальности, оценки не только его результатов, а и их последствий для сельского социума. Целесообразность использования концептуальных основ указанных научных течений вытекает из общности их базовых принципов, особенно концепции устойчивого развития и социэкономии, которые могут быть использованы при исследовании сельских территорий. Принципы физической экономики, на наш взгляд, являются исходными как для концепции устойчивого развития, так и для социэкономии, выступая методологией анализа процессов, происходящих в пространственных границах сельских территорий. Это связано не только с глубокими историческими кор-

нями физической экономии, уходящими к европейской физиократии XVIII столетия, а и с жизнеутверждающим характером ее научных принципов, их междисциплинарностью.

Центральное место в физико-экономическом учении, начиная с Ф. Кенэ и заканчивая его последователями (С. Подолинский, В. Вернадский, М. Руденко), занимает идея об исключительной роли в истории развития человечества земледелия (агропроизводства) как единственного вида деятельности, где происходит увеличение богатства и прирост материи. Эта идея имеет первостепенное значение для осмысления планетарного понимания смысла жизни и будущего сельского развития и сельского образа жизни в частности.

Безусловно, научные представления о содержании сельского развития эволюционируют по мере углубления общественных трансформаций. Переход наиболее развитых, в технико-технологическом и социально-экономическом отношении, стран к информационному обществу не является свидетельством преходящего характера сельского развития. Наоборот, с обострением глобальных проблем роль земледелия только возрастает при решении задачи продовольственного обеспечения нашей страны и мирового сообщества в целом.

Пониманию механизма перехода от одного этапа цивилизационного развития человечества к другому способствует представление о институциональном архетипе глобальной цивилизационной матрицы, связывающей в единое целое биосферу, социосреду, техносферу и ноосферу.

Каждому типу цивилизационного развития соответствует определенный архетип общественно-хозяйственных институтов. Физическая экономия акцентирует внимание на пяти архетипах, которые формируют каркас цивилизации, основанной на энергетике зерновых культур: зерновой ниве и животноводческой ферме, мастерской (столярная, кузница, слесарная), ветряной мельнице, лесопилке, водяной мельнице, кочегарке, паровой машине, сельской управе, церкви, школе. Эти архетипы, как свидетельствует их историко-экономический анализ, существуют на протяжении тысячелетий, модифицируя свою форму, но не меняя своей сути [344, с. 43]. Задача человечества заключается в том, чтобы на каждом новом витке своего развития использовать биоэнергетический потенциал этих архетипов, всякий раз модифицируя их без разрушительных последствий для окружающей природной среды и с пользой для общества.

Важную роль в этом процессе играет труд, и прежде всего, труд земледельца, имеющий прямое отношение к накоплению и распределению энергии. Неслучайно основатель отечественной школы физической экономии С. Подолинский избрал в качестве предмета своего исследования «Труд человека и его отношение к распределению энергии» (1880) растительный мир, аккумулирующий энергию, и животный мир, который ее потребляет.

В условиях, когда в энергетическом бюджете земной поверхности все меньшую роль играет внутренняя тепловая энергия Земли и постепенно уменьшается количество солнечной энергии, необходимо, как отмечал С. Подолинский, с помощью труда обеспечить процесс сохранения энергии или преобразование тепла на высшую форму, способную превратиться в механическое движение. Именно в земледелии солнечная энергия не только сохраняется и накапливается, а и передается при ее потреблении в форме еды, одежды, жилища, удовлетворения психических потребностей, тем самым возвращая ту ее часть, которая была потреблена на их производство [207, с. 231, 248]. Тем самым посредством труда в процессе фотосинтеза происходит сохранение энергии от рассеивания и ее накопление как дополнительного продукта.

Таким образом, по С. Подолинскому, земледельческий труд человека направлен на противодействие стихийным силам природы, которые, согласно второму закону термодинамики, усиливают хаос. По сути им был предвосхищен антиэнтропийный закон, имеющий силу противодействия второму началу термодинамики, который через столетие вошел в историю науки как теорема И. Пригожина для неравновесных процессов. Поэтому вполне справедливым является вывод современных исследователей [110, с. 60] о том, что научная парадигма С. Подолинского, базирующаяся на энергетической теории, единстве экономического, социального, биологического и космического, может рассматриваться как методология, соединившая экономическую теорию с физической, использование которой способствует преодолению современного кризиса в экономической науке.

Физиократические идеи С. Подолинского получили свое развитие и парадигмальную завершенность в учении В. Вернадского о биосфере и ноосфере, что послужило основанием для историков науки отнести этого мыслителя к числу основателей физической экономии.

В монографии «Биосфера» (1926) В. Вернадский охарактеризовал ее как активную оболочку Земли, населенную живыми орга-

низмами, в том числе людьми, совместная деятельность которых проявляется как геохимический фактор планетарного масштаба. Заслуга В. Вернадского заключается в обосновании того, что экологическая структура биосферы формируется под влиянием живого вещества, которое является не только источником энергии для геохимических процессов, а и свободной энергии, поддерживающей их [109, с. 65].

Как утверждал В. Вернадский, благодаря живому веществу биосфера является самой активной, с химической точки зрения, оболочкой Земли, владеющей значительной космической и прежде всего солнечной энергией. Благодаря живому веществу поддерживается неэнтропийное состояние биосферы, которая способна накапливать солнечную энергию, компенсируя тем самым ее потери на тепловое излучение.

Огромную роль в накоплении и движении энергии, ее преобразовании В. Вернадский отводил агросфере как главному компоненту антропогеоценозов. Речь идет о социальном движении живого вещества происходящем под воздействием человека на биосферу. Он считал, что «учитывая энергию, полученную от Солнца, земледелие дает возможность прокормить на 1 км² по 150 человек, т. е. ...больше в 22–24 раза, чем их живет сейчас» [34, с. 439].

Вместе с тем в своем стремлении взять от природы как можно больше для обеспечения возрастающих потребностей общества человек не должен забывать о том, что, действуя в биосфере как ее составная часть, он не может выйти из нее. Так, открыв для себя земледелие, указывал В. Вернадский [33, с. 106, 348–349], человек изменил течение всех геохимических реакций. Лик планеты стал новым и пришел в состояние непрерывных потрясений. Но человеку до сих пор не удалось достигнуть в этой среде необходимой обеспеченности своей жизни. Поэтому, меняя девственный облик природы, освобождая некоторые места поверхности суши от зеленой растительности, человек должен всюду давлению жизни противопоставлять усилие, тратить энергию, ему равную, нести труд.

Состояние биосферы, в котором в полной мере появляются целенаправленная деятельность человека в гармонии с его разумом как новой геологической силой, В. Вернадский определил как ноосферу.

Разрабатывая учение о ноосфере как сфере разума, В. Вернадский исходил из того, что история человечества есть продолжение биологической истории живого вещества, а человек является в этой

истории существом, не противоположным природе, а продуктом ее биологической эволюции. Такой исследовательский прием предполагает логику «выведения» ноосферы из биосферы. Не случайно на юбилейной сессии Общего собрания НАН Украины, посвященного 150-летию со дня рождения великого естествоиспытателя и философа, отмечалось, что в научном наследии В. Вернадского особое место принадлежит его представлениям о биосфере как совокупности всего живого, ее эволюции в ноосферу, где определяющими будут человеческий разум и продуктивная деятельность человека [3, с. 4].

Если Э. Леруа представлял ноосферу как «мыслящую» оболочку, формирующуюся чувственным сознанием, а А. Бергсон — как «жизненный порыв», то В. Вернадский придал ей материалистическое содержание. При этом он подчеркивал, что область человеческой культуры и проявление человеческой мысли — вся ноосфера лежит вне космических пространств, где она теряется как бесконечно малое, и вне области, где царят силы атомов и атомных ядер с миром их составляющих частиц, в которой она отсутствует как бесконечно большое [33, с. 370, 372].

Ноосфера в единстве природы и культуры — одновременно и реальность, и будущее, поэтому она несовершенна. Она только-только создается в результате вещественного преобразования геологии земли посредством человеческого разума и труда.

Жизнь человека как существа гетеротрофного, по В. Вернадскому [33, с. 244], зависит как от живых организмов, так и от косной материи. Число косных естественных тел определяется общими свойствами материи и энергии и не зависит от размеров планеты, однако их появление возможно только под влиянием живого вещества, особенно вследствие жизнедеятельности человека. Число же живых естественных тел количественно связано с размерами биосферы. Масса живого вещества остается в основном постоянной и определяется лучистой солнечной энергией и биохимической энергией заселения планеты, однако, очевидно, эта масса близка к пределу, а процесс заселения еще не закончен.

Отсюда следует вывод о возрастающей роли *Homo sapiens faber* (человека разумного, производящего орудия, по А. Бергсону), в установлении гармоничной системы отношений, при создании антропо-биотехносферы, между человеком и природой, человеком и техникой, природой и техникой, человеком и человеком. Таким образом, человек сможет остаться в биосфере геологической силой и тем са-

мым сохранить жизнь на планете, если будет согласовывать свою преобразующую роль с разумом.

Наращивание производственной деятельности человека способствовало созданию техносферы, которая вошла в противоречие с законами развития биосферы. Разрешение этой проблемы требует перестройки поведения человека, приведения его хозяйственной деятельности в соответствие с ноосферным мировоззрением. Ноосферная парадигма выдвигает новые критерии к оценке экономической эффективности, учитывающие оптимальное и гармоничное развитие био-, техно- и социосферы.

Утверждение ноосферы ведет к становлению нооцивилизационной (планетарной и ноосферной) альтернативы современной информационно-техногенной системе человеческого бытия, родовым признаком которой должна стать гармонизация отношений в системе «экономика — человек — природа», происходящая под знаком, с одной стороны, возрастания роли творческого труда, гуманизма, нематериальных ценностей и экологизации хозяйственной жизни — с другой.

Отправные научные идеи С. Подолинского и В. Вернадского, заложившие основу современного физико-экономического учения, получили концептуальную завершенность во взглядах М. Руденко, который творчески использовал в своем учении об энергии прогресса категориальный аппарат политической и физической экономии, научные положения своих предшественников о роли живого и неживого в продолжении жизни на земле, земледельческого труда и разума в сохранении и преобразовании энергии.

М. Руденко удалось, преодолевая К. Маркса, прийти к Ф. Кенэ, наполнить экономическую науку новым содержанием, выходящим за ее академические рамки, превратив ее из «науки, от которой зависит жизнь на земле» [282, с. 394], в науку, благодаря которой жизнь на земле продолжается.

Ключевую роль в понимании сущности энергии прогресса играет подход М. Руденко к классификации богатства на абсолютное и относительное. Следуя воззрениям физиократов, он к абсолютному богатству отнес прирост органического вещества в земледелии. Все остальные виды богатства — богатство относительное — и овеществленный труд, и добытая из земных недр солнечная энергия предыдущих эпох.

Источником происхождения абсолютного богатства (абсолютной прибавочной стоимости) является энергия живого, получаемая от

Солнца через фотосинтез. Энергией прогресса, таким образом, является абсолютная прибавочная стоимость. Относительное богатство (относительная прибавочная стоимость), основанное на рассеивании солнечной энергии, создается в результате смены формы неживого. Между абсолютной и относительной прибавочной стоимостью существует взаимосвязь. Вторая из них возникает за счет первой. Человеческий труд, овеществленный в относительных благах, выступает в качестве фактора возрастания абсолютной прибавочной стоимости, а, следовательно, — умножения абсолютного богатства. От равновесия между абсолютным и относительным богатствами зависит состояние биосферы, земледелия, экономики в целом, социального положения широких слоев населения.

Уподобляя богатство капиталу, М. Руденко, прибегнув к аналогии, проводит параллель между абсолютным и относительным капиталом, что позволило ему осмыслить суть равновесного развития земледелия. С этой целью он предложил собственную формализованную модель капитала (формулу энергии прогресса):

$$K = E - F,$$

где K — капитал, E — энергия прогресса, F — количество энергии.

Из приведенной формулы следует, что капитал — это абсолютная прибавочная стоимость за вычетом из нее относительной стоимости и государственных расходов.

Энергия прогресса делится на пять равновеликих единиц, а условная единица объема продукции распределяется по таким направлениям: две пятых (в виде соломы и травы) — для кормления животных (одна пятая) и удобрения земли органикой (одна пятая); три пятых (в виде зерна) — для потребления производителями этой продукции (одна пятая), работниками промышленности (одна пятая) и удовлетворения потребностей государства (одна пятая).

Следовательно, основу прогресса составляют три пятых продукции земледелия (две пятых в виде соломы и травы и одна пятая в виде зерна, потребляемого крестьянами), остальные две пятых — это относительное богатство. Таким образом, капитал как абсолютная прибавочная стоимость измеряется тремя продуктивно-энергетическими единицами. Если капитал, выводимый из космической субстанции, владеет меньшим количеством равновеликих единиц вследствие нарушения физико-экономического равновесия, начинает доминировать энтропия. В понимании М. Руденко регуляторами равновесия

абсолютного и относительного богатств выступают верхний слой земного шара (гумус), являющийся аккумулятором солнечной энергии, и человеческий труд (генератор энергии) [282, с. 372].

Из формулы энергии прогресса М. Руденко вытекает, что государство, промышленность и городские жители являются энтропийными феноменами, поскольку они потребляют две пятых земледельческой продукции в виде зерна. Исходя из этого их участие в разрешении проблем сельского бытия должно быть более деятельным. Следует перейти от потребительского отношения к селу к созидательному, осуществив в соответствии с логикой рынка энергетическое перераспределение между селом и городом в виде финансовых дотаций селу.

Непреходящее значение для будущего имеет вывод М. Руденко о том, что абсолютный капитал основывается на той части нового урожая, которая остается в элеваторах и является экономической базой самого существования нации. Если сделать 100 млн тонн товарного зерна реальностью, считал он, тогда проблемы газа и нефти отпадут сами собой. Для этого следует строить зернохранилища, зерновозы, зерновые порты и продавать зерно тогда, когда мировая цена на него станет выгодной. В этом суть экономической стратегии Украины. Пшеница как универсальный товар, товар всех товаров должна стать эталоном стоимости в виде ее тонны или центнера [282, с. 388, 392].

Кроме пшеницы, М. Руденко к абсолютному капиталу относил землю, солому, животных и навоз как энергетические безальтернативные ресурсы [282, с. 98].

Подчеркивая взаимосвязь абсолютного и относительного богатств, М. Руденко [282, с. 295] указывал, что относительная прибавочная стоимость производит абсолютную прибавочную стоимость, когда капитал проходит обогащающий цикл в земледелии. Здесь он дополняется энергией Солнца, чтобы начать новую спираль, которая ведет вширь и вверх. Это и есть прогресс.

Среди пяти общественно-хозяйственных архетипов, формирующих каркас зерновой цивилизации, к производящим абсолютное богатство, относятся зерновая нива и животноводческая ферма. В производстве относительного богатства принимают участие мастерские, ветряная и водяная мельницы, лесопилка, кочегарка, паровая машина. Первые из них вследствие постоянного усовершенствования способны стать антиэнтропийными фотосинтетическими эколого-экономическими системами, вторым надлежит трансформироваться в энтропийные технико-экономические, ан-

тиэнтропийные нефотосинтетические энергетические и энтропийные энергетические системы.

Креативный характер познавательного потенциала отечественной школы физической экономии заключается в установлении аналогии между процессами, которые происходят в абиотической среде, биосфере, техносфере и ноосфере, являющихся предметом изучения различных наук. Это, в свою очередь, побуждает ученых к использованию методов исследования, применяемых не только в экономической науке, а и в природоведческих и общественных науках.

Энергия прогресса М. Руденко приобретает новое наполнение в ее сопоставлении с космической антропоэкологией А. Чижевского [337], рассматривающего жизнь Планеты взятую в целом, с ее атмосферы, гидросферы и литосферы, а также со всеми растениями, животными и со всем населяющим Землю человечеством как жизнь одного общего организма. Вместе с тем, с точки зрения космической антропоэкологии, на физическую и органическую жизнь Земли влияют радиации Вселенной, связывающие внешнюю часть планеты непосредственно с космической средой.

Согласно физико-экономическому учению, несмотря на изменения относительной общей массы Земли — ее абиотической составляющей, биосферы и ноосферы, общая масса планеты остается приблизительно одинаковой. Однако для оценки способности Земли влиять на солнечную систему в целом требуется, как считает Л. Ларуш [121], изучение данных о том, что абиотическая масса уменьшается относительно биосферы, а биосфера уменьшается относительно ноосферы. В этом смысле жизнь оказывается сильнее абиотического, а творческие силы разума индивида являются большей силой во Вселенной, чем принцип биосферы.

Вклад Л. Ларуша [86] в развитие научных положений физической экономии заключается в обосновании универсального физического принципа, который по отношению к экономике выступает в виде функции потенциальной относительной плотности населения. Эта функция обнаруживает себя через развитие (рост экономической стоимости территории), проявляющейся в увеличении потенциала физического производства энергии и материальных благ в натуральных показателях на душу населения и на квадратный километр избранного измерения ареала заселения.

Таким образом, физическая экономия ориентирует человечество на наполнение хозяйственной жизни антиэнтропийным содер-

жанием, что обеспечивается сознательной деятельностью через ее влияние на энергетические потоки. Сила этого влияния зависит от внутренней энергетики человека. Эта зависимость получила свое отражение в теории этногенеза Л. Гумилева [54, с. 67]. Ключевую роль в этой теории занимает категория пассионарности, определяемая как эффект энергии живого вещества и проявляющаяся в стимулах той или иной деятельности. Эта материализованная в человеческих поступках энергетическая заряженность реализуется в биомассе. В соответствии с теорией этногенеза каждый этнос, как и отдельный индивид, владеют своим собственным, отличным от других, запасом энергии и уровнем пассионарности и соответствующим стереотипом поведения. Деятельность той или иной этнической общности прямо пропорциональна уровню пассионарного напряжения — массе пассионарности, поделенной на количество особей, составляющих определенный этнос [55, с. 265].

Проблематика, составляющая предметное исследовательское поле физической экономии, связана с разработкой и внедрением концепции устойчивого развития. В современной научной мысли сформировалось несколько упрощенное понимание этой исследовательской парадигмы, как исключительно гаранта экономической безопасности будущих поколений землян. Такое понимание устойчивого развития берет свое начало от известной работы Д. Медоуз «Пределы роста» (1972) и выводов комиссии ООН, возглавляемой Г. Х. Брундтланд, опубликованных в ее отчете «Наше общее будущее» (1987).

На самом деле познавательное и практическое значение концепции устойчивого развития является всеохватывающим, о чем свидетельствует история зарождения самой идеи устойчивого развития. Еще в 1920-е годы советский аграрный экономист Н. Огановский [41] ввел в научный оборот понятие «устойчивое развитие производственных сил», под которым он понимал сбалансированное развитие растениеводства, животноводства и городской индустрии, при котором они стимулируют друг друга. Это, в свою очередь, предусматривало не только самоудерживающийся экономический рост, а обновление и приумножение использования человеком трех органических благ природы — флоры, фауны и грунта. Предложенный этим автором интегральный критерий определения прогресса хозяйственной деятельности человека — содействовать природе в процессе производства материальных благ — в полной мере отвечает как принципам физической экономии, так и концепции устойчивого развития,

которая основывается на комплексном, сбалансированном, согласованном и гармоничном развитии экономической, экологической и социальной составляющих сложных объектов, к которым относятся сельские территории.

Идея связи между природными, экономическими и социальными процессами, составляющая сущность и содержание устойчивого развития, приобрела новое содержание с наступлением современного этапа глобализации. Прежде всего, с новой силой встал вопрос о возможности экономического роста и удовлетворения возросших потребностей человечества в товарах и услугах в условиях ограниченных возможностей окружающей природной среды.

Одним из первых, кто указал на пути разрешения указанной проблемы, был Г. Дейли [56, с. 200], предложивший использовать в качестве критериев устойчивого развития такие физические параметры, как количество использованных ресурсов и производимых товаров. Обеспечение устойчивого развития, по Г. Дейли, заключается в том, чтобы удерживать экономическую систему в определенном состоянии, без увеличения ее масштаба сверх размера, выходящего за пределы поддерживающих возможностей окружающей природной среды. Здесь заданными являются физические количественные параметры, а переменными — нефизические качественные характеристики. Коррекция развития происходит путем совершенствования качественных параметров, а не количественного роста.

В контексте такого подхода устойчивость, равновесие предстают как баланс между экономической и биофизической системами, а развитие понимается как такое, которое происходит с использованием ресурсов без увеличения ресурсопотока, а именно без его выхода за пределы регенеративных и поглощающих возможностей природной среды. Таким образом, разрешается противоречие между необходимостью экономического роста и устойчивостью природопользования. В отрасли агропродовольственного производства экономический рост обеспечивается за счет: сокращения удельных затрат сельскохозяйственного сырья и энергоресурсов на единицу продукции конечного потребления посредством использования современной техники и новейших технологий; ограничения потребления материальных благ физиологически необходимыми объемами; внедрения эколого-экономических механизмов регулирования экономического поведения (налоги, сборы, компенсационные выплаты, штрафы и пр.). При этом созданные общественные блага в стоимостном выражении

должны превышать используемые ресурсы и нанесенный вред, а добытые, невозпроизводимые ресурсы следует использовать для противодействия энтропийным процессам. Речь идет о необходимости соблюдения определенных пропорций распределения и перераспределения ресурсов и готовой продукции, что соответствует исходным принципам физической экономики.

Вместе с тем было бы преувеличением утверждать, что концепция устойчивого развития достигла своих завершенных форм. Однако для этого созданы определенные предпосылки, в частности разработаны принципы устойчивого развития: постоянства процессов развития; гармоничности развития человека; социальной справедливости.

Соответствие принципу постоянства процессов развития предусматривает формирование такого типа общественного развития, который основан на идее согласования темпов экономического и социального развития с возможностями природных систем обеспечивать эти темпы минеральными и биологическими ресурсами, с одной стороны, и ограничивать пределами способности биосферы к ассимиляции негативных воздействий хозяйственной деятельности — с другой.

Следование принципу гармоничности развития человека предполагает удовлетворение физических, духовных и иных потребностей современного человека на протяжении всей жизни и расширение возможности выбора.

Реализация принципа социальной справедливости означает обеспечение возможности равного доступа граждан ко всем видам ресурсов для поддержания экономических предпосылок воспроизводства и развития человека.

Для имплементации указанных принципов в практику хозяйствования и устройства жизненного пространства необходимо консолидировать различные подходы к пониманию смысла и общественного предназначения устойчивого развития (рис. 4.1).

Экономический подход основан на представлении о необходимости постоянного роста темпов объемов производства продукции, оказания услуг, получения максимальной прибыли (минимизации издержек) и повышения доходности. Стабилизирующими факторами развития при этом являются качественное улучшение производственного процесса за счет совершенствования средств производства, использования инновационных технологий и оптимизации общественного потребления.

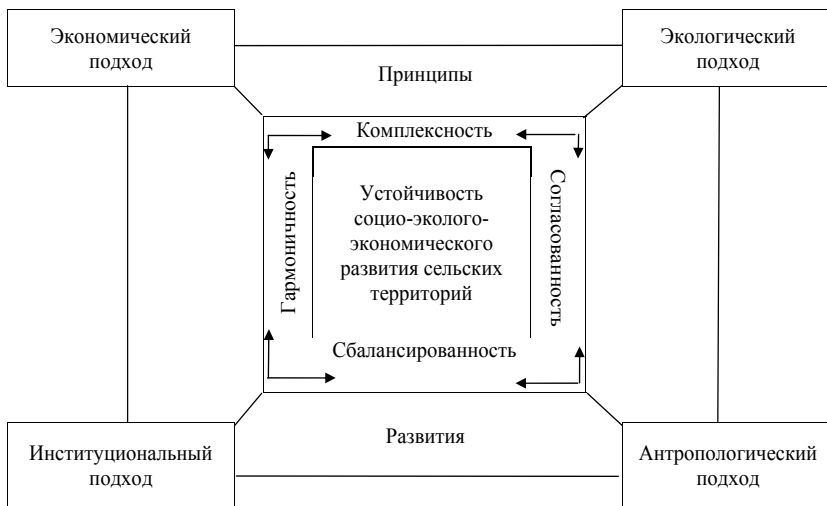

Рис. 4.1. Подходы к определению устойчивого развития сельских территорий

Экологический подход предполагает защиту природной среды путем уменьшения на нее техногенной нагрузки, утилизации отходов.

Антропогенный подход связан с рассмотрением человека как цели и средства общественного производства, сознательным выбором им такой модели поведения, которая базировалась бы на формировании физиологически ограниченного потребления продуктов материального (физического) происхождения.

Институциональный подход ориентирован на разработку и внедрение новой системы ценностей, морали, права, совершенствование институтов публичной власти и гражданского общества, назначением которых является формирование и реализация модели устойчивого развития сельских территорий.

Таким образом, устойчивое (сбалансированное) развитие возможно на основах комплексного подхода, учитывающего тесную взаимосвязь между экономической, экологической и социальной составляющими сельских территорий.

Однако на этом пути существуют препятствия, связанные с отсутствием в Украине нормативно-правовой базы устойчивого развития, если не принимать во внимание Концепцию устойчивого развития населенных пунктов [244].

В этом документе устойчивое развитие населенных пунктов определяется как социально, экономически и экологически сбалансированное развитие городских и сельских поселений, направленное на создание их экономического потенциала, полноценной жизненной среды для современных и будущих поколений на основе рационального использования ресурсов, технологическую переоснащенность и реструктуризацию предприятий, усовершенствование социальной, производственной, транспортной, коммуникационно-информационной, инженерной, экологической инфраструктуры, улучшение условий проживания, отдыха и оздоровления, сохранение и обогащение биологического разнообразия и культурного наследия. Для современного состояния населенных пунктов, как отмечается в Концепции, характерна чрезмерная концентрация населения и производства в больших городах, неэффективное, замедленное развитие большинства средних и малых городов, поселков и сел. С целью преодоления негативных тенденций развития населенных пунктов в Концепции определены основные направления государственной политики обеспечения их устойчивого развития, в частности:

- согласованность социального, экономического, градостроительного и экологического аспектов развития населенных пунктов и окружающей территории;

- рациональное использование земельных, водных, рекреационных и других природных ресурсов, создание условий для их возобновления;

- совершенствование социальной инфраструктуры населенных пунктов с целью создания условий для развития дошкольного воспитания, образования, культуры, охраны здоровья, физической культуры и отдыха, улучшения демографической ситуации;

- формирование полноценной жизненной среды, сбалансирования социально-экономического развития поселений и прилегающих к ним территорий;

- поддержка села с целью предупреждения создания критической урбанизации и предотвращения создания критических диспропорций между количеством населения в городах и селах.

Анализ основных положений Концепции свидетельствует о недостаточности предусмотренных в ней мер, их опосредованном влиянии на достижение устойчивого развития сельских территорий. Существует объективная потребность в разработке более системного по охвату проблематики и составляющих самого процесса устойчивого

развития, нормативно-правового акта, в котором, с одной стороны, были бы определены направления, способы и средства преодоления диспропорций между сельской и городской территориальной подсистемами общества и обеспечения баланса и гармонии между экономической, экологической и социальной составляющими сельских территорий — с другой.

Значительным научным потенциалом для решения указанных задач обладает социэкономика — новое междисциплинарное направление, зародившееся в конце 1980-х годов в США благодаря трудам и усилиям организационного характера А. Этциони. С тех пор социэкономика получила свое распространение более чем в пятидесяти странах мира, в том числе и в Украине. Несмотря на существование различных географических корней и версий социэкономике, отражающих национальные особенности тех или иных стран, индивидуальные предпочтения исследований, общим для этой отрасли знаний является то, что она изучает взаимосвязь между разными сферами общественной жизни сквозь призму социальности и интеграции экономических, социальных, духовных и политических процессов.

Примечательно, что первые публикации социэкономической направленности в Украине были связаны с проблемами развития агропродовольственной сферы [38; 197; 214; 351]. Первоочередное обращение экономистов к научному арсеналу социэкономике в целях разрешения проблем сельско-территориального развития В. Юрчишин [351, с. 464] объясняет тем угрожающим состоянием сельских территорий, которое сложилось на протяжении двух последних десятилетий, что обусловило необходимость поиска, практического воплощения и эффективного освоения нетрадиционных научных подходов и практических шагов по преодолению негативных последствий современных аграрных преобразований, проявившихся в огромных социальных, социально-психологических, производственных и экономических потерях.

Фундаментальность и социально-экономическая значимость научных положений социэкономике основаны на ее методологических принципах:

— справедливости социального устройства, в соответствии с которым общественные трансформации должны осуществляться эволюционно, без социального насилия, с обеспечением равного доступа ко всем видам ресурсов с целью воспроизводства и развития человека;

– общественной значимости экономического развития, которое не является самоцелью, а призвано способствовать улучшению жизни человека;

– гуманизма, направленного на реализацию потребностей человека разумного, экономического и социологического, что требует смещения акцентов с производства для обмена на производство самого человека;

– взаимосвязи экономики и социума, что означает подчинение целей экономического развития общественно значимым интересам и потребностям;

– социального характера экономических действий, что определяется ценностными ориентациями людей.

Социоэкономика не только ставит в центр своего внимания вопрос о получении человеком пользы и удовольствия от потребления товаров и услуг, а одновременно обращает внимание на моральную сторону самого процесса производства благ через оценку средств, которые используются для достижения этой целевой установки. В первую очередь, это касается товаропроизводителя, целью деятельности которого является получение прибыли в процессе удовлетворения общественных потребностей. Общественный характер предназначения деятельности субъекта хозяйствования не должен отодвигать на второй план социальный аспект этой деятельности и механизм формирования прибыли.

В свете выдвинутого социоэкономического требования уместно обратиться к научному наследию академика И. Лукинова [127; 126, с. 12], который еще в 1990-е годы акцентировал внимание научной общественности, политиков и бизнесменов на необходимости социальной переориентации экономики переходного периода, формировании эволюционным путем модели высокоразвитой, социально ориентированной экономики, направленной на обеспечение достойной жизни человека и общества, нормального процесса демовоспроизводства.

Эта задача приобретает особую теоретическую и практическую актуальность для определения перспектив социально-экономического развития сельских территорий. Прежде всего это касается самого общественного предназначения этих природных и социально-пространственных образований, их функций. Изначально асоциальной является функциональная модель сельских территорий, ориентированная на обеспечение продовольственной безопасности

без гарантий компенсирующей роли государства и города в создании надлежащих условий жизнедеятельности сельского населения, его воспроизводства. В связи с этим возникает вопрос о цене продовольственной безопасности для крестьянства, сельских жителей в целом.

В Украине сложилась дуальная структура сельского хозяйства, представленная двумя типами производителей сельскохозяйственной продукции — сельскохозяйственными предприятиями, а также фермерскими хозяйствами и хозяйствами населения, на долю которых в 2012 году приходилось производство 50,7 % и 49,3 % сельскохозяйственной продукции — соответственно [29, с. 20]. Следует также учитывать, что количество занятых в индивидуальном секторе втрое больше, чем в корпоративном секторе. Однако фермерские хозяйства и хозяйства населения лишены доступа к современной технике и технологиям, практически не получают государственной поддержки. Зато 450 крупнейших предприятий (5,2 % от их общей численности) получают от государства 68,5 % дотаций и выплат, удельный вес которых составляет 13,2 % суммы годового выторга от реализации растениеводческой продукции [325, с. 10]. В результате сложилась ситуация, при которой на одном полюсе, представленном корпоративным сектором, сосредоточивается почти вся прибыль, а на другом — индивидуальном, хозяева земельных участков едва выживают, прилагая для этого огромные физические усилия.

Большие опасения вызывает демографическая ситуация на селе. В 3,6 тыс. сел (12,5 % от их общей численности) на протяжении последних пяти лет не родилось ни одного ребенка, а в 3 тыс. сел нет детей младше пяти лет [325, с. 39].

Товарооборот розничной торговли и ресторанного хозяйства в 2012 году в сельской местности был в 11 раз меньше, чем в городах [324, с. 149].

Деградация сельской социальной среды, унижительное положение крестьянства не только не стимулируют эффективный сельскохозяйственный труд, но и угрожают воспроизводству целого социального слоя, от которого зависит продовольственное обеспечение страны. Выход из ситуации заключается в реализации крестьянскоцентристской модели сельского развития на основах социоэкономического подхода [351, с. 475, 476], что принесет такие результаты:

– на основе увеличения инвестиций в человеческий и социальный капитал села возрастет роль территориальных общин в реализации экономических и политических интересов, наладится конструктив-

ный социальный диалог между государством, бизнесом и населением в повышении взаимной ответственности за будущее аграрного сектора и села;

– повысятся возможности сельского населения в определении и реализации приоритетов развития в экономической, экологической и социальной сферах, что будет способствовать формированию в селах самодостаточной экономики, улучшению окружающей среды, расширению доступа населения к потребительским благам и услугам;

– создадутся условия для преодоления диспропорций в отраслевой, продуктовой и организационной структурах аграрного сектора через более полное привлечение к этому процессу домохозяйств и общин;

– увеличатся доходы сельских домохозяйств на основе их полного привлечения к производственной деятельности корпоративного сектора через создание организационных механизмов их взаимодействия и включения в технологическую цепочку формирования добавленной стоимости;

– эффективнее станет государственная поддержка аграрного производства и развития сельской местности посредством консолидации бюджетных средств и увеличения прозрачности их использования через распределение на конкурсной основе;

– увеличится общий объем финансирования аграрного и сельского развития на многоканальной основе путем объединения инвестиционных ресурсов, благотворительных взносов и других источников.

Внедрение социоэкономической модели развития сельских территорий требует коренного изменения общественной психологии, формирования мировоззрения, адекватного этой модели.

Учитывая познавательный потенциал физической экономики, концепции устойчивого развития и социоэкономики, огромную научную актуальность и практическое значение приобретает его использование при определении тенденции развития сельских территорий.

4.2. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Определение тенденций развития сельских территорий предполагает размежевание понятий «развитие сельских территорий» как пространственного образования и «экономическое развитие» как секторного (отраслевого), уяснения сущности развития как такового.

В научной литературе на этот счет существуют разные подходы. Так, А. Филипенко [330, с. 83] трактует развитие как «...процесс усовершенствования тех или иных элементов общественных отношений, материально-вещественных составляющих общества или социально-экономических и материальных систем в целом, переход к принципиально новым качественным характеристикам... Экономическое развитие — это качественные изменения в хозяйственной системе общества, которые обеспечивают количественное наращивание его ресурсного потенциала и качественное усовершенствование базовых элементов формообразующих структур».

Г. Дейли [56, с. 14] при определении границ экономики рассматривал ее как составляющую глобальной природной системы. При этом он считал, что экономика не может ни расширяться до размеров природы, ни уменьшаться до нуля, и поэтому «сегодня... важнейшим заданием является прекращение экспонентного расширения границ подсистемы (экономики) до нынешнего режима экономического империализма, однако сделать это нужно так, чтобы не увлечься соблазнам экономического редукионизма».

И. Стародубровской и Н. Мироновой [304, с. 8, 9] сельское развитие представляется сложным, многосторонним и достаточно противоречивым процессом, последствия которого для сельских территорий и сельских социумов далеко не однозначны. Они связывают экономическое развитие с функционированием на сельских территориях тех или иных видов экономической деятельности, а социальное — с формированием условий жизнедеятельности людей и развитием человеческого капитала. При этом успехи экономического развития могут трансформироваться, а могут и не трансформироваться в улучшение условий жизни населения. В то же время социальное развитие территории в определенной мере возможно и без активной экономической деятельности, хотя очевидно, что потенциал подобного развития достаточно жестко ограничен. Между экономическим и социальным развитием имеется прямая и обратная связь. По мнению данных авторов, развитие не является синонимом показателей роста, а на тех или иных территориях оно протекает по-разному. Наиболее типичными сельскими «территориями роста», на их взгляд, являются те, на которые решающее влияние оказывает близость крупного города. Причем этот рост может проявляться как увеличение численности населения, рост объемов производства продукции и предоставления услуг, удорожание недвижимости как от-

ражение растущей привлекательности территории и т. п. Подобный рост может быть связан с активным развитием какого-либо одного предприятия либо отрасли или формироваться в результате осуществления на территории различных видов деятельности.

На наш взгляд, экономическое и социальное развитие нельзя разделять ни с методологической, ни с практической точек зрения. Несоблюдение этого требования ведет к упадку на сельских территориях деятельности как таковой. Социальное развитие территории возможно без активной экономической деятельности на ней при его финансировании за счет бюджетных средств или оказания социально-культурных услуг на коммерческой основе. Что касается влияния фактора близости крупного города на развитие сельских территорий, то оно носит противоречивый характер. В одном случае пригородные территории при наличии на них достаточных ресурсов выполняют ряд обслуживающих по отношению к городу функций и развиваются как самостоятельные «точки роста», в другом — поглощаются городом, превращаются в его агломерационную составляющую.

Х. Притула [219, с. 140–141] рассматривает развитие сельских территорий как часть хозяйственного комплекса региона, являющегося динамичным процессом, направленным на обеспечение его экономически эффективного, экологически безопасного, социально ориентированного воспроизводства в целях повышения качества жизни сельского населения.

В данном определении точно указаны целевая установка и сущность развития сельских территорий как сбалансированного, которые отвечают принципам концепции устойчивого развития и социально-экономического подхода. Однако нельзя согласиться с отнесением сельских территорий к хозяйственному комплексу, скорее наоборот, этот комплекс составляет один из компонентов сельских территорий как полиструктурного пространственного образования.

Исходя из определения сельских территорий как сложной, многоуровневой и полифункциональной системы, развивающейся на основе научных положений физической экономии, концепции устойчивого развития и социозкономики, предлагаем определение цели и принципов их развития (рис. 4.2.).

Целью развития сельских территорий является воспроизводство их людского, производственного, социального и природного потенциала. Этот процесс, с учетом современного состояния этих природных и социально-пространственных образований, состоит из двух

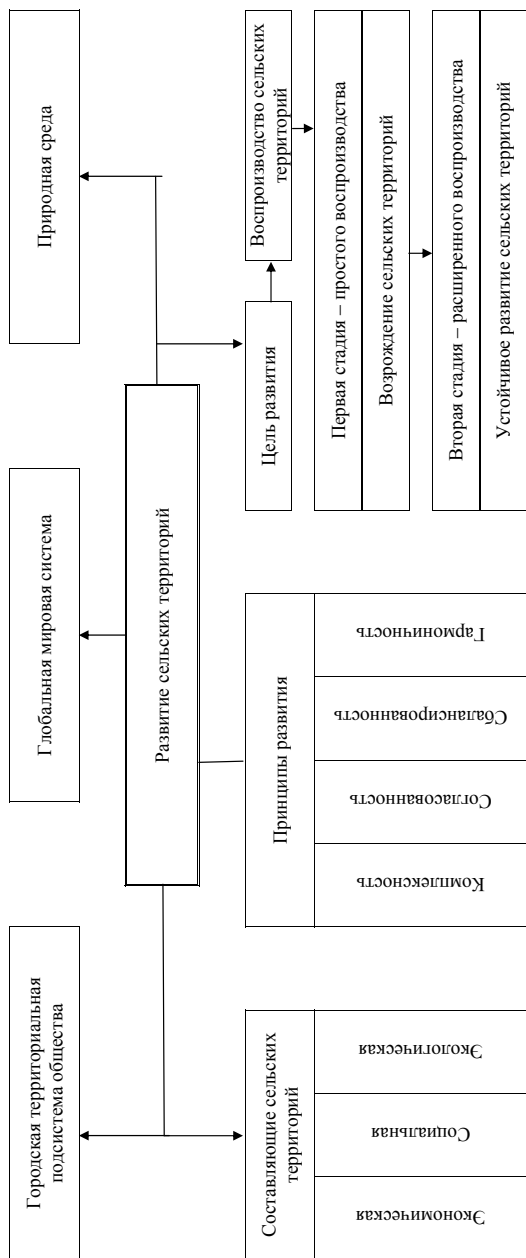

Рис. 4.2. Цель и принципы развития сельских территорий

стадий. На первой стадии обеспечивается их простое воспроизводство, на второй — расширенное воспроизводство. Временные рамки процесса воспроизводства зависят прежде всего от темпов возрождения сельских территорий.

Сельские территории развиваются в определенной природной среде, в тесной взаимосвязи с городской территориальной подсистемой общества и под влиянием глобальной мировой системы. Динамичность и устойчивость развития сельских территорий зависит не только от указанной внешней среды, но и от достижения баланса их экономической, социальной и экологической составляющих, который обеспечивается благодаря соблюдению принципов комплексности, согласованности, сбалансированности и гармоничности. Комплексность предполагает развитие всех составляющих сельских территорий в их единстве и целостности. Следование принципу согласованности означает признание относительной автономии каждой из составляющих объекта развития, их совместную эволюцию в процессе развития. Сбалансированность развития — это уравновешенность между экономической, социальной и экологической составляющими сельских территорий. Гармоничность основана на пропорциональном, равномерном развитии составляющих сельских территорий, учете их интересов. При этом комплексность развития сельских территорий обеспечивает их сбалансированность, а согласованность способствует гармоничности.

Реализация целевой установки развития сельских территорий достигается за счет решения его задач (рис. 4.3).

Анализ развития сельских территорий в территориальном, поселенческом, ресурсном, отраслевом и функциональном измерениях свидетельствует о взаимосвязи между сельским хозяйством как ведущей отраслью сельской экономики и сельскими территориями как социализированным пространством. Сельское хозяйство, как и любой другой вид деятельности, развивается в границах определенного пространственного сегмента, используя его как источник, условия и фактор развития и наполняя это пространство жизнью во всех его проявлениях, а также формируя взаимосвязи и отношения между производством, социумом и природной средой.

Поэтому проблема продуктивной занятости населения на сельских территориях должна разрешаться за счет приложения труда в аграрном секторе экономики. Это позволяет достичь одновременно нескольких целей развития: рационального использования природных

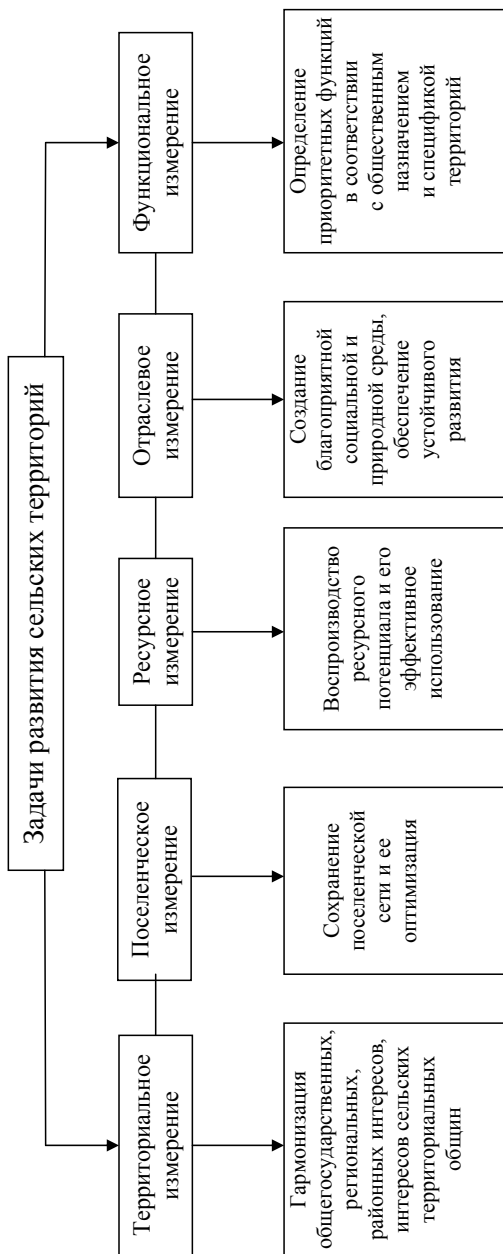

Рис. 4.3. Задачи развития сельских территорий Украины

ресурсов, наполнения местных бюджетов, воспроизводства сельского хозяйства, усовершенствования производственной и социальной инфраструктуры, улучшения жизненного уровня крестьян, всего сельского населения.

Реальное представление о том, насколько динамично развивается аграрное производство в Украине в целом и в разрезе отдельных регионов, дают статистические данные, содержащиеся в таблице 4.1.

Производство сельскохозяйственной продукции в сопоставимых ценах в 2012 году составило 78,95 % от уровня 1990 года. Позитивная динамика по указанному показателю присуща только Закарпатской, Ивано-Франковской, Киевской и Черкасской областям. Наиболее замедленные темпы производства характерны для АРК, Запорожской, Одесской, Николаевской и Житомирской областей, расположенных в зонах рискованного земледелия и радиоактивного заражения.

Если взять за точку отчета 2000 год, то здесь картина выглядит благополучнее. Прежде всего, это касается показателей производства зерновых культур, которые в 2012 году выросли в целом по стране в 1,9 раза (в сравнении с 2013 и 2014 годами — в 2,5 раза), в том числе по кукурузе на зерно в 5,4 раза, а по пшенице — в 1,5 раза, подсолнечнику — в 2,4 раза. Рост сопоставимых показателей производства риса составил 9,1 раза, сои — 37,6 раза [324, с. 93]. Однако этот рост сопряжен со значительным экологическим ущербом, нанесенным сельскохозяйственным землям в результате нарушения севооборота и интенсивного использования грунтов.

Другая негативная тенденция развития сельского хозяйства связана с нарушением баланса между растениеводством и животноводством. Животноводческая отрасль находится в упадке, характерным признаком которого является сокращение поголовья скота и птицы (табл. 4.2).

Наметившийся внутриотраслевой дисбаланс противоречит основополагающим установкам физической экономики о сохранении и превращении энергии. Положительная динамика движения поголовья присуща только птице за счет его 466 % прироста на сельскохозяйственных предприятиях. На промышленную основу в корпоративном секторе поставлен и откорм свиней, поголовье которых выросло на 147,3 %. Вместе с тем, 67,5 % поголовья крупного рогатого скота приходится на хозяйства населения, в том числе 77,4 % поголовья коров. Здесь содержится также большая часть поголовья свиней (53,0 %), 84,7 % — овец и коз.

Таблица 4.1

Продукция сельского хозяйства по регионам Украины [305, с. 135]

(в постоянных ценах 2010 года; млн грн)

Области	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2012 г.
Украина	282774,2	183890,3	151022,2	179605,8	194886,5	223254,8
АР Крым	11337,5	6025,6	4938,2	5294,6	7360,4	6665,0
области						
Винницкая	17729,0	11957,7	9539,6	10510,4	12601,3	14492,2
Волынская	7952,5	4757,8	4366,1	5009,2	5273,3	6183,5
Днепропетровская	14624,9	10100,9	8046,2	10801,2	12348,3	11535,4
Донецкая	13934,9	9161,7	7911,1	9988,5	9577,4	10863,2
Житомирская	11097,2	7648,0	5742,9	6088,5	6344,8	7945,3
Закарпатская	4184,4	3340,6	3272,4	3739,3	3838,3	4207,3
Запорожская	12890,6	7699,0	6136,3	7611,0	7642,5	7083,2
Ивано-Франковская	5490,8	4459,2	4031,9	4251,9	4567,7	5501,5
Киевская	14160,1	10140,3	7644,1	10164,4	11490,7	14791,1
Кировоградская	12344,2	7841,1	5997,3	8404,0	8505,1	8963,9
Луганская	9661,1	5599,2	3984,4	5935,5	4951,6	6280,2
Львовская	10352,1	6920,8	6971,6	7129,7	7370,8	8753,4
Николаевская	10621,5	6195,2	4365,9	6064,5	7462,2	6936,5
Одесская	13599,8	7978,4	7914,3	9003,0	9381,1	8046,9
Полтавская	16180,8	10732,9	7038,7	10307,6	10999,2	13399,8
Ровенская	7746,2	5161,8	4391,3	4781,5	5401,8	6190,1
Сумская	11736,0	7385,9	5968,7	5986,1	5751,8	8227,8
Тернопольская	9531,4	6341,4	5273,1	5267,8	5825,6	7949,3
Харьковская	15632,8	10208,8	8730,0	11206,1	8946,1	12198,8
Херсонская	10346,7	5768,0	5550,0	6435,2	8142,3	8334,2
Хмельницкая	12759,8	8968,9	7375,2	6995,5	8376,3	11162,2
Черкасская	11276,5	7522,3	6532,8	8257,1	12318,3	14028,8
Черновицкая	4805,8	3444,3	3044,2	3645,5	3899,1	4363,3
Черниговская	12777,6	8530,5	6255,9	6966,4	6510,5	9151,9

Значительное сокращение удельного веса животноводства в отраслевой структуре сельского хозяйства в разрезе сельскохозяйственных предприятий отрицательно сказалось на производстве этого вида продукции в расчете на одного сельского жителя (табл. 4.3).

По данным, приведенным в таблице, производство растениеводческой продукции в денежном выражении превысило производство животноводческой продукции в целом по стране — более чем в два раза, в том числе и в расчете на одного сельского жителя. Исключение

Таблица 4.2

Поголовье скота и птицы в хозяйствах Украины [324, с. 98]

(на конец года; тыс. голов)

Виды скота и птицы	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Хозяйства всех категорий							
Крупный рогатый скот	9424	6514	5079	4827	4494	4426	4646
Коровы	4958	3635	2856	2737	2631	2582	2554
Свиньи	7652	7053	6526	7577	7960	7373	7577
Овцы и козы	1875	1630	1727	1833	1732	1739	1738
Птица, млн голов	123,7	162,0	177,6	191,4	203,8	200,8	214,1
Сельскохозяйственные предприятия							
Крупный рогатый скот	5037	2492	1720	1627	1526	1511	1507
Коровы	1851	866	624	605	589	584	575
Свиньи	2414	2602	2731	3308	3625	3319	3557
Овцы и козы	413	271	300	316	299	290	265
Птица, млн голов	25,3	66,6	88,0	100,4	110,5	105,7	117,9
Хозяйства населения							
Крупный рогатый скот	4387	4022	3359	3200	2968	2915	3139
Коровы	3107	2769	2232	2132	2042	1998	1979
Свиньи	5238	4451	3795	4269	4335	4054	4020
Овцы и козы	1462	1359	1427	1517	1433	1449	1473
Птица, млн голов	98,4	95,4	89,6	91,0	93,3	95,1	96,2

в этом отношении составляют Ивано-Франковская и Закарпатская области, в которых абсолютное и относительное производство животноводческой продукции превышает производство растениеводческой продукции на 119,8 % и 102,4 % — соответственно. Близки к паритету эти показатели в АРК. Наибольшие диспропорции в производстве растениеводческой и животноводческой продукции имеют Кировоградская (3,49:1) и Херсонская (3,20:1) области. Превышение среднего показателя по стране отмечено в Луганской, Одесской, Николаевской, Полтавской, Сумской, Тернопольской, Харьковской, Хмельницкой, Черниговской областях.

Несмотря на увеличение начиная с 2000 года темпов роста растениеводческой продукции, по уровню урожайности зерновых и зернобобовых культур Украина значительно уступает странам-лидерам: 37 ц/га против 77,2–64,0 ц/га у Нидерландов, Австрии,

Великобритании, США, Франции, Швейцарии, Германии [290, с. 384]. Поэтому главным фактором, обеспечивающим 26 % долю аграрного сектора в структуре украинского экспорта, является высокий уровень распаханности земель, достигший своего максимума в Тернопольской (83 %), Винницкой (79 %), Черкасской (78 %), Кировоградской (70 %) областях. Другая крайность заключается в несоответствии землепользования региональному спросу на продовольствие в Днепропетровской, Донецкой, Луганской областях, где уровень распаханности не превышает 25 %. Согласно расчетам специалистов [175, с. 7, 8] (с учетом промежуточного потребления и при условии существенного повышения продуктивности производства) для удовлетворения внутренних потребностей Украины достаточно 20,6 млн га сельскохозяйственных угодий: 12,3 млн га пашни, 5,5 млн га сенокосов и 2,8 млн га пастбищ, что соответствует положениям Концепции сбалансированного развития агроэкосистем в Украине на период до 2025 года.

Поддерживая экспортоориентированное развитие сельского хозяйства, следует учитывать требования агрономической науки относительно: соблюдения севооборота; регулирования структуры посевов с ограничением удельного веса технических культур; увеличения поголовья сельскохозяйственных животных, что позволит обеспечить растениеводство органикой; принятия мер по предотвращению угрозы истощения грунтов, эрозийных процессов

Таким образом, аграрно-отраслевые изменения на сельских территориях характеризуются недостаточно высокой динамикой производства сельскохозяйственной продукции, увеличением удельного веса пашни под зерновыми и техническими культурами, упадком животноводства, архаизацией сельской экономики, проявляющейся в поддержании на протяжении последних десяти лет паритета в производстве аграрной продукции между хозяйствами населения и сельскохозяйственными предприятиями.

Отдельного внимания заслуживает тенденция холдингизации сельскохозяйственных предприятий и ее влияния на развитие сельских территорий. Речь идет о рисках, связанных с их деятельностью. Первый из них состоит в концентрации у десяти крупнейших агрохолдингов 3 млн га обрабатываемых сельскохозяйственных земель [74, с. 74], что несет в себе угрозу потери значительной частью крестьян доходов от земельных участков, находящихся в их собственности. Такая перспектива лишит сельских жителей не только источ-

Таблица 4.3

Производство продукции сельского хозяйства по регионам Украины в расчете на одного сельского жителя*

Области	Численность сельского населения на 01.01.2013 г.	Валовая продукция в 2012 г.		В том числе			
		вся, млн грн	в расчете на одного сельского жителя, грн	растениеводства		животноводства	
				вся, млн грн	в расчете на одного сельского жителя, грн	вся, млн грн	в расчете на одного сельского жителя, грн
Украина	14174408	223254,8	15750,4	149233,4	10528,3	74021,4	5222,1
АР Крым	732042	6665,0	9104,6	3389,8	4629,5	3275,2	4475,1
Винницкая	810977	14492,2	17869,8	10459,7	12896,7	4032,5	4973,1
Волынская	498523	6183,5	12402,6	3485,2	6990,6	2698,3	5412
Днепропетровская	544576	11535,4	21181,6	6999,2	12852,2	4536,2	8329,4
Донецкая	411286	10863,2	26412,2	6647,8	16161,5	4215,4	10250,7
Житомирская	528154	7945,3	15042,9	5109,2	9673,3	2836,1	5369,6
Закарпатская	787993	4207,3	5338,8	2078,6	2637	2128,7	2701,8
Запорожская	409569	7083,2	17293,7	4965,2	12122,4	2118	5171,3
Ивано-Франковская	782219	5501,3	7032,5	2502,7	3198,5	2998,8	3834
Киевская	657279	14791,1	22503,3	9230,7	14042,7	5560,4	8460,6

Кировоградская	374689	8963,9	23921,1	6969,4	18599,4	1994,5	5321,7
Луганская	297540	6280,2	21106,4	4425,7	14871,9	1854,5	6234,5
Львовская	994564	8753,4	8800,8	5200,3	5228,4	3553,1	3572,4
Николаевская	377356	6936,5	18380,5	5030,5	13329,5	1906	5051
Одесская	793037	8046,9	10145,8	5883,1	7418,3	2163,8	2727,5
Полтавская	566159	13399,8	23666,4	9959,1	17590,4	3440,7	6076
Ровенская	603786	6190,1	10251,9	3971,9	6576,8	2218,2	3675,1
Сумская	367501	8227,8	22386,3	6183,4	16840,7	2044,4	5545,6
Тернопольская	602089	7949,3	13202,3	5880,0	9765,9	2069,3	3436,4
Харьковская	539484	12198,8	22610,4	8999,3	16680,7	3199,5	5929,7
Херсонская	418747	8334,2	19902,2	6351,3	15166,6	1982,9	4735,6
Хмельницкая	584943	11162,2	19082,2	7980,2	13642,3	3182	5439,9
Черкасская	553561	14028,8	25341,3	8106,3	14643,3	5922,5	10398
Черновицкая	521510	4363,3	8366	2601,3	4987,4	1762	3378,6
Черниговская	393089	9151,9	23279,7	6823,5	17357,3	2328,4	5922,4

* Составлено по: Населення України за 2012 рік: демограф. щорічн. / Відп. за вип. Г. М. Тимошенко — К.: Державна служба статистики України, 2013. — С. 25; Вало́ва про́дукція сільсько́го господа́рства Украї́ни (у по́стійних цінах 2010 р.) за 2012 рік: стат. бюл. / Відп. завип. О. М. Прокопенко. — К.: Державна служба статистики України, 2013. — С. 14.

ников существования, но и смысла жизни на сельских территориях. Второй риск вытекает из первого. Это — превращение сельских территорий в земельный капитал, приносящий прибыль исключительно крупному бизнесу. При этом развитие получают виды деятельности, дающие быструю отдачу. В итоге сельские территории превратятся в безжизненные пространства.

Такая участь ожидает в первую очередь территории, удаленные от больших городов и не обладающие конкурентными преимуществами.

Выход из создавшейся ситуации заключается, во-первых, в установлении жестокого контроля со стороны государственных органов за процессом холдингизации, прекращении поддержки со стороны государства агрохолдингов, упреждении рисков от их деятельности для социума и окружающей природной среды и в дифференцированном подходе к определению приоритетных направлений развития сельских территорий с учетом их классификационных признаков. В сельском хозяйстве должны быть созданы равные условия для развития субъектов хозяйствования разных организационно-правовых форм, включая сельские домохозяйства, кооперативы, фермерские хозяйства, мелкие, средние и крупные сельскохозяйственные предприятия, что позволит создать естественную конкурентную среду и условия для саморазвития сельских территориальных общин.

Вместе с тем аграрное производство на сельских территориях не является единственным видом экономической деятельности. Сельские территории располагают возможностями для диверсификации хозяйственной деятельности за счет развития несельскохозяйственного производства, оказания различных услуг населению. Речь идет о межотраслевой диверсификации деятельности — различных видах бизнеса в сферах сельского туризма, рекреации, оздоровления, отдыха, торговли, бытового и коммунального обслуживания, социально-культурных услуг. Тот или иной вид деятельности является приоритетным для каждого из видов и типов сельских территорий. Иногда они выступают как дополнительные или альтернативные по отношению к сельскохозяйственному производству. Так, объем доходов АРК от рекреационной деятельности составляет 42 % суммарного показателя в Украине, Карпатского региона — 22 %, Причерноморского — 17 %, Приазовья — 13 %, на долю остальных приходится только 6 % доходов от данной сферы [128]. Большая часть рекреационных объектов расположена на рекреационно-оздоровительных сельских территориях или в небольших курортных городах и поселках.

Как свидетельствует исследование тенденций развития сельских территорий, отраслевые, функциональные, структурные изменения происходят на них не столь стремительно, как пространственные трансформации. В экономической и географической литературе разновидности пространственных измерений определяются как сжатие, поляризация, фрагментация сельских территорий.

Трансформационные пространственные изменения зарубежными и отечественными учеными рассматриваются с позиции цикличности и стадиальности территориального развития. Еще в 1970-е годы югославский экономист Р. Бичанич [355] выдвинул концепцию о поворотных пунктах (точках бифуркации) в динамике сельского хозяйства. Данная концепция основана на учете изменений основных факторов производства (земля, труд, капитал), происходящих в процессе общественной эволюции. На основании этих изменений Р. Бичанич выделил в историческом развитии сельского хозяйства три стадии. На первой стадии (натуральное хозяйство) численность занятых в сельском хозяйстве постоянно растет. Производственный процесс в целом определяется естественной продуктивностью земель, капитал не играет определяющей роли, основными производителями продукции являются крестьяне. На второй стадии происходит падение доли занятых в сельском хозяйстве, осуществляется поворот к товарному рыночному производству. Вследствие урбанизации постепенно исчерпываются плодородные земли, промышленность вытесняет сельское хозяйство как наиболее капиталоемкая отрасль, на первый план выступают коммерческие факторы. На третьей стадии наблюдается интенсификация землепользования, замещение естественного плодородия капиталом посредством развития механизации, мелиорации и химизации, земля утрачивает свое первоначальное значение, численность занятых в сельском хозяйстве резко сокращается. Ключевую роль в экономической жизни начинают играть инвестиции и инновации.

Идея стадиального развития территориально-экономических систем в советской географической науке получила развитие в трудах С. Артобалева, Н. Иоффе, А. Трейвиша [10], которые обратили внимание на связь между изменениями в общественно-политической и экономической системах, синхронизацию экономического и регионального развития. Уже в наше время А. Трейвиш [315, с. 148], развивая концепцию стадиальности регионального развития, выдвинул положение о двух видах сжатия социально-экономического пространства — повышении его проницаемости и сокращении площади освоенных территорий.

Географическая концепция эволюции сельского пространства обстоятельно изложена в трудах Т. Нефедовой. В своей монографии «Сельская Россия на перепутье: географические очерки» [148] она выделяет пять стадий сельской эволюции, соответствующих этапам урбанизации сельских территорий. Первая стадия — природная, когда сельскохозяйственное производство, образ жизни — все вписано в природу. Преобладает натуральное хозяйство, продуктивность которого зависит от природных условий. Вторая стадия — раннегородская, природно-национальная, когда урбанизация стимулирует отток сельского населения, но благодаря высокому естественному приросту сохраняется его многочисленность, осуществляется процесс дифференциации, специализации и культуры землепользования. Для третьей стадии (среднеурбанизационная) характерно резкое деление территорий, обладающих благоприятными (юг) и неблагоприятными (север) природно-климатическими условиями для ведения сельского хозяйства. Природа и капитал выступают как взаимодополняющие друг друга факторы. На этой стадии происходят концентрация и поляризация производства и сельского расселения, стягивание населения и жизнеспособного общественного производства к городам. Стадия четвертая — позднеурбанизованная, где усиливаются зональные различия. Капитал уже заменяет труд, не требуя роста сельского населения. Пятая стадия — неоприродная (экологическая). Сельское пространство утрачивает черты аграрного и становится рекреационно-дачным и экобиотехнологическим. Автор считает, что Россия в целом в настоящее время проходит третью стадию эволюции, а некоторые регионы, такие как Подмосковье, находятся на четвертой стадии.

Данная концепция получила свое признание ученых не только России, но и Украины. Однако из этого не следует, что она лишена недостатков. Прежде всего, вызывает возражение жесткая привязка сельской эволюции к урбанизации, хотя сама зависимость между пространственной трансформацией сельских территорий и процессом их урбанизации безусловно имеется. Автор подменяет общую тенденцию общественного развития, связанную с индустриальным и постиндустриальным развитием тенденцией урбанизации как одной из их составляющих. Тем самым упрощается суть глубинных процессов, происходящих на сельских территориях, имеющих собственную логику развития и испытывающих влияние других факторов развития, не ограничивающихся исключительно урбанизацией. Так, согласно Т. Нефедовой, на третьей стадии происходит концентрация

общественного производства вокруг городов. Однако в другой своей публикации [146] этот автор отмечает, что на юге, особенно на равнинном Северном Кавказе, города влияют на агропроизводство меньше, чем различающиеся от территории к территории природные условия. Трудно также представить ситуацию (пятая стадия), чтобы сельское пространство перестало быть аграрным.

Практическое значение концепции Т. Нефедовой измеряется тем, насколько она применима к сельским территориям Украины.

В Украине уровень урбанизации не является таковым, чтобы играть определяющую роль в развитии сельских территорий. Об этом в первую очередь свидетельствует группирование городов по численности наличного населения (табл. 4.4).

Из приведенных данных следует, что 371 город (80,65 %) из общего количества имеет население до 50 тыс. человек, 37 — от 100 до 500 тыс. человек и только 8 — свыше 500 тыс. человек. Наибольший удельный вес (34,56 %) составляют города с численностью жителей от 10 до 20 тыс. человек, имеющие статус городов районного значения. По нашим расчетам, в сфере влияния среднестатистического города Украины находится 30813 человек сельского населения, а в наиболее урбанизированных областях — Донецкой и Луганской — 7907 и 8043 человек соответственно. Наибольшее их количество приходится на западные области, где значительный удельный вес сельского населения, наивысшая рождаемость и меньше, чем в других регионах, крупных городов. В западных областях насчитывается только семь городов с населением свыше 100 тыс. человек.

В силу имеющейся иерархии среди городов более крупные из них выступают центрами притяжения сельского населения, относящегося к соседним регионам. Пороговое значение интенсивности влияния городов на прилегающие сельские территории также зависит от их величины. Как свидетельствуют исследования географов [206, с. 34], пороговое падение интенсивности влияния г. Киева на развитие своего окружения находится на границе 60 и 120 км. Установлено также, что влияние столицы на развитие прилегающих к ней районов Житомирской и Черниговской областей выше, чем влияние их областных центров. Более того, влияние городов Житомира, Чернигова, Черкасс является незначительным и недостаточным для обеспечения интенсивного развития сельских территорий соответствующих областей.

Мелкодисперсный характер расселения также присущ и административным районам (табл. 4.5).

Таблица 4.4

**Группирование городов по численности наличного населения по регионам
на 1 января 2013 года [144, с. 14]**

Области (регионы)	Количество городов	Из них по численности жителей							
		менее 5 тыс.	от 5 до 10 тыс.	от 10 до 20 тыс.	от 20 до 50 тыс.	от 50 до 100 тыс.	от 100 до 500 тыс.	от 500 тыс. до 1 млн	1 млн и более
Украина	460	20	80	159	112	44	37	5	3
АР Крым	16	–	2	3	6	2	3	–	–
Винницкая	18	–	3	8	6	–	1	–	–
Волынская	11	2	1	4	1	2	1	–	–
Днепропетровская	20	–	–	7	7	1	3	2	–
Донецкая	52	1	4	20	13	8	5	1	–
Житомирская	12	–	2	4	2	3	1	–	–
Закарпатская	11	–	4	2	3	1	1	–	–
Запорожская	14	–	1	8	1	1	2	1	–
Ивано-Франковская	15	–	7	3	2	2	1	–	–
Киевская	26	2	1	9	11	2	1	–	–
Кировоградская	12	–	2	6	2	1	1	–	–
Луганская	37	2	6	10	10	5	4	–	–
Львовская	44	8	14	9	9	3	–	1	–
Николаевская	9	–	–	5	2	1	1	–	–
Одесская	19	–	4	8	3	3	–	–	1
Полтавская	15	–	2	7	3	1	2	–	–
Ровенская	11	–	2	3	5	–	1	–	–
Сумская	15	–	4	2	6	2	1	–	–
Тернопольская	18	2	8	5	2	–	1	–	–
Харьковская	17	–	3	4	7	2	–	–	1
Херсонская	9	–	–	4	4	–	1	–	–
Хмельницкая	13	–	–	6	5	–	2	–	–
Черкасская	16	–	2	9	2	2	1	–	–
Черновицкая	11	2	6	2	–	–	1	–	–
Черниговская	16	1	2	10	–	2	1	–	–
г. Киев	1	–	–	–	–	–	–	–	1
Севастополь (горсовет)	2	–	–	1	–	–	1	–	–

Таблица 4.5

Группирование административных районов по численности наличного населения по регионам на 1 января 2013 года [144, с. 12]

Области	Количество районов	Из них по численности жителей							
		менее 10 тыс.	от 10 до 20 тыс.	от 20 до 30 тыс.	от 30 до 40 тыс.	от 40 до 50 тыс.	от 50 до 60 тыс.	от 60 до 100 тыс.	100 тыс. и более
Украина	490	5	53	119	117	66	42	76	12
АР Крым	14	–	–	1	4	–	2	6	1
Винницкая	27	–	–	6	10	3	6	2	–
Волынская	16	–	1	3	5	1	3	3	–
Днепропетровская	22	–	1	8	6	3	2	2	–
Донецкая	18	–	4	5	3	3	1	2	–
Житомирская	23	1	3	6	7	4	1	1	–
Закарпатская	13	–	–	2	1	1	2	4	3
Запорожская	20	2	2	7	2	4	2	1	–
Ивано-Франковская	14	–	–	–	1	2	1	8	2
Киевская	25	1	2	4	11	1	3	2	1
Кировоградская	21	–	6	7	6	2	–	–	–
Луганская	18	–	4	4	3	4	1	2	–
Львовская	20	–	–	–	1	3	3	10	3
Николаевская	19	–	4	7	6	1	1	–	–
Одесская	26	–	2	6	6	4	3	5	–
Полтавская	25	–	3	9	7	4	1	1	–
Ровенская	16	–	1	1	5	2	2	4	1
Сумская	18	–	2	10	4	–	1	1	–
Тернопольская	17	–	1	1	3	4	1	7	–
Харьковская	27	1	6	9	4	3	–	3	1
Херсонская	18	–	5	4	3	2	–	4	–
Хмельницкая	20	–	–	5	6	4	3	2	–
Черкасская	20	–	–	6	6	7	–	1	–
Черновицкая	11	–	–	1	1	2	2	5	–
Черниговская	22	–	6	7	6	2	1	–	–

По статистическим данным, приведенным в таблице, 60 % административных районов Украины имеют население, не превышающее 40 тыс. человек, и только в 12 районах проживает по 100 тыс. и более человек. Наибольшее количество крупных районов (свыше 40 тыс. жителей) приходится на Львовскую (19), Ивано-Франковскую (13), Тернопольскую (12), Одесскую (12), Винницкую (11), Закарпатскую (10) области. Наибольшее количество малонаселенных районов находится в Харьковской (20 из 27), Черновицкой (19 из 22), Кировоградской (19 из 21), Киевской (18 из 25), Николаевской (17 из 19), Житомирской (17 из 23), Сумской (16 из 18) областях.

Сравнительный анализ территориального распределения городского и сельского населения свидетельствует об общей тенденции в развитии системы расселения, связанной со слабой заселенностью, как сельских территорий, так и городов. В основе этого процесса лежат общие причины: сокращение рабочих мест, плотности населения, снижение уровня и качества его жизни. Эти явления имеют разные проявления не только в разрезе сельской и городской территориальных подсистем общества, а и в разных видах и типах сельских территорий, а также на региональном уровне. Поэтому такие проявления пространственной трансформации как поляризация, фрагментация и сжатие присущи городскому и сельскому пространствам. Дифференциация этих проявлений наблюдается как по линии «город — сельская территория», так и в границах сельских территорий.

Указанные проявления пространственной трансформации сельских территорий оцениваются, как правило, по четырем группам показателей, выделенных Т. Нефедовой [149]: сокращение сельского населения, поляризация системы расселения, снижение заселенности территории, уменьшение площади сельскохозяйственных угодий. Полнота информации по перечисленным показателям имеет ограниченный характер в силу сложившийся статистической отчетности, особенно на базовом и районном уровнях сельских территорий.

Динамика сельского населения проанализирована нами в предыдущих разделах, поэтому здесь основное внимание будет сосредоточено на ее полярных значениях. Процесс депопуляции сельского населения Украины, начавшийся в 1979 году, в 2010-е годы обрел черты значительных диспропорций на районном уровне сельских территорий. По данным Н. Барановского [14, с. 18–21], из 490 административных районов позитивное значение показателя природного прироста сельского населения имеют только 19 (3,9 %), тогда

как районы с природным сокращением сельского населения — свыше 15 % составляют около 31 % их общей численности. С 1989 года общая численность сельского населения сократилась на 14 %. Наиболее высокими темпами сельское население сократилось в Черниговской (33,3 %), Сумской (29 %), Киевской (25,2 %), Полтавской (21,5 %), Житомирской (23,5 %) областях. Наиболее медленно сокращение сельского населения проходило в западных областях, а также в пригородных районах.

Из 37 районов, в которых имел место рост сельского населения, 8 районов являются пригородными. Увеличился удельный вес сельского населения пригородных районов в общей численности сельского населения регионов. В частности, в Симферопольском районе он составляет 19,5 %, Сумском — 13,5 %, Черкасском — 13,1 %, Киево-Святошинском — 11,5 % [16].

Поляризация распределения сельского населения проявляется не только на районном уровне сельских территорий, а и на базовом. Например, темпы сокращения населения в пригородных селах Прилукского района Черниговской области составляют 17,8 %, а в периферийных — 36,8 % [14, с. 20]. Эта тенденция проявляется также на уровне центров сельских советов и рядовых сельских поселений.

Признаки пространственной поляризации проявляются и по такому показателю как плотность сельского населения. По подсчетам Н. Барановского [14, с. 21; 15, с. 105], количество районов с плотностью населения менее 15 человек / км² увеличилось с 53 в 1989 году до 142 — в 2012 году, из которых 77 относятся к категории периферийных. Соответственно площадь этих районов возросла с 77,7 тыс. км² до 172,3 тыс. км² (28,5 % территории страны), а количество сельских жителей — с 982,4 тыс. до 2035,7 тыс. человек.

Плотность сельского населения варьирует в зависимости от разновидности или типа территории: этот средний показатель в пригородных районах составляет 49,8, в полупериферийных — 31,2, периферийных — 25,7 человек / км². Полярность показателей плотности сельского населения имеет разные значения в тех или иных регионах. Так, в Ровенской области плотность сельского населения в пригородном районе выше, чем плотность в периферийных районах, в 2 раза, в Черкасской области — в 5 раз, в Киевской — в 6 раз. Весьма значительными являются межрайонные различия плотности сельского населения. Его максимальное значение составляет 114,6 человек / км² в Виноградском районе Закарпатской области,

а минимальное — 4,4 человека / км² — в Полесском районе Киевской области [11, с. 69, 71].

Существенные межрайонные диспропорции наметились не только в темпах прироста сельского населения и его плотности, а и в производстве сельскохозяйственной продукции, где лидерами являются пригородные районы. К примеру, в Симферопольском районе производится 26 % продукции хозяйства АРК, Луцком — 31,5 % соответствующей продукции Волинской области, Ужгородском — 41,8 % продукции Закарпаття [16]. Как уже отмечалось, усиливается дифференциация в производстве сельскохозяйственной продукции в расчете на душу населения в разрезе как районов, так и регионов Украины.

К иным признакам поляризации, фрагментации и сжатия сельского пространства следует отнести сокращение посевных площадей, наиболее интенсивно происходившее в 1990-е годы в районах с плотностью населения менее 15 человек / км². С 1989 года в 53 районах с самой низкой плотностью населения это сокращение составило 700 тыс. га [14, с. 21].

Данная тенденция имеет и положительную сторону, связанную со стабилизацией площади используемых сельскохозяйственных земель путем приведения ее значения к количеству сельского населения, способного обрабатывать эти земли. Вместе с тем, в пригородных районах сокращение посевных площадей является не вполне оправданным, поскольку плодородные земли выводятся из сельскохозяйственного оборота под жилищное строительство. Характерно также, что в регионах с разными почвенно-климатическими условиями (Черниговская, Житомирская, Ровенская области) более высокими темпами сокращались посевные площади в полесских районах по сравнению с лесостепными. Так, в Новгород-Северском районе Черниговской области они сократились с 1989 года на 40 %, тогда как в Прилукском, Варвинском и Сребнянском районах их площадь практически не изменилась [16].

Сельскохозяйственная деятельность на сельских территориях осуществляется в тесной взаимосвязи с окружающей природной средой. Это ведет к усилению процесса деградации земель, среди которой наиболее масштабными являются эрозия (57,5 % территории), загрязнение (около 20 %), подтопление (около 12 %). Уменьшается содержание питательных веществ в почве, а ежегодные потери гумуса составляют 0,65 тонны на один гектар [247]. Сложившаяся система хозяйствования ведет к утрате биоландшафтного разнообразия, фор-

мированию экологически несбалансированного использования природных ресурсов, что противоречит принципам физической экономии и концепции устойчивого развития.

Ухудшение демографической ситуации на селе, деградация окружающей природной среды дополняются упадком социальной сферы, проявляющимся в снижении уровня и качества жизни сельского населения, ухудшении его культурного, торгово-бытового, коммунального обслуживания, сокращении числа общеобразовательных школ, медицинских учреждений. Все это ведет к обезлюдению значительной части сельских территорий, которые постепенно превращаются, по выражению Т. Нефедовой, в «черные дыры» [147, с. 24], что в конечном итоге чревато окончательной утратой социального контроля над частью сельского пространства.

Безусловно, перечисленные тенденции развития сельских территорий носят обобщающий характер. С учетом разновидностей, типов и местных особенностей эти тенденции имеют разную силу проявления. С полным основанием их можно отнести к большинству типично сельских (аграрных) территорий. Исключение среди них составляют территории с высоким потенциалом природных и людских ресурсов и развитой дорожной и транспортно-коммуникационной сетью.

Территории переходного типа — урбанизированные зоны и ареалы, а также «аграрные города» имеют разные траектории развития. Первые из них, учитывая их местоположение, постепенно превращаются в территориальный сегмент городской агломерации, выполняя при этом функцию обеспечения города продовольствием, которая со временем будет угасать. «Аграрные города» вследствие закрытия перерабатывающих предприятий, не выдержавших конкуренции с агрохолдинговыми компаниями, постепенно рурализируются, переходя фактически в разряд крупных сельских населенных пунктов со слабо выраженной функцией обслуживания более мелких соседних сел. Из территорий со специальным режимом функционирования наибольшие перспективы имеют оздоровительно-рекреационные. Будущее приграничных территорий во многом определяется степенью их включенности в евроинтеграционные структуры. Большинство горных территорий находится в состоянии стагнации из-за отсутствия рабочих мест и государственной поддержки.

Учет тенденций развития сельских территорий важен при определении стратегических направлений их развития.

4.3. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Стратегическое развитие сельских территорий связано с определением их долгосрочных перспектив. Это в свою очередь предполагает прогнозирование будущего развития сельских территорий с учетом как циклического характера развития экономики, так и стадийности цивилизационного развития человечества. Всесторонний учет закономерностей экономического и цивилизационного развития важен для определения стратегических направлений развития сельских территорий Украины как важнейшего пространственного ресурса, незаменимого источника продовольствия, среды жизнедеятельности крестьянства как выразителя украинской идентичности и духовности.

Развитие сельских территорий на отдаленную перспективу можно определить на основе анализа исторических трендов, которые находят свое объяснение в концепциях и теориях.

Одной из таких теорий является теория длинных волн Н. Кондратьева [103, с. 565], раскрывающая действие механизма экономической конъюнктуры. Допуская возможность прогнозирования с использованием методики социально-экономических наук, этот ученый отдавал себе отчет в том, что прогнозы имеют меньшую степень вероятности, чем законы, применяющиеся в природоведческих науках. Исходя из этого, предвидение общественных процессов возможно лишь в виде обнаружения их общей тенденции, проявляющейся на протяжении относительно длительного периода времени. Н. Кондратьев учитывал вмешательство в социально-экономическую жизнь рационального фактора, при этом не исключая определенной свободы выбора существующих альтернатив как соотношение факторов динамики и случайных событий. Развиваясь в динамике, экономический процесс имеет тенденцию к изменениям — эволюционным (необоротным) и волнообразным (повторяемым, обратным). Именно с волнообразными процессами Н. Кондратьев связывал понятие экономической конъюнктуры, под которой он понимал направление и степень изменений совокупности хозяйственной жизни в сравнении с предыдущим моментом. Он подразделял колебания конъюнктуры на иррегулярные и регулярные, а последние — на сезонные и циклические, а именно — малые циклы (подъем, кризис, депрессия), охватывающие 7–11 лет, и большие циклы (40–50 лет) [103, с. 54, 55, 63, 70, 74, 89, 328].

В 1925 году в статье «Большие циклы конъюнктуры» [92, с. 5] Н. Кондратьев определил наиболее вероятные границы больших циклов (подъем и упадок капиталистической экономической системы) (табл. 4.6).

Таблица 4.6

Большие циклы конъюнктуры Н. Кондратьева

Циклы больших волн конъюнктуры	Повышающиеся волны (начало/окончание)	Снижающиеся волны (начало/окончание)
Первый	1. Конец 80-х — начало 90-х гг. XVIII ст. / 1810–1817 гг.	2. 1810–1817 гг. / 1844–1851 гг.
Второй	3. 1844–1855 гг. / 1870–1875 гг.	4. 1870–1875 гг. / 1890–1896 гг.
Третий	5*. 1890–1896 гг. / 1914–1920 гг.	

* Пятая волна оказалась последней, так как период исследования был ограничен 1920 г., а сама научная статья, в которой содержатся его результаты, датирована 1925 г.

Изучение закономерностей динамики больших циклов важно для прогнозирования развития экономики посредством предвидения межфазового периода и перехода от цикла к циклу, учитывая неизбежность кризиса при смене циклов.

Данные, приведенные в таблице, свидетельствуют о том, что длина каждой волны составляет временной период от 20 до 27 лет. Каждый из указанных периодов конъюнктуры озаменован научными открытиями и связанными с ними техническими новшествами (появление паровых машин, электричества, железнодорожного транспорта).

В развитие больших кондратьевских волн конъюнктуры предлагаем собственную версию их периодизации после 1914–1920 годов (табл. 4.7). Снижающаяся фаза третьего цикла включает в себя период Второй мировой войны, послевоенного восстановления экономики и открытие секретов атомной энергии с ее использованием не в мирных целях.

Наступление четвертого периода в его повышающейся фазе связано с развитием научно-технической революции и вступлением наиболее развитых стран в период информационного развития со всеми вытекающими из этого последствиями. Снижающаяся фаза озаменована нефтяным бумом в ее начале и последствиями распада системы биполярного мира, проявившимися в том числе и в финансово-экономическом кризисе.

Большие циклы конъюнктуры Н. Кондратьева в развитии

Циклы больших волн конъюнктуры	Повышающиеся волны (начало/окончание)	Снижающиеся волны (начало/окончание)
Третий	5. 1890–1896 гг. / 1914–1920 гг.	6. 1914–1920 гг. / 1945–1951 гг.
Четвертый	7. 1945–1951 гг. / 1968–1974 гг.	8. 1968–1974 гг. / 1992–1998 гг.
Пятый	9. 1992–1998 гг. / 2009–2013 гг.	10. 2009–2013 гг.

Пятый период характеризуется инверсией рыночного (капиталистического) развития стран Восточной и Центральной Европы, экономическим подъемом «малых тигров» и стран зоны Персидского залива, богатых на запасы нефти. Подъем экономического развития 2009–2013 годов перешел в снижающуюся фазу, связанную с противостоянием по оси «Россия — ЕС — США» и косвенным участием в этом процессе Украины, последствия которого пока что трудно описать в деталях.

Исследуя тенденции развития сельских территорий и определяя их стратегические приоритеты, важно учитывать не только циклический характер развития экономики на макроуровне, а и стадийность цивилизационного развития. В этом смысле значительное познавательное значение имеет исследование ритма изменений постиндустриальной цивилизации, проведенное Ю. Яковцом [353, с. 280, 261]. Данным исследованием установлено, что человечество в последней четверти XX века только вступило в период перехода к информационному обществу. Этот период положил начало процессу смены сверхдолгосрочных (цивилизационных) циклов, что является свидетельством глубины и длительности трансформационных изменений. Сущность самого перехода длительностью в полстолетия, по мнению Ю. Яковца, определяет совпадение и сосуществование последней фазы индустриального общества и начальной фазы нового общества, в результате чего возникает цивилизационный кризис. Таким образом, указанный период нельзя идентифицировать как собственно информационное общество, поскольку технологии, экономика, социальная, политическая и культурная жизнь являются «смешанными», что несовместимо с сущностными характеристиками нового этапа цивилизационного развития человечества. Только на втором историческом такте (долгосрочный цикл) постиндустриальная цивилизация, по Ю. Яковцу, будет развиваться на собственной основе (табл. 4.8).

Ритмы смены постиндустриальных цивилизаций [353, с. 261]

Наименование мировых цивилизаций	Варианты	Хронологические рамки этапов;				Длительность цивилизаций, годы; всего лет
		Переходный период	Становление	Зрелость	Упадок	
Первая постиндустриальная	I*	1973–2020; 48	2021–2060; 40	2061–2100; 40	2101–2130; 30	1973–2130; 158
	II**	1973–2025; 53	2026–2070; 45	2071–2115; 45	2116–2155; 40	1973–2055; 183
Вторая постиндустриальная	I	2131–2160; 30	2161–2185; 25	2186–2215; 30	2216–2240; 25	2131–2240; 110
	II	2156–2190; 35	2191–2220; 30	2221–2255; 35	2256–2285; 30	2156–2285; 130
Третья постиндустриальная	I	2241–2260; 20	2261–2280; 20	2281–2300 20	2301–2315; 15	2241–2315; 75
	II	2286–2310; 25	2311–2335; 25	2336–2360; 25	2361–2380; 20	2286–2380; 95
Третий исторический суперцикл	I	1973–2060; 88	2061–2160; 100	2161–2240; 80	2341–2315; 75	1973–2315; 343
	II	1971–2070; 100	2071–2190; 120	2191–2285; 95	2286–2380; 95	1971–2380; 410

I* — при коэффициенте ускорения исторического процесса 1,5.

II* — при коэффициенте 1,4.

Как следует из данных, приведенных в таблице, первый долгосрочный цикл постиндустриальной цивилизации является самым продолжительным (158–183 лет), на долю его переходного периода приходится 30,3 % бюджета общего времени, что свидетельствует о сложности и противоречивости протекания переходного периода. Примечательно, что временной отрезок каждой из фаз первого постиндустриального цикла совпадает с кондратьевскими циклами. Следует также учитывать, что время вступления в первый постиндустриальный цикл и его переходный период является разным для тех или иных стран, что связано с неодинаковым уровнем их развития. Так, Украина, в этом смысле не принадлежащая к лидерам, не будучи «первопроходцем» на этом отрезке исторической эволюции, имеет шанс использования опыта передовых стран и извлечения из него определенных исторических уроков. Этому также способствует учет тенденций развития этого цивилизационного цикла, сформированных Ю. Яковцом [353, с. 272–277] во второй половине 1990-х годов.

Главная из этих тенденций связана с возрождением гуманизма, проявляется в становлении ноосферы, повышении значения в общественном развитии науки, совершенствовании образования, формировании новой этики, которая ориентирует на независимость и самобытность личности, свободу в выборе мировоззрения и вероисповедования.

Вторая тенденция характеризуется появлением технологий нового поколения, их распространением на все сферы общественной жизни при сохранении технологической многоукладности экономики.

Третья тенденция — коренные перемены в экономической структуре общества: возрождение малого предпринимательства; децентрация индустриального производства; сокращение удельного веса государственной собственности; создание конкурентной среды; развитие неформального сектора экономики; повышение внимания к производству товаров и услуг.

Четвертая тенденция связана с эволюцией социальных и национальных отношений в направлении углубления социальной стратификации, нивелирования классовых основ социума, усиления кооперации и сотрудничества.

Пятая тенденция проявляется в усилении государственного регулирования экономики, защите интересов всех общественных слоев, повышении роли региональных властных структур, органов местного самоуправления.

Представленные Ю. Яковцом динамику ритма развития постиндустриальной цивилизации и тенденции развития переходного периода первого цикла целесообразно сопоставить с кондратьевскими длинными волнами, концепцией о поворотных пунктах в динамике сельского хозяйства Р. Бичанича и географической концепцией эволюции сельского пространства Т. Нефедовой. В свете представленных концепций сельские территории Украины находятся в нисходящей фазе кондратьевского цикла, на второй стадии (поворота к товарному рыночному производству) Р. Бичанича и на третьей (среднеурбанистической) стадии эволюции сельского пространства по Т. Нефедовой.

Позиционирование сельских территорий в контексте цивилизационного подхода, общеэкономических, отраслевых и пространственных концепций и теорий является надежным способом формирования достоверных знаний о внешней среде их функционирования и необходимой предпосылкой разработки стратегических направлений развития этих природных и социально-пространственных образований.

Однако в процессе выработки стратегии развития сельских территорий возникают трудноразрешимые противоречия, связанные с тем, что ее научным обоснованием занимаются по формальному признаку теоретики, разработкой — политики, а реализацией — практики. Отсюда — неадекватность целей, задач и содержания разрабатываемых и реализуемых стратегий развития сельских территорий их реальному состоянию, о чем свидетельствует их анализ.

Речь идет о стратегиях, имеющих косвенное отношение к развитию сельских территорий, и прежде всего о Стратегии развития аграрного сектора экономики на период до 2020 года [263]. Связь аграрного сектора и сельских территорий, как отмечается в Стратегии, заключается, в том, что он формирует социально-экономические основы развития этих природных и социально-пространственных образований, с чем трудно не согласиться. Следует также признать достаточно сбалансированными цели развития аграрного сектора, которые направлены на гарантирование продовольственной безопасности государства, рациональное использование земель сельскохозяйственного назначения и уменьшение техногенной нагрузки аграрного сектора на окружающую природную среду, а также на содействие развитию сельских населенных пунктов и формирование среднего класса на селе путем обеспечения занятости сельского населения, повышения уровня доходов. На фоне социально-экономического упадка сельских террито-

рий и растущей бедности сельского населения утопичной выглядит цель создания в обозримом будущем среднего класса на селе.

Вполне сбалансированными представляются и принципы развития аграрного сектора, чего нельзя сказать о способах их имплементации в практику хозяйствования. Так, весьма проблематичной выглядит возможность внедрения принципа приоритетности развития личных хозяйств населения, фермерских хозяйств, других субъектов хозяйствования в условиях доминирования агрохолдингов, на основе которых происходит консолидация сельскохозяйственных земель и концентрация аграрного производства и капитала. Нереальным является также достижение стратегической цели, направленной на создание благоприятных условий для приобретения приоритетного права пользования (собственности) землями сельскохозяйственного назначения лицами, проживающими в сельской местности и ведущими хозяйство исключительно и преимущественно с использованием личного труда. Во-первых, таким правом сельские жители наделены как собственники земельных участков. Что же касается права пользования указанной категорией земель, то оно регулируется в рамках заключенных долгосрочных соглашений по аренде земельных участков. Во-вторых, сомнительно, что, исключая наемный труд, можно обеспечить высокую рентабельность и конкурентоспособность индивидуальных собственников, не объединенных в кооперативы.

Если Стратегия развития аграрного сектора экономики на период до 2020 года носит отраслевой характер, то Государственная Стратегия регионального развития на период до 2020 года [229] имеет прямое отношение к пространственному развитию, а, следовательно, и к развитию сельских территорий регионального уровня. По отношению к регионам Украины данная Стратегия является общегосударственной, поэтому она ориентирована в первую очередь на гармонизацию межрегиональных отношений. На локальном (региональном) уровне Стратегия призвана обеспечить преодоление внутрорегиональных социально-экономических различий, а именно между городской и сельской составляющими региона, с одной стороны, и различий между административными районами, входящими в регион, — с другой. Таким образом, регион является территорией совместных интересов городского и сельского населения. Поэтому динамика развития региона в целом и его сельской составляющей определяются уровнем развития входящих в него административных районов, представляющих собой районный уровень сельских территорий.

Необходимость разработки анализируемой Стратегии вызвана, как следует из ее текста, в том числе и такими тенденциями мирового развития как урбанизация, депопуляция села, изменение системы расселения. Из этого следует, что действие этих тенденций учтено разработчиками Стратегии. Однако, судя по содержанию документа, основные акценты в нем смещены в сторону негативных последствий урбанизации, а не на основные причины деградации сельских территорий, ее существенные характеристики. Так, к основным проблемам регионального развития отнесены неравномерность развития территорий, значительная дифференциация развития регионов и городов, упадок шахтерских и сельских территорий. Впервые в нормативно-правовых актах термины «шахтерские» и «сельские» территории рассматриваются в одном смысловом ряду. Надо понимать так, что речь идет не о территориях, на которых расположены шахты, а о пространстве, в границах которого проживает население шахтерских городов и поселков восточной части Украины, пребывавших ранее в состоянии депрессии, а сегодня разрушающихся вследствие ведения военных действий.

К угрозам регионального развития в Стратегии отнесена тенденция чрезмерной поляризации между экономически развитыми городами и остальной частью территории страны. В этой связи не вполне логичным выглядит предложение о необходимости концентрации ресурсов на тех территориях, которые могут обеспечить наивысший результат в кратчайший срок и будут иметь долгосрочное и комплексное влияние на развитие не только данной территории, а и соседних регионов. Очевидно, что ожидаемый результат в таком случае может быть только один — окончательная утрата жизнеспособности большей части территорий и, в первую очередь, сельских. Направление ресурсов исключительно на развитие регионов — локомотивов развития, приведет к увеличению дотационных регионов, а, следовательно, и к усилению межрегиональных диспропорций.

Одна из трех целей, определенных Стратегией, имеет отношение к социально-экономической интеграции и пространственному развитию. Ее реализация связана с развитием сельской местности, которое предполагается обеспечить через выполнение следующих задач:

- улучшение транспортной доступности в границах региона;
- развитие сети автомобильных дорог общего пользования местного значения;

– обновление подвижного состава транспортных средств, в частности, предназначенного для обеспечения пассажирских перевозок жителей сельской местности.

К приоритетным направлениям развития сельской местности отнесены:

– оказание государственной поддержки для повышения уровня обустройства жизненного пространства;

– диверсификация сельскохозяйственного производства, развитие альтернативных видов экономической деятельности;

– развитие социальной и инженерной инфраструктуры села, сферы образования и охраны здоровья;

– создание устойчивой мотивации к социальной ответственности бизнеса;

– осуществление других мероприятий, повышающих уровень привлекательности проживания на селе.

Сформированные в Стратегии задачи и приоритетные направления развития сельской местности (а не сельских территорий. — *А. П.*) не отличаются новизной, а по своей значимости не соответствуют статусу рассматриваемого документа и еще более — неадекватны текущему моменту. И самое главное — в Стратегии указано, какие меры следует предпринять, но неясно, каким образом следует добиваться их реализации.

В Стратегии акцентируется внимание на необходимости осуществления мероприятий, направленных на разрешение проблемных вопросов Донецкой и Луганской областей, АРК и г. Севастополя. Складывается такое впечатление, что именно ситуация, сложившаяся в этих регионах, и вызвала необходимость принятия данной Стратегии. В пользу высказанного предположения относительно конъюнктурного подхода к разработке Стратегии свидетельствует и дата ее принятия, поскольку предыдущая Государственная стратегия регионального развития была рассчитана на период до 2015 года.

Таким образом, эта стратегия, как, впрочем, и предшествующая ей, как по своей направленности, так и по содержащемуся в ней инструментарию реализации сформулированных задач не в полной мере соответствует реальному положению дел на сельских территориях, которое не только критично, а на некоторых из них — катастрофично.

Исходя из этого, целесообразно обратиться к научным литературным источникам и на основе их анализа предложить собственное видение стратегических направлений развития сельских территорий.

Как считает Т. Нефедова [145], при определении направлений развития сельских территорий недопустима унификация подходов, напротив, необходим учет природных, социально-демографических и экономических ограничений и преимуществ развития конкретных территорий. При обширности периферийных сельских территорий России, их малодоступности и сложности природных условий аграрное развитие не всегда является единственным и далеко не главным видом хозяйственной деятельности. Исследуя причины «хозяйственного сжатия», сопровождающегося уменьшением площади освоенных территорий, автор выделила шесть моделей экономического развития:

- сельскохозяйственную, организующим ядром которой выступает аграрное предприятие;
- мелкотоварно-сельскохозяйственную, основу которого составляет домохозяйство, ориентирующееся на рынок;
- специализированного развития с использованием лесных и водных ресурсов;
- историко-культурного развития, характерного для территорий, расположенных в живописных местностях и имеющих ценные памятники;
- социальной поддержки выживающих территорий с высоким уровнем депопуляции;
- дачного развития, присущего территориям, удаленным от городов.

На наш взгляд, представленные модели не в полной мере отражают многофункциональность развития сельских территорий. Так, в них совершенно не отражены перерабатывающая промышленность, различные виды социально-культурных, торгово-бытовых и коммунальных услуг, которые получили развитие на селе.

Распространенность указанных видов деятельности на сельских территориях Казахстана подтверждается исследованием А. Сабировой [283]. В частности, во многих регионах республики при значительном удельном весе сельского населения доля сельского хозяйства в структуре валовой добавленной стоимости незначительна. Это связано с зависимостью развития сельских территорий от несельскохозяйственных отраслей — нефтегазовой, обрабатывающей, угольной промышленности.

Осмысление сущности развития сельских территорий Украины, по мнению Е. Бородиной и И. Прокопы [23, с. 75–76], базируется,

во-первых, на учете многофункциональности сельского хозяйства как вида экономической деятельности и многофункциональности села как социально-территориальной подсистемы, во-вторых, на признании антропоцентристского характера этого развития, при котором его главной движущей силой является сельский житель. Многофункциональность сельского хозяйства заключается в том, что его результатом является производство не только продовольствия, сырья для пищевой и перерабатывающей промышленности, энергетического сырья, а и важных общественных благ. К таким благам (внешним эффектам) эти авторы относят:

– продовольственную безопасность страны, понимаемую как свободный физический и экономический доступ всего населения к безопасному продовольствию в достаточном количестве для удовлетворения своих потребностей и предпочтений в объемах, необходимых для здоровой активной жизни;

– воздействие на окружающую среду (формирование и охрана агроландшафтов, агробиологического разнообразия, сохранение плодородия почв, охрана земель от негативных явлений естественного и техногенного характера и пр.);

– поддержка жизнеспособности населения на сельских территориях путем использования их природных ресурсов для экономической деятельности, что дает средства для удовлетворения физических, духовных и социальных потребностей;

– воспроизводство и развитие крестьянства («фермерства») как носителя национальной идентичности, хлеборобской культуры и духовности.

И все же большая часть сельских территорий Украины характеризуется монофункциональностью. Это, прежде всего, относится к Карпатскому региону [96, с. 248–250], где кроме сельского хозяйства развиваются такие виды деятельности как строительство, торговля, социальные услуги, сельский туризм, выступающие как дополнительные по отношению к сельскохозяйственной деятельности. Решение этой проблемы сегодня возможно исключительно за счет стимулирования самозанятости населения, поскольку для создания новых рабочих мест в общественном секторе недостаточно бюджетных ресурсов.

Функциональность сельских территорий определяется совокупностью факторов, среди которых ключевую роль играют их ресурсный потенциал и место в географическом пространстве.

Особенности развития тех или иных сельских территорий зависят, с одной стороны, от их географических отличий (рельеф, климат, земельные, лесные, водные, фаунистические ресурсы, природная зональность), пространственных параметров (площадь, протяженность, комплексность, конфигурация), местоположения и от специфики региона, в состав которых они входят — с другой. Все эти обстоятельства следует учитывать при определении стратегических направлений развития сельских территорий.

Вместе с тем, развитие сельских территорий подчинено их общественному предназначению (рис. 4.4).

К перечню базовых функций отнесены производственно-хозяйственная, социальная, оздоровительно-рекреационная и природоохранная, соотношение которых является разным для тех или иных разновидностей и типов сельских территорий. Одни из этих функций являются основными, иные дополнительными. Главную роль в таком распределении играют потенциальная способность территории развиваться за счет собственных ресурсов и интересы территориальной общины.

Согласованность функций с общественным предназначением сельских территорий способствует воспроизводству их интегрального потенциала (социального, природного и экономического). Развитию этого процесса на постоянной основе и в соответствии с тенденциями современного этапа цивилизационного развития способствует адекватная ему стратегически ориентированная функциональная модель сельских территорий (рис. 4.5).

На этом рисунке представлены совмещенные и взаимосвязанные парные черты стратегически ориентированной функциональной модели сельских территорий. основополагающую роль в ней играет парная черта «рыночная — конкурентоспособная». Как известно, целью экономической деятельности в рыночных условиях является получение дохода, который выступает основным источником прибыльности субъектов хозяйствования и инновационности производства. Одновременно уровень прибыльности производства определяет степень конкурентоспособности товаропроизводителей.

Формирование и развитие рыночной среды в границах сельских территорий, которые не отмежеваны от городского пространственного сегмента, зависят от их совокупного капитала.

Учитывая, что удельный вес земельных ресурсов занимает 40–44 % в ресурсном обеспечении сельскохозяйственного производства

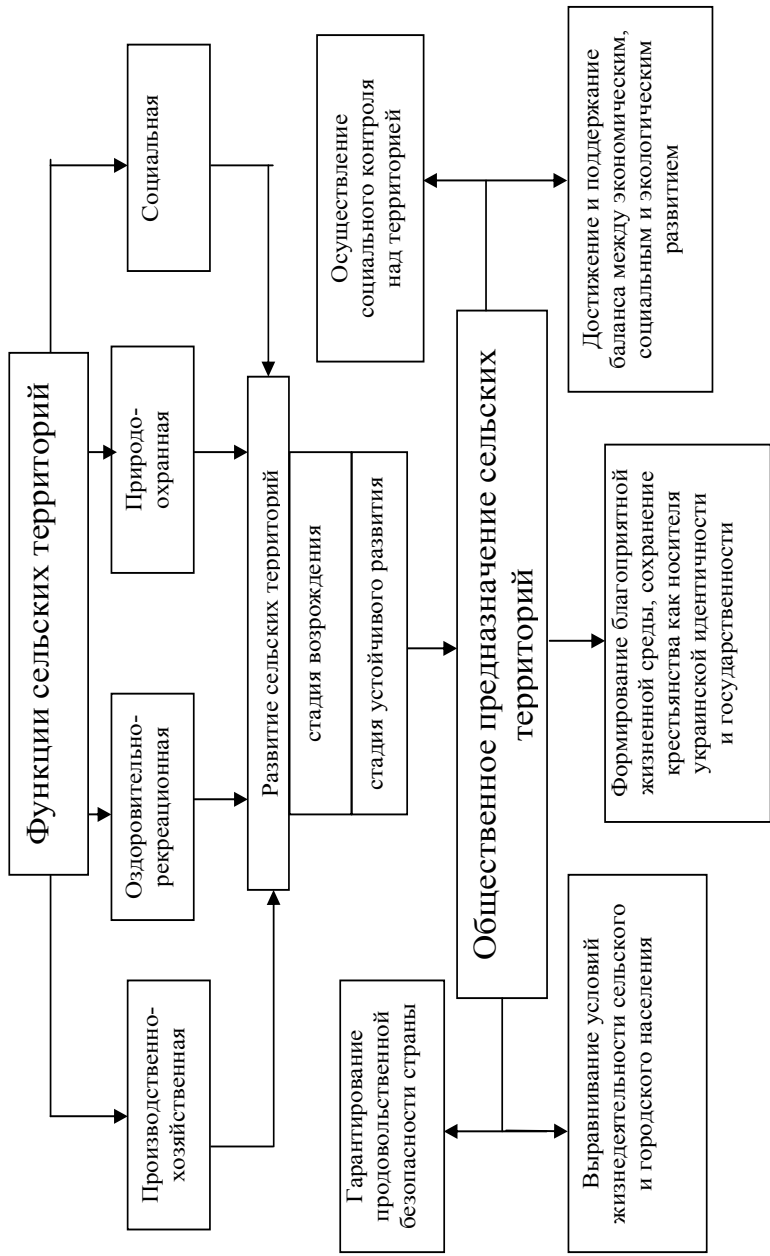

Рис. 4.4. Функции сельских территорий в контексте их общественного предназначения

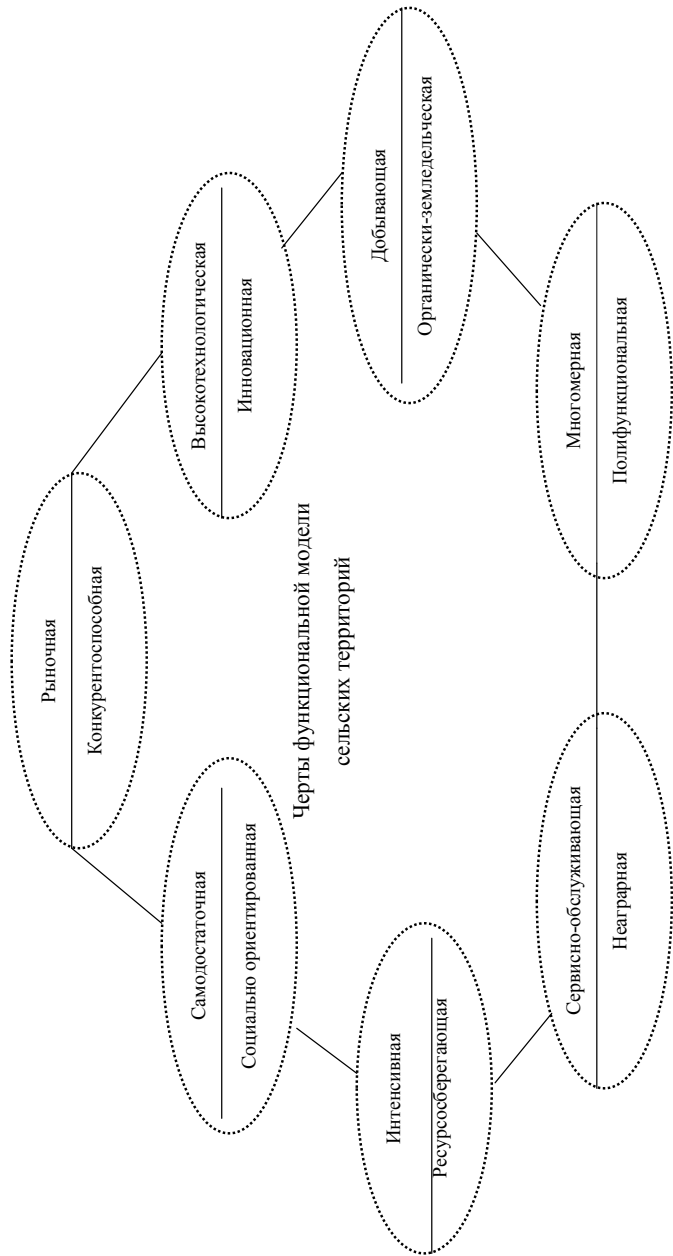

Рис. 4.5. Стратегически ориентированная функциональная модель сельских территорий

[331, с. 47], именно капитализации земель принадлежит главная роль в создании рыночной среды на селе.

По законодательству Украины [251], нормативная денежная оценка земель представляет собой капитализированный рентный доход с земельного участка, определяемый по установленным и утвержденным нормативам. Расчет нормативной денежной оценки земель основывается на капитализации нормативного дифференциального (рентного) дохода. Следует также учитывать особенности создания рентного дохода на землях разного качества.

Другой аспект капитализации земель связан с заниженной денежной оценкой сельскохозяйственных земель, на долю которых приходится всего 17,4 % их кадастровой оценки при удельном весе этих земель — 69 % от общей земельной площади по сравнению с 70,3 %, стоимости земель населенных пунктов, занимающих всего 4,2 % территорий страны [202, с. 80]. По этой причине, во-первых, остается низкой прибыльность сельскохозяйственных производителей, во-вторых, продуктивные земли используются не по назначению. В этой ситуации остается один выход — включение сельскохозяйственных земель как капитала в экономический оборот. Эта мера имеет не только экономическое, но и социальное значение, поскольку владельцы земельных участков получают лишь незначительную часть создаваемой земельной ренты, а государство — налог на землю, а основная часть ренты перераспределяется среди посредников. Как следствие, искажается процесс капитализации прибыли, замедляется накопление капитала в аграрном производстве, а земельные ресурсы не используются как фактор производства наравне с трудом и капиталом.

Конкурентоспособность функциональной модели сельских территорий не измеряется какой-то одной отраслью экономики или общественной сферой, что определяется их полиизмеримостью (пространственная, отраслевая, ресурсная, поселенческая) и многоуровневостью (базовый, районный, региональный, общегосударственный). Именно с полиизмеримостью и многоуровневостью, а также с разнообразием интегрального потенциала сельских территорий связана их полифункциональность.

Идея полифункционального развития села была законодательно закреплена еще в Концепции Национальной программы возрождения села на 1995—2005 годы [240]. В ней содержатся положения, направленные на формирование многоотраслевой производственной сферы; трансформацию основной функции села (производство сель-

скохозийственного сырья) в функцию обеспечения общества продовольствием, что предполагает постепенное перемещение в сельскую местность преобладающей части перерабатывающей, пищевой промышленности; полное использование природно-ресурсного, производственного, социального потенциала сельского сектора для расширения сферы занятости сельских жителей; коренное изменение жизненной среды сельского населения. Однако от реформирования аграрной и социальной сферы получен обратный эффект: в административных районах значительно сократилось количество предприятий, занятых переработкой сельскохозяйственного сырья, пришла в упадок социальная инфраструктура, нарушились кооперативные связи в индивидуальном секторе сельскохозяйственного производства.

Трансформация функциональной модели сельских территорий в самодостаточную и социально ориентированную предполагает расширение полномочий территориальных общин по более полному распоряжению наличными ресурсами и результатами хозяйственной деятельности в целях удовлетворения собственных экономических и социальных интересов, комплексного обустройства жизненной среды локального сельского сообщества.

Перспективы развития сельских территорий во многом связаны с органическим земледелием как экологически ориентированным конкурентоспособным видом аграрного производства. В свою очередь культивирование органического земледелия даст толчок к развитию высокотехнологических инноваций, интенсивного и ресурсосберегающего производства.

Кроме занятий традиционным и органическим сельскохозяйственным производством на сельских территориях, здесь имеются возможности и для развития неаграрных видов хозяйственной деятельности. Необходимость их развития обусловлена не только экономической целесообразностью, но и высоким уровнем безработицы и бедностью сельского населения. В поддержку неаграрной деятельности Д. Крысанов [113, с. 533–534] приводит такие аргументы:

- появление на селе предпринимательских структур, финансово способных превратить неаграрную деятельность в прибыльный бизнес;
- приток капитала в сельскую местность, прежде всего в пригородные зоны, вследствие роста цен на земельные участки и аренду за их использование в городах;
- меньшая стоимость рабочей силы на селе в сравнении с городами;

– обострение проблемы сохранения поселенческой сети как объективной предпосылки хозяйственного использования ее ресурсного потенциала;

– использование сельской местности для размещения перерабатывающих предприятий в зоне производства продовольственного сырья;

– необходимость возрождения предприятий и объектов социально-бытового и жилищно-коммунального обслуживания, а также строительных организаций в связи с повышением спроса сельского населения на платные услуги.

Внедрение стратегически ориентированной функциональной модели сельских территорий предполагает учет специфики разновидностей этих природных и социально-пространственных образований. Если для типично сельских (аграрных) территорий приоритетной является сельскохозяйственная функция, то для переходных, «смешанных» территорий — социально-обслуживающая, а для территорий со специальным режимом функционирования — рекреационно-оздоровительная или перерабатывающая (горные), торгово-обслуживающая (приграничные) и оздоровительно-рекреационная (оздоровительно-рекреационные).

Возможность реализации предложенной нами функциональной модели сельских территорий возрастает в условиях кластерной организации производства, развития технопарков и технополисов с привлечением в их состав субъектов хозяйствования, расположенных на сельских территориях, а также возрождения производственной, снабженческой и сбытовой кооперации.

Стратегически ориентированная функциональная модель сельских территорий в процессе ее реализации проявляется в их развитии, направленном на обеспечение экономически эффективного, экологически безопасного, социально ориентированного расширенного воспроизводства этих природных и социально-пространственных образований [219, с. 140–141].

Такая целевая установка развития сельских территорий является общей независимо от их классификационных различий (уровней, разновидностей, типов). Вместе с тем при определении стратегических направлений развития сельских территорий в контексте их уровней, разновидностей или типов необходимо учитывать приоритетные функции каждой конкретной территории.

Так, поскольку типично сельские (аграрные) территории характеризуются высокой степенью обеспеченности земельными ресурсами

и наличием благоприятных природных условий, для них идеальной является аграрная модель хозяйствования. Развитие этих территорий должно осуществляться с учетом основополагающих идей физической экономики, в частности — способствовать приведению системы хозяйствования в соответствие с объективными законами природы. Согласно рекомендациям науки, для достижения экологического равновесия в природе активную сельскохозяйственную обработку следует осуществлять на одной трети территории, столько же должно быть отведено под несельскохозяйственную деятельность, другие площади целесообразно оставить в природном состоянии. При таком подходе расширяются возможности для диверсификации хозяйственной деятельности за счет создания новых рабочих мест в неаграрной сфере, развития оздоровительно-рекреационной и природоохранной функций сельских территорий. Одновременно появляется шанс возрождения животноводства за счет осуществления мер по переводу значительной части эродированных и деградированных земель в природные кормовые угодья, что приведет к удешевлению животноводческой продукции. Это, в свою очередь, позволит направить дополнительные средства на компенсацию потерь собственникам земельных участков вследствие выведения значительной части земель из оборота. Технологический аспект развития типично сельских территорий связан с внедрением ресурсосберегающего, экологически безопасного производства сельскохозяйственной продукции, применения совершенных агротехнических приемов и технических средств.

Наличие общих черт и тенденций развития такой разновидности сельских территорий как урбанизированные зоны и ареалы не означает отсутствия у них тех или иных отличительных возможностей, в некоторой степени определяющих разную степень их перспективности. Среди этих отличий важную роль играет фактор удаленности этих территорий от региональных центров или городских агломераций. В этом смысле следует видеть различие между понятийными конструктами «урбанизированная зона» и «пригородный район», второй из которых имеет более широкое значение, чем первый. Например, пригородный Коминтерновский район Одесской области расположен в пределах 70-километровой доступности от Одессы. Но если одна из его окраинных частей — село Ново-Николаевка не испытывает прямого воздействия города, то пригородное село Крыжановка по сути превратилось в городскую периферию. А часть

жителей самого отдаленного от областного центра села Сербка являются трудовыми маятниковыми мигрантами благодаря наличию железнодорожной связи с областным центром. В этом смысле трудно согласиться с предложением отдельных авторов [64, с. 164] считать периферийными те районы, которые находятся на расстоянии более 100 км от областных центров. Ведь из приведенного нами примера очевидно, что районный центр, находящийся на расстоянии 40 км от центра региона, не является центром притяжения ни для одного из трех сел. В то же время для периферийных сел роль центра притяжения играют города с населением более 50 тыс. человек. Например, в качестве мезорегиональных центров выступают г. Измаил (Одесская область), г. Первомайск (Николаевская область). Перспективы сел, расположенных вблизи молодых развивающихся городов-спутников мегаполисов, являются весьма призрачными. Они, как правило, переходят в административное подчинение этих городов либо просто исчезают с географической карты.

Постепенно угасает сельскохозяйственная функция пригородных сел. С распадом колхозно-совхозной системы перестало функционировать большинство птицефабрик, животноводческих ферм, расположенных ранее вблизи областных центров. Роль поставщиков на городские рынки молочной продукции, овощей и фруктов выполняют хозяйства населения, испытывающие конкуренцию со стороны предприятий пищевой промышленности, расположенных, как правило, в городах. С другой стороны, территория пригородных сел все чаще используется под размещение крупных торговых центров, развлекательных центров, коттеджное жилищное строительство.

Если развитие урбанизированных зон, сформированных вокруг крупных региональных центров, во многом зависит от тенденций и динамики развития этих центров, то перспективы урбанизированных зон, расположенных в среде городских агломераций, определяются общественным спросом на виды хозяйственной деятельности, определяемые производственным профилем городов.

К одному из таких видов агломерации относится Подкарпатье — города Дрогобыч, Борислав, Трускавец, Стебник и расположенные вокруг них села, а также система расселения, образованная возле мест разработки серы (города Роздол и Яворов) и калийных солей (г. Калуш). Будущее сельских поселений данного агломерационного массива, учитывая отсутствие здесь достаточного количества сельскохозяйственных земель, связано не с сельским хозяйством, а

скорее всего с добывающей промышленностью и оздоровительно-рекреационной деятельностью.

О перспективах сел, расположенных в Донбасской агломерации, пока что говорить сложно, как и мегарегиона в целом, учитывая характер происходящих здесь событий. Упадок промышленности, сокращение трудоспособного населения городов негативно скажется на развитии сел, существование которых во многом зависит от выполнения функций сельскохозяйственного обслуживания населения урбанизированной агломерации.

Перспективы развития «аграрных городов» зависят от их способности выполнять одновременно несколько функций, которые определяются принадлежностью этих городов к тому или иному типу.

Согласно типологии малых городов, утвержденной на законодательном уровне [231], под категорию «аграрных городов» подпадают:

- города — центры сельскохозяйственных (административных. — *А. П.*) районов;
- города, обладающие рекреационным и оздоровительным потенциалом;
- города, имеющие значительный природный и историко-культурный потенциал.

Соответственно по удельному весу населения, занятого в различных средах экономической деятельности, «аграрным городам» соответствуют типы малых городов, выполняющие функции:

- санаторно-курортных и рекреационных центров;
- исторических, культурных, туристических и административных центров;
- хозяйственных центров местного значения;
- центров низовых локальных систем расселения, оказывающих социально-культурные, коммунально-бытовые и другие услуги населению.

Поскольку большая часть «аграрных городов» имеют статус городов районного значения и центров административных районов, они выполняют функции хозяйственных центров и центров локальных систем расселения. А некоторые из них, обладающие соответствующими ресурсами, являются к тому же и санаторно-курортными и рекреационными центрами (Новая Каховка, Цюрупинск, Гениченск, Скадовск Херсонской области, Светловодск Кировоградской области, Миргород Полтавской области, Трускавец, Моршин Львовской области, Саки, Судак АРК, Хмельник Винницкой об-

ласти, Виноградов, Свалява Закарпатской области, Яремче Ивано-Франковской области, Очаков Николаевской области, Вилково Одесской области и др.) или историческими и культурными центрами (Владимир-Волинский, Берестечко Волинской области, Борислав, Жовква Львовской области, Глухов Сумской области, Переяслав-Хмельницкий Киевской области, Бахчисарай АРК, Чигирин Черкасской области, Острог Ровенской области, Почаев Тернопольской области, Галич Ивано-Франковской области, Батурин Черниговской области и др.).

Общегосударственной программой развития малых городов [231, с. 22] для указанных типов «аграрных городов» предусмотрены следующие перспективы их развития:

- для городов, имеющих значительные рекреационный и оздоровительный потенциал, — стимулирование развития культурных функций с запрещением строительства новых и расширения действующих промышленных предприятий, не связанных с удовлетворением потребностей отдыхающих и местного населения или таких, которые могут негативно повлиять на природные лечебные факторы;
- для городов, которые обладают природным и историко-культурным потенциалом, — развитие туристических функций с сохранением и возможным хозяйственным использованием объектов культурного наследия, защиты окружающей природной среды, ограничение хозяйственной деятельности на территориях исторических ареалов городов;
- для городов — центров сельскохозяйственных районов — развитие экономического потенциала, связанного с переработкой продукции сельскохозяйственного производства, и социальной инфраструктуры с учетом возможностей обслуживания сельского населения.

Кроме перечисленных функций, «аграрные города» остаются остовом системы расселения в сельской местности, оказывают транспортные, торгово-бытовые, коммунальные, социально-культурные услуги местному населению.

Они имеют преимущества, связанные с сельским образом жизни: умеренный ритм жизни; незначительные затраты времени и средств на дорогу на работу, в социальные учреждения; непосредственная связь с природой; возможность использования свободного времени для занятий на приусадебном участке.

В то же самое время «аграрные города» имеют и определенные ограничения развития, связанные с недостаточной развитостью со-

циальной, инженерной и транспортной инфраструктуры, отсутствием в большинстве случаев градообразующих предприятий, низкими темпами жилищного строительства за счет государственных средств, неудовлетворительным благоустройством, отсутствием специалистов высокой квалификации.

Несколько отличной от Украины является стратегия развития малых городов Республики Беларусь [131]. К этой категории городов относятся населенные пункты, численность жителей которых не превышает 20 тыс. человек. Все они играют роль опорных центров сельского расселения и призваны выполнять важную объединяющую миссию в силу исторически сложившихся традиций и равномерного распределения плотности сельского населения. Средний размер территории, обслуживаемой районным центром, составляет 1600 км² при его крайних значениях, колеблющихся от минимального 683 км² (Жабинковский район) до максимального — 3362 км² (Столинский район). При этом устойчивая зона влияния малого города на обслуживаемую территорию имеет радиус 15–20 км, а вдоль развитых транспортных магистралей — до 30 км.

Типология белорусских малых городов по их функциям принципиально не отличается от украинской. Вместе с тем, здесь более четко определены ключевые индикаторы, характеризующие устойчивость малых городов как центральных поселений, к которым отнесены:

- демографические показатели природного и миграционного движения населения, его воспроизводственных возможностей, соотношение возрастных групп;
- показатели занятости в третичном секторе экономики (услуги, управление);
- среднедушевые показатели производства и потребления товаров и услуг.

Исходя из этого выделены три типа малых городов. К первому из них отнесены опорные, устойчиво развивающиеся центры с производственными, организационно-хозяйственными и обслуживающими функциями. Это в основном города с населением более 15 тыс. человек, характеризующиеся многоотраслевой хозяйственной деятельностью. Второй тип составляют центры, обладающие потенциалом для устойчивого развития с агропромышленной направленностью развития и с населением 10–15 тыс. человек. К этой же категории отнесены поселки городского типа с населением свыше 8 тыс. человек. Третий тип представлен центрами с неустойчивым

развитием и слабыми производственными и обслуживающими функциями. Это — небольшие поселки городского типа агропромышленной или аграрной специализации.

Возможности развития малых городов Беларуси находятся в прямой зависимости от их транспортно-коммуникационной доступности к ведущим экономическим, научным и культурным центрам страны и рыночной инфраструктуре. О степени активизации их развития можно судить по тому, что 90 малых городов имеют высокий и средний уровень транспортной доступности, а 83 — низкий. Наиболее перспективными являются города, расположенные на основных коммуникационных осях трансъевропейского (Жабинка, Смолевичи, Стовпцы, Шклов, Городок) и международного (Дрогочин, Иваново, Верхнедвинск) значения.

Хотя в научных изданиях Беларуси не используется термин «аграрные города», однако фактически речь идет о развитии опорных центров сельских территорий. Возрождение и развитие малых городов республики рассматривается как исключительно важная задача на пути осуществления реформ на всей территории страны, а не только в крупных городах.

В Украине же, учитывая нынешний уровень социально-экономического развития страны, политическую нестабильность в ее отдельных регионах, жителям «аграрных городов» приходится рассчитывать на собственные ресурсы, что, безусловно, играет определяющую роль в их будущем.

Свою специфику перспективного развития имеют сельские территории со специальным режимом функционирования.

Стратегические направления развития оздоровительно-рекреационных территорий следует согласовывать с задачами долгосрочного развития природно-заповедного фонда Украины, что будет способствовать, с одной стороны, охране и использованию его территорий с размещенными на них сельскими населенными пунктами для развития экологического туризма — с другой. Это направление развития оздоровительно-рекреационных территорий актуально, поскольку из 8032 территорий и объектов природно-заповедного фонда Украины только 644 имеют общегосударственный статус [199, с. 427]. Особое значение это направление имеет для Карпатского региона, на долю которого приходится 34,5 % площади земель природно-заповедного фонда Украины, размещенных в основном в приграничье. Удельный вес туристических маршрутов, проложенных на терри-

ториях природно-заповедного фонда, составляет 57,3 % от их общей площади, однако емкость стационарных рекреационных объектов не превышает 1,5 % от общегосударственной емкости, а количество туристов — 11,3 % [77, с. 10, 24].

На невысоких показателях развития экологического туризма в регионе, как и в Украине в целом, сказывается отсутствие опыта ведения этого вида деятельности, а также экономическая нестабильность и недостаточная активность общественной организации «Союз содействия развитию сельского зеленого туризма в Украине», созданной еще в 1995 году. Пока что большая часть рекреационных объектов работают без регистрации, что негативно сказывается на местных бюджетах.

Еще в меньшей степени развивается на сельских территориях историко-культурная деятельность, что связано с отсутствием традиций и профессионально подготовленных кадров, хотя 5 тыс. сел Украины отнесены к категории исторических.

Значительно больший масштаб и экономический эффект имеет оздоровительная деятельность. Наибольшим количеством санаторно-курортных и оздоровительных учреждений обладают Причерноморский (632), Крымский (543), Приазовский (449), Карпатский (208) регионы [318, с. 46]. Однако по ценовой политике, уровню развития инфраструктуры и сервиса отечественные оздоровительные учреждения неконкурентны по сравнению с зарубежными учреждениями и предприятиями.

Важно оптимизировать сам режим функционирования оздоровительно-рекреационных территорий и повысить их роль в комплексном развитии сельских населенных пунктов и административных районов. В значительном обновлении и усовершенствовании нуждаются социальная и инженерно-коммунальная инфраструктура объектов оздоровительно-рекреационного назначения. Это позволит создать надлежащие условия для отдыха и оздоровления клиентов и в первую очередь тех из них, кто проживает на селе, а также для зарубежных рекреантов.

Общей характеристикой современного состояния сельских горных территорий является их депрессивность, обусловленная превышением предложения трудовых ресурсов над их спросом вследствие недостаточной диверсификации хозяйственной деятельности. Поэтому вполне обоснованными являются предложения специалистов [112; 138] о необходимости перехода от монофункциональной эко-

номики горных территорий (сельского и лесного хозяйства) к полифункциональной как условию развития сферы приложения труда, снижения уровня безработицы и роста доходов населения горных сел.

Наиболее перспективными для развития в условиях Украинских Карпат В. Кравцив [112] считает такие три основные группы отраслей:

- традиционные отрасли, ориентирующиеся на развитие природных ресурсов горных территорий (лесное и деревоперерабатывающее производство, животноводство, пчеловодство, фармацевтическое растениеводство и пр.);

- нетрадиционные отрасли, связанные с использованием чистой окружающей природной среды как конкурентного преимущества (производство приборостроительной, электронной, фармацевтической, пищевой отраслей, ориентированных на экспорт продукции);

- отрасли, учитывающие запросы местных потребителей и связанные с деятельностью малых предприятий.

Из перечисленных отраслей второй группы преобладают виды деятельности, требующие больших затрат, производства соответствующего оборудования и наличия кадров со специальной подготовкой, а потому рассчитанные на отдаленную перспективу.

В современных условиях более реальными и перспективными выглядят виды деятельности, связанные с использованием ресурсного потенциала Карпатского региона для развития туризма и рекреации [137, с. 333–340]:

- наличных 800 источников и скважин лечебных вод;
- природных условий для развития разнообразных видов туризма;
- выгодного географического положения в центре Европы и транспортной доступности;
- мощного рекреационного потенциала для оказания оздоровительных услуг украинским и зарубежным потребителям;
- памятников истории, культуры и архитектуры;
- трудового потенциала (здесь проживают 1,3 млн человек или 20 % населения западных регионов Украины);
- институционально-правовых предпосылок развития туризма.

На наш взгляд, важно не только определить приоритетные направления развития сельских горных территорий, а и предусмотреть экономические механизмы, обеспечивающие комплексное освоение территории за счет рационального использования природных ресурсов и размещения производства.

Перспективной формой организации деятельности на горных территориях представляется кластерный подход, который предполагает интеграцию сельского хозяйства, перерабатывающей промышленности и сферы оздоровительно-рекреационных услуг.

Следует также осуществить зонирование горных территорий с целью определения приоритетных видов хозяйственной деятельности в тех или иных горных ареалах.

В свете евроинтеграционного курса Украины новое содержание приобретает развитие сельских приграничных территорий. Во-первых, несколько изменяется сам вектор трансграничного сотрудничества — от Российской Федерации в сторону соседних европейских государств. Во-вторых, происходит смещение акцентов с сотрудничества в сферах туризма и приграничной торговли к развитию связей в сфере сельскохозяйственного производства. Здесь существует риск, связанный со способностью отечественных сельскохозяйственных товаропроизводителей составить конкуренцию зарубежным производителям продукции сельского хозяйства.

С учетом сложившихся обстоятельств следует сконцентрироваться на следующих направлениях деятельности, которые будут способствовать активизации сельскохозяйственного производства в зоне приграничья:

- интенсификация хозяйственной деятельности;
- развитие специализации и кооперации;
- усиление государственного регулирования;
- стимулирование деятельности субъектов хозяйствования приграничной зоны.

Интенсификация хозяйственных связей между сельскими приграничными территориями потребует более активного социально-культурного сотрудничества территориальных общин, внесения изменений в программы трансграничного сотрудничества, в законодательство, регулирующее данную сферу деятельности. Первые шаги в этом направлении уже предприняты. Так, Государственной Стратегией регионального развития на период до 2020 года [229] предусмотрены: реализация проектов, направленных на повышение уровня социально-экономического развития приграничных территорий, улучшение их экономического состояния, обустройство приграничной инфраструктуры, развитие туризма; разработка и реализация совместных приграничных программ социально-гуманитарной, экономической, культурной, экологической направленности.

Стратегические направления развития тех или иных типов сельских территорий определяются, прежде всего, их проблемной спецификой. Кроме этого, следует учитывать принадлежность того или иного типа сельских территорий к их определенным уровням и разновидностям.

Реализация стратегических направлений развития сельских территорий с учетом их классификационных признаков и характеристик может быть осуществлена на основе адекватной им политики.

4.4. ПОЛИТИКА ИНТЕГРИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Интегрированный характер развития сельских территорий предопределен самой их природой (эндогенной функцией). Экзогенный фактор интегрированного развития сельских территорий обусловлен их ролью и местом в территориальной организации общества как одной из двух его составляющих, а также эволюцией человеческого сообщества в целом. Представление об интегрированном развитии сельских территорий как общественном процессе предполагает учет согласованного участия в его регулировании государственных институтов, институтов местного самоуправления и гражданского общества, рынка, субъектов хозяйствования (субъектно-институциональный фактор).

Реализация политики интегрированного развития сельских территорий имеет разное концептуное содержание:

- когнитивное (интеграция экономического, антропологического, экологического, институционального подходов);
- функциональное (сбалансированность производственно-хозяйственной, социальной, оздоровительно-рекреационной, природоохранной и других функций);
- политическое (координация целей политики интегрированного развития сельских территорий с приоритетами других политик);
- институциональное (согласование интересов формальных институтов — органов публичной власти и неформальных — общественных организаций, бизнеса);
- структурное (учет экономической, социальной, экономической составляющих сельских территорий, их разноуровневости и полиизмерности);

- мотивационное (гармонизация индивидуальных, групповых, местных, региональных, общегосударственных, территориальных, сферных и отраслевых интересов);
 - психологическое (соответствие политических намерений и целевых установок общественным ожиданиям);
 - объектно-субъектное (адекватность воздействия субъектов политики на объект политического влияния его реальному состоянию).
- Определяющую роль в обеспечении интегрированного развития сельских территорий играет эндогенный фактор (рис. 4.6).

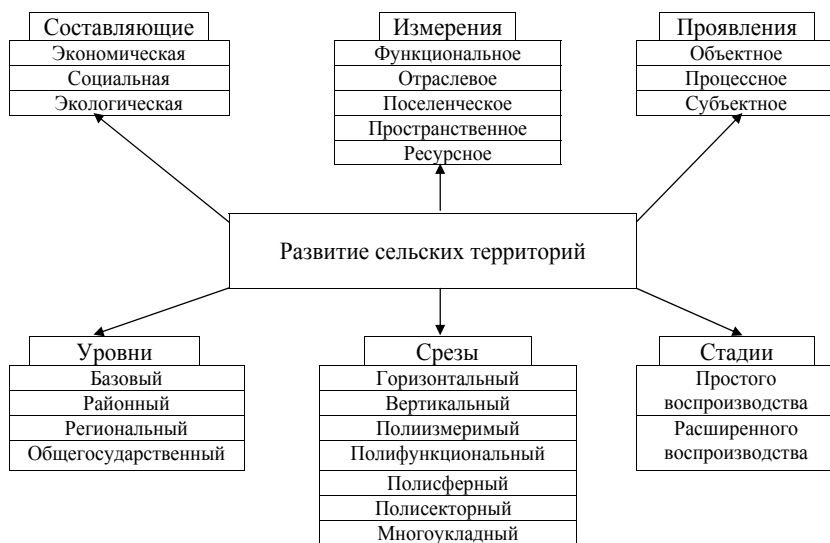

Рис. 4.6. Эндогенность развития сельских территорий

Анализ развития сельских территорий в контексте эндогенного фактора свидетельствует о том, что наиболее полное представление об интегрированном характере этого развития дает горизонтальный срез. В нем проявляются компоненты, ресурсы, функции, отрасли, уклады, сектора, отражающие многообразные стороны развития сельских территорий.

Вертикальный срез сельских территорий представлен первой стадией их развития (возрождения или простого воспроизводства) и второй стадией — устойчивого развития (расширенного воспроизводства).

Полифункциональность сельских территорий проявляется через реализацию их базовых функций — производственно-хозяйственной, социальной, оздоровительно-рекреационной и природоохранной.

Полисферный характер развития сельских территорий, как одной из двух территориальных подсистем общества, представлен экономической, социальной, природной, духовной и политической сферами.

Полисекторный срез развития сельских территорий проявляется через деятельность предприятий аграрного сектора, перерабатывающей и пищевой промышленности, службы сервиса.

Многоукладный срез сельских территорий представляют субъекты хозяйствования рыночного типа различных организационно-правовых форм, государственные и коллективные предприятия, фермерские хозяйства, хозяйства населения.

Измерения сельских территорий в их совокупности формируют системное представление о них.

Среди проявлений развития сельских территорий определяющим является процессное, которое демонстрирует его динамику как результат объектно-субъектного взаимодействия.

Для характеристики эндогенного фактора развития сельских территорий в экономической литературе [87] используются понятие «капитал территории», состоящий из физических и человеческих ресурсов, деятельности предприятий (размер, эффективность, позиция на рынке), рабочих мест (структура, стабильность, условия труда), ноу-хау, навыков, опыта (технологии, исследования, возможности развития), территориальной культуры (формы общения, интересы, обычаи, жизненные убеждения и взгляды местных жителей), управления (взаимодействие участников процесса управления территорией) и демократии (формы взаимодействия участников управленческого процесса), видов и восприятия территории непосредственно ее обитателями, внешних отношений (степень интеграции территории на разных рынках, внешне контакты и взаимодействие).

Иногда с целью идентификации эндогенного фактора в научной литературе [89, с. 157] используется термин «соблазны территории» (природные, экономические, географические, социальные, культурные), которые формируют привлекательный образ территории как места жизнедеятельности людей и занятий бизнесом. Американские исследователи [357, с. 13–16] подчеркивают уникальность соблазнов сельских территорий, которая определяется такими их фундаментальными чертами как: невозможность быть произведенными; бесповоротность;

высокая эластичность доходов от спроса на них, и мобильность. Первая черта связана с природными соблазнами, имеющими тенденцию к постоянному их сокращению и ограничению, вследствие преобразовательной деятельности человека. Бесповоротность означает, что восстановление прежнего облика территории в принципе возможно, однако дорого обходится. Под высокой эластичностью прибыли от спроса подразумевается важная роль соблазнов сельских территорий не только в формировании их капитала, а и в культурной идентичности сельского социума. Мобильность соблазнов является свидетельством их привязанности к конкретному месторазвитию и права на распоряжение ими исключительно общиной данной территории.

Экзогенный фактор хотя и вторичен по отношению к эндогенному, однако, тем не менее, играет весьма заметную роль в интегрированном развитии сельских территорий. К характеристикам внешней среды, имеющим долгосрочный характер (период перехода от последней фазы индустриального общества к первой фазе информационного общества и снижающаяся фаза пятого цикла (периода кондратьевской длинной волны конъюнктуры), сопровождающимся кризисными явлениями, добавилось геополитическое противостояние основных игроков мирового сообщества по поводу украинского евроинтеграционного выбора, приведшее к политической и социально-экономической нестабильности Украины. Все это вместе, с одной стороны, значительно усложняет процесс выработки и реализации национальной политики интегрированного развития сельских территорий и в тоже самое время выступает мощным внешним раздражителем мобилизации всех резервов для осуществления прорыва на данном направлении деятельности — с другой.

Одним из таких резервов является поддерживающая, солидарная, партнерская роль города со всеми его ресурсами в возрождении сельских территорий. Здесь уместно напомнить характеристику, данную М. Руденко промышленному сектору и городу в целом как энтропийным феноменам, потребляющим гораздо больше энергии, прежде всего в виде пищевых продуктов, чем воспроизводящих ее. Неэквивалентный обмен между городом и селом, ценовой диспаритет на промышленную и сельскохозяйственную продукцию, урон, наносимый окружающей природной среде городской цивилизацией, свидетельствуют об одностороннем использовании городом природно-ресурсной и овеществленной среды сельских территорий исключительно на пользу себе. При этом следует иметь в виду, что

владельцами крупных агрохолдинговых компаний являются, наряду с представителями иностранного капитала, отечественные бизнесмены, сколотившие свой первоначальный капитал в финансово-промышленной сфере, и значительно приумножившие его путем эксплуатации природных ресурсов сельских территорий. Пришло время вкладывать таким способом полученные средства не в оффшоры, а в инфраструктуру села, восстановление плодородия отечественных черноземов, воспроизводство сельской жизненной среды. Пора осознать, что от этого зависит будущее страны.

Качество политики интегрированного развития сельских территорий определяется ее субъектно-институциональной составляющей. Следует заметить, что за все годы независимости Украины на законодательном уровне так и не были выработаны институциональные основы политики развития сельских территорий, исключая отраслевую аграрную политику, социальную политику и ее фрагменты в составе территориальной региональной политики.

При этом в странах ЕС за этот период произошла поступательная смена одних институциональных основ политики развития сельских территорий другими. Первой среди них была отраслевая или секторная концепция развития сельских территорий, в рамках которой сельское развитие идентифицировалось с модернизацией сельского хозяйства и агропромышленного комплекса. Ее сменила концепция сближения, которая связывала сельское развитие исключительно с преодолением различий между наиболее отсталыми сельскими районами и городами. Следующей была территориальная концепция, основу которой составляли возможности территории в самом широком ее значении, ее человеческие, природные, ландшафтные и другие ресурсы [132]. Однако независимо от того, какая концепция занимала в тот или иной период времени доминирующую позицию, самой политике развития сельских территорий была присуща двойственность, характеризующаяся балансированием между отраслевым и территориальным подходами.

Эта же черта была характерна и для процесса разработки концептуальных основ отечественной политики развития сельских территорий, пока в 2010 году окончательно не взяла верх аграрная парадигма развития этих природных и социально-пространственных образований.

Подтверждением этому является направленность и содержание анализируемых ранее законодательных и нормативно-правовых актов. В них к заданиям Министерства аграрной политики и продовольствия

Украины вообще не были отнесены вопросы, связанные с развитием сельских территорий. Согласно Положению о Министерстве оно лишь утверждает форму паспорта сельских территорий и методику проведения их паспортизации [212]. А отдельные начинания так и остались на уровне заявлений. Речь идет о задании Президента Украины Министерству аграрной политики и продовольствия Украины о разработке Государственной стратегии развития сельских территорий [59].

Не лучше обстоят дела и с реализацией решений, принимаемых на высшем государственном уровне. Об этом свидетельствует выполнение плана финансирования Государственной целевой программы развития украинского села на период до 2015 года (рис. 4.7).

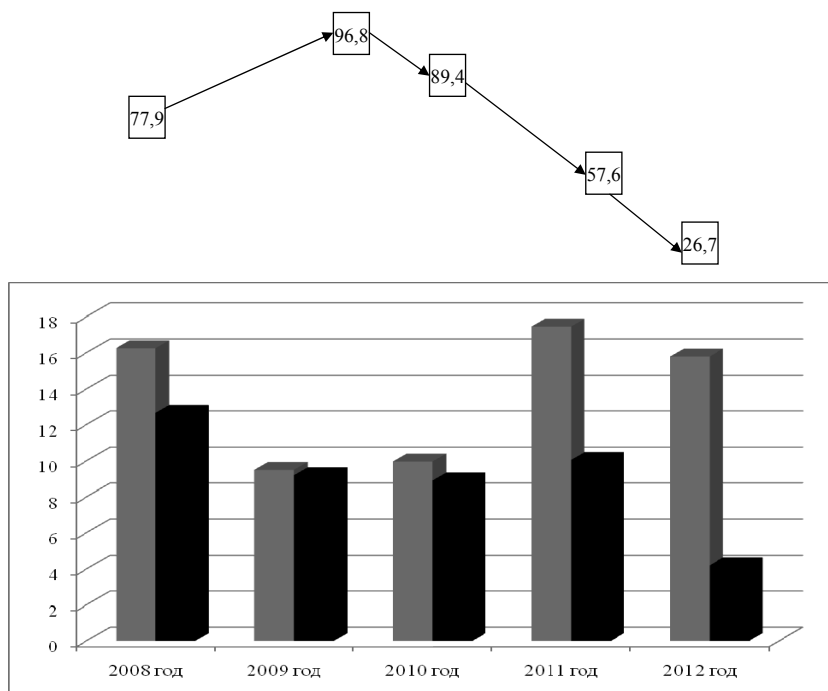

Рис. 4.7. Финансирование Государственной целевой программы развития украинского села на период до 2015 года [106]

— процент фактического финансирования
 — запланировано на год, млрд грн
 — фактически профинансировано, млрд грн

Значительное сокращение, а с 2013 года — прекращение финансирования Программы связано, с одной стороны, со сменой правительства и с ориентацией на финансирование отраслевых программ — с другой. Субъектом политического влияния на развитие сельских территорий, кроме Министерства аграрной политики и продовольствия Украины, является также и Министерство регионального развития, строительства и жилищно-коммунального хозяйства Украины, поскольку в состав региона входят сельские территории регионального и районного уровней. Однако сельская и городская составляющие региона отличаются друг от друга природной, поселенческой, производственно-хозяйственной, социальной спецификой и развиваются каждая по своей внутренней логике. Поэтому, с этой точки зрения, очевидно, что эти особенности, как и вопросы внутрирегиональных отношений должны получить отражение в нормативно-правовых актах, регулирующих региональное развитие в целом и его отдельные аспекты. К числу таких актов относятся Концепция государственной региональной политики, утвержденная Указом Президента Украины 25 мая 2001 года, и правительственная Государственная Стратегия регионального развития на период до 2020 года от 6 августа 2014 года.

Первый из указанных документов по определению является более стабильным и рассчитан на длительный период. Его разработка по времени предшествует выработке стратегии развития. Концепция, по сути, является образом будущего, его идеальной моделью. Стратегия указывает пути, направления и средства достижения будущего на отдаленную перспективу с учетом реального состояния сельских территорий. Поэтому временной промежуток в тринадцать лет между принятием этих документов не имеет принципиального значения.

При анализе Концепции государственной региональной политики следует иметь в виду, что речь идет о общегосударственной политике, объектом которой в разрезе сельских территорий выступает сельская территориальная подсистема общества. Исходя из этого региональная политика должна быть направлена на преодоление социально-экономических диспропорций между сельской и городской территориальными подсистемами общества. Однако эта проблема регионального развития не нашла должного отражения в Концепции. В ней главная цель региональной политики определена как создание условий для динамичного, сбалансированного социально-экономического развития Украины и ее регионов, повышение уров-

ня жизни населения, обеспечение соблюдения гарантированных государством социальных стандартов для каждого его гражданина независимо от места проживания, а также углубление процессов рыночной трансформации на основе повышения эффективности использования потенциала регионов и действенности управленческих решений, совершенствования работы органов государственной власти и органов местного самоуправления [239, с. 263]. Как видно из приведенной формулировки, проблемы развития сельских территорий в целевой установке Концепции упомянуты далеко не в прямой постановке. В утвержденной в 2009 году Кабинетом Министров Украины Методике оценки межрегиональной и внутрирегиональной дифференциации социально-экономического развития регионов вообще не предусмотрено сопоставление соответствующих показателей развития в разрезе их сельской и городской составляющих, а также районов [226]. Данная методика работает лишь в части, касающейся необходимости стимулирования развития депрессивных регионов, в границах которых, как указывается в Концепции, показатели социально-экономического развития значительно ниже средних показателей по стране. С целью преодоления депрессивности предлагается укрупнение сельских территориальных общин не естественным путем, а за счет их механического объединения, т. е. административно-организационными методами [239, с. 263, 266, 269].

В Концепции государственной региональной политики даже отсутствует упоминание о существовании внутрирегиональных диспропорций, не говоря уже о проблемах развития территорий. Соответственно не определены и способы устранения существующих диспропорций средствами региональной политики.

В этом отношении более предпочтительной является Государственная Стратегия регионального развития на период до 2020 года. Шагом вперед в ней, по сравнению с предшествующими нормативно-правовыми актами, было признание отсутствия четко определенной государственной политики в сфере регионального развития [229]. Тем не менее, такая констатация выглядит несколько запоздалой. Сознательное замалчивание и игнорирование на уровне государственной политики межрегиональных и внутрирегиональных различий, отсутствие научных подходов к их классификации из-за опасности федерализации обернулось трагедией для миллионов украинских граждан. Постфактум в Стратегии актуализировалась тема, связанная с децентрализацией власти.

Стратегия содержит ряд положений политико-управленческой направленности, а одна из ее целей предусматривает согласованность государственной региональной политики с другими видами политики, которые ориентированы на территориальное развитие. Несколько спорным является смещение акцентов на имеющуюся дифференциацию развития регионов и городов (города — это составляющая регионов. — *А. П.*), с одной стороны, сельских и шахтерских территорий — с другой. Весьма перспективным представляется интегрированный подход к формированию и реализации государственной региональной политики, предусматривающий объединение секторной (отраслевой), территориальной (пространственной) и управленческой составляющих. В основе такого подхода лежит целевая установка на социально-экономическую интеграцию и пространственное развитие регионов. Впервые в подобного рода документах отдельной строкой выделено развитие сельской местности. И что не менее важно, в Стратегии в качестве операционной цели, способствующей достижению эффективности государственного управления в сфере регионального развития, рассматривается его институционализационное обеспечение [229], предусматривающее выполнение следующих задач:

- определение на законодательном уровне основ государственной региональной политики;
- повышение уровня координационной деятельности центральных и местных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления;
- максимальная концентрация средств финансовой государственной поддержки регионального развития в рамках государственного фонда регионального развития;
- завершение проведения административной реформы, уменьшение количества контрольно-надзорных функций центральных органов исполнительной власти, передача местным органам исполнительной власти полномочий центральных органов исполнительной власти высшего уровня;
- государственное стимулирование сотрудничества территориальных общин;
- определение порядка функционирования агентств регионального развития;
- поддержка организаций гражданского общества.

В свете изложенного содержания ключевых положений Стратегии вполне уместным является вопрос о способе их реализации. На этот

счет имеются сомнения, если исходить из самого названия Министерства: какое из направлений — региональное развитие, строительство или жилищно-коммунальное хозяйство являются приоритетным в его деятельности. Ответ на этот вопрос в определенном смысле дает анализ содержания соответствующего Положения [235], в котором Министерство определено главным органом в системе центральных органов исполнительной власти по формированию и обеспечению региональной государственной жилищной политики и политики в сфере строительства, архитектуры, градостроительства и жилищно-коммунального хозяйства. Основной задачей Министерства являются формирование и обеспечение реализации государственной политики в сферах: усовершенствования территориальной организации власти, административно-территориального устройства, развития местного самоуправления. Кроме этого, в ведении Министерства находится управление в сфере градостроительной деятельности путем планирования территории на государственном уровне. Из приведенного текста Положения можно сделать вывод о его несоответствии целям деятельности Министерства, определенным Государственной Стратегией регионального развития на период до 2020 года. При формировании миссии Министерства в Положении речь идет не о государственной региональной политике, а о региональной государственной политике, что свидетельствует о сужении сферы влияния общегосударственной региональной политики, осуществляемой центральным органом исполнительной власти, до регионального уровня политического влияния, находящегося фактически в компетенции территориального органа исполнительной власти, имеющего двойное подчинение (помимо министерства и главе областной государственной администрации). Наконец, сама задача Министерства, в свете Положения, по своему содержанию и направленности — шире, чем его миссия.

Из проведенной оценки субъектно-институционального фактора формирования политики интегрированного развития сельских территорий следует, что ни отраслевое Министерство аграрной политики и продовольствия Украины, ни территориальное Министерство регионального развития, строительства и жилищно-коммунального хозяйства Украины не обладают необходимыми ресурсами и институционально не обеспечены для осуществления государственной политики, способствующей возрождению сельских территорий с последующим их расширенным воспроизводством. Для этого необходимы соответствующие организационные и концептуальные основания,

иные политические институты, другой набор инструментов политического влияния, согласованных с функциями сельских территорий и их общественным предназначением.

Политика интегрированного развития сельских территорий, на наш взгляд, должна основываться на следующих концептуальных началах:

- учет эндогенного, экзогенного и субъектно-институционального факторов развития сельских территорий;

- объединение отраслевого, территориального подходов и подхода, ориентирующегося на интеграцию сельской и городской территориальных подсистем общества;

- взаимосогласованное развитие экономической, социальной и экологической составляющих сельских территорий;

- принятие во внимание отличий, характерных для тех или иных уровней, разновидностей и типов сельских территорий;

- стимулирование видов производственно-хозяйственной деятельности, конкурентных и альтернативных сельскохозяйственной;

- приоритет интересов сельского населения;

- соблюдение интересов субъектов политики.

Определяющую роль в формировании политики интегрированного развития сельских территорий играют объектно-субъектные связи (рис. 4.8).

Функцию интеграции задач развития сельских территорий и интересов разных субъектов общественно-политического процесса призваны выполнить органы государственной власти. Государство, по своему месту в политической системе общества, выступает выразителем национальных интересов через обеспечение их реализации бюджетными ресурсами. Согласно теории современной роли государства Р. Гринберга и А. Рубинштейна [52, с. 18], государство как субъект рынка выступает инвестором социального сектора, вкладывая средства в развитие интеллектуального капитала. Рациональность его поведения должна отвечать таким принципам [51, с. 34]:

- необходимости регулирования процесса использования ресурсов производства;

- целесообразности государственной поддержки социальной сферы;

- демократического прагматизма, указывающего на максимально эффективные способы и процедуры распределения средств, которые находятся в собственности государства.

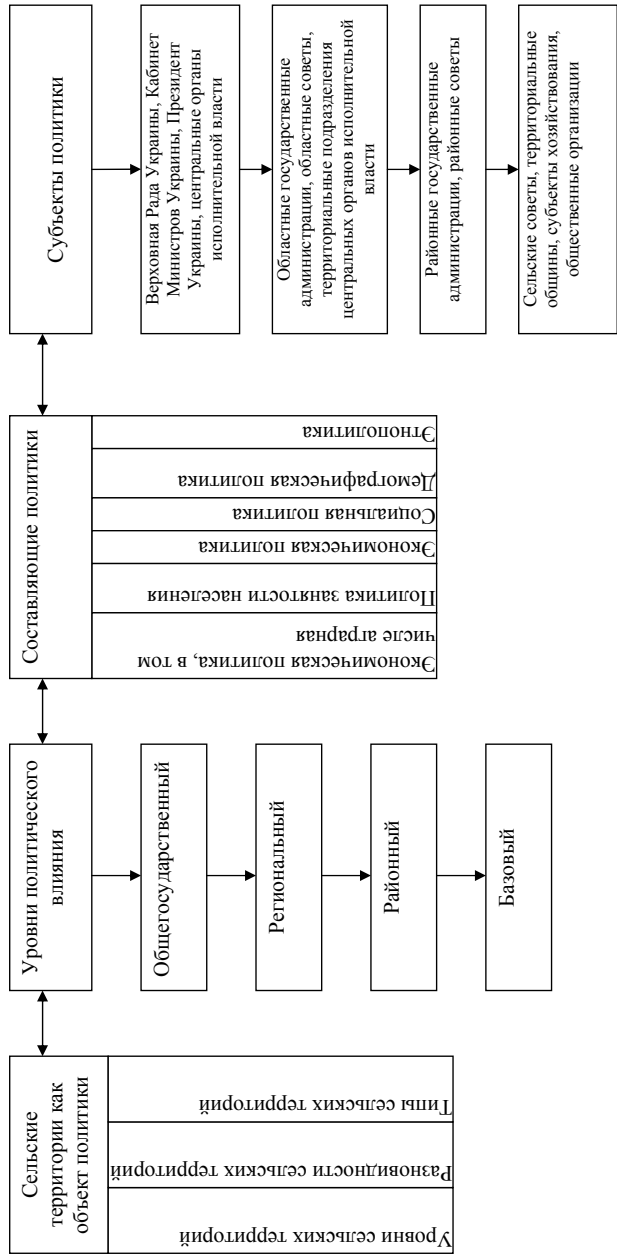

Рис. 4.8. Объектно-субъектные связи, формирующие политику интегрированного развития сельских территорий

В результате реализации этих принципов возникает необходимый социальный эффект. Такой подход основывается на концепции «мериторных благ», или трех функций государства, которая реализуется через систему государственных финансов: размещения (аллокации) ресурсов, (пере) распределения доходов и стабилизации экономики, разработанной еще в 1950-е годы Р. Масгрейвом [361, с. 87]. Речь идет, прежде всего, не о материальных благах, а об определенных ценностях, которые должны быть направлены на обеспечение социальной гармонии, создание условий для достижения национальной самобытности и развития духовных традиций.

Практическое воплощение концепции «мериторных благ» по отношению к сельским территориям зависит не только от консолидации деятельности органов государственной власти различной ведомственной принадлежности, а и от корпоратизации усилий неформальных институтов с целью формирования соответствующей институциональной среды.

Однако на пути реализации данной модели политики существуют объективные трудности, связанные с типом политики, присущей Украине, представляющей собой комплекс мер непосредственного влияния на хозяйственную деятельность через финансовую стабилизацию, структурные и социальные изменения, в том числе корректировку рыночного распределения доходов и разрешения проблемы благополучия. Вместе с тем недостаточно учитывается и применяется такой регулирующий принцип политики как перераспределение доходов в пользу села и аграрного сектора экономики.

Государственная политика состоит из подготовки, принятия и реализации властных решений. Она делится на правотворческую (разработка стратегии развития сельских территорий, закреплённой в нормативно-правовых актах и воплощенной в целевых программах) и правоприменительную (реализация стратегического курса).

Такая политика способна разрешить не только проблемы развития сельских территорий, а и ряд задач региональной политики (преодоление внутри- и межрегиональных диспропорций) и структурной политики (поддержка экономически обоснованного соотношения фондов возмещения, потребления и накопления, обеспечения внутриотраслевого и межотраслевого сбалансированного развития национального хозяйства).

Политика интегрированного развития сельских территорий призвана объединить устремления государства, органов местного са-

моуправления, территориальных общин, бизнеса и общественности в воспроизводстве этих природных и социально-пространственных образований. Источником выработки этой политики являются разные институты, а те или иные ее направления являются одновременно творением нескольких министерств и ведомств. При таких условиях эта политика выглядит как мегаполитика, интегрирующая несколько политик, указанных на рис. 4.8.

В настоящее время проводником этой политики выступают отраслевые министерства и ведомства. Так, один из этих институтов — Министерство аграрной политики и продовольствия Украины является секторным, другие контролируют определенные сферы общественной жизни и не ограничивают свое политическое влияние сельскими территориями. Кроме этого, некоторые из составляющих мегаполитики относятся к компетенции нескольких министерств.

Приоритетной составляющей мегаполитики развития сельских территорий является экономическая политика, направленная на активизацию производственно-хозяйственной деятельности. Аграрная политика как составляющая экономической политики имеет территориальное измерение и региональные особенности. А тот или иной вид деятельности рассматривается под углом зрения необходимости создания на сельских территориях экономической среды, способствующей воспроизводству населения, а потенциальные возможности разных отраслей сельской экономики должны оцениваться сквозь призму ее конкурентоспособности и рентабельности.

Главная задача политики занятости сельского населения — расширение сферы приложения труда на селе.

Назначением социальной политики является улучшение духовного и социально-культурного развития сельского населения, повышение уровня и качества его жизни.

К приоритетным направлениям демографической политики отнесены: формирование здорового образа жизни сельской молодежи, поддержка семьи, совершенствование миграционной политики, создание условий для закрепления на селе молодежи.

Предназначением этнополитики является гармонизация отношений между этносами и властью, между титульным этносом, коренными народами и национальными меньшинствами, а также внутри каждой из этнических общностей.

Цель экологической политики — разработка и реализация стратегии рационального природопользования, и защита окружающей

природной среды для обеспечения устойчивого развития сельских территорий.

Выделение составляющих политики интегрированного развития сельских территорий можно рассматривать как способ ее классификации на виды. Существует практика определения этих составляющих (видов) как направлений политики развития сельских территорий [82, с. 131]:

- аграрно-экономического (стимулирование малых форм хозяйствования, развития вертикальной сельскохозяйственной кооперации, поощрение социальных инвестиций больших фирм);
- землеустроительного и градостроительного (совершенствование землеустройства, улучшение планирования и застройки сельских поселений, развитие инженерной инфраструктуры);
- демографического и социально-экономического (стимулирование демографического развития, повышение занятости и доходов населения, развитие социальной инфраструктуры);
- экологического (охрана ландшафтов и повышение плодородия почв, стимулирование «экологического» сельского хозяйства);
- институционального (стимулирование участия граждан в программах сельского развития, развитие информационно-консультационной службы, развитие сельского самоуправления).

Независимо от терминологических нюансов (вид, направление) ключевым словом в понятийном конструкте «политика интегрированного развития сельских территорий» является слово «политика», имеющее субъектно-инструментальное проявление и содержательное направление.

Среди перечисленных видов (направлений) политики лишь аграрная является сельско-территориальной. Хотя один из ее аспектов, связанный с земельными отношениями, имеет отношение и к городской территориальной подсистеме общества.

Смысл политической деятельности проявляется в ее объектной направленности. В данном случае объектом политики выступают сельские территории, идентифицируемые и классифицируемые нами по определенным признакам, которые дифференцируются на уровни, разновидности и типы.

Применительно к объекту сущность политики интегрированного развития проявляется в учете всех его системных характеристик, срезов, измерений, проявлений и стадий, а также уровней, разновидностей и типов. Вместе с тем, признание такой политики мегаполи-

тикой предполагает ее спецификацию, осуществляемую по разным разделительным линиям, основной из которых является линия, классифицирующая сельские территории на их разновидности. Однако в любом случае такая политика идентифицируется как развивающе-объектная политика, а не как объектная политика (как пример: политика развития сельских горных территорий, а не горная политика). Подобная детализация и уточнение существенны хотя бы потому, что те же горные территории, являющиеся таковыми по своему месторазвитию, могут обладать одновременно признаками и существенными характеристиками оздоровительно-рекреационных и приграничных территорий.

Поэтому политика интегрированного развития сельских территорий — это не некая универсальная абстракция, а конкретно наполненная система мер политического воздействия на объект влияния, имеющий свои отличительные характеристики. Сочетание в такой политике общего и единичного основывается на учете ее концептуальных начал. Как раз отсутствие концепции политики развития сельских территорий создает проблемы в процессе ее реализации.

Согласно разработанной нами классификации, наиболее унифицированной по своему подходу является политика, применяемая к наиболее распространенной разновидности сельских территорий — типично сельским (аграрным) территориям. Поскольку родовым признаком этих территорий является высокая обеспеченность земельными и другими природными ресурсами, политика их развития направлена на создание условий для осуществления эффективного сельскохозяйственного производства, ландшафтной организации территории в соответствии с принципами физической экономии, требующими согласования правил хозяйствования с объективными законами природы. Учитывая наличие на этих территориях депопуляции, упадок их социальной сферы, деградацию поселенческой сети, которые несут угрозу выполнения ими агропродовольственной функции, целесообразно:

- осуществить реформирование административно-территориального устройства страны в направлении преодоления обособленности села;
- постепенно трансформировать город и село в динамическую систему путем интеграции экономических связей между ними;
- создать сельско-городские производственные структуры с общими функциями;

- преодолеть дисбаланс в экономических отношениях между сельским хозяйством и промышленностью;
- предоставить государственную поддержку селу в объемах, достаточных для его расширенного воспроизводства;
- передать объекты социальной инфраструктуры на баланс государства;
- обеспечить селу равные с городом условия для получения доходов и социальных благ.

Политика развития сельских урбанизированных зон и ареалов предусматривает определение статуса этого типа территорий как переходных, разработки концепции и стратегии их развития. С правовой точки зрения не существует каких-либо юридических ограничений относительно инициирования территориальными общинами пригородных сел и городов предложений по объединению их общих ресурсов и формированию соответствующих управленческих структур.

Приоритетные направления политики развития «аграрных городов» связаны с возрождением в них деятельности предприятий пищевой промышленности, транспорта и связи, учреждений социально-культурного и торгово-бытового назначения. Превращению их в центры экономического роста и возрождения сельских территорий будет способствовать представление районным советам, после снятия моратория на продажу земель сельскохозяйственного назначения, права выкупа земельных участков у их владельцев с последующей передачей в аренду с целью получения прибыли и ее направления на разрешение проблем местного развития. Созданию в этих городах благоприятной экономической среды способствовали бы меры по сосредоточению здесь большей части местных налогов.

Первоочередной задачей политики развития оздоровительно-рекреационных территорий является инвентаризация и учет этих территорий с их распределением на виды с определением границ и статуса каждой конкретной территории. Необходимость проведения такой работы обусловлена тем, что ресурсы этих территорий на региональном и местном уровнях не только не используются по целевому назначению, а и не всегда учитываются. Первой такой попыткой была Программа комплексного развития Украинского Приднестровья на 2004–2011 годы [237], территории юго-западной части Одесской области, включающей пять административных районов — Болградский, Измаильский, Килийский, Ренийский, Татарбунарский, а так-

же город областного значения Измаил общей площадью 6,6 тыс. км². Природный потенциал Украинского Придунавья представлен земельными, водными и рекреационными ресурсами, а сам регион, размещенный на перекрестке международных путей из Европы в Азию, обладает развитым потенциалом морехозяйственного и транспортного комплексов. Основными направлениями Программы были определены: развитие морехозяйственного, агропромышленного и транспортного комплексов, сохранение природно-заповедных территорий, развитие туристическо-рекреационной сферы, содействие развитию туризма (сельского зеленого, исторического, экономического, оздоровительно-спортивного), популяризация отечественного туризма на внутреннем и внешнем рынке туристических услуг. Однако достичь ожидаемого результата от реализации Программы, а именно — повышение статуса Украины как трансграничной и морской державы, разрешения ряда социально-экономических проблем региона не удалось из-за ограниченных возможностей государственного бюджета.

К числу других важнейших задач развития данной разновидности территорий следует отнести формирование институциональной среды. Это — разработка, принятие и внедрение экологического законодательства, формирование экологического мировоззрения, приобщение к этой работе общественных организаций.

О значимости горных территорий не только для Украины, а для соседних с ней стран, свидетельствует Стратегия выполнения Рамочной концепции об охране и устойчивом развитии Карпат, одобренная Кабинетом Министров Украины 16 января 2007 года. Ее цель состоит в обеспечении сохранения и обновления уникальных природных комплексов Карпат, имеющих важное природоохранное, эстетическое, научное, образовательное, рекреационное, оздоровительное и ресурсное значение, в предотвращении негативного влияния на горные экосистемы и организации скоординированной с экономической точки зрения деятельности в Карпатском регионе [267, с. 27].

Принятие Стратегии послужило толчком к объединению усилий ученых, представителей власти, бизнеса, общественных организаций по реализации ее задач. Так, в 2012 году был разработан проект Государственной программы устойчивого развития Карпат как составной части программы ЕС «Карпатское пространство». В развитие данного проекта в Закарпатской области был разработан проект государственной политики устойчивого развития горных территорий на пе-

риод до 2020 года [138], в котором определены следующие принципы ее реализации:

- развитие горных территорий как целостного комплекса, сложившегося исторически и выполняющего социально-демографическую, природоохранную, рекреационную, культурную и другие общенациональные функции;

- обеспечение конституционных прав населения на достойный человек труд и его оплату, доступности к качественному образованию, медицинской помощи, другим социальным услугам;

- направление государственной поддержки горных сел на развитие их социально-демографического и производственно-ресурсного потенциала;

- учет внутрирегиональных особенностей социально-экономического развития, приоритетная поддержка депрессивных территорий;

- налаживание системы социального партнерства государства, органов местного самоуправления, бизнеса и населения в реализации программ развития каждого горного села;

- углубление связи села и города, интегрирование горных сел в единую хозяйственную систему на основе агропромышленной интеграции и кооперации, формирования кластеров;

- приобщение горных сел к трансграничному и межрегиональному экономическому сотрудничеству;

- развитие на селе институтов гражданского общества, активизация участия местного населения в принятии решений, связанных с социально-экономическим развитием горных поселений.

Несмотря на инициативу, проявляемую на региональном уровне, в Украине до сих пор отсутствует единая государственная политика развития горных территорий. Пока что государство ограничивает себя разработкой нормативно-правовых актов локального значения: отдельно для Украинских Карпат и Крымских гор. Более того, развитие Крымских гор регулируется Государственной программой социально-экономического развития Автономной Республики Крым на период до 2017 года [228], а не специальным документом, учитывающим специфику горных территорий этого региона. На самом деле у горных территорий Крыма гораздо больше общего с соответствующими территориями Карпатского региона, чем с равнинными территориями собственного региона. Все это служит весомым аргументом в пользу необходимости разработки государственной политики развития горных территорий.

В разработке и реализации политики развития приграничных территорий центр тяжести переносится на органы местного самоуправления и сельские территориальные громады, деятельность которых координируется межгосударственными организационно-управленческими структурами, функционирующими в рамках локальных еврорегионов.

Опыт приграничного сотрудничества свидетельствует о том, что политика развития приграничных территорий должна осуществляться по следующим направлениям:

- обеспечение эффективного использования местного ресурсного потенциала;
- гармонизация интересов государства и территориальных общин приграничных территорий;
- стабилизация социально-экономического развития приграничных территорий за счет использования зарубежного опыта в организации приграничных экономических зон;
- создание условий для проявления местной инициативы по налаживанию равноправного партнерства между соседними государствами;
- финансовая поддержка в реализации совместных проектов по развитию приграничных территорий.

Имплементация политики интегрированного развития сельских территорий в систему социального управления требует трансформации сложившихся политико-управленческих отношений в сторону расширения властных полномочий региональных и местных органов государственной власти и органов местного самоуправления, сельских территориальных общин.

Учитывая фактическое самоустранение высших органов государственной власти от ответственности за состояние сельских территорий, переложивших ее даже не на центральные органы исполнительной власти, а на структурные подразделения местных государственных администраций, вопрос о реструктуризации управленческих структур на общегосударственном уровне требует своего незамедлительного разрешения. Пока же эти функции возложены на Департамент научно-образовательного обеспечения АПП и развития сельских территорий Министерства аграрной политики и продовольствия Украины. В положении о Департаменте [211], вторая часть названия которого почему-то представлена аббревиатурой АПП, перечислены его задания, сводящиеся к организационно-методологическому

обеспечению аграрной отрасли кадрами специалистов и рабочих, координации соответствующей отрасли образования и науки, формированию и реализации государственной политики по поддержке и развитию личных крестьянских и фермерских хозяйств, кооперации и предпринимательства, консультационной службы. Направления работы, связанные с развитием сельских территорий, представлены, во-первых, не как основные и, во-вторых, в контексте реформирования коммунального хозяйства на селе, занятости сельского населения, оздоровления детей работников АПК (которых там практически не осталось. — *А. П.*), обеспечения прав сельского населения на занятия физической культурой и спортом, обеспечения правовой защиты сельской молодежи и т. п. В структуре Департамента даже отсутствует подразделение, непосредственно обеспечивающее выполнение декларируемого в Положении комплексного развития сельских территорий.

Таким образом, политика интегрированного развития сельских территорий, во-первых, охватывает своим влиянием все уровни этих природных и социально-пространственных образований, во-вторых, по своему содержанию отражает все компоненты объекта, в-третьих, распространяется на все разновидности сельских территорий, в-четвертых, учитывает взаимосвязанность сельской и городской территориальной подсистем общества, в-пятых, по уровню влияния является адекватной соответствующим уровням сельских территорий.

Любая научная работа, а тем более связанная с идентификацией и классификацией объекта исследования, начинается с определения его понятийно-категориального аппарата. Однако в отличие от других работ, не являющихся теоретико-аналитическими в данного рода исследовании, этот аспект становится начальным этапом процесса идентификации, переходящим в классификацию объекта научного познания.

При определении понятия «сельские территории» учтен его двух-компонентный состав, базовой составляющей которого является «территории», а уточняющей и конкретизирующей — «сельские». Если первый термин определяет пространственные характеристики и субстанциональность объекта, то второй — указывает на его адресат и сущностное содержание.

Раскрытию сущности сельских территорий способствовало использование общенаучных и специальных научно-исследовательских подходов, критический анализ исторически сложившейся практики ее оценки с позиции парной дихотомии «село — город» и «сельское хозяйство — промышленность», способствующей доминированию отраслевого подхода в сельско-территориальных исследованиях.

Введению в научный оборот понятия «сельские территории» предшествовал этап подготовительной работы, в процессе которой произошло постепенное становление территориальной исследовательской парадигмы, берущей свое начало с концепции полифункционального развития села, «расширения» аграрного сектора за счет имплементации понятия «сельский сектор» с последующим чередованием, совмещением и замещением понятий «сельская местность» и «сельские территории» до активного использования в аграрной экономической науке категории «сельские территории». В конечном итоге это получило свое отражение в утверждении территориального подхода в качестве инструмента идентификации сельских территорий как природных и социально-пространственных образований.

Одним из важных способов идентификации сельских территорий является трактовка этого понятия в законодательных и нормативно-правовых актах. Для отечественной нормотворческой практики характерна непоследовательность и хаотичность применения термина

«сельские территории», без раскрытия содержания самого понятия, его подмена другими, не всегда родственными понятиями. Первое упоминание термина «сельские территории» (без определения его смысловой нагрузки) приходится на 1998 год. В 2005 году на правительственном уровне принимается решение о необходимости отказа от отраслевого принципа формирования государственных программ развития села в пользу комплексного развития сельских территорий. А 2010 год ознаменован двумя противоречивыми событиями — нормативно-правовым признанием сельских территорий самостоятельным объектом политики и государственного управления и переходом к реализации отраслевой программы развития сельских территориальных общин.

Таким образом, использование в нормотворческой практике Украины словосочетания «сельские территории» без его содержательного наполнения, что само по себе несовместимо с правовыми традициями, негативно отражается на уровне институционального обеспечения процесса идентификации этих природных и социально-пространственных образований. Опыт осуществления аграрных преобразований свидетельствует о том, что отечественные реформаторы при их проведении руководствуются не рекомендациями науки и принципом практической целесообразности, а конъюнктурными интересами политических партий и представителей крупного бизнеса, находящихся у власти.

В этом плане большей четкостью и определенностью отличаются законы и подзаконные акты других постсоветских республик. В них сельские территории (Российская Федерация), сельская местность (Республика Беларусь) или сельские населенные пункты (Республика Казахстан) рассматриваются как целевой объект правового регулирования, несущий определенную смысловую нагрузку, соответствующую его функциям и общественному предназначению.

Неоднозначность трактовки понятия «сельские территории» в свете тех или иных научно-исследовательских подходов, его разный отраслевой и территориальный контекст, а также смысловая неопределенность на законодательном уровне привели к тому, что в литературных источниках и в научном обиходе в целом как равнозначные ему используются другие понятия. Поэтому в целях соблюдения «чистоты» идентификационного процесса одна из исследовательских задач состояла в размежевании понятия «сельские территории» с родственными и сходными понятиями.

Как сходные с сельскими территориями по базовой составляющей идентифицируемого понятийного конструкта рассмотрены такие понятия как «пространство», «место» (территориальное содержание), «село» (территориально-поселенческое содержание), «сельский сектор», «агропромышленный комплекс», «аграрный сектор» (межотраслевое содержание), «сельское хозяйство» (отраслевое содержание).

Родственными и близкими по содержанию и смыслу по отношению к сельским территориям являются понятия, совмещающие в себе обе указанные составляющие, а именно: «аграрные территории», «сельскохозяйственные территории», «хозяйственные территории», «агропродовольственная сфера», «аграрная сфера», отличающиеся от них по тем или иным, но несущественным признакам.

Тожественным понятию «сельские территории» является понятие «природные и социально-пространственные образования». Слово «социально» здесь используется в широком значении (как «общественно»).

Позиционирование сельских территорий как двукомпонентной научной категории в качестве объекта идентификации и классификации связано с переходом от этимологического анализа термина к раскрытию содержания самого понятия. Такая процедура научного познания, имеющая субъектно-объектную направленность, предполагает выявление внутренней структуры объекта познания со стороны субъекта. Субъект познания, представленный различными научными дисциплинами и направлениями, определяет для себя собственное предметное поле исследования, используя при этом для решения научной задачи различный исследовательский инструментарий.

Проведенный нами анализ попыток экономистов, географов, правоведов, социологов, управленцев дать определение понятия «сельские территории», опираясь исключительно на собственный методический арсенал, показал их безуспешность. Современный этап развития науки все более убеждает в том, что ее будущее — за междисциплинарными исследованиями, осуществляемыми на стыке нескольких отраслей знаний. Это требование в первую очередь применимо по отношению к таким сложным объектам познания, какими являются сельские территории.

Определение понятия «сельские территории» — первый и важный шаг на пути их идентификации. Ведь не зря говорят — как корабль назовешь, так он и поплывет. Идентификация как научная процедура и результат целенаправленного познавательного процесса основывается на фундаментальных положениях цивилизационных

теорий, раскрывающих непреходящий характер сельского развития и сельских территорий как его объекта, мир-системной концепции, определяющей пространственные координаты сельских территорий, теории центральных мест, обладающей значительным научным потенциалом для осуществления идентификации сельских территорий, теоретических воззрений П. Кругмана, Дж. Фридмана, современных исследователей, обосновавших условия и факторы, определяющие конкурентные преимущества этих природных и социально-пространственных образований.

Отличительные идентификационные признаки сельских территорий раскрываются через их внутреннюю структуру. В этом смысле рассмотрение сельских территорий как агроэкосистемы позволяет провести линию, разграничивающую их от городов: местоположение, вид, предназначение, характер использования и пространственные параметры земель указывают на их родовые отличия от городской территориальной подсистемы общества.

Сельские территории, как экономическое пространство, отличаются от городов по видам хозяйственной деятельности. Их большая часть имеют аграрную направленность развития. Кроме этого, для сельских территорий характерны природоохранная и оздоровительно-рекреационная функции, идентифицирующие их по специфическим свойствам. Вместе с тем, сельские территории дифференцируются по степени обеспеченности сельскохозяйственными землями, уровню производства сельскохозяйственной продукции в расчете на 100 га сельскохозяйственных угодий и на одного сельского жителя. Имеются также региональные различия в производстве растениеводческой и животноводческой продукции, а также в разрезе сельскохозяйственных предприятий и хозяйств населения. В целом экономическое пространство сельских территорий характеризуется отраслевой неоднородностью и неравномерностью развития, что свидетельствует об их хозяйственном разнообразии.

Пространственные рамки социальной среды сельских территорий ограничиваются сельскими населенными пунктами, однако это не является основанием для ее идентификации с поселениями. Речь идет лишь о совпадении границ социальной среды и населенного пункта как компонента сельской поселенческой сети. Социальную среду формирует сельский социум, а ее показателями выступают уровень социально-культурного, торгово-бытового обслуживания сельских жителей, инженерно-коммунального обустройства их среды обита-

ния, а также уровень и качество жизни населения. Это также еще и система социальных связей и отношений, установившаяся в сельском сообществе. Состояние сельской социальной среды и сельский образ жизни существенно разнятся от городской среды. Заметно отличаются от городской как система застройки, так и уровень благоустройства сельских населенных пунктов. Все это в совокупности является достаточным основанием для признания социальной среды как одной из идентификационных составляющих сельских территорий.

Образу сельских территорий, отраженному и закрепленному в ментальности населения, отведена особая роль в идентификационном процессе. Ментальное пространство как субъективируемая мыслительная картина реального сельско-территориального пространства, являющаяся результатом непосредственного восприятия действительности и его рефлексивного отражения, существует как самостоятельная инстанция наряду с реальным пространством сельских территорий. С познавательной точки зрения важно, насколько образ сельских территорий идентичен их реальным характеристикам. При этом в первую очередь следует учитывать условия и факторы формирования отношения сельского населения к сельским территориям как к своей малой родине. От этого зависит его участие и роль в созидательном преобразовании сельских территорий. Без формирования в сознании населения образа сельских территорий как вернакулярных (родных) территорий сложно ожидать от него позитивного и конструктивного деятельного отношения к ним. Таким образом, сельское население участвует в создании сельских территорий, с одной стороны, образно, формируя собственный мир ментального пространства в виде мыслей, чувств, ощущений, совокупности знаков, символов, архетипов, стереотипов территории, и практического участвуя в их развитии — с другой. Ментальная картина сельских территорий не обязательно соответствует их реальному состоянию и не всегда ассоциируется с образом вернакулярных территорий. Задача исследователя заключается в установлении их идентичности, что имеет не только научную актуальность, а и практическую значимость.

Идентификационная роль классификации сельских территорий основывается на использовании методологического инструментария, включающего в себя как общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогии и др.), так и методы экономической, географической, социологической и правовой наук. Без классифи-

кации, как процедуры деления сельских территорий на их уровни, разновидности и типы по определенным признакам, идентификация этих природных и социально-пространственных образований была бы не только неполной, но и неточной.

Классификация сельских территорий на иерархические уровни основана на выделении определенных таксономических единиц. За основу деления было взято административно-территориальное устройство Украины, структурные элементы которого по занимаемому в нем месту деятельности делятся на территориальные единицы первичного уровня (в нашей классификации — сельские территории базового уровня), среднего уровня (сельские территории районного уровня), высшего уровня (сельские территории областного уровня). Нами выделен также общегосударственный уровень сельских территорий, представленный совокупностью территорий областного уровня. Таким образом, иерархически выстроенная многоуровневая система сельских территорий получала свою завершенность в виде сельской территориальной подсистемы общества, компоненты которой в свете полимасштабного подхода взаимодействуют между собой. Это взаимодействие имеет сущностное, пространственное и временное проявление.

Издержки упрощенной идентификации сельских территорий на основании парной дихотомии «село — город» и «сельское хозяйство — промышленность» имеют не только отраслевое, а и территориальное выражение, проявляющееся в их противопоставлении городу. Однако это не замечает необходимости наделения сельских территорий сущностными характеристиками, не только отличающими их от городов, а и дифференцирующими их на те или иные разновидности по выделенным признакам.

По результатам проведенного исследования установлено, что большую часть сельских территорий составляют типично сельские (аграрные) территории.

К нетипичным природным и социально-пространственным образованиям нами отнесены урбанизированные зоны и ареалы, представляющие собой своего рода симбиоз города и прилегающей к нему сельской территории, вобравший в себя их черты. Другая разновидность переходных, «смешанных» территорий — «аграрные города», обрели этот статус вследствие влияния процесса рурализации, сопровождающегося утратой ранее присущей этим городам промышленной функции.

Среди третьей разновидности сельских территорий со специальным режимом функционирования наиболее сложными по своей структуре и функциям являются оздоровительно-рекреационные территории, специализирующиеся на выполнении оздоровительных, туристических и историко-культурных услуг.

Сельские горные территории в силу недостатка земельных ресурсов, нехватки рабочих мест, удаленности от транспортных магистралей и рынков сбыта характеризуются низким уровнем конкурентоспособности, что негативно сказывается на уровне жизни населения.

Функциональное разнообразие приграничных территорий ограничено доминирующей ролью экзогенного фактора, степенью их интеграции в европейское пространство и наличием местных ресурсов. На этих территориях преобладает такой вид деятельности как приграничная торговля, а межгосударственные связи носят локальный характер.

Типология как разновидность классификации связана со сведением сельских территорий, независимо от их уровня и разновидности, в определенные группы по выделенным признакам. Сельские территории типологизируются по определенным направлениям. Наиболее универсальной является типологизация сельских территорий по их положению в географическом пространстве. Она позволяет определить зависимость между местоположением территорий, их состоянием и уровнем развития. Данное направление типологизации согласовывается с отраслевой, функциональной и ресурсной типологизацией. Наиболее распространенный вид пространственной типологизации — типологизация административных районов. Ее типичный недостаток состоит в «подгонке» под разнородные критерии классификации районов исходя из их состояния. Вследствие этого вместо выявления действительных причин, породивших те или иные проблемы в развитии сельских территорий, их состояние оценивается по последствиям, имеющим разную природу причинности. Указанные недостатки типологизации в конечном итоге не позволяют точно определить и тенденции развития сельских территорий.

С целью выявления тенденций развития сельских территорий использованы основоположные идеи физической экономии, концепции устойчивого развития и социоэкономики. При этом тенденции развития анализируются в контексте задач, вытекающих из общественного предназначения сельских территорий и с учетом их взаимосвязи с городской территориальной подсистемой общества.

Учитывая результаты идентификации и классификации сельских территорий, тенденции их развития сформулированы в разрезе разновидностей этих природных и социально-пространственных образований.

Вместе с тем существует ряд общих тенденций, характерных для сельских территорий в целом. Речь идет о неравномерном характере их развития, слабо выраженной межотраслевой и отраслевой дифференциации, неразвитой инфраструктуре, сложной демографической ситуации, высоком уровне безработицы, низком уровне и качестве жизни населения.

Как правило, позитивная динамика развития присуща пригородным территориям, территориям с выгодным географическим положением и обладающим значительным ресурсным потенциалом.

Исследованием выявлено опережение темпов пространственных трансформаций по сравнению с отраслевыми, структурными и функциональными изменениями, происходящими на сельских территориях. К таким пространственным изменениям отнесены сжатие, поляризация и фрагментация пространства сельских территорий, явившиеся результатом их эволюционного социально-экономического и демографического развития.

Реализация стратегии развития сельских территорий осуществляется в рамках соответствующей политики. Эта политика трактуется как политика интегрированного развития сельских территорий, формируемая под влиянием эндогенного, экзогенного и субъектно-институционального факторов.

Потенциальные возможности этой политики сдерживаются отсутствием ее концептуального обоснования на законодательном уровне.

На протяжении всего периода независимости Украины так и не была разработана Стратегия развития сельских территорий.

В Украине по сути отсутствует государственный орган центральной исполнительной власти, непосредственно ответственный за реализацию политики интегрированного развития сельских территорий.

Исходя из этого, в монографии разработаны концептуальные основы политики интегрированного развития сельских территорий, определены их стратегические направления, обоснована роль государственных структур как разработчиков и координаторов такой политики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Агропромышленный протекционизм: научные основы и механизмы осуществления в условиях рыночных отношений // Науч. труды ВИАПИ им. А. А. Никонова. — 2007. — Вып. 17. — С. 190–202.
2. Адміністративно-територіальний устрій України: проблемні питання та можливі шляхи їх вирішення / За заг. ред. В. П. Яцуби. — К.: Поліграф. центр Української ДАГП Мінекоресурсів України, 2003. — 321 с.
3. Академік Володимир Іванович Вернадський: матеріали сесії Загальних зборів НАН України, присвяченої 150-річчю від дня народження академіка В. І. Вернадського 12 березня 2013 року // Вісн. Нац. акад. наук України. — 2013. — № 4. — С. 3–19.
4. Акопов Г. В. Феномен ментальности как проблема сознания / Г. В. Акопов, Т. В. Иванова // Психолог. журн. — 2003. — Т. 24, № 1. — С. 47–55.
5. Актуальні проблеми управління територіями в Україні: Матеріали наук.-практ. конф. (м. Київ, 26–27 листопада). — К., 1993. — 348 с.
6. Алаев Э. Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь / Э. Б. Алаев. — М.: Мысль, 1983. — 350 с.
7. Алексеев А. И. География сельской местности / А. И. Алексеев. — М.: Знание, 1989. — 48 с.
8. Анимица Е. Г. Региональная социально-экономическая география: теория, методология, практика / Е. Г. Анимица, М. Д. Шарыгин. — Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1994. — 180 с.
9. Анисимов А. П. Теоретические основы правового режима поселений / А. П. Анисимов // Аграр. и земельное право. — 2006. — № 5. — С. 68–80.
10. Артобалеvский С. С. Цикличность и стадийность как естественные компоненты в территориальном развитии / С. С. Артобалеvский, Г. В. Иоффе, А. И. Трейвиш // География и проблемы территориального развития. — М.: ИГ АН СССР, 1989. — С. 42–54.
11. Барановський М. О. Демографічні і розселенські зміни у розвитку сільських територій України / М. О. Барановський // Екон. та соціальна географія: [Наук. зб.] / Ред. кол.: С. І. Ішук (відп. ред.) та ін. — 2011. — Вип. 1 (62). — С. 65–73.
12. Барановський М. Депресивність сільських територій України: методи оцінки, регіональні відмінності та шляхи їх подолання / М. Барановський // Економіка України. — 2010. — № 11 (588). — С. 57–69.
13. Барановський М. Комплексна типологія сільських територій України [Електронний ресурс] / М. Барановський. — Режим доступу: http://archive.nbuv.ua/soc_gum/Cheg/209_6/Baranovsky.pdf

14. Барановський М. О. Просторові аспекти трансформації сільських територій України / М. О. Барановський // Соціально-економічні проблеми сучасного періоду України. Сучасні проблеми розвитку сільських територій: [Зб. наук. праць] / Редкол.: В. С. Кравців (відп. ред.). — Львів: Ін-т регіональних досліджень НАН України, 2011. — Вип. 6 (92). — С. 17–25.
15. Барановський М. О. Сільські периферійні території України: особливості делімітації, сучасний стан, перспективи розвитку / М. О. Барановський // Соціально-економічні проблеми сучасного періоду України. Пріоритети та механізми соціально-економічного розвитку сільських територій: [Зб. наук. праць] / Редкол.: В. С. Кравців (відп. ред.). — Львів: Ін-т регіональних досліджень НАН України, 2013. — Вип. 6 (104). — С. 102–111.
16. Барановський М. О. Сільські території України: рівень розвитку, трансформаційні зміни, концепції реформування [Електронний ресурс] / М. О. Барановський. — Режим доступу: http://archive.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/nvnau_eamb/2011_163_1/11bmo.pdf
17. Барановський М. Типізація сільських депресивних районів України: методичні підходи, конкретні результати [Електронний ресурс] / М. Барановський. — Режим доступу: <http://at.zavntag.com/docs/191/index-23891-1.html?page=3>
18. Баронин А. С. Этническая психология / А. С. Баронин. — К.: Тандем, 2000. — 264 с.
19. Белехова Г. В. Об оценке социальной инфраструктуры сельских территорий / Г. В. Белехова, К. Н. Калашников, В. В. Шаров // Проблемы развития территории. — 2013. — Вип. 1(63). — С. 72–84.
20. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования / Д. Белл; Пер. с англ. — М.: Academia, 1999. — 956 с.
21. Бердяев Н. Судьба России / Н. Бердяев; [Предисловие К. Ковалева]. — М.: Сов. писатель, 1990. — 346 с.
22. Богданов А. А. Тектология (Всеобщая организационная наука): В 2 кн. / А. А. Богданов. — М.: Экономист, 1989. — Кн. 1 / [редкол. Л. И. Абалкин (отв. ред.) и др.]: Отделение экономики АН СССР. Ин-т экономики АН СССР. — 304 с.
23. Бородин Е. Сельское развитие в Украине: проблемы становления / Е. Бородин, И. Прокопа // Экономика Украины. — 2009. — № 4 (561). — С. 74–85.
24. Бородин О. Соціальні інновації в системі сільського розвитку: концептуальні підходи / О. Бородин // Економіка України. — 2010. — № 9 (587). — С. 68–78.
25. Борщевський В. В. Проблеми та перспективи розвитку сільських територій України (на прикладі Карпатського регіону) / В. В. Борщевський // Розвиток сільських територій України: стан, проблеми, перспективи:

- Матеріали круглого столу 26 жовтня 2011 р. — Львів: Ін-т регіональних досліджень НАН України, 2011. — С. 11–16.
26. Бродель Ф. Матеріальна цивілізація, економіка і капіталізм XV–XVIII ст.: У 2 т. — К.: Основа, 1995. — Т. 1: Структура повсякденності: Можливе і неможливе / Ф. Бродель; пер. з фр. Г. Філіпчук. — 534 с.
 27. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — Ч. 1: Роль среды / Ф. Бродель; Пер. с фр. М. Юсима. — 495 с.
 28. Валлерстайн І. Нові бунти проти системи [Електронний ресурс] / І. Валлерстайн. — Режим доступу: <http://www.derybanu.net>
 29. Валога продукція сільського господарства України (у постійних цінах 2010 р.) за 2012 рік. Остаточні дані: стат. бюл. / Відп. за вип. О. М. Прокопенко. — К.: Державна служба статистики України, 2013. — 25 с.
 30. Великий П. П. Российское село в условиях новых вызовов / П. П. Великий // Социол. исследов. — 2007. — № 7 (279). — С. 60–66.
 31. Великий тлумачний словник сучасної української мови / [Уклад.-ред. В. Т. Бусел]. — К.; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2004. — 1440 с.
 32. Верменич Я. В. Історична регіоналістика в Україні / Я. В. Верменич // Укр. істор. журн. — 2001. — № 6. — С. 3–26.
 33. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. Библиотека журнала «ORGANIC UA». — Л.: ВК «АРС», 2013. — Кн. 10, т. 1. — 416 с. — (Серия «Отечественная мысль», кн. 4).
 34. Вернадский В. И. Размышления натуралиста / В. И. Вернадский. — Львов: ВК «Арс», 2013. — 532 с.
 35. Винокуров Е. Ю. Теория анклавов / Е. Ю. Винокуров. — Калининград: Терра Балтика, 2007. — 342 с.
 36. Воронин В. В. Социально-экономическая география на рубеже тысячелетий (теоретико-методологические аспекты) / В. В. Воронин, Шарыгин М. Д. — Самара: Самарская гос. экон. акад., 1998. — 191 с.
 37. Гаджиев А. Х. Методологические и прикладные проблемы этнической психологии / А. Х. Гаджиев. — Махачкала: Дагкнигоиздат, 1977. — 86 с.
 38. Геец В. Социально-экономическая модернизация аграрного сектора Украины (концептуальные положения) / В. Геец, В. Юрчишин, Е. Бородина, И. Прокопа // Экономика Украины. — 2011. — № 12(593). — С. 4–14.
 39. Гейман О. А. Теоретические подходы к типологизации внутренних регионов стран мира в аспекте формирования региональной политики их развития / О. А. Гейман, О. М. Крупа // Бизнес-информ. — 2009. — № 10. — С. 12–25.
 40. Герасимчук З. В. Політика розвитку проблемних регіонів: методологічні засади формування та реалізації: Монографія / З. В. Герасимчук, В. Л. Галушак. — Луцьк: Надстир'я, 2006. — 246 с.

41. Гловели Г. Теория аграрной эволюции Н. П. Огановского и геополитическая экономия исторического процесса [Электронный ресурс] / Г. Гловели. — Режим доступа: <http://www.final.ru>
42. Головкин В. В. Идентичность как метафора: шлях від психології до історіографії / В. В. Головкин // Укр. істор. журн. — 2002. — № 3 (444). — С. 23–34.
43. Голубченко И. В. Полимасштабная модель изучения территории: подходы к созданию [Электронный ресурс] / И. В. Голубченко. — Режим доступа: <http://www.academia.edu/5492138>
44. Гончаренко І. В. Соціально-економічний розвиток регіону: проблеми теорії та практики: Монографія / І. В. Гончаренко. — Львів: Ін-т регіональних досліджень НАН України, 2009. — 370 с.
45. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: Монограф. сборн. — М.: ОГИ, 2001. — 560 с.
46. Горьовий В. П. Соціально-поселенська структура села [Електронний ресурс] / В. П. Горьовий. — Режим доступу: http://www.nbov.gov.ua/portal/Soc_Gum/Nzvdpu_ist/2007_12/sekcii/sekiya_%201/socialno-poselenska_%20stryktyra.pdf
47. Гранберг А. Г. Идеи Августа Леша в России [Электронный ресурс] / А. Г. Гранберг. — Режим доступа: http://spatial-economics.com/images/spatial-economics/2_2006/granberg.pdf
48. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики: Учебн. для вузов / А. Г. Гранберг. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 495 с.
49. Григорук В. В. Казахстанская модель сельского развития [Электронный ресурс] / В. В. Григорук. — Режим доступа: <http://kai.gov.kz/magazine/vestnik012012/463-kazakhmodelselkhozyastva>
50. Гримич М. Два виміри національного характеру / М. Гримич // Наука і суспільство. — 1991. — № 8. — С. 27–31.
51. Гринберг Р. С. Государство в экономике знаний / Р. Гринберг // Экономика Украины. — 2008. — № 10 (561). — С. 31–42.
52. Гринберг Р. С. Экономическая социодинамика / Р. С. Гринберг, А. Я. Рубинштейн. — М.: ИЗС ПРЕСС, 2000. — 278 с.
53. Гулич О. Екологічно збалансований розвиток курортно-оздоровчих територій та його концептуальні положення / О. Гулич // Регіон. економіка. — 2004. — № 4 (40). — С. 120–126.
54. Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства / Л. Н. Гумилев; [Сост. и общ. ред. А. И. Куркчи]. — М.: Ин-т ДИ-ДИК, 1997. — 480 с.
55. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. / Л. Н. Гумилев. — 2-е изд., испр. и доп. — Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1989. — 496 с.
56. Дейлі Г. Поза зростанням: економічна теорія сталого розвитку / Г. Дейлі; Пер. з англ. — К.: Інтелсфера, 2002. — 478 с.
57. Делокаров К. Х. Системная парадигма современной науки и синергетика / К. Х. Делокаров // Обществ. науки и соврем. — 2000. — № 6. — С. 110–118.

58. Дергачев В. А. Геополитика / В. А. Дергачев. — К.: ВИРА-Р, 2000. — 448 с.
59. Державна стратегія розвитку територій повинна повернути владу в регіони [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://ikf.com.ua/news/?view=9948zprint=1>
60. Державна цільова програма сталого розвитку сільських територій на період до 2020 року (проект) // Економіка АПК. — 2010. — № 7 (189). — С. 3–15.
61. Дієсперов В. С. Сталий сільський розвиток: проблеми становлення: Монографія / В. С. Дієсперов. — К.: ННЦ «ІАЕ», 2011. — 216 с.
62. Дмитриев А. В. Где живет советский человек: социальные проблемы управления расселением / А. В. Дмитриев, А. М. Лола, М. Н. Межевич. — М.: Мысль, 1988. — 218 с.
63. Дністрянський М. С. Етнонаціональна мозаїчність сільського і міського населення України: пізнавальні та прикладні аспекти / М. С. Дністрянський // Укр. геогр. жур. — 2001. — № 2. — С. 17–22.
64. Дністрянський М. С. Україна у політико-географічному вимірі: монографія / М. С. Дністрянський. — Львів: Вид-во ЛНУ ім. Івана Франка, 2000. — 310 с.
65. Довкілля України: стат. зб. / За ред. Н. С. Власенко. — К.: Державна служба статистики України, 2013. — 234 с.
66. Долотіна К. В. Єврорегіони на території України: стан та проблеми розвитку / К. В. Долотіна // Вісн. Східноукраїнського нац. ун-ту ім. Володимира Даля. — 2013. — № 4 (192), ч. 2. — С. 194–198.
67. Єрмоленко В. М. Особливості формування категорії «сталий розвиток сільських територій» [Електронний ресурс] / В. М. Єрмоленко. — Режим доступу: <http://vuzlib.com/content/view/2456/8>
68. Єрмоленко В. М. Правові аспекти поняття «сільське поселення» [Електронний ресурс] / В. М. Єрмоленко. — Режим доступу: <http://vuzlib.com/content/view/2457/8>
69. Єршова Л. Виховний ідеал українського селянства [Електронний ресурс] / Л. Єршова. — Режим доступу: http://www.irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe?I21DBN=LINK&P21DBN=UJRN&Z21ID=&S21REF=10&S21CNR=20&S21STN=1&S21FMT=ASP_meta&C21COM=S&2_S21P03=FILEA=&2_S21STR=Ipa_2013_1_3
70. Жук М. Специфіка входження гірських територій до системи світогосподарських зв'язків / М. Жук // Економіка України. — 2002. — № 2 (483). — С. 69–72.
71. Загальноосвітні навчальні заклади України на початок 2013/14 навчального року / Відп. за вип. І. В. Калачова. — К.: Державна служба статистики України, 2014. — 100 с.
72. Заклади культури, мистецтва, фізкультури та спорту України у 2012 році: стат. бюл. / Відп. за вип. І. В. Калачова. — К.: Державна служба статистики України, 2013. — 94 с.

73. Заклади охорони здоров'я та захворюваність населення України у 2012 році: стат. бюл. / Відп. за вип. 1. В. Калачова. — К.: Державна служба статистики України, 2013. — 88 с.
74. Зализко В. Д. Влияние агрохолдингизации сельскохозяйственных предприятий на социально-экономическое развитие сельских территорий / В. Д. Зализко // Экономика Украины. — 2013. — № 6(611). — С. 71–78.
75. Залізко В. Д. Сутність поняття «сільська територія»: визначення та основні функції / В. Д. Залізко // Вісн. Хмельницького нац. ун-ту. — 2011. — № 6, т. 1. — С. 194–198.
76. Замятин Д. Н. Власть пространства и пространство власти: Географические образы в политике и международных отношениях / Д. Н. Замятин. — М.: Рос. полит. энцикл., 2004. — 352 с.
77. Заповідники та національні природні парки України у 2011 році: стат. бюл. / Відп. за вип. О. М. Прокопенко. — К.: Державна служба статистики України, 2012. — 24 с.
78. Заповідники та національні природні парки України у 2012 році: стат. бюл. / Відп. за вип. О. М. Прокопенко — К.: Державна служба статистики України, 2013. — 27 с.
79. Заславская Т. И. Направление, цели, задачи и этапы перспективного развития сельского сектора СССР / Т. И. Заславская. — Новосибирск: Изд-во ИЭ и ОПП СО АН СССР, 1978. — 184 с.
80. Заславская Т. Перестройка управления аграрным сектором советского общества / Т. Заславская, В. Смирнов, А. Шапошников // Вопр. экономики. — 1988. — № 5. — С. 16–24.
81. Заславский Г. А. Украина в мире национальных государств / Г. А. Заславский. — Одесса: Маяк, 2003. — 112 с.
82. Збарський В. К. Сталий розвиток сільських територій: проблеми і перспективи / В. К. Збарський // Економіка АПК. — 2010. — № 11(193). — С. 129–136.
83. Земельний кодекс України: прийнятий Верховною Радою України 20 жовтня 2001 року. — К.: Атіка, 2001. — 96 с.
84. Земельний фонд України станом на 01.01.2013 року та динаміка його змін у порівнянні з даними на 01.01.2012 року [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://land.gov.ua/zvitnist/statystyka/104693-zemelnyi-fond-ukrainy-stanom-na-1-sichina-2013-roku-ta-dynamika-ioho-zmin-yu-porivnianni-z-danymy-na-1-sichnia-2012-rokiv.html>
85. Земельное право Украины: Учеб. пособ. / Под ред. А. А. Погребного, И. И. Каракаша. — К.: Истина, 2002. — 386 с.
86. Зинченко Ю. Л. Онтология. Философия (физиократия и физическая экономика) [Электронный ресурс] / Ю. Л. Зинченко. — Режим доступа: <http://appraise72.livejournal.com/22232.htm/>
87. Зинчук Т. Политика развития села: интегрированный подход [Электронный ресурс] / Т. Зинчук, Н. Куцмус. — Режим доступа: <http://baitas.lzuu.lt/~mazylis/julram/17/127.pdf>

88. Зіновчук Н. В. Державне регулювання функцій земельних ресурсів, що використовуються в аграрній сфері / Н. В. Зіновчук // Трансформація земельних ресурсів до ринкових умов: Зб. матеріалів Одинадцятих річних зборів Всеукраїнського конгр. вчен. економістів-аграрників (м. Київ, 26–27 лютого 2009 р.) / Редкол.: П. Т. Саблук та ін. — К.: ННЦ «ІАЕ», 2009. — С. 254–257.
89. Зінчук Т. О. Принади сільських територій: новий теоретико-методологічний підхід чи забута потреба сільського розвитку? / Т. О. Зінчук, Н. М. Куцмус // Сталій розвиток економіки. — 2012. — № 1. — С. 155–161.
90. Зінчук Т. О. Трансформація агроцентризму в політику сільської економіки в умовах викликів глобалізації / Т. О. Зінчук // Вісн. ЖНАЕУ. — 2010. — Вип. 2 (27), т. 2 (економ. науки). — С. 3–12.
91. Зубкова Е. Ю. Социальные процессы сближения города и деревни (1960-е — начало 1980-х годов) / Е. Ю. Зубкова // История СССР. — 1985. — № 5. — С. 22–31.
92. Иванов В. В. Волны Кондратьева и история человечества / В. В. Иванов // Обществ. науки и современ. — 2010. — № 2. — С. 5–13.
93. Ігнатенко М. М. Формулювання ресурсного потенціалу розвитку сільських територій: Автореф. дис. ... канд. екон. наук: спец. 08.00.03 «Економіка та управління національним господарством» / Ігнатенко Микола Миколайович; БНАУ. — Біла Церква, 2010. — 20 с.
94. Ільїна М. Теоретико-методологічні засади визначення поняття «сільські території» для потреб рекреаційної сфери [Електронний ресурс] / М. Ільїна. — Режим доступу: http://sophus.at.ua/publ/2014_05_22_23_kamodi/sk/sekcija_1_2014_05_22_23/teoretiko_metodologichni_zasadi_viznachennja_ponjattja_silski_teritoriji_dlja_potreb_rekreacijnoi_sferi/59-1=-940
95. Каган М. С. Классификация и систематизация: Типы в культуре / М. С. Каган. — Л.: Искусство, 1979. — 68 с.
96. Карпатський регіон: актуальні проблеми та перспективи розвитку: монографія: У 8 т. — Львів: Ін-т регіональних досліджень, 2013. — Том 4: Сільські території / Відп. ред. В. В. Боршевський. — 344 с.
97. Кількість адміністративно-територіальних одиниць на 1 січня 2013 року [Електронний ресурс]. — Режим доступу: http://ukrstat.org/uk/opereativ2013/ds/ator/ator2013_u.htm
98. Кликич Л. М. Типология сельских территорий Республики Башкортостан и модели их развития [Электронный ресурс] / Л. М. Кликич, А. П. Петрова. — Режим доступа: http://catalog-statei.ru/view_article.php?id=307
99. Ключевкий В. О. Сочинения: В 9 т. / В. О. Ключевский; под ред. В. Л. Янина; послесл. Р. А. Киреевой; коммент. сост. В. Г. Зимица. Р. А. Киреева. — М.: Мысль, 1989. — Т. VI: Специальный курс. — 476 с.

100. Ключник А. Формування і розвиток економічного потенціалу сільських територій України / А. Ключник. — Миколаїв: Миколаївський державний аграрний ун-т, 2011. — 468 с.
101. Коберніченко Т. Підходи до методики оцінки рекреаційного потенціалу гірських сільських територій / Т. Коберніченко, М. Сиротюк // Вісн. Львів. ун-ту. Сер.: Географія. — 2008. — Вип. 35. — С. 155–158.
102. Коломийчук В. С. Соціально-економічний механізм управління адміністративним районом в системі регіонального розвитку: Дис. ... д-ра екон. наук: 08.10.01 / Коломийчук Василь Степанович; ІРД НАН України. — Львів, 2000. — 456 с.
103. Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения: Избран. труды / Н. Д. Кондратьев; Междунар. фонд Н. Д. Кондратьева и др.; [Ред. кол.: Абалкин Л. И. (предс.) и др.]; Сост. Яковец Ю. В. — М.: Экономика, 2002. — 767 с.
104. Концепція Комплексної державної програми реформи та розвитку сільського господарства України (проект) [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://www.minagro.kiev.ua/page/?10461>
105. Коржов Г. Территориальные идентичности: концептуальные интерпретации в современной зарубежной социологической мысли / Г. Коржов // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2010. — № 1. — С. 107–124.
106. Корінець Р. Аспекти сільського розвитку [Електронний ресурс] / Р. Корінець. — Режим доступу: http://surdp.eu/uploads/files/KORIVETS_ua.pdf
107. Корнев И. Н. Географическая герменевтика в контексте концепции геокультурного пространства [Электронный ресурс] / И. Н. Корнев. — Режим доступа: <http://www.shu.ru/old/pages/magarin/n16/kornev.pdf>
108. Корнев И. Н. Урбанизация и территориальные различия качества сельской местности Свердловской области / И. Н. Корнев, А. Ф. Сорокина // Регион. исследования. — 2011. — № 1 (31). — С. 99–105.
109. Корнійчук Л. Я. Історичний вимір фізичної економії: становлення, і розвиток фізико-економічної думки в Україні / Л. Я. Корнійчук, В. О. Шевчук, Л. В. Воробйова // Фізична економія у вимірах теорії і практики господарювання: Колективна монографія / [За ред. Ю. О. Лупенка, В. М. Жука, В. О. Шевчука, О. В. Ходаківської]. — К.: ННЦ «Ін-т аграрної економіки», 2013. — С. 51–92.
110. Корнійчук Л. Фізична економія. Українська школа / Л. Корнійчук, В. Шевчук, Л. Воробйова // Економіка України. — 2006. — № 9 (538). — С. 55–63.
111. Костяшкін І. О. До питання реалізації права загального землекористування громадян на землях рекреаційного призначення / І. О. Костяшкін, А. С. Лисоконь // Університ. наук. записки. — 2007. — № 2 (22). — С. 259–265.

112. Кравців В. С. Гірська політика в Україні: проблеми становлення та перспективи розвитку [Електронний ресурс] / В. С. Кравців. — Режим доступу: <http://uadocs.exdat.com/docs/index-308694.html?page=8>
113. Крисанов Д. Ф. Структура безробіття та інструменти розширення позааграрної діяльності на селі / Д. Ф. Крисанов // Фінансові проблеми формування розвитку аграрного ринку: матеріали Дев'ятих річних зборів Всеукраїнського конгр. вчен. економістів-аграрників (м. Київ, 26–27 квітня 2007 р.). — К.: ННЦ «ІАЕ», 2007. — С. 530–540.
114. Крючков В. В. Север на грани тысячелетий / В. В. Крючков. — М.: Мысль, 1990. — 266 с.
115. Кудла Н. Многофункциональность развития сельских территорий: от базовых идей до активизации местного предпринимательства / Н. Кудла // Экономика Украины. — 2008. — № 1 (546). — С. 62–71.
116. Кузьмич И. П. Правовое обеспечение развития социальной сферы села в Республике Беларусь [Электронный ресурс] / И. П. Кузьмич. — Режим доступа: http://www.law.bsu.by/pub/25/Kuzmich_4doc
117. Кулініч П. Правовий режим земель оздоровчого призначення [Електронний ресурс] / П. Кулініч. — Режим доступу: <http://www.justinian.com.ua/article.php?id=2874>
118. Култашев Н. Б. Проблемы теории географического познания: Общественные и философские предпосылки / Н. Б. Култашев. — Тверь: ТГУ, 1994. — 314 с.
119. Кульганік О. М. Формування системи соціально-економічного розвитку сільських територій: Автореф. дис. ... канд. екон. наук: спец. 08.00.03 «Економіка та управління національним господарством» / Кульганік Оксана Миколаївна; НУБіП України. — К., 2010. — 21 с.
120. Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест / Под ред. В. К. Мальковой, В. А. Тишкова. — Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. — 312 с.
121. Ларуш Л. Принцип разума [Электронный ресурс] / Л. Ларуш. — Режим доступа: http://www.larouchepub.com/russian/lar/2009/a9275_principle_of_mind.htm/
122. Леш А. Географическое размещение хозяйства / А. Леш. — М., 1959. — 328 с.
123. Лихачев Н. Е. Социология белорусского села: вопросы институализации / Н. Е. Лихачев // Социология. — 2011. — № 4. — С. 34–39.
124. Логинова Н. Н. Социальные и экономико-географические исследования региона (на примере Республики Мордовия) / Н. Н. Логинова, В. Н. Пресняков, И. А. Семина и др. // Вестн. Удмуртского ун-та. Сер.: Биология, науки о земле. — 2012. — Вып. 3. — С. 127–136.
125. Лозовая О. Н. Ментальность города и села как объект психосемантического исследования: к постановке проблемы / О. Н. Лозовая // Журн. практич. психол. — 2009. — Вып. 15. — С. 130–140.

126. Лукинов И. И. Эволюция экономических систем / И. И. Лукинов. — М.: Экономика, 2002. — 567 с.
127. Лукінов І. І. Економічні трансформації наприкінці ХХ-го сторіччя [Електронний ресурс] / І. І. Лукінов. — Режим доступу: http://www.vulib.su/lukinov/_index.html
128. Мазур Ф. Ф. Соціально-економічні умови розвитку рекреаційної індустрії [Електронний ресурс] / Ф. Ф. Мазур. — Режим доступу: http://tourlib.net/books_ukr/mazur12.html
129. Максимович М. Дні та місяці українського селянства / М. Максимович. — К.: Обереги, 2002. — 189 с.
130. Максма М. Б. Регіональні аспекти оцінки рівня життя сільського населення / М. Б. Максма // Екон. і прогнозування. — 2011. — № 4. — С. 127–138.
131. Малі міста — опорні центри сільського розселення [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://www.irbit-glass.ru/budivnitstvo/972-malimista-ogorni-centri-silskogo-rozselennya.html>
132. Мантино Ф. Сельское развитие в Европе. Политика, институты и действующие лица на местах с 1970-х годов до наших дней [Электронный ресурс] / Ф. Мантино; Пер. с итальян. И. Храмовой. — Режим доступа: http://www.eastagri.org/publications/pub_does/Mantico.pdf
133. Мармуль Л. О. Соціально-економічні особливості розвитку сільських територій / Л. О. Мармуль, М. М. Ігнатенко // Економіка АПК. — 2011. — № 7(201). — С. 122–128.
134. Медолазов А. С. Приоритеты социально-экономического развития сельских муниципальных образований Орловской области / А. С. Медолазов // Сельскохоз. и соц.-экон. науки. — 2012. — № 6 (6). — С. 16–22.
135. Межонова Н. Социально-экономические проблемы развития сельских территорий Украины [Электронный ресурс] / Н. Межонова. — Режим доступа: <http://www.ictsd.org/bridges-news/> %
136. Мищенко И. В. Пространственные аспекты устойчивого развития сельских территорий [Электронный ресурс] / И. В. Мищенко. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvennyye-aspekty-ustoychivogo-razvitiya-selskih-territoriy>
137. Мігущенко Ю. В. Напрями підвищення ефективності використання туристично-рекреаційного потенціалу сільських гірських територій Західної України / Ю. В. Мігущенко // Соціально-економічні проблеми сучасного періоду України. Пріоритети та механізми соціально-економічного розвитку сільських територій: [Зб. наук. праць] / Редкол.: В. С. Кравців (відп. ред.). — Львів: Ін-т регіональних досліджень НАН України, 2013. — Вип. 6 (104). — С. 332–341.
138. Мікловда В. Як нам вивести гірські села з перманентної кризи [Електронний ресурс] / В. Мікловда, М. Пітюлич. — Режим доступу: <http://nz/uz.ua/node/29>

139. Морозюк Н. В. Критерії класифікації проблемних сільських територій [Електронний ресурс] / Н. В. Морозюк. — Режим доступу: <http://ua.convdocs.org/docs/index-84041.html>
140. Нагірна В. П. Інтегральний потенціал території у контексті господарської діяльності регіону / В. П. Нагірна // Укр. геогр. журн. — 2010. — № 2. — С. 32–39.
141. Нагорна І. В. Деякі питання розподілу повноважень між центральною владою та органами місцевого самоврядування на регіональному рівні (на прикладі Одеси) / І. В. Нагорна // Упр. сучас. містом. — 1999. — № 3. — С. 19–22.
142. Назарчук А. В. Социальное время и социальное пространство в концепции сетевого общества / А. В. Назарчук // Вопр. философии. — 2012. — № 9. — С. 56–66.
143. Населені пункти лише двох районів Львівщини повністю підпадають під статус гірських територій [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://zik.ua/ua/news/2010/07/09/236536>
144. Населення України за 2012 рік: демогр. щоріч. / Відп. за вип. Г. М. Тимошенко. — К.: Державна служба статистики України, 2013. — 449 с.
145. Нефедова Т. Поляризация городов и сельской местности и расширение российской периферии [Электронный ресурс] / Т. Нефедова. — Режим доступа: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/reiting_09/material_sofiy/17837-polyarizaciya-gorodov-i-selskoy-mestnosti-i-rashhirenie-rossiyskoy-periferii.html
146. Нефедова Т. Пространственные контрасты сельской местности [Электронный ресурс] / Т. Нефедова. — Режим доступа: <http://www.strana.oz.ru/2012/6/prostranstvennye-kontrasty-selskoy-mestnosti>
147. Нефедова Т. Г. Российская периферия как социально-экономический феномен / Т. Г. Нефедова // Регион. исследов. — 2008. — № 5. — С. 14–30.
148. Нефедова Т. Сельская Россия на перепутье: географические очерки: Монография / Т. Нефедова. — М.: Новое изд-во, 2003. — 408 с.
149. Нефедова Т. Сельская Россия: пространственное сжатие и социальная поляризация [Электронный ресурс] / Т. Нефедова. — Режим доступа: <http://www.polit.ru/lectures/2010/08/05/countigside.html>
150. Нефедова Т. Социальная география сельского хозяйства [Электронный ресурс] / Т. Нефедова. — Режим доступа: <http://www.ru.-90.ru/content>
151. Нечипоренко О. В. Адаптационные стратегии сельских локальных сообществ в условиях реформирования: Автореф. дис. ... д-ра социол. наук: спец. 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» / Нечипоренко Ольга Владимировна; РГГУ. — М., 2009. — 35 с.
152. Нижник Н. Р. Державне регулювання територіального розвитку / Н. Р. Нижник // Вдосконалення системи державного управління соціально-економічними та політичними процесами в регіоні (на

- прикладі Півдня України): [Зб. наук. праць УАДУ]. — Одеса, 1998. — С. 38–42.
153. Никулина Е. В. Формирование и оценка финансового потенциала устойчивого развития экономики сельских территорий / Е. В. Никулина // Вест. ВГУ. Сер.: Экономика и управление. — 2010. — № 2. — С. 123–127.
154. Норкин Д. А. Приграничная территория как социальное пространство (на примере российско-эстонской границы): Дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 [Электронный ресурс] / Норкин Денис Анатольевич; СПб ГУ. — СПб., 2004. — Режим доступа: <http://www.dslib.net/soc-struktura/prigranichnaja-territoriya-kak-socialnoe-prostranstvo.html/>
155. Носонов А. М. Теоретические вопросы регионалогии [Электронный ресурс] / А. М. Носонов. — Режим доступа: http://prj-pggu.narod.ru/prj_11_1.pdf
156. Носонов А. М. Территориальные системы сельского хозяйства (экономико-географические аспекты исследования) / А. М. Носонов. — М.: Янус-К, 2001. — 324 с.
157. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popuar/selfgovernment/>
158. Об особо значимых аграрных территориях (проект Федерального закона Российской Федерации) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1344886.html>
159. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 30 января 2010 г. № 120 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/6752>
160. Об утверждении порядка и критериев отнесения территорий к неблагоприятным для ведения сельского хозяйства регионам: пояснительная записка к проекту Постановления Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2012 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.mcx.ru/documents/file_document/v7_show/21444.133.htm
161. Об утверждении Прогнозной схемы территориально-пространственного развития страны до 2020 года: Указ Президента Республики Казахстан от 21 июля 2011 г. № 118 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31039616
162. Об утверждении Программы «Развитие регионов на 2012–2020 годы»: Постановление Правительства Республики Казахстан от 26 июля 2011 г. № 862 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://minregion.gov.kz/rus>
163. Об утверждении Федеральной целевой программы «Устойчивое развитие сельских территорий Российской Федерации на 2014–2017 годы

- и на период до 2020 года»: Постановление Правительства Российской Федерации от 15 июня 2013 г. № 598 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mcx.ru/documents/document/show/26308.htm>
164. Общероссийский классификатор территорий муниципальных образований: Введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 14 декабря 2005 г. № 310-СТ (с учетом изменений 1/2007–183/2012) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cohs/cgi/online.cgi?red+=doc;base=LAW;n=141774>
165. Овчинцева Л. А. Сельское развитие на постсоветском пространстве / Л. А. Овчинцева // Організаційно-економічні та правові проблеми розвитку сільського господарства та сільських територій: Зб. наук. доп. та статей. Ювіл. видання / За ред. проф. Ю. Губені та проф. С. Магковського. — Львів: Вид-во НВФ ТзОВ «Українські технології», 2012. — С. 392–397.
166. О Государственной программе возрождения и развития села на 2005–2010 годы: Указ Президента Республики Беларусь от 25 марта 2005 г. № 150 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.Pravo.by/main.aspx?goid=38718p0-p305001508p2-{NRPA}>
167. О Государственной программе развития сельских территорий Республики Казахстан на 2004–2010 годы: Указ Президента Республики Казахстан от 10 июля 2003 г. № 1149 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.government.kz/docs/u031149.htm>
168. О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы: Постановление Правительства Российской Федерации от 14 июля 2012 г. № 717 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mcx.ru/navigation/docfeeder/show/342.htm>
169. О Государственной программе устойчивого развития села на 2011–2015 годы: Указ Президента Республики Беларусь от 1 августа 2011 г. № 342 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.agro.gomel.by/село.pdf>
170. О государственном регулировании развития агропромышленного комплекса и сельских территорий: Закон Республики Казахстан от 8 июля 2005 г. № 66-3 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://faolex.fao.org/docs/texts/kaz54486.doc>
171. О концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ifap.ru/ofdocs/rus006.pdf>
172. О Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2010 г. № 2136-р [Электронный

- ресурс]. — Режим доступа: http://www.mcx.ru/documents/document/v7_show_print/14914.77.htm
173. Олійник В. С. Еколого-економічна ефективність гідрологічних функцій карпатських лісів / В. С. Олійник // Екол. вісн. — 2012. — № 5(74). — С. 27–28.
 174. Олійник Я. Б. Методичні підходи до дослідження територіальної ідентичності населення / Я. Б. Олійник, О. М. Гнатюк // Укр. геогр. журн. — 2013. — № 3. — С. 34–40.
 175. Оліферук С. Природно-ресурсний потенціал сільського господарства: управління розвитком / С. Оліферук // Економіст. — 2013. — № 3 (317). — С. 7–10.
 176. О мерах по развитию агроэкотуризма в Республике Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь от 2 июня 2006 г. № 372 // Нац. Реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2006. — № 89. — 1/7647.
 177. О мерах по упорядочению учета и сокращению количества пустующих и ветхих домов с хозяйственными и иными постройками в сельской местности: Указ Президента Республики Беларусь от 3 февраля 2006 г. № 70 // Нац. Реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2006. — № 22. — 1/7227.
 178. О некоторых вопросах регулирования предпринимательской деятельности в сельской местности: Декрет Президента Республики Беларусь от 20 декабря 2007 г. № 9 // Нац. Реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2008. — № 1. — 1/9241.
 179. О правилах предоставления за счет средств федерального бюджета субсидий бюджетам субъектов Российской Федерации на проведение мероприятий по улучшению жилищных условий граждан, проживающих в сельской местности: Постановление Правительства Российской Федерации от 5 марта 2008 г. № 144 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gosthelp.ru/text/Postanovlenie1440porjadke.html>
 180. О развитии сельского хозяйства: Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ (в ред. от 5 апреля 2009 г.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ohranatruda.ru/ot_biblio/normativ/data_normativ/49/49072/index.php
 181. Організація сільськогосподарського використання земель на ландшафтно-екологічній основі / За ред. проф. П. Г. Казьміра. — Львів: СПОЛОМ, 2009. — 254 с.
 182. Основы стійкого розвитку: Навч. посіб. / За ред. Л. Г. Мельника. — Суми: Університет. книга, 2005. — 654 с.
 183. Основные направления внутренней и внешней политики на 2004 год: Послание Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева народу Казахстана от 16 апреля 2003 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://Knб.KZ/ru/presidentmsg/article.htm?id=10322165@cmsArticle>

184. О стратегии территориального развития Республики Казахстан до 2015 года: Указ Президента Республики Казахстан от 28 августа 2006 г. № 167 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http:// ru.government.kz/docs/u060167~3.htm](http://ru.government.kz/docs/u060167~3.htm)
185. О федеральной целевой программе «Социальное развитие села до 2013 года»: Постановление Правительства Российской Федерации от 3 декабря 2002 г. № 858 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.don_agro.ru/FILES/KAPSTR/.../Post_PRF_03_12_2002_№_858.rtf
186. Павліха Н. В. Теоретичні засади сталого просторового розвитку транскордонного регіону в умовах регіоналізації та інтеграції / Н. В. Павліха, І. В. Кицюк // Соціально-економічні проблеми сучасного періоду України. Економічний простір України: регіоналізація та інтеграція в умовах суспільних трансформацій: [Зб. наук. праць] / Редкол.: Є. І. Бойко (відп. ред.). — Львів: Ін-т регіональних досліджень, 2011. — Вип. 1 (87). — С. 400–407.
187. Павлов О. І. Деградація сільських територій як прояв цивілізаційної кризи / О. І. Павлов // Экономика и управление. — 2010. — № 5. — С. 21–26.
188. Павлов О. Державна стратегія подолання деградації сільських територій / О. Павлов // Актуальні проблеми державного управління: [Зб. наук. праць ОРІДУ]. — Одеса: ОРІДУ НАДУ, 2004. — Вип. 4 (20). — С. 136–148.
189. Павлов О. І. До питання щодо поняття «сільські території» / О. І. Павлов // Актуальні проблеми державного управління та місцевого самоврядування: Матеріали щорічної наук.-практ. конф., 18 жовтня 2005 р. — Одеса: ОРІДУ НАДУ, 2005. — С. 216–219.
190. Павлов А. И. Пригородная зона как разновидность сельских территорий / А. И. Павлов // Проблемы агрорынка: теор. и науч.-практ. журн. Казахского НИИ экономики АПК и развития сельских территорий. — 2013. — № 4. — С. 16–21.
191. Павлов О. І. Регіональні особливості розвитку сільських територій України / О. І. Павлов // Регіон. економіка. — 2013. — № 4 (70). — С. 16–23.
192. Павлов О. І. Різновиди сільських територій та їхні функціональні моделі / О. І. Павлов // Економіка АПК. — 2011. — № 10 (204). — С. 116–123.
193. Павлов О. І. Різновиди сільських територій як специфічні об'єкти управління / О. І. Павлов // Теоретичні та прикладні питання державотворення: Зб. наук. праць ОРІДУ НАДУ при Президентіві України [Електронне видання]. — 2010. — Вип. 8. — Режим доступа: <http://www.ogidu.odessa.ua>
194. Павлов О. І. Сільські території України: історична трансформація парадигми управління: Монографія / О. І. Павлов. — Одеса: Астропринт, 2006. — 360 с.

195. Павлов О. І. Сільські території України: функціонально-управлінська модель: Монографія / О. І. Павлов. — Одеса: Астропринт, 2009. — 344 с.
196. Павлов О. Сільські урбанізовані зони і ареали як специфічний об'єкт функціонування і управління / О. Павлов // Вісн. державної служби України. — 2005. — № 3. — С. 34–38.
197. Павлов А. И. Социэкономический контекст устойчивого развития агропродовольственной сферы Украины / А. И. Павлов // Устойчивое развитие: междунар. жур. (г. Варна, Республика Болгария). — 2012. — № 4. — С. 11–17.
198. Павлов А. Учение В. Вернадского о ноосфере как концептуальная основа устойчивого развития / А. Павлов // Аграрная экономика: ежемесяч. науч. журн. Нац. акад. наук Беларуси. — 2013. — № 8. — С. 68–72.
199. Павлова І. І. Інвестиційне забезпечення розвитку природно-заповідних територій регіону / І. І. Павлова // Соціально-економічні проблеми сучасного періоду України. Регіональна політика в Україні: сучасний стан та шляхи активізації: [Зб. наук. праць] / Редкол.: В. С. Кравців (Відп. ред.). — Львів: Ін-т регіональних досліджень НАН України, 2014. — Вип. 3 (107). — С. 425–437.
200. Павлюк С. Г. Топонимика графств США: геокриптографія ідентичності / С. Г. Павлюк // Известия РАН. Сер.: География. — 2007. — № 1. — С. 113–123.
201. Паспорт сільського населеного пункту. — К.: ННЦ ІАЕ, 2011. — 58 с.
202. Пасхавер Б. Й. Ринок землі: світовий досвід та національна стратегія / Б. Й. Пасхавер: стенограма Одинадцятих річних зборів Всеукраїнського конгр. вчен. економістів-аграрників (м. Київ, 26–27 лютого 2009 р.). — К.: ННЦ «ІАЕ», 2009. — С. 73–82.
203. Первые сократические чтения по географии. Географическое пространство: соотношения знания и незнания. — М.: РОУ, 1993. — С. 34–39.
204. Петриков А. В. Проблемы и перспективы устойчивого развития сельских территорий России / А. В. Петриков // Экономика АПК. — 2005. — № 4 (126). — С. 123–128.
205. Пилипенко Т. В. Категоріально-поняттєвий апарат дослідження соціально-економічного розвитку сільських територій [Електронний ресурс] / Т. В. Пилипенко. — Режим доступу: <http://www.sworld.com.ua/index.php/uk/economy/where-to-stay-productive-forces-and-regional-economy/1855-pilipenko-tv>
206. Подгрушний Г. П. Київ та прилегла територія в системі центро-периферійної взаємодії / Г. П. Підгрушний, О. О. Денисенко // Укр. геогр. журн. — 2013. — № 1. — С. 27–34.
207. Подолинський С. А. Праця людини і її відношення до розподілу енергії / С. А. Подолинський // Вибрані твори / [Упорядник] Л. Я. Корнійчук. — К.: КНЕУ, 2000. — 342 с.

208. Поленкова М. В. Господарський комплекс сільських територій: інтегральний аспект / М. В. Поленкова // Молодий вчений. — 2013. — № 2(02). — С. 32–38.
209. Поленкова М. В. Наукові підходи до визначення економічного змісту категорії «сільська територія» [Електронний ресурс] / М. В. Поленкова. — Режим доступу: <http://vistnic.stu.cn.ua/index.pl?task=arclrj=18zid=40>
210. Поліщук Н. Яке майбутнє в українського села? [Електронний ресурс] / Н. Поліщук. — Режим доступу: <http://infologht.org.ua/content/vake-maybutnie-v-ukrainskogo-sela>
211. Положення про Департамент науково-освітнього забезпечення АПВ та розвитку сільських територій: затверджено Наказом Міністерства аграрної політики та продовольства України від 19 грудня 2012 р. № 789 (в ред. від 6 листопада 2013 р.) [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://minagro.gov.ua/node/3047>
212. Положення про Міністерство аграрної політики та продовольства України: затверджено Указом Президента України від 23 квітня 2011 р. № 500/2011 (в ред. від 6 квітня 2012 р.) [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/500/2011>
213. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — М.: АСТ, Восток-Запад, 2007. — 314 с.
214. Попова О. Агросфера: соціоекономічний зміст і засади сталого розвитку / О. Попова // Економіка України. — 2012. — № 35(604). — С. 73–84.
215. Попова О. Л. Екодіагностика природно-господарської організації території України: агроландшафтний аспект / О. Л. Попова // Екон. і прогнозування. — 2012. — № 3. — С. 92–101.
216. Правове регулювання екологічних, аграрних та земельних відносин в Україні: сучасний стан і напрями вдосконалення: Монографія / [А. П. Гетьман, М. В. Шульга, А. М. Статівка та ін]; За ред. А. П. Гетьмана, В. Ю. Уркевича. — Харків: Право, 2012. — 448 с.
217. Пресняков В. Н. Территориальная организация локальных агропромышленных комплексов различных уровней / В. Н. Пресняков // Вестн. Мордов. ун-та. — 2008. — № 1. — С. 72–76.
218. Прикордонні території України, Білорусі та Польщі дадуть фору іншим [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://zik.ua/ua/news/2010/12/14/261725>
219. Притула Х. М. Інтенсифікація процесів реструктуризації регіональної економіки як передумова збалансованого розвитку сільських територій / Х. М. Притула // Соціально-економічні проблеми сучасного періоду України. Пріоритети та механізми соціально-економічного розвитку сільських територій: [Зб. наук. праць] / Редкол.: В. С. Кравців (відп. ред.). — Львів: Ін-т регіональних досліджень НАН України, 2013. — Вип. 6 (104). — С. 140–149.

220. Притула Х. М. Класифікація сільських територій у контексті формування пріоритетів їх розвитку: регіональні аспекти / Х. М. Притула // Економіка АПК. — 2013. — № 9 (227). — С. 71–78.
221. Про визнання таким, що втратило чинність Розпорядження Кабінету Міністрів України від 2 лютого 2010 р. № 121: Розпорядження Кабінету Міністрів України від 2 вересня 2010 р. № 1761-р [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/lavs/show/1761-2010-p>
222. Про внесення змін в Закон України «Про стимулювання розвитку регіонів» від 25 червня 2009 р. № 1562-VI // Офіц. вісн. України. — 2009. — № 53. — С. 42–43.
223. Про Генеральну схему планування території України: Закон України від 7 лютого 2002 р. № 3059-14 (в ред. від 18 листопада 2012 р.) [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://zakon4.gov.ua/laws/show/3059-14>
224. Про державні цільові програми: Закон України від 18 березня 2004 р. № 1621-IV (в ред. від 2 грудня 2012 р.) [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/lavs/show/1621-15>
225. Про державно-правовий експеримент розвитку місцевого самоврядування в м. Ірпені, селищах Буча, Ворзель, Гостомель, Коцюбинське Київської області: Закон України від 5 квітня 2001 р. № 2352-III // Територіальна організація влади в Україні: статус і повноваження місцевих органів виконавчої влади та органів місцевого самоврядування / За заг. ред. А. П. Зайця. — К.: Видав. дім «Ін Юре», 2002. — С. 232–243.
226. Про запровадження оцінки міжрегіональної та внутрішньої диференціації соціально-економічного розвитку регіонів: Постанова Кабінету Міністрів України від 20 травня 2009 р. № 475 // Офіц. вісн. України. — 2009. — № 37. — С. 32–36.
227. Про затвердження Галузевої програми соціально-економічного розвитку сільських територіальних громад (модельного проекту «Нова сільська громада»): Наказ Міністерства аграрної політики України від 1 червня 2010 р. № 2890 [Електронний ресурс]. — Режим доступу: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/
228. Про затвердження Державної програми соціально-економічного розвитку Автономної Республіки Крим на період до 2017 року: Постанова Кабінету Міністрів України від 30 серпня 2007 р. № 1067 // Офіц. вісн. України. — 2007. — № 72. — С. 12–43.
229. Про затвердження Державної Стратегії регіонального розвитку на період до 2020 року: Постанова Кабінету Міністрів України від 6 серпня 2014 р. № 385 [Електронний ресурс]. — Режим доступу: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/KP140385.html
230. Про затвердження Державної цільової програми розвитку українського села на період до 2015 року: Постанова Кабінету Міністрів України від

- 19 вересня 2007 р. № 1158 (в ред. від 20 грудня 2013 р.) [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1158-2007-p>
231. Про затвердження Загальнодержавної програми розвитку малих міст: Закон України від 4 березня 2004 року № 1580-IV // Офіц. вісн. України. — 2004. — № 13. — С. 17–51.
232. Про затвердження Концепції збалансованого розвитку агроєкосистем в Україні на період до 2025 року: Наказ Міністерства аграрної політики України від 20 серпня 2003 р. № 280 [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://www.uazakon.com/document/fpart88/idx88535.htm>
233. Про затвердження критеріїв оцінки стану соціально-економічного розвитку сільських територіальних громад, складу комісії та Положення про неї: Наказ Міністерства аграрної політики України від 22 червня 2010 р. № 342 [Електронний ресурс]. — Режим доступу: http://search.ligazakon.ua/1_doc2.nsf/link1/FIN57677.html
234. Про затвердження Методичних рекомендацій з розроблення положення про структурний підрозділ агропромислового розвитку місцевої державної адміністрації: Наказ Міністерства аграрної політики та продовольства України від 21 листопада 2012 р. № 722 [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://minagro.gov.ua/ministry?nid=2721>
235. Про затвердження Положення про Міністерство регіонального розвитку, будівництва та житлово-комунального господарства України: Указ Президента України від 31 травня 2011 р. № 633/2011 (в ред. від 9 липня 2011 р.) [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/633/2011>
236. Про затвердження Правил відтворення лісів: Постанова Кабінету Міністрів України від 1 березня 2007 р. № 203 // Офіц. вісн. України. — 2007. — № 16. — С. 15–18.
237. Про затвердження Програми комплексного розвитку Українського Приднунав'я на 2004–2011 роки: Постанова Кабінету Міністрів України від 31 березня 2004 р. № 428 (в ред. від 7 жовтня 2009 р.) [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/428-2004-П>
238. Про Консультативну раду з питань розвитку сільського господарства та сільських територій: Указ Президента України від 30 квітня 2009 р. № 280/2009 // Офіц. вісн. України. — 2009. — № 33. — С. 39.
239. Про Концепцію державної регіональної політики: Указ Президента України від 25 травня 2001 р. № 341/2001 // Територіальна організація влади в Україні: статус та повноваження місцевих органів виконавчої влади та органів місцевого самоврядування / За заг. ред. А. П. Зайця. — К.: Видав. дім «Ін Юре», 2002. — С. 263–271.
240. Про Концепцію Національної програми відродження села на 1995–2005 роки: Закон України від 4 лютого 1994 р. № 3924-12 [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://agroua.net/laus.index.php?docid=94>

241. Про Концепцію розвитку сільських територій (проект Розпорядження Кабінету Міністрів України) [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://minagro.gov.ua/apk?nid=1-183>
242. Прокопа І. Депресивність аграрних територій: український вимір / І. Прокопа, Л. Шепотько // Економіка України. — 2003. — № 7 (500). — С. 59–66.
243. Про курорти: Закон України від 19 січня 2009 р. № 3370-IV [Електронний ресурс]. — Режим доступу: http://www.search.ligazakon.ua/1_doc2.nsf/link1/t002026.htm1
244. Про Концепцію сталого розвитку населених пунктів: Постанова Верховної Ради України від 24 грудня 1999 р. № 1359-XIV [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1359-XIV>
245. Прокопа И. Сельские территории Украины: исследование и регулирование развития / И. Прокопа // Экономика Украины. — 2007. — № 6(539). — С. 50–59.
246. Про основні засади державної аграрної політики на період до 2015 року: Закон України від 18 жовтня 2005 р. № 2982-IV [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2982-15>
247. Про основні засади (стратегію) державної екологічної політики України на період до 2020 року: Закон України від 21 грудня 2010 р. № 2818-VI [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2818-17>
248. Про основні засади розвитку соціальної сфери села: Указ Президента України від 20 грудня 2000 р. № 1356/2000 [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1356/2000>
249. Про основні напрями розвитку агропромислового комплексу України: Указ Президента України від 29 квітня 1998 р. № 389/98 [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/389/98>
250. Про охорону земель: Закон України від 19 червня 2003 р. № 962 [Електронний ресурс]. — Режим доступу: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/994_154
251. Про оцінку земель: Закон України від 11 грудня 2003 р. № 1378-IV (в ред. від 26 лютого 2009 р.) [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://www.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=1378-15>
252. Про планування територіальної інфраструктури сільської місцевості: проект Закону України [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc34?id=8pf3511=24247...>
253. Про порядок вирішення питань адміністративно-територіального устрою Української РСР: Указ Президії Верховної Ради Української РСР від 12 березня 1981 р. № 1654-X // Територіальна організація влади в Україні: статус і повноваження місцевих органів виконавчої влади та органів місцевого самоврядування / За заг. ред. А. П. Зайця. — К.: Видав. дім «Ін Юре», 2002. — С. 285–289.

254. Про природно-заповідний фонд України: Закон України від 16 червня 2006 р. № 2456-ХІІ (в ред. від 26 квітня 2014 р.) [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2456-12>
255. Про пріоритетність соціального розвитку села та агропромислового комплексу в народному господарстві: Закон УРСР від 17 жовтня 1990 р. № 400-ХІІ (в ред. від 10 червня 2012 р. № 4721-17 [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/400-12>
256. Про регулювання містобудівної діяльності: Закон України від 17 лютого 2011 р. № 3038-VI (в ред. від 16 жовтня 2013 р.) [Електронний ресурс]. — Режим доступу: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T113038.html
257. Про сільське господарство (проект Закону України станом на 17 травня 2012 р.) [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://cg.gov.ua/.../2012/...>
258. Про сільськогосподарську дорадчу діяльність: Закон України від 17 червня 2004 р. № 1807-IV (в ред. від 2 грудня 2010 р.) [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://dru.gov.ua/show/1244>
259. Про статус гірських населених пунктів України: Закон України від 15 лютого 1995 р. № 56/95-ВР [Електронний ресурс]. — Режим доступу: [http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?meg-56 %2F95- %E2 %FO](http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?meg-56%2F95-%E2%FO)
260. Простенко А. Н. Типизация как инструмент социально-экономического развития сельских территорий: Автореф. дис. ... канд. экон. наук: спец. 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством [Электронный ресурс] / Простенко Александр Николаевич; ВНИИ ЭТУСХ РАСХН-ГНУ. — М., 2013. — Режим доступа: http://dibase.ru/artikl/22032013_112773_prostenko
261. Про стимулювання розвитку регіонів: Закон України від 8 вересня 2005 р. № 2850-IV // Офіц. вісн. України. — 2005. — № 40. — С. 25–30.
262. Про стимулювання розвитку сільського господарства на період 2001–2004 років: Закон України від 18 січня 2001 р. № 2238-III (в ред. від 26 червня 2001 р.) [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2238-14>
263. Про Стратегію розвитку аграрного сектору економіки на період до 2020 року: Розпорядження Кабінету Міністрів України від 17 жовтня 2013 р. № 806-р [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/806-2013-p>
264. Про схвалення Концепції Державної цільової програми сталого розвитку сільських територій на період до 2020 року: Розпорядження Кабінету Міністрів України від 3 лютого 2010 р. № 121-р [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/121-2010-p>
265. Про схвалення Концепції Загальнодержавної програми соціального розвитку на період до 2011 року: Розпорядження Кабінету Міністрів України від 10 серпня 2004 р. № 573-р [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/573-2004-p>

266. Про схвалення Концепції Комплексної програми підтримки розвитку українського села на 2006–2010 роки: Розпорядження Кабінету Міністрів України від 21 грудня 2005 р. № 536-р [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/536-2005-p>
267. Про схвалення Стратегії виконання Рамкової конвенції про охорону та сталий розвиток Карпат: Розпорядження Кабінету Міністрів України від 16 січня 2007 р. № 11-р // *Офіц. вісн. України*. — 2007. — № 3. — С. 27–30.
268. Про упорядкування сільської поселенської мережі (проект Закону України станом на 10 березня 2010 р.) [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://rada.gov.ua/pls/.../wehproc34?id...>
269. Про упорядкування сільської поселенської мережі, поглиблення принципів місцевого самоврядування у сільській місцевості та сприяння деурбанізації народонаселення (проект Закону України станом на 5 лютого 2009 р.) [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc34?id=8pf3511=34368...>
270. Про утворення Міжвідомчої координаційної ради з питань розвитку сільських територій: Постанова Кабінету Міністрів України від 27 грудня 2008 р. № 1124 // *Офіц. вісн. України*. — 2008. — № 8. — С. 315–317.
271. Радченко В. П. Востребованность потенциала маркетинга в механизмах развития человеческих ресурсов села [Электронный ресурс] / В. П. Радченко. — Режим доступа: <http://www.gosthelp.m-economy.ru/art.php?nArtId=2478>
272. Развитие агропромышленного комплекса: национальный проект от 21 декабря 2005 г., утвержденный президиумом Совета при Президенте Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.horsebazaar.ru/arhive/2-21/5-nacionalnyj-proekt-razvitiya-apk.html>
273. Ревін В. Оцінка розвитку перспектив сільськогосподарського виробництва в регіонах України / В. Ревін, С. Цюпко // *Регіон. економіка*. — 2000. — № 3 (15). — С. 104–111.
274. *Регіони України. 2013: стат. зб. Частина I* / За ред. О. Г. Осауленка — К.: Державна служба статистики України, 2013. — 322 с.
275. *Регіони України. 2013: стат. зб. Частина II* / За ред. О. Г. Осауленка. — К.: Державна служба статистики України, 2013. — 783 с.
276. Реформвання соціальної сфери села: організаційно-методичні засади / За ред. П. Т. Саблука. — К.: ІАЕ УААН, 2000. — 475 с.
277. Роговская Н. В. Программно-целевой подход в исследовании стратификации сельской местности (на примере Алтайского края) [Электронный ресурс] / Н. В. Роговская, М. А. Григорьева. — Режим доступа: <http://www.izdatgeo.ru/pdf/gipr/2011-4/124/pdf>
278. Роговская Н. В. Типология сельских территорий на региональном уровне [Электронный ресурс] / Н. В. Роговская. — Режим доступа: http://www.timacad.ru/conf_news/section2/Rogovskaya_ru.pdf

279. Родоман Б. Б. Поляризованная биосфера: Сб. статей / Б. Б. Родоман. — Смоленск: Ойкумена, 2002. — 336 с.
280. Розвиток транскордонного співробітництва України в умовах розширеного ЄС [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://www.niss.viv.ua/analytics/68.htm>
281. Руденко Л. Г. Природно-ресурсний потенціал як чинник економічного зростання в Україні / Л. Г. Руденко, С. А. Лісовський // Укр. геогр. журн. — 2001. — № 3. — С. 17–27.
282. Руденко М. Енергія прогресу. Нариси з фізичної економії / М. Руденко. — Тернопіль: Джура, 2004. — 412 с.
283. Сабирова А. И. Методические подходы к определению уровня урбанизации сельских территорий [Электронный ресурс] / А. И. Сабирова. — Режим доступа: <http://kai.gov.kz/magazine/vestnik022012/466-metodolodho dykopredurovnyaurbanyz>
284. Саблук П. Т. Розвиток сільських територій в контексті забезпечення економічної стабільності держави: доповідь на Сьомих річних зборах Всеукраїнського конгр. вчен. економістів-аграрників (м. Київ, 2–10 листопада 2005 р.) / П. Т. Саблук. — К.: ННЦ «Ін-т аграрної економіки» УААН, 2005. — 19 с.
285. Саблук П. Т. Розвиток сільських територій — запорука відродження аграрної України / П. Т. Саблук // Вісн. аграр. науки. — 2006. — № 5. — С. 21–23.
286. Свитин В. Критерии и опыт выявления депрессивных территорий [Электронный ресурс] / В. Свитин. — Режим доступа: http://Belzeminfo.by/archiv/2008_02/DepresTerritory.pdf
287. Село (деревня) // Социология: Энциклопедия [Электронный ресурс] / Сост. А. А. Грищанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. — Режим доступа: <http://voluntary.ru/dictionary/568/word/selo-derevnja>
288. Сельская местность [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_geo/7113/сельская
289. Сельскохозяйственные территории высокой природной ценности субрегиона ВЕКЦА: Видение экспертов Европейского ЭКО-Форума из стран субрегиона [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.biotica-moldova.org/library/HNVFVission %20rus.pdf](http://www.biotica-moldova.org/library/HNVFVission%20rus.pdf)
290. Сільське господарство України. 2012: стат. зб. / За ред. Н. С. Власенко. — К.: Державна служба статистики України, 2013. — 402 с.
291. Сільський сектор України на рубежі тисячоліть: У 2 т. / Л. О. Шепотько, І. В. Прокопа, С. О. Гудзинський та ін. — К.: Ін-т економіки НАН України, 2000. — Т. 1: Потенціал сільського сектора. — 396 с.
292. Сільський сектор України на рубежі тисячоліть: У 2 т. / Л. О. Шепотько, І. В. Прокопа, С. О. Гудзинський, В. Д. Яворський. — К.: Ін-т економіки НАН України, 2003. — Т. 2: Соціальні ресурси сільських територій. — 466 с.

293. Скакун О. Ф. О термино-понятиях «типология», «типологизация», «тип» в сравнительном правоведении / О. Ф. Скакун // Учен. запiski Таврического ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. Юрид. науки. — 2007. — Т. 20 (59), № 2. — С. 104–107.
294. Скопин А. Ю. Введение в экономическую географию: Учеб. пособ. / А. Ю. Скопин. — М.: Владос, 2001. — 348 с.
295. Скрипиль И. А. Взаимодействие городских и сельских территорий в экономическом пространстве региона: Автореф. дис. ... канд. экон. наук: спец. 08.00.05 — «Экономика и управление народным хозяйством: региональная экономика» / Скрипиль Ирина Александрова; КубГУ. — Краснодар, 2011. — 24 с.
296. Смирнова Р. А. Сельские регионы как субъект социологического исследования / Р. А. Смирнова // Социол. альманах. — 2012. — № 3. — С. 290–302.
297. Смирнягин Л. В. Территориальная морфология российского общества как отражение регионального чувства в русской культуре / Л. В. Смирнягин // Региональное самосознание как фактор формирования региональной политической культуры в России. — М.: МОНФ, 1999. — С. 182–198.
298. Соловьев С. М. Чтения и рассказы по истории России / С. М. Соловьев. — М.: Правда, 1989. — 462 с.
299. Сосюра Д. А. К вопросу идентификации сельской экономики [Электронный ресурс] / Д. А. Сосюра. — Режим доступа: <http://www.gosthelp.m-economy.ru/art.php?nArtId=3305>
300. Соціальні індикатори рівня життя населення: стат. зб. / Відп. за вип. І. В. Калачова. — К.: Державна служба статистики України, 2013. — 221 с.
301. Соціально-економічні проблеми розвитку українського села і сільських територій: матеріали до Сьомих річних зборів Всеукраїнського конгр. вчен. економістів-аграрників (м. Київ, 9–10 листопада 2005 р.). — К.: ННЦ «Ін-т аграрної економіки» УААН, 2005. — 83 с.
302. Стадницький Ю. Сталий соціально-економічний розвиток гірських регіонів / Ю. Стадницький // Регіон. економіка. — 2004. — № 3 (33). — С. 78–88.
303. Сталий людський розвиток: забезпечення справедливості: Нац. доповідь / Кер. авт. колективу Е. М. Лібанова. — Умань: Видав.-поліграф. центр «Візаві», 2012. — 412 с.
304. Стародубровская И. В. Проблемы сельского развития в условиях муниципальной реформы в России / И. В. Стародубровская, Н. И. Миронина. — М.: Ин-т Гайдара, 2010. — 116 с.
305. Статистичний щорічник України за 2012 рік / За ред. О. Г. Осауленка. — К.: Державна служба статистики України, 2013. — 552 с.
306. Сударкін О. О. Еколого-економічна оцінка інвестиційної привабливості територій туристично-рекреаційної спрямованості: Автореф.

- дис. ... канд. екон. наук: спец. 08.08.01 «Економіка природокористування і охорони навколишнього середовища / Сударкін Олександр Олександрович; ІПРЕЕД НАН України. — Одеса, 2006. — 20 с.
307. Талавирия М. П. Організаційно-економічний механізм державної підтримки розвитку сільських територій / М. П. Талавирия // Економіка АПК. — 2011. — № 11(205). — С. 120—124.
308. Ташмагамбетов Т. Ж. Сельские территории: понятие, функции, развитие [Электронный ресурс] / Т. Ж. Ташмагамбетов. — Режим доступа: <http://www.be5.biz/economika1/r2010/01517.htm>
309. Теорія, політика та практика сільського розвитку / За ред. О. М. Бородіної, І. В. Прокопи. — К.: Ін-т економіки та прогнозування НАН України, 2010. — 376 с.
310. Титоренко А. М. Развитие агротуризма в рамках трансграничного сотрудничества / А. М. Титоренко // Агротуризм: опыт, проблемы, решения: материалы междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. И. Л. Воронникова. — Саратов: ФГБОУ ВПО «Саратовский ГАУ», 2012. — С. 154—156.
311. Тойнби А. Дж. Цивилизации перед судом истории: Сборник / А. Дж. Тойнби; Пер. с англ. — 2-е изд. — М.: Айрис-пресс, 2003. — 593 с.
312. Топчиев А. Г. Геоэкология: географические основы природопользования / А. Г. Топчиев. — Одеса: Астропринт, 1996. — 392 с.
313. Топчієв О. Г. Суспільно-географічні дослідження: методологія, методи, методика: Навч. посіб. / О. Г. Топчієв. — Одеса: Астропринт, 2005. — 632 с.
314. Тоффлер Е. Третья волна / Е. Тоффлер; Пер. з англ. А. Євса. — К.: Видав. дім «Весвіт», 2000. — 480 с.
315. Трейвиш А. И. «Сжатие» пространства: трактовка модели / А. И. Трейвиш // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. — М.: Ин-т географии РАН, 2010. — С. 146—163.
316. Трофимов А. М. Территориальная идентификация в географии и вернакулярные районы [Электронный ресурс] / А. М. Трофимов, М. Д. Шарыгин, Н. Н. Исмаилов. — Режим доступа: http://www.geo-vestnik.psu.ru/files/vest/84_territorialbnaq_identificiq_v_geografii.pdf
317. Троцкий А. Я. Развитие села в условиях урбанизации (на примере Западной Сибири) / А. Я. Троцкий. — Новосибирск: Наука, 1985. — 165 с.
318. Туристична діяльність в Україні у 2011 році: стат. бюл. / Відп. за вип. І. В. Калачова. — К.: Державна служба статистики України, 2012. — 76 с.
319. Туристична діяльність в Україні у 2012 році: стат. бюл. / Відп. за вип. І. В. Калачова. — К.: Державна служба статистики України, 2013. — 272 с.
320. Тюнен фон И. Г. Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономии / И. Г. фон Тюнен. — М., 1926. — 213 с.

321. Угорский проект: экология и люди ближнего Севера / Под ред. Н. Е. Покровского. — М.: Наука, 2008. — 286 с.
322. Україна. 2012: стат. зб. / Відп. за вип. О. Е. Остапчук — К.: Державна служба статистики України, 2013. — 27 с.
323. Україна: основні тенденції взаємодії суспільства і природи у ХХ ст. (географічний аспект) / За ред. Л. Г. Руденка. — К.: Академперіодика, 2005. — 320 с.
324. Україна у цифрах у 2012 році: стат. зб. / За ред. О. Г. Осауленка. — К.: Державна служба статистики України, 2013. — 249 с.
325. Українська модель аграрного розвитку та її соціоекономічна переорієнтація: наук. доп. / [О. М. Бородіна, В. М. Геєць, А. О. Гуторов та ін.]; За ред. В. М. Геєця, О. М. Бородіної, І. В. Прокопи. — К.: Ін-т економіки та прогнозування НАН України, 2012. — 56 с.
326. Українське село: проблеми і перспективи / За ред. Л. О. Шепотько. — К.: Урожай, 1991. — 240 с.
327. Управление развитием сельских муниципальных образований в аспекте экономического взаимодействия отраслей: Монография / Под ред. А. М. Елисеєва. — Томск: Изд-во Томского гос. архит.-строит. ун-та, 2011. — 120 с.
328. Уркевич В. Ю. Про категорію «сталий розвиток сільських територій» / В. Ю. Уркевич // Сучасне земельне, аграрне, екологічне та природоресурсне право: актуальні проблеми теорії та практики: Матер. Міжнар. наук.-практ. конф. (м. Біла Церква, 21–22 травня 2010 р.). — Біла Церква: БНАУ, 2010. — С. 24–26.
329. Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. — М.: Сов. энциклопедия, 1983. — 840 с.
330. Філіпенко А. С. Глобальні форми економічного розвитку: історія і сучасність / А. С. Філіпенко. — К.: Знання, 2007. — 582 с.
331. Хвесик М. А. Стратегічні імперативи раціоналізації землекористування в контексті соціально-економічного піднесення України / М. А. Хвесик // Стенограма Одинадятих річних зборів Всеукраїнського конгр. вчен. економістів-аграрників (м. Київ, 26–27 лютого 2009 р.). — К.: ННЦ «ІАЕ», 2009. — С. 47–56.
332. Хорологическая концепция А. Геттнера: консерватизм и прогрессивность [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vseprostrany.ru/index.php/2011-12-03-17-28-44|2012-01-22-11-53-55/586-2012-01-22-11-08-09.html>
333. Хорунжий М. Й. Аграрна сфера і сільська економіка: суть, взаємозв'язок, проблеми розвитку / М. Й. Хорунжий // Інституційні засади трансформацій в аграрній сфері: Зб. матер. Тринадцятих річних зборів Всеукраїнського конгр. вчен. економістів-аграрників (м. Київ, 20–21 червня 2011 р.) / Редкол.: П. Т. Саблук та ін. — К.: ННЦ «ІАЕ», 2011. — С. 439–447.

334. Цофнас А. Ю. Теория систем и теория познания: Монография / А. Ю. Цофнас. — Одесса: Астропринт, 1999. — 308 с.
335. Черевко Г. Зрівноважений розвиток сільських територій / Г. Черевко // Аграр. економіка. — 2010. — Т. 3, № 1–2. — С. 77–84.
336. Чернюк Л. Г. Лізинг в системі розвитку сільських територій / Л. Г. Чернюк // Зб. наук. праць ВНАУ. Сер.: Економ. науки. — 2012. — № 2(64). — С. 211–216.
337. Чижевский А. Физические факторы исторического процесса / А. Чижевский [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://astrologic.ru/library/chizhevsky/index.htm>
338. Чисельність наявного населення на 1 січня 2013 року: стат. зб. / Відп. за вип. Г. М. Тимошенко. — К.: Державна служба статистики України, 2013. — 112 с.
339. Шаблій О. І. Основи загальної суспільної географії: Підруч. / О. І. Шаблій. — Львів: ЛНУ, 2003. — 444 с.
340. Шайкин В. В. Развитие сельской местности. Теория и практика: Учеб. пособ. / В. В. Шайкин, Р. Г. Ахматов. — М.: Изд-во МСХА, 2001. — 54 с.
341. Шарыгин М. Д. Региональная организация общества (теоретико-методологические проблемы совершенствования) / М. Д. Шарыгин. — Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1992. — 204 с.
342. Швебс Г. И. Концепция природно-хозяйственных систем и вопросы рационального природопользования / Г. И. Швебс // Геогр. и природные ресурсы. — 1987. — № 4. — С. 18–28.
343. Швебс Г. И. Концепция природно-хозяйственных территориальных систем как новой основы организации сельскохозяйственного природопользования / Г. И. Швебс // Физическая геогр. и геоморфология. — 1989. — Вып. 36. — С. 20–30.
344. Шевчук В. О. Фізико-економічне мислення як атрибут сталості господарювання / В. О. Шевчук // Сталий розвиток та безпека агропродовольчої сфери України в умовах глобалізаційних викликів: Монографія / [Павлов О. І., Хвесик М. А., Юрчишин В. В. та ін.]; За ред. О. І. Павлова. — Одеса: Астропринт, 2012. — С. 35–50.
345. Шенк Ф. Б. Ментальне карти: конструювання географічного пространства в Європе от епохи Просвещения до наших дней / Ф. Б. Шенк // Новое литер. обозрение. — 2001. — № 6 (52). — С. 42–61.
346. Шигонський В. С. Ідентифікація понятійного апарату дослідження проблеми водокористування у населених пунктах сільських територій [Електронний ресурс] / В. С. Шигонський. — Режим доступа: http://www.znau.edu.ua/visnik/2011_1_2/395.pdf
347. Шингель Н. А. Правовое регулирование устойчивого развития сельских территорий [Электронный ресурс] / Н. А. Шингель. — Режим доступа: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/28731/1/13_шингель.pdf

348. Шпенглер О. Закат Европы: В 2 т. / О. Шпенглер; Пер. с нем. И. И. Махонькова. — М.: Айрис-пресс, 2003. — 624 с.
349. Шубарт В. Европа и душа Востока / В. Шубарт; [Пер. с нем. Назаров М. В., Антипенко Э. Г.]; Коммент. Назаров М. В. — М.: ЭКСМО-Алгоритм, 1997. — 480 с.
350. Щербатюк В. В. Організація становлення сільських територій первинного (базового) рівня в системі сільського розвитку (на матеріалах Чернігівської області): Дис. ... канд. екон. наук: спец. 08.00.03 [Електронний ресурс] / Щербатюк Вікторія Василівна; ННЦ «ІАЕ» УААН. — К., 2009. — Режим доступу: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/255544.html>
351. Юрчишин В. В. Базові основи переорієнтації розвитку вітчизняної агро-сфери на засадах соціоекономіки / В. В. Юрчишин // Сталій розвиток та безпека агропродовольчої сфери України в умовах глобалізаційних викликів: Монографія / [Павлов О. І., Хвесик М. А., Юрчишин В. В. та ін.]; За ред. О. І. Павлова. — Одеса: Астропринт, 2012. — С. 464–478.
352. Юрчишин В. В. Сільські території як системоутворюючі фактори розвитку аграрного сектору економіки / В. В. Юрчишин // Економіка АПК. — 2005. — № 3(125). — С. 3–10.
353. Яковец Ю. В. История цивилизаций: Учеб. пособ. для студентов вузов гуманитар. профиля / Ю. В. Яковец. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. — 352 с.
354. Якуба К. І. Трудовий потенціал сільських територій / К. І. Якуба // Вісн. аграр. науки. — 2007. — № 6. — С. 72–75.
355. Bicanic R. Turning Points of Economic Development / R. Bicanic. — Paris: The Hague; Mouton, 1972. — 376 с.
356. Friedmann J. Regional Development as a Policy Issue / J. Friedmann, W. Alonso // Regional Development and Planning. — Cambridge (Mass.), 1964. — P. 30–46.
357. Green G. Amenities and Rural Development: theory, methods and public policy / G. Green, S. Deller, D. Marcouiller; edited by G. Green. — Massachusetts: Massachusetts university, 2005. — 338 p.
358. Hale R. N. Map of Vernacular regions in America / R. N. Hale. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 1971. — 264 p.
359. Jordan T. Perceptual Regions of Texas / T. Jordan // Geographical Review. — 1978. — № 3, vol. 68. — P. 72–84.
360. Krugman P. Geography and Trade / P. Krugman. — Cambridge, MA: MIT Press, 1991. — 476 p.
361. Musgrave R. A. The Theory of Public Finance / R. A. Musgrave. — N. Y.; London, 1959. — 462 p.
362. Scott J. C. Moral Economy of Peasant. Rebellion and Subsistence in Southeast Asia / J. C. Scott. — New Haven; London, 1976. — 512 p.
363. Shanin T. Defining Peasants / T. Shanin. — Oxford, 1990. — 236 p.

Павлов А. И.

П121 Идентификация и классификация сельских территорий: теория, методология, практика : монография / А. И. Павлов. — Одесса : Астропринт, 2015. — 344 с.

ISBN 978–966–190–962–4

В монографии определен понятийно-категориальный аппарат исследования, сформировано системное представление о сельских территориях, раскрыты теоретические и методологические основы их классификации, охарактеризованы тенденции, стратегические направления и политика интегрированного развития этих природных и социально-пространственных образований.

Издание рассчитано на научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, всех тех, кого беспокоит будущее украинского села и страны в целом.

УДК 911.373/.374
ББК 65.042

У монографії визначено понятійно-категоріальний апарат дослідження, сформовано системне уявлення про сільські території, розкрито теоретичні і методологічні основи їх класифікації, охарактеризовано тенденції, стратегічні напрями і політику інтегрованого розвитку цих природних і соціально-просторових утворень.

Видання розраховане на науковців, викладачів, аспірантів, студентів, всіх тих, кого турбує майбутнє українського села і країни в цілому.

Наукове видання

ПАВЛОВ Олександр Іванович

**ІДЕНТИФІКАЦІЯ
І КЛАСИФІКАЦІЯ
СІЛЬСЬКИХ ТЕРИТОРІЙ:
теорія, методологія, практика**

Монографія

Російською мовою

Завідувачка редакції *Т. М. Забанова*
Редактор *Н. Я. Рихтік*
Технічний редактор *М. М. Бушин*
Дизайнер обкладинки *В. І. Костецький*
Коректор *І. В. Шепельська*

Формат 60x84/16. Ум. друк. арк. 20,0.
Тираж 300 прим. Зам. № 636 (16).

Видавництво і друкарня «Астропринт»
65091, м. Одеса, вул. Разумовська, 21
Тел.: (0482) 37-07-95, 37-14-25, 33-07-17, (048) 7-855-855
www.astroprint.odessa.ua

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 1373 від 28.05.2003 р.